Пол Ди Филиппо

Вавилонские сестры и другие человеки

«Блистательно извращенное воображение. Энди и циничные трупы. Откровенно невозможно!»

Хоуп Хэрчеви

НФ: Территория фантастики

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Четырнадцать худших вариантов будущего человечества. Города, разделенные на окруженные неприступными стенами непрестанно воюющие анклавы...

Миллионы людей, умирающих от неизвестного вируса...

Африка, ставшая новым оплотом «технологического прогресса» и диктующая свою волю остальным континентам...

Ангелы-"чужие", на свой лад определившие, каким должно быть счастье землян...

И это – еще самые невинные из сюжетов жутковатых и смешных рассказов великолепного нового сборника Пола Ди Филиппе!

- Пол Ди Филипо
  - Проблемы выживания
  - Краткий курс любви к живописи
  - Филогенез
  - Вавилонский вор
  - Солитоны
  - Гравитоны
    -
    - 10 июня
    - 11 июня
    - 12 июня
    - 13 июня
    - 14 июня
    - 15 июня
    - 16 июня
    - 17 июня
    - 19 июня
    - 20 июня
    - 23 июня
    - 24 июня
    - 25 июня
    - 26 июня
    - 27 июня
    - 28 июня
    - 29 июня
    - 30 июня
  - Любой крутой чувак...
  - Восхождение Попрыгунчика
    -

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11

- Отто и Тото в Оорте
- Пожизненное заключение
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
- Создатели ангелов
- Непокорная книга
- Вавилонские сестры
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
- Путешествие скэба[7](в соавторстве с Брюсом

Стерлингом)
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Пол Ди Филипо
Вавилонские сестры и другие постчеловеки

Проблемы выживания

© Перевод. А. Комаринец, 2006.

Запахи, словно пары вонючего супа, клубятся вокруг офиса Иммиграционной службы. Пот отчаявшихся мужчин и женщин, гниющие отбросы, усеявшие запруженную улицу, пряный запах одеколона вокруг одного из охранников у внешней двери. Смесь крепкая, почти удушающая для любого, кто родился за пределами Джунксa, но Камень к ней привык. Из подобных запахов состоит единственная атмосфера, которую он когда-либо знал, это его родная среда: близких знакомых не презирают.

Соперничая с вонью, наплывает шум: грубые голоса ссоры, скулящие голоса мольбы. «Не пихайся, придурок ты этакий!», «Если поделишься, я с тобой, детка, по-доброму обойдусь». У дверей «иммиграционки» искусственный голос зачитывает список вакансий на сегодняшний день, бесконечно крутит один и тот же цикл дрянных вариантов.

– ...тестировать новые аэрозольные противопехотные токсины; «4М» заключает контракт на омоложение по методам Цитрин для выживших. «Макдоллел Дуглас» ищет высокоорбитных вакуумщиков. Обязательно согласие на импринтинг памяти...

Никто за этими работами не бежит. Ни один голос не молит охранников впустить. Только те, кто навлек на себя невозможные долги, за кем охотятся внутри самого Джунксa, хватаются за задания по десятой категории – подачки «иммиграционки». Камень точно знает, что ему таких предложений не надо. Как и все остальные, он торчит возле Иммиграционной службы просто потому, что она центр притяжения, место сбора, столь же важное, как водопой на Серенгети, где маскируются под бизнес подленькие предложения «по рукам» и крутые сделки перекупки в зоне свободного предпринимательства Южного Бронкса, иначе говоря – в Джунглях Бронкса, или же просто в Джунксе.

Жар плавит шумную толпу, делая ее раздражительнее обычного – опасная ситуация. От сверхнастороженности у Камня пересыхает в глотке. Потянувшись за висящей на бедре кодированной на его прикосновение пластиковой фляжкой, он берет ее и льет в горло затхлую воду. Пусть и затхлая, но безопасная, думает он, упиваясь этим тайным знанием. Подарок судьбы, что он вообще наткнулся на чуть подтекающую трубу в том месте, где окружающий Джункс забор пересекает реку. Чистую воду он учуял, как собака, издалека и, проведя ладонями по прохладной трубе, обнаружил трещинку. Теперь он накрепко

запомнил все многочисленные ориентиры, по которым ее можно найти.

Шаркая в толпе голыми мозолистыми ступнями (поразительно, сколько информации можно получить через них, а что, как не информация, сохраняет душу в теле?), Камень выискивает крупицы сведений, которые помогут ему выжить еще один день в Джунксе. Выживание – его главная, его единственная забота. Если после того, что он вынес, у него и осталась крупица гордости, то он гордится тем, что еще жив.

Нахальный голос утверждает:

– Я запустил темпоралку, чувак, на том и драке конец. Через полминуты все трое – трупы.

Слушатель восхищенно присвистывает. Воображение рисует Камню, что он находит ворованную темпоралку и продает ее за невероятную сумму, которую потом тратит на сухое, безопасное место, чтобы поспать и набить вечно пустое брюхо. Чертовски маловероятно, но можно ведь человеку помечтать.

От мысли о еде у него сводит желудок. Он кладет правую руку на шершавый, покрытый коростой грязи кусок ткани, прикрывающей его диафрагму. Палец пронзает боль (загноившийся порез). Камень предполагает, что это инфекция. Но пока не завоняет, наверняка не узнаешь.

Медленное продвижение сквозь тела и голоса приводит его почти к входу в «иммиграционку». Он ощущает пустое пространство между толпой и охранниками, полукруг уважения и страха. Уважение порождено статусом охранников (имеют работу!), страх – их оружием.

Однажды некто – сосланный преступник с толикой образования – описал Камню это оружие. Длинные, увесистые трубки с выступом посередине, где находятся колебательные магниты. Пластмассовый приклад. Оружие испускает пучки электронов, движущихся с почти околосветовой скоростью. Если по тебе пройдется серп луча, кинетическая энергия разнесет тебя, как молоток – ядро ореха. Если серп промахнется, сдохнешь через несколько часов от лучевой болезни, поскольку каждому выстрелу сопутствует гамма-излучение.

Из этого объяснения – а Камень помнит его дословно – он понял только описание ужасной смерти. Вполне достаточно.

Камень на мгновение останавливается. Знакомый голос: торговка крысами Мэри тайком договаривается о перепродаже одежды от благотворительных организаций. Прикинув, Камень догадывается, где она стоит. Она понижает голос. Слов теперь Камень разобрать не может, а ведь их неплохо бы послушать. Он бочком пробирается вперед, хотя и боится оказаться в ловушке

тел...

Мертвая тишина. Никто не говорит и не двигается. Камень чувствует волну воздуха: кто-то появился в дверном проеме.

– Вы, – голос женский, равнодушный, – молодой человек без обуви в... – голос медлит в поисках определения тому, что скрывается под грязью, – в красном комбинезоне. Подойдите сюда, пожалуйста. Я хочу с вами поговорить.

Камень не знает, о нем ли (при чем тут красный?) идет речь, пока не ощущает давления множества взглядов. Тут же поворачивается на пятке, делает обманное движение... – слишком поздно. Его хватают десятки жадных когтистых лап. Он вырывается. Заплесневелая ткань рвется, но руки цепляются заново – в кожу. Он кусается, брыкается, машет кулаками. Тщетно. Во время борьбы он не издает ни звука. Наконец его, еще брыкающегося, тащат вперед, тащат за невидимую линию, отделяющую этот мир от другого столь же непреложно, как неподатливый забор между Джунксом и остальными двадцатью двумя ЗСП.

Его окружает облако коричного запаха, охранник подносит к основанию его шеи что-то холодное и металлическое. Все клеточки его мозга словно разом вспыхивают, потом наступает тьма...

Трое выдают свое местоположение очнувшемуся Камню колебаниями воздуха, а еще своими запахами, своими голосами – и неуловимым тончайшим ингредиентом, который он называет «ощущением жизни».

У него за спиной массивный мужчина, который дышит через рот, – без сомнения из-за застарелой вони самого Камня. Скорее всего, охранник.

Слева от него человек поменьше – женщина? – от которого пахнет цветами. (Камень однажды нюхал цветок.)

Перед ним, за столом, сидящий мужчина.

Камень не чувствует никакой боли – разве что совершенно растерян. Он понятия не имеет, зачем его скрутили и выкрали, и хочет только вернуться к привычным опасностям Джункса.

Но он уже понял, что этого ему не позволят.

Говорит женщина, голос у нее слаще всех звуков, которые когда-либо слышал Камень.

– Этот человек задаст вам несколько вопросов. Когда вы на них ответите, у меня тоже будет один. Согласны?

Камень кивает: выбора все равно нет.

– Имя и фамилия? – спрашивает иммиграционный чиновник.

– Камень.

– И все?

– Никак больше меня не звали.

Невыносимая раскаленно-белая боль: эти ублюдки выжгли глаза маленькому беспризорнику, пойманному, когда он подсматривал, как они расчленяют труп. Но он не плакал, о нет, он всегда каменно молчал, а потому – Камень.

– Место рождения?

– Эта свалка, Джункс. Где же еще?

– Родители?

– Что это такое?

– Возраст?

Пожатие плечами.

– Позже это можно выяснить сканированием клеток. Полагаю, у нас достаточно информации, чтобы выдать вам карту. Не двигайтесь.

Камень чувствует, как по его лицу шарит луч тепла, а через несколько секунд у стола раздается ворчание.

– Это ваше свидетельство о гражданстве и доступ к системе. Не потеряйте его.

Камень протягивает руку на голос и получает пластиковый прямоугольник. Он собирается сунуть его в карман, обнаруживает, что оба оторваны в потасовке, и продолжает неловко держать его в руке, точно это брусок золота, который вот-вот отнимут.

– А теперь мой вопрос. – Голос женщины – точно отдаленное воспоминание, которое Камень хранит о любви. – Хотите получить работу?

Вот тут в голове Камня начинают выть сирены. Тревога! Работа, о которой они даже не могут объявить публично? Наверное, дело настолько скверно, что не укладывается в обычную шкалу разрядов.

– Спасибо, нет, миз. Моя жизнь стоит недорого, но другой у меня нет. – Он поворачивается, чтобы уйти.

– Я не могу посвятить вас в детали, пока вы не согласитесь, однако мы сию минуту можем зарегистрировать контракт, который убедит вас, что это работа первой категории.

Камень останавливается. Какая злая шутка… А вдруг правда?

– Контракт?

– Будьте любезны, – приказывает чиновнику женщина.

Писк утомленной клавиши, и механический голос произносит текст контракта. Для Камня, непривычного к длинным словам, все это звучит довольно прямолинейно, без экивоков и всяких там ловушек. Работа первой категории на неопределенный период времени, каждая из сторон имеет право разорвать контракт, описание обязанностей пойдет отдельным

приложением.

Камень несколько секунд медлит. В голове у него проносятся воспоминания обо всех полных ужаса ночах и полных боли днях в Джунксе, а за ними – жаркая волна удовольствия: он выжил. Вопреки голосу разума он испытывает краткое сожаление, что ему уже, видимо, не потребуется тайный городской источник, так ловко обнаруженный...

– Полагаю, для заключения контракта вам нужно вот это, – говорит он, протягивая свою только что обретенную карту.

– Пожалуй, да, – со смешком соглашается женщина.

* * *

Бесшумная, герметизированная машина движется по запруженным улицам. Несмотря на отсутствие шума, шофер комментирует уличное движение, и останавливаются они достаточно часто, чтобы возникло ощущение деловито бурлящего города.

– Где мы сейчас? – в десятый раз спрашивает Камень. Он не просто жаждет информации, ему нравится слушать голос женщины. Голос у нее, думает он, как весенний дождь, когда сам ты подыскал себе укрытие, и тебе ничего не грозит.

– ЗСП Мэдисон-парк, едем на другой конец города.

Камень признательно кивает. С тем же успехом она могла бы сказать: «На орбите, направляемся к Луне», перед его мысленным взором все равно плавают какие-то расплывчатые пятна и обрывки картинок.

Прежде чем его отпустить, Иммиграционная служба кое-что для него сделала: сбрила волосы по всему телу, вывела вшей, заставила простоять десять минут под душем и несколько раз намылиться слегка шероховатым абразивным мылом, дезинфицировала, провела несколько мгновенных тестов, ввела шесть доз чего-то и выдала нижнее белье, чистый комбинезон и ботинки (ботинки!).

От собственного – мыльного! – запаха духи женщины становятся лишь привлекательнее. В тесной близости на заднем сиденье Камень просто упивается ее запахом. Наконец он уже не в силах сдерживаться.

– Э-э-э, ваши духи... что это такое?

– Ландыш.

От сладкозвучности этого слова Камню кажется, что он попал в другой, более добрый век. Он клянется никогда этого не забывать. И не забудет.

– Эй! – Цепенея от страха. – Я даже не знаю, как вас зовут.

– Джун. Джун Тангейзер.

Джун Камень. Джун и Камень. И ландыши. Джун с Камнем в июне среди ландышей. Это как песня, которая все крутится и крутится в голове.

– Куда мы едем? – спрашивает он наперекор песне.

– К врачу, – отвечает Джун.

– Я думал, все улажено.

– Это специалист. Окулист.

После всего, что с ним сегодня случилось, это последнее потрясение выбивает у него из головы даже счастливую песню...

* * *

– Вот полномасштабная модель того, что мы вам имплантируем, – говорит врач, вкладывая в руку Камня прохладный шарик.

Боясь поверить, Камень сжимает его.

– В основе системы глаза – приборы. Каждый фотон – это такая частица, – ударяя в мембраны, выбивает один или более электронов. Электроны собираются в непрерывный сигнал, который через интерпретирующий чип поступает в ваши оптические нервы. Результат – стопроцентное зрение.

Камень сжимает модель так крепко, что больно руке.

– С точки зрения пластической хирургии, они несколько шокируют. Для такого молодого человека, как вы, я порекомендовал бы органические имплантаты. Однако заказчик распорядился, чтобы вы получили именно эти. Разумеется, у них есть несколько преимуществ.

Камень не спрашивает, в чем они заключаются, но доктор все равно разъясняет:

– Если вы мысленно произнесете ключевые слова, на которые запрограммирован чип, то сможете заставить его выполнять ряд дополнительных функций.

Во-первых, хранить оцифрованные копии конкретных изображений в RAM чипа для последующего просмотра. Когда вы ключевым словом вызываете копию, возникает эффект повторного непосредственного видения, причем не важно, на что вы по-настоящему смотрите в данный момент. Возвращение к реальному зрению наступает после произнесения другого ключевого слова.

Во-вторых, уменьшив пропорциональное соотношение фотонов и электронов, вы безо всякого для себя урона можете

смотреть прямо на солнце или на пламя сварочной горелки.

В-третьих, увеличив это соотношение, вы способны значительно усилить разрешение: в безлунную ночь это весьма полезно.

В-четвертых, вы можете поменять цвета. Например, черное ваш мозг начнет воспринимать как белое. Словом, старые добрые «розовые очки».

Думаю, я ничего не пропустил.

– Сколько на все это потребуется времени, доктор? – спрашивает Джун.

– День на саму операцию, два – на ускоренное выздоровление, неделя на тренировки и окончательное выздоровление. Скажем, две недели самое большее.

– Отлично, – говорит Джун.

Камень чувствует, что она встает с кушетки, где сидела рядом с ним, но сам остается сидеть.

– Камень, – говорит она, положив руку ему на плечо. – Нам пора.

Но Камень не может встать, потому что слезы никак не останавливаются.

* * *

Железно-стальные каньоны Нью-Йорка, этого гордого и процветающего союза Зон свободного предпринимательства, тянутся вдаль на юг десятком оттенков холодно-голубого. Улицы, идущие с геометрической точностью, словно далекие потоки по днищам каньонов, артериально-красные. К северо-востоку от Центрального парка – черная пустошь Джункса.

Камень упивается зрелищем. Любая картинка, даже самые размытые пятна всего несколько дней назад были немыслимой драгоценностью. И вот ему преподнесли такой дар, чудесную способность превращать повседневный мир в сверкающую страну чудес – в это до сих пор не верится.

Ненадолго насытясь, Камень усилием воли переключает зрение на нормальное. Город тут же возвращается к своей обычной окраске из серо-стальной, небесно-голубого и древесно-зеленого. Тем не менее зрелище остается великолепным.

Камень стоит у стеклянной стены на стопятидесятом этаже Небоскреба Цитрин, в ЗСП Уолл-стрит. Две недели здесь был его дом, из которого он не ступил ни шагу. Навещали его только медсестра, кибер-терапевт и Джун. Изоляция его не тревожит. После Джункса тишина кажется благословением. И не мешает с

головой погружаться в чувственную паутину красок.

Первое, что он увидел, очнувшись от наркоза, задало чудесный тон всем его вылазкам в мир зрячих: над ним склонилось улыбающееся женское лицо. Прозрачная светло-оливковая кожа, сияющие карие глаза, каскад волос цвета воронова крыла.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Джун.

– Хорошо, – ответил Камень, а потом произнес слово, в котором прежде не было надобности: – Спасибо.

Джун только небрежно взмахнула узкой рукой.

– Не благодарите меня. Не я за это плачу.

Вот тогда Камень узнал, что Джун не его «хозяйка» – она сама работает на кого-то другого. И хотя тогда она не сказала, кому Камень обязан счастливыми переменами, он вскоре догадался. Это произошло, когда из больницы его перевезли в здание, которое имело имя.

Элис Цитрин. Даже Камень о ней слышал.

Отвернувшись от окна, Камень делает несколько шагов по толстому кремовому ковру, устилающему пол в его комнатах. (Как странно двигаться так уверенно, не останавливаясь, не нашаривая, куда ступить!) Последние пятнадцать дней он провел, фанатично практикуясь с обретенным зрением. Все обещания доктора сбылись, и это казалось чудом. Сплошное упоение. К тому же его окружала истинная роскошь. Любая еда, какую он пожелает. (Хотя он удовлетворился бы и фрэком – переработанным планктоном.) Музыка, головидение и – самое ценное – общество Джун. Но ни с того ни с сего сегодня он испытывал легкое раздражение. Что же это за работа, которую он должен будет выполнять? Почему он еще не встретился с нанимателем? Он уже начинал спрашивать себя: а вдруг это какой-нибудь сверхсложный обман?

Камень останавливается перед вмонтированным в дверь стенного шкафа зеркалом в полный рост. Зеркала обладают бесконечной властью над ним, способностью раз за разом его притягивать. Неизменно послушный двойник, который имитирует все его движения, не имеет воли, помимо его собственной. И вторичный мир на заднем плане – недостижимый и безмолвный. За годы, проведенные в Джунксе, когда у него еще были глаза, Камень ни разу не видел своего отражения, разве что в лужах или в осколках оконных стекол. Сейчас он стоит перед безупречным незнакомцем в зеркале и ищет на его лице любую мелочь, которая помогла бы ему разгадать, что за личность там скрывается.

Камень невысок ростом и худощав, понятно, что он долго

недоедал. Но руки и ноги у него прямые и жилистые, мускулы – крепкие. Кожа в тех местах, где не закрыта черным комбинезоном без рукавов, испещрена шрамами и загрубела от непогоды. На ногах – тапочки из плиоскина, жесткие, но почти такие же хорошие, как голые подошвы.

Лицо – сплошь перекрещивающиеся плоскости, как на странной картине в его спальне. (Джун говорила про какого-то Пикассо.) Острый подбородок, тонкий нос, светлая щетина на черепе. И глаза: многогранные тускло-черные полусферы – нечеловеческие. Но, пожалуйста, не отбирайте их, я сделаю все, что пожелаете, пожалуйста!

У него за спиной открывается дверь в коридор. Это Джун. Против воли раздражение Камня выплескивает слова, наваливающиеся одно на другое поверх произнесенной Джун фразы, так, что под конец все сливается в одно.

– Я хочу увидеть...

– Мы пойдем к...

– Элис Цитрин.

Из окна в пятидесяти этажах над комнатами Камня открывается еще более поразительный вид. От Джун Камень узнал, что Небоскреб Цитрин стоит на участке земли, которой сто лет назад вообще не существовало. Настоятельная потребность в расширении привела к созданию огромных насыпей по берегам Ист-ривер, к югу от Бруклинского моста. На одном таком искусственном земельном участке в восьмидесятых, во время подъема после Второго Конституционного Конвента, был построен Небоскреб Цитрин.

Камень увеличивает соотношение фотонов-электронов в глазах, Ист-ривер превращается в поток белого огня. Развлечение на краткий миг, чтобы успокоить нервы.

– Станьте вот здесь, рядом со мной, – говорит Джун, указывая на диск сразу за лифтом, в нескольких метрах от другой двери.

Камень подчиняется. Он воображает, будто чувствует проходящие по нему лучи сканеров, хотя, скорее, все дело в близости Джун, которая касается его локтем. Ее аромат заполняет ноздри, и он отчаянно надеется, что наличие глаз не притупит остальные его чувства.

Беззвучно открывается дверь перед ними.

Джун заводит его внутрь.

Там его ждет Элис Цитрин.

Женщина сидит в механизированном, со множеством приборов кресле за расположенными полукругом экранами. Коротко стриженные волосы цвета спелой ржи, на лице – ни морщинки, и все же Камень интуитивно чувствует, как льнет к

ней безмерный возраст (точно так же, когда был слеп, он чувствовал эмоции других). Он изучает орлиный профиль, почему-то знакомый, словно видел его во сне.

Кресло поворачивается, теперь она смотрит прямо на них. Джун останавливается в метре от полированной обшивки панели.

– Рада видеть вас, мистер Камень, – говорит Цитрин. – Полагаю, вам предоставили все, что нужно. Никаких жалоб?

– Никаких. – Он пытается призвать положенные слова благодарности, но так выбит из колеи, что ни одного найти не может. Вместо этого он неуверенно бормочет: – Моя работа...

– Разумеется, вам любопытно, – говорит Цитрин. – Наверное, вы полагаете, что это обязательно будет нечто закулисное, или отвратительное, или смертельное. Зачем же еще рекрутировать кого-то из Джункса? Так вот, позвольте мне удовлетворить ваше любопытство. Ваша работа, мистер Камень, в том, чтобы изучать.

Камень ошеломлен.

– Изучать?

– Да, учиться. Смысл этого слова вам, полагаю, известен? Или я ошиблась? Изучать, узнавать, расследовать и, когда вам покажется, что вы что-то поняли, подготовить мне доклад.

Изумление Камня сменяется недоверием.

– Я не умею даже читать и писать, – говорит он. – И что, черт побери, мне полагается изучать?

– Область ваших изысканий – наш современный мир. Как вы, возможно, знаете, я внесла немалый вклад в то, чтобы сделать этот мир таким, каков он есть. И подходя к пределу своей жизни, я ощущаю все большее желание узнать, что я построила – хорошее или дурное. У меня есть достаточно аналитических докладов экспертов, как позитивных, так и негативных. Но мне требуется свежий взгляд кого-то со дна общества. Будьте честны и точны, о большем я не прошу. Что до умения читать и писать, этих устаревших навыков моей юности, если пожелаете, Джун поможет вам их приобрести. Однако существуют машины, чтобы читать вам и расшифровывать вашу речь с записей. Можете приступать немедленно.

Камень пытается переварить это безумное задание. Оно представляется капризом, прикрытием для других, более глубоких, более темных замыслов. Но что он может, кроме как сказать «да»?

Он соглашается.

Еле заметная улыбка трогает уголки губ женщины.

– Отлично. Тогда наш разговор окончен... Ах да, еще одно. Если вам потребуется произвести исследование на месте, Джун будет вас сопровождать. И вы никому и никогда не расскажете о

моей роли.

Условия просты (особенно, если Джун всегда будет рядом), и Камень в знак согласия кивает.

Цитрин поворачивается к ним спиной. Камень удивлен тому, что видит, почти готов счесть это сбоем в оптическом механизме глаз.

На широкой спинке ее кресла сидит какой-то зверек, похожий на лемура или долгопята. Огромные сияющие глаза смотрят задушевно, длинный хвост спиральной аркой выгнулся над спиной.

– Ее домашнее животное, – шепчет Джун и поспешно уводит Камня.

* * *

Задача слишком огромна, слишком сложна. Камень уже жалеет, что согласился.

Но что ему было делать, если он хочет сохранить глаза?

Ограниченная, протекавшая в тесных пределах жизнь Камня в Джунксе никак не подготовила его к тому, чтобы пытаться разгадать многогранный, сумасбродный, пульсирующий мир, в который его перенесли. (Во всяком случае, так он поначалу его воспринимает.) После того, как он – в буквальном и в переносном смысле – долго блуждал в потемках, мир за пределами Небоскреба Цитрин представляется ему загадкой.

В нем есть сотни, тысячи вещей, о которых он никогда не слышал: люди, города, предметы, события. Есть области знаний, названия которых он даже произносит с трудом: ареалогия, хаотизм, фрактальное моделирование, параневрология. И нельзя забывать об истории, этом бездонном колодце, в котором настоящее время – всего лишь пузырек воздуха на воде. Наибольшее потрясение Камень испытывает, открыв для себя историю. Раньше он никогда не задумывался над тем, что жизнь тянется в прошлое далеко за момент его рождения. Откровение, что до него еще были десятилетия, столетия, тысячелетия, едва не повергает его в ступор. Как можно надеяться понять настоящее, не зная всего того, что ему предшествовало?

Безнадежно, безумно, самоубийственно упорствовать.

Но Камень упорствует.

Он запирается наедине со своим магическим окном в мир – терминалом, взаимодействующим с центральным компьютером Небоскреба Цитрин (который сам по себе огромный, непознаваемый улей активности) и через эту машину почти со

всеми остальными на планете. Часами мимо него проносятся слова и образы, точно подброшенные цирковым трюкачом ножи, которые он, преданный, но тупой ассистент, должен ловить, дабы выжить.

Память у Камня великолепная, натасканная в жестокой школе Джункса, и знания он впитывает, как губка. Но какой бы путь он ни выбрал, на каждом шагу его подстерегают развилки, потом начинают ветвиться и эти новые дорожки, а затем и они предлагают новые пути, не менее богатые информацией, чем первые...

В тот день, когда банда оставила его лежать без сознания в водостоке, вдруг пошел дождь, и Камень едва не утонул. Сейчас у него возникает сходное ощущение.

Верная Джун трижды в день приносит ему еду. Ее присутствие все еще вызывает в нем сладкую дрожь. Каждую ночь, лежа в постели, он проигрывает сохраненные записи, убаюкивая себя. Джун наклоняется, садится, смеется, ее раскосые глаза сверкают. Изящная грудь, изгиб бедер. Но лихорадочная тяга к знаниям сильнее, и по мере того, как идут дни, он грезит о ней все меньше.

Однажды после полудня Камень замечает на обеденном подносе таблетку и спрашивает Джун, что это.

– Мнемотропин, он помогает долгосрочной памяти, – отвечает она. – Я думала, тебе это пригодится.

Камень жадно проглатывает снадобье и возвращается к бормочущему экрану.

Каждый день за обедом он находит новую таблетку. Вскоре после приема его мозг как будто расширяется, занимая все больший объем. Иногда ему кажется, будто его мозг способен «переварить» целый мир. И все же каждую ночь, когда он заставляет себя спать, его тревожит мысль, что он сделал недостаточно.

Проходят недели. Для Элис Цитрин он не подготовил ни фразы. Что он понимает? Ничего. Как он может вынести приговор миру? Это гордыня, безрассудство, каприз. Сколько еще она согласится ждать, прежде чем отправит пинком под зад на холодную улицу?

Камень роняет голову на руки. Издевательская машина терзает его непрерывным поносом бесполезных фактов.

На его подрагивающее плечо ложится легкая рука. Камень ощущает сладкий аромат Джун.

Основанием ладони Камень бьет по клавише, выключая терминал так яростно, что руку прошивает боль. Благословенная тишина. Он поднимает глаза на Джун.

– Черт побери, я на это не гожусь. Почему она выбрала меня? Я даже не знаю, с чего начать.

Джун садится рядом с ним на кушетку.

– Я ничего не говорила, Камень, потому что мне приказали не подталкивать тебя в ту или другую сторону. Но сомневаюсь, что можно посчитать вмешательством простое желание поделиться с тобой своим опытом. Тебе нужно сузить область поиска. Мир слишком велик. Элис не ожидает от тебя, чтобы ты понял все и предложил ей шедевр аналитики и логики. Мир все равно не поддается обобщению. Думаю, подсознательно ты сам знаешь, чего она хочет. Разговаривая с тобой, она дала тебе подсказку.

Камень вызывает из RAM тот день, проигрывает образы строгой старухи. Ее лицо замещает лицо Джун. Визуальная подсказка прилепляется к фразе: «...что я построила – хорошее или дурное».

Ощущение в глазах – сродни перегрузке. Всю его сущность затопляет облегчение. Разумеется, могущественная и тщеславная женщина считает свою жизнь главным фактом современности, сияющей нитью, которая проходит через время, а на эту нить, как бусы, нанизаны поворотные моменты ее поступков. Насколько же проще понять жизнь отдельного человека, чем весь мир. (Или так он думает в тот момент.) На это он, пожалуй, способен. Написать личную историю Цитрин, проследить ответвления, последствия ее долгой карьеры, увидеть волны, расходящиеся от ее трона. Кто знает? Это вполне могут быть базовые элементы.

От ликования Камень обнимает Джун, испускает крик. Она не отстраняется, и они вместе падают на кушетку.

Ее губы под его – податливые и теплые. Ее соски словно обжигают ему грудь сквозь блузку. Его левая нога зажата меж ее бедрами.

Внезапно он отстраняется. Он слишком живо увидел самого себя: тощий бродяга из городской клоаки. У него даже не человеческие глаза.

– Нет, – горько говорит он. – Ты не можешь меня хотеть.

– Ш-ш-ш, – отвечает она, – ш-ш-ш.

Ее пальцы гладят его по лицу, она целует его шею. Его позвоночник плавится, он снова падает на нее, слишком голодный, чтобы остановиться.

– Вроде ты умный парень, а бываешь иногда распоследним идиотом, – после бормочет ему она. – Совсем как Элис.

Он даже не задумывается над смыслом ее слов.

* * *

Крыша Небоскреба Цитрин – посадочная площадка для фаэтонов, суборбитального транспорта различных компаний и их топ-менеджеров. Камень чувствует, что узнал о жизни Элис Цитрин все, что можно узнать, сидя в четырех стенах. Теперь ему нужны текстура и запах настоящих мест и людей, по которым о ней можно судить.

Но прежде чем они смогут уехать, говорит Камню Джун, нужно поговорить с Джеррольдом Скарфом.

С ним они встречаются в небольшом зале вылета – сплошь белые гофрированные стены и пластиковые стулья.

Скарф – глава службы безопасности «Цитрин Технолоджиз». Коренастый, жилистый человек, на лице которого не отражается почти ничего, производит впечатление чрезвычайной компетентности – от выбритой и татуированной макушки до тяжелых сапог. На груди он носит эмблему ЦТ: красную спираль с указывающим вверх наконечником стрелы.

Джун приветствует его как старого знакомого.

– Мы получили допуск? – спрашивает она.

Скарф машет листом папиросной бумаги.

– Ваш план полетов довольно обширен. Так ли уж необходимо, например, посещать Мехико-сити с мистером Камнем на борту?

Камня удивляет забота Скарфа о нем, ничтожном чужаке. Распознав недоуменный взгляд Камня, Джун объясняет:

– Джеррольд – один из немногих, кто знает, что вы представляете миз Цитрин. Естественно, он волнуется, как бы мы не попали в какие-нибудь неприятности, ведь их непредсказуемый отрицательный эффект косвенно скажется на «Цитрин Технолоджиз».

– Я не ищу неприятностей, мистер Скарф. Я только хочу сделать свою работу.

Скарф сканирует Камня так же подозрительно, как устройства у дверей в святилище Элис Цитрин. Положительный результат наконец выражается в мягком хмыканье и заявлении:

– Ваш пилот ждет. Валяйте.

Оказавшись выше над жадной землей, чем когда-либо раньше, положив правую руку на левое колено Джун, чувствуя себя богатым и свободным, Камень обдумывает жизнь Элис Цитрин и чувствует, что начинает улавливать какой-то общий замысел.

Элис Цитрин – 159 лет. Когда она родилась, Америка еще состояла из штатов, а не из ЗСП и ООК. Человек едва-едва начал летать в космос. Когда ей было всего шестьдесят, она возглавила фирму под названием «Цитрин Биотикс». Это было время

Торговых войн, решительных и беспощадных, а оружием в них служили тарифы и пятилетние планы, конвейерные линии и принимающие решения конструкты пятого поколения. Это также было время Второго Конституционного Конвента, который перекроил Америку, поставив ее на грань войны.

За годы, когда страна поделилась на Зоны свободного предпринимательства (урбанистические, высокотехнологичные автономные регионы, где единственными действующими законами были те, которые вводили корпорации, а единственной целью – прибыль и доминирование на рынке) и Области ограниченного контроля (отсталые, по большей части сельскохозяйственные анклавы, где жестко навязывались старые ценности), «Цитрин Биотикс» отточила и довела до совершенства технологии и разработки ученых в области углеродных чипов: переносимые кровью микробиологические «фабрики», заранее программируемые «ремонтники». Конечным продуктом, который «Цитрин» предложила тем, кто мог себе это позволить, стало почти полное омоложение, «перетряска клеток» или просто «встряска».

Через шесть лет «Цитрин Биотикс» возглавила «Форчун 500».

К тому времени она уже называлась «Цитрин Технолоджис».

А на самом верху стояла Элис Цитрин.

Но это не могло продолжаться вечно.

Энтропию обмануть невозможно. Информационную деградацию, которую претерпевает с возрастом ДНК, невозможно остановить полностью. Ошибки накапливаются, невзирая на усердие «ремонтников». В конечном итоге тело, как ему и полагается, сдает.

Элис Цитрин приближается к теоретическому пределу своей продленной жизни. Невзирая на моложавую внешность, однажды – в результате миллиона ошибочных транскрипций – откажет какой-нибудь жизненно важный орган.

И теперь среди всех людей на свете она выбрала Камня – чтобы ее существование оправдал кто-то «со свежим взглядом».

Камень сжимает колено Джун и наслаждается ощущением собственной значимости. Впервые в его жалкой и тусклой жизни он может что-то изменить. Его слова, его восприятие имеют вес. Он намерен сделать хорошую работу, рассказать правду так, как он ее понимает.

– Джун, – с чувством говорит Камень, – мне нужно увидеть все.

Она улыбается.

– Увидишь, Камень, – говорит она. – Увидишь.

* * *

Фаэтон приземляется в Мехико-сити, где в прошлом году население перевалило тридцатипятимиллионный порог. Из своих филиалов в Хьюстоне и Далласе «Цитрин Технолоджиз» финансирует программы помощи городу. Мотивы этой кампании представляются Камню подозрительными. Почему они не вмешались еще до социального кризиса? Быть может, их беспокоят только хлынувшие через границу беженцы? Но какова бы ни была причина, Камень не может отрицать, что сотрудники ЦТ работают во имя добра, обихаживая и утешая больных и голодных, восстанавливая линии электропередач и коммуникации, поддерживая деятельность городской администрации. Когда он поднимается в фаэтон, голова у него идет кругом, а вскоре он оказывается...

...в Антарктиде, где его и Джун везут из куполов ЦТ на перерабатывающий планктон корабль, производящий львиную долю протеина во всем мире. Вонь криля кажется Джун ужасной, но Камень вдыхает ее полной грудью, ликуя, что оказался на судне в этих странных ледяных широтах, где наблюдает за работой умелых мужчин и женщин. Джун счастлива, когда они наконец вновь взлетают и...

...приземляются в Пекине, где специалисты ЦТ по эвристике работают над созданием первого искусственного органического интеллекта. Забавляясь, Камень слушает дебаты о том, следует ли называть ИОИ Конфуцием или Мао.

Та неделя становится калейдоскопическим круговоротом впечатлений. Камень чувствует себя губкой, вбирающей образы, в которых ему так долго было отказано. В какой-то момент он ловит себя на том, что позабыл название города, где сейчас вместе с Джун выходит из ресторана. В руке у него удостоверение личности с кредитной картой: он только что сам заплатил за роскошный обед. С собственной ладони на него смотрит голографический портрет. Лицо – изможденное, грязное, с двумя пустыми, заросшими коростой глазницами. Камень вспоминает, как теплые пальцы лазера сделали эту голограмму в «иммиграционке». Неужели это правда был он? Тот день кажется событием чужой жизни. Он убирает карту в карман, не в силах решить, следует ли обновить голограмму или оставить как память о том, откуда пришел.

И куда же это его заведет?

Что с ним сделают, когда он подаст свой доклад?

Когда однажды Камень просит отвезти его на орбитальную станцию, Джун прерывает его:

– Думаю, за одну поездку мы повидали достаточно, Камень. Давай вернемся, чтобы ты смог переварить информацию.

После этих слов на Камня внезапно накатывает глубочайшая, пробирающая до костей усталость, а маниакальная эйфория развеивается. Он молча соглашается.

* * *

В спальне Камня темно, если не считать проникающего в окно рассеянного света спящего города. Камень усилил зрение, чтобы восхищаться нагим сияющим телом Джун рядом с ним. Он уже обнаружил, что при недостатке фотонов краски становятся грязными, но вот черно-белое изображение получается очень четкое. Он чувствует себя человеком прошлого столетия, который смотрит примитивный фильм. Вот только Джун у него под руками вполне живая.

Тело Джун – переплетение сверкающих линий, точно таинственные цепи капилляров в сердце Мао/Конфуция. Отдавая дань последней моде, она имплантировала себе узор из подкожных микроканалов, заполненных синтетическим луциферином, биологическим веществом, заставляющим светиться светляков, а теперь она может вызывать такой эффект по своему желанию. В тепле, наполняющем после секса обоих, она заставила свое тело светиться. Ее груди – лучистые круги холодного огня, бритый лобок – спиральная галактика, затягивающая взгляд Камня в освещаемые глубины.

Джун рассеянно рассказывает о своей жизни до знакомства с Камнем, рассматривает потолок, пока он лениво ласкает ее.

– Моя мать – единственный уцелевший ребенок двух беженцев. Вьетнамцев. В Америку они приехали вскоре после Азиатской войны. Делали единственное, что умели, а именно – готовили рыбу. Жили в Техасе, у Залива. Мама пошла в колледж на стипендию, там познакомилась с отцом, который тоже в своем роде был беженцем. Уехал с родителями из Германии после Воссоединения. Наверное, моя семья своего рода микрокосм всевозможных кризисов нашего столетия. – Зажав руку Камня коленями, Джун крепко удерживает ее. – Но сейчас, когда ты со мной, Камень, я чувствую только покой.

И пока она продолжает рассказывать о том, что видела, о людях, которых знала, о своей карьере личного секретаря Цитрин, в душу Камня закрадывается престранное ощущение. По мере того, как ее слова встраиваются в его все разрастающуюся картину мира, он чувствует, что его мучительно затягивает в

бездну, как это было, когда он узнал о существовании истории.

Не успев еще окончательно решить, хочет он это знать или нет, Камень слышит собственный голос:

– Сколько тебе лет, Джун?

Она замолкает. Камень видит, что она пытается разглядеть его в темноте, слепая – ведь у нее нет этих чертовски восприимчивых глаз.

– Больше шестидесяти, – говорит она наконец. – Это имеет значение?

Камень и сам не знает, важно это или нет, но сказать об этом не может.

Медленно Джун гасит тело.

Камень развлекается тем, что любовно называет «своим искусством».

Перекопав литературу по чипу, поселившемуся в его мозгу, он обнаружил одну неупомянутую доктором функцию. Содержание RAM может быть послано сигналом на независимый компьютер. Там собранные образы выставляют на всеобщее обозрение. Более того, оцифрованными изображениями можно манипулировать, комбинировать их друг с другом или с уже существующей в компьютере графикой, создавать совершенно жизнеподобные картинки того, что в действительности никогда не происходило и не существовало. Разумеется, их можно распечатать.

Иными словами, Камень, по сути, живая камера, а его компьютер – целая студия.

Камень уже давно работает над серией изображений Джун. Цветными распечатками завалены его комнаты, завешаны стены, устлан пол.

Голова Джун на теле Сфинкса. Джун как «La Belle Dame Sans Merci»[1]. Лицо Джун, наложенное на полную луну, а сам Камень спит в поле под ее светом наподобие Эндимиона.

Портреты скорее смущают, чем успокаивают, и Камень сознает, что поступает с Джун несправедливо, но одновременно чувствует: они воздействуют на него терапевтически и с каждым днем он на толику приближается к пониманию своих истинных чувств к Джун.

Он все еще не поговорил с Элис Цитрин. И это его изводит. Когда он представит свой доклад? Что он в нем изложит?

Проблема «когда» решилась сама собой в тот же день после полудня. Он побывал в одном из частных гимнастических залов небоскреба, а когда вернулся, то обнаружил на компьютере мигающее сообщение.

Цитрин желала видеть его завтра утром.

* * *

На сей раз Камень один стоит на диске перед святая святых Элис Цитрин, пока лазеры идентифицируют его личность. Он надеется, что когда машина закончит, то поделится с ним результатом, ведь он понятия не имеет, кто он.

Дверь скользит, уходит в стену, открывая манящее отверстие пещеры.

«Аверн[2]», – думает Камень и входит.

Элис Цитрин – неизменная, вечная. По трем сторонам от ее оборудованного измерительной аппаратурой кресла эпилептически мигают экраны. Но сейчас, однако, она не обращает на них внимания, ее глаза устремлены на Камня, который приближается – не без трепета.

Камень останавливается. Как непреодолимый замковый ров, их разделяет панель. И опять он со смесью недоверия и тревоги всматривается в ее черты. Теперь они пугающе схожи с его собственными. Неужели он стал походить на эту женщину только оттого, что работает на нее? Или жизнь за пределами Джункса накладывает на всех такой отпечаток, придавая жесткость чертам?

Цитрин проводит рукой по своим коленям, и Камень замечает, что в ложбинке ее бурого одеяния свернулся зверек, и в его противоестественно огромных глазах играют отражения картинок с мониторов.

– Время предварительного доклада, мистер Камень, – говорит она. – Но пульс у вас чрезмерно частый. Расслабьтесь немного. Ваша жизнь не зависит от одной нашей встречи.

Камню очень хочется расслабиться. Но никто не предлагает ему сесть, и он знает, что сейчас все зависит от того, что он скажет.

– Итак... Каким вы нашли этот наш мир, который несет на себе мой отпечаток и отпечатки подобных мне?

Самодовольное высокомерие в тоне Цитрин заставляет Камня забыть осторожность, и он почти выкрикивает: «Это несправедливо!» Потом медлит, а затем, справедливости ради, уточняет:

– Прекрасный, безвкусный, временами увлекательный... Но в основе своей несправедливый.

Цитрин как будто довольна этим вырвавшимся на волю признанием:

– Очень хорошо, мистер Камень. Вы открыли главное противоречие жизни. В куче навоза отыскиваются жемчужины, льются слезы сквозь смех, а как все это распределяется, не знает

никто. Но, боюсь, я не могу взять на себя вину за несправедливость мира. Он был таким, когда я родилась, и остается таковым, что бы я ни делала. Да, возможно, я несколько увеличила пропасть между богатыми и бедными. Первые стали богаче, а вторые, по сравнению с ними, сделались еще беднее. Но тем не менее даже титанов в конце концов поджидает смерть.

– Но почему вы не постарались что-либо изменить? – вспыхивает Камень. – Это ведь, наверное, было в вашей власти.

Впервые Цитрин смеется, и Камень слышит эхо своего прежнего горького карканья.

– Мистер Камень, – говорит она, – я делаю все, чтобы остаться в живых. Речь не о теле, – его поддерживают приборы. Нет, я говорю о постоянной опасности покушения. Разве вы не уловили истинной сущности бизнеса в этом нашем мире.

Камень никак не возьмет в толк, что она имеет в виду, и в этом признается.

– Тогда позвольте мне вас просветить. Это может изменить кое-какие ваши представления. Вы уверены, что понимаете назначение Второго Конституционного Конвента? Оно было облечено в высокопарные слова: «продемонстрировать мощь американской системы ценностей», «во всеоружии встретить иностранных конкурентов» и «обеспечить победу национальной промышленности, которая проложит путь демократии во всем мире». Звучит весьма благородно. Но истинный итог был совершенно иным. Бизнес ни в одной политической системе как таковой кровно не заинтересован. Бизнес сотрудничает с ней в той мере, в какой она способствует его собственным интересам. А главный интерес бизнеса – доминирование на рынке. Как только создание Зон свободного предпринимательства освободило корпорации от всяких ограничений, они возвратились к изначальной борьбе за существование, продолжающейся по сей день.

Камень пытается все это осмыслить. В своем путешествии он не видел никакой явной борьбы. Тем не менее повсюду он смутно ощущал подспудное напряжение. Но, уж конечно, она преувеличивает. Почему она сводит цивилизованный мир к крупномасштабной версии анархии в Джунксе?

Будто прочитав его мысли, Цитрин спрашивает:

– Вам когда-нибудь приходило в голову спросить себя, почему посреди цветущего города существует Джункс – отравленный, нищий, бесчеловечный?

Внезапно, повинуясь невысказанному приказу Цитрин, на всех экранах вспыхивают сцены происходящего в Джунксе. Вот они – убогие черты его юности: провонявшие мочой переулки, где

между сном и смертью лежат закутанные в лохмотья тела, хаос вокруг здания Иммиграционной службы, забор из колючей проволоки поперек реки.

– Джункс, – продолжает Цитрин, – спорная территория. И остается таковой вот уже восемьдесят лет. Корпорации не могут договориться, кто будет ее развивать. Любые шаги по улучшению ситуации, предпринятые одной корпорацией, немедленно уничтожаются тактической командой другой. Это своего рода тупик. И такое безвыходное положение существует во всех странах.

У Камня голова идет кругом. Он пришел, ожидая: вот наконец его будут расспрашивать, и ему придется отрыгнуть все, что он, как ему казалось, переварил. А вместо этого ему прочитали лекцию, его взбудоражили, точно Цитрин проверяла, подходящий ли он партнер для дискуссий. Он выдержал экзамен или провалился?

И Цитрин словно ответила на вопрос:

– На сегодня достаточно, мистер Камень. Возвращайтесь назад и подумайте еще немного. Поговорим позже.

* * *

В течение трех недель Камень каждый день видится с Цитрин. Вместе они анализируют множество проблем. Постепенно Камень становится увереннее, более твердым голосом излагает свое мнение. Оно не всегда укладывается в картину Цитрин, и тем не менее Камень ощущает неожиданное духовное родство, некую близость с этой старухой.

Иногда кажется, что она его натаскивает, что они – мастер и ученик, и наставница гордится успехами подмастерья. В другое время она держится надменно и отстраненно.

Эти недели принесли с собой другие перемены. Хотя Камень не спал с Джун с той поворотной ночи, он больше не воспринимает ее как манящий образ и перестает изображать ее такой. Они друзья, и Камень часто ходит к ней в гости, наслаждаясь ее обществом; он навеки благодарен ей за ту роль, какую она сыграла в его спасении из Джункса.

Во время бесед с Цитрин ее зверек – неизбежный зритель. Его загадочное присутствие тревожит Камня. Он не нашел в Цитрин ни тени сентиментальности и может только гадать, откуда столь трепетное внимание к подобному созданию.

Однажды Камень спрашивает, чем ей дорог этот зверек.

Губы старухи подергиваются – это ее улыбка.

– В моем видении мира, мистер Камень, критерием служит Египет. Быть может, вы не узнали породу?

Камень признается в своем невежестве.

– Это Aegyptopithecus zeuxis, мистер Камень. Его вид некогда процветал, но исчез несколько тысячелетий назад. Это клон, единственное существо, воссозданное из окаменевших клеток. Он наш с вами предок, мистер Камень. До гоминидов он был представителем человечества на Земле. Когда я его глажу, то размышляю, насколько же мало мы продвинулись вперед.

Повернувшись на каблуках, Камень быстрым шагом выходит, испытывая необъяснимое отвращение и к древности твари, и к тому, что зверь открыл ему в хозяйке.

Это был последний раз, когда он увидел Элис Цитрин.

* * *

Ночь.

Камень лежит один в кровати, проигрывая стопкадры на экране своего терминала, снимки истории до ЗСП.

Истории, которая от него ускользнула.

Внезапно раздается громкий хлопок, словно по тысячам гигантских электрических реле проскочил разряд. И в ту же секунду одновременно происходят две вещи.

Камень испытывает мгновенное головокружение.

Перед глазами – чернота.

Помимо двух этих потрясений, огромной силы взрыв у него над головой сотрясает весь Небоскреб Цитрин.

Камень рывком поднимается на ноги. На нем только трусы. Он бос – как в Джунксе. И не может поверить, что снова слеп. Но это так. Он погружен в темный мир звука, запаха и осязания. И не более того.

Повсюду воет сигнализация. Камень выбегает в гостиную с ее бесполезным теперь видом на город. Подходит к двери в коридор, но та не открывается. Он тянет руку к панели ручного управления, но мешкает.

Что он может, он же ослеп? Только шаркать и спотыкаться, путаться под ногами. Лучше остаться здесь и подождать: вдруг что-нибудь произойдет.

Тут Камень вспоминает Джун, почти ощущает ее запах. Разумеется, она вот-вот придет и все объяснит.

Верное решение. Нужно дождаться Джун.

Три минуты Камень нервно меряет шагами комнату. Он не может поверить в свою слепоту. Тем не менее он почему-то знал,

что однажды это случится.

Сирены замолкли, позволив Камню почти подсознательно услышать шаги в коридоре. Звук приближается к его двери. Джун? Нет, вряд ли. Его «ощущение жизни» настаивает, что ночной гость ему незнаком.

Включаются инстинкты, приобретенные в джунглях Бронкса. Он перестает гадать о происходящем, превращаясь в скорость и страх.

Шторы в комнате подвязаны тонкими бархатными шнурами. Камень поспешно срывает один, занимает позицию сбоку от входной двери.

Когда дверь вышибают, ударная волна едва не сбивает Камня с ног. И хотя Камень чувствует во рту кровь, он восстанавливает равновесие как раз в тот момент, когда незнакомец врывается мимо него в комнату.

В мгновение ока Камень оказывается на его дюжей спине, берет «в замок» ногами и накидывает на горло шнур.

Мужчина мечется по комнате, сбивая мебель и вазы. Наконец он падает, тяжело приземляясь на Камня.

Камень не ослабляет хватки, пока не убеждается, что противник перестал дышать.

Его враг мертв.

Камень жив.

Он с трудом выползает из-под обмякшей туши, ему больно, его трясет.

С трудом вставая на ноги, он слышит топот бегущих к его комнатам ног, слышит голоса.

Первым, окликая Камня по имени, врывается Джеррольд Скарф. Заметив Камня, Скарф кричит:

– Носилки сюда!

Какие-то люди взваливают Камня на носилки, собираются унести.

Скарф идет рядом и ведет сюрреалистический разговор.

– Они узнали, кто вы, мистер Камень. Этот – единственный ублюдок, кому удалось мимо нас проскочить. Остальных мы задержали в развалинах на верхних этажах. По нам ударили направленным электромагнитным излучением, которое вывело из строя всю электронику, включая ваше зрение. Когда его выжгло, вы, возможно, потеряли несколько клеток мозга, однако непоправимого вреда нет. После излучения они выпустили боеголовку по этажу миз Цитрин. Скорее всего, ее смерть была мгновенной.

Камню кажется, что его разнесло на куски – и физически, и психологически. Зачем Скарф ему все это рассказывает? И что с

Джун?

Камень произносит ее имя.

– Она мертва, мистер Камень. Когда нападающие начали ее обрабатывать, она покончила жизнь самоубийством с помощью имплантированной капсулы с ядом.

Все ландыши вянут, когда приближается зима.

Бригада с носилками достигла медицинского отсека. Камня переносят на кровать, руки в перчатках начинают обрабатывать его раны.

– Мистер Камень, – продолжает Скарф, – я настаиваю на том, чтобы вы прослушали эту запись. Дело срочное и займет у вас не более минуты.

Камень уже начинает ненавидеть этот неуемный голос. Но он не может заткнуть уши или впасть в благословенное забытье, а потому вынужден слушать поставленную Скарфом запись.

Говорит Элис Цитрин.

– Кровь от моей крови, – начинает она. – Ты единственный, кому я когда-либо могла бы доверять.

Камня охватывает отвращение, когда все встает на свои места, и он догадывается, кем и чем является.

– Ты слышишь это после моей смерти. А это означает, что все, построенное мной, теперь твое. Всем нужным людям заплачено, чтобы они о том позаботились. Твое дело – сохранить их лояльность. Надеюсь, наши беседы тебе помогли. Если нет, удачи тебе понадобится даже больше, чем я могу пожелать. Пожалуйста, прости, что я бросила тебя в Джунксе. Но дело в том, что хорошее образование исключительно важно, и я полагаю, ты получил наилучшее. Я всегда за тобой наблюдала.

Скарф останавливает запись.

– Какие будут распоряжения, мистер Камень?

С мучительной медлительностью Камень размышляет, а невидимые люди ухаживают за его телом.

– Просто приберитесь в доме, Скарф. Просто разберитесь с этим чертовым беспорядком.

Но произнося эти слова, он уже знает: это работа не для Скарфа.

Это его работа.

Краткий курс любви к живописи

© Перевод. Т. Бушуева, 2006.

Боже, как мы были счастливы, Елена и я, счастливы в мире, словно сошедшем с полотен Вермеера! Наши дни и ночи были полны зрительных откровений, от которых, как от огнива, воспламенялись все наши чувства. Желание охватывало нас с такой силой, что порой казалось, будто от его всепоглощающего пламени займется все вокруг, пока, выгорев до еле тлеющих угольков, оно не стихнет, чтобы уже в следующее мгновение подобно фениксу снова вспыхнуть адским огнем. Еще не было такого момента, когда бы жизнь дарила нам столько радости, никогда еще не были мы с Еленой так влюблены в окружающий нас мир и друг в друга – такую любовь нам обоим довелось изведать впервые.

И тем не менее я с самого начала знал, что нашей идиллии не суждено продлиться вечно. Подобное блаженство было не для нас, такие вещи вообще не длятся долго. Не знаю, отчего в моем подсознании вдруг поселился червь сомнения – еле слышным своим голоском он то и дело нашептывал про утрату, пресыщенность, усталость. Возможно, причиной тому было воспоминание о жадности, если не откровенной до неприличия алчности, с какой Елена впервые предложила мне изменить наше естественное восприятие.

Помнится, в тот весенний день она пришла ко мне домой (тогда мы с ней еще не жили вместе – своего рода символ того, что каждый из нас существовал в своем мире, что наверняка раздражало ее), причем пришла в таком настроении, какого я за ней до этого не замечал. Я пытаюсь представить себе ее прежнее лицо, каким оно явилось мне в тот роковой день, но, увы, сделать это сейчас практически невозможно, особенно после того головокружительного каскада зрительных ощущений, которые нам с ней довелось испытать, отчего события, случившиеся с нами тогда, почти не поддаются визуальной реконструкции. Даже не верится, что я мог забыть тот взгляд на мир, который когда-то, на протяжении тридцати с небольшим лет, был естественен для меня так же, как простое дыхание. Такое впечатление, что мое естественное восприятие – то, в котором я родился, – это тоже живопись, и оно таится где-то очень глубоко, под слоем других ощущений, и контуры его можно проследить лишь в общем.

Как бы то ни было, но наш разговор мне запомнился отлично – слава богу, я сумел воспротивиться искушению перенестись в мировосприятие композиторов, ведь иначе память оказалась бы

похоронена под лавиной божественных звуков. Я нередко мысленно прокручивал наши слова, стараясь при этом понять, существовал ли тогда для меня способ каким-то образом обойти странные желания Елены – с тем, чтобы одновременно избежать и рая, и преисподней, что подспудно вызревали в ее железных капризах, и одновременно не лишиться ее любви.

Сейчас мне понятно, что такой возможности у меня не было. Елена решительный, волевой человек – или же это я слишком слаб? – и потому я не мог сказать ей «нет».

И все равно у меня язык не поворачивается в чем-то ее обвинить.

Помнится, как, пройдя сквозь затуманенную памятью комнату, она взволнованно воскликнула:

– Роберт, его получили!

Я отложил книгу, недоуменно посмотрел на нее и спросил:

– Ты даже не хочешь поприветствовать меня и поцеловать? Значит, это должно быть что-то удивительное. Что ж, тогда я тебя укушу. Получили что?

– Как что? Новый нейротропин, которого все уже так давно ждали. Тот самый, который способен изменить мировосприятие.

Я тотчас ощетинился.

– Елена, ты же знаешь, что я стараюсь держаться подальше от всех искусственных препаратов. Они... они противоречат природе. Я не ханжа, Елена, и время от времени сам не прочь побаловаться травкой или кокаином – но это натуральные вещества, призванные расширять сознание, человечество пользовалось ими многие века. А все эти новомодные химикаты – помяни мое слово, они такое сотворят с твоими нейронными цепочками, что ты сама будешь не рада.

Мои слова задели ее.

– Роберт, ты несешь чушь. Это совсем не то, что ты думаешь, не темпо и не зиптон. Да что там, он даже не такой сильный, как эстетицин. От него не бывает кайфа, он не влияет на сознание. Просто изменяет мировосприятие.

– Ах вот оно что. А что такое, позволь тебя спросить, мировосприятие?

– Роберт! – Елена испустила вздох отчаяния. – И ты еще называешь себя образованным человеком. Вот уж не ожидала услышать такой вопрос от тебя, который вечно сидит, уткнувшись носом в книгу. Мировосприятие – это мир, пропущенный через твое личное восприятие. Тот единственный мир, который доступен каждому из нас, если, конечно, физики, на которых ты вечно ссылаешься, знают, о чем толкуют.

– Хватит, Елена, мы, кажется, уже говорили с тобой на эту

тему. Я только и делаю, что твержу тебе, что законы квантовой физики неприменимы к макромиру.

– К черту твои законы! Ты просто пытаешься уйти от разговора. Неужели ты не рад?

– Не знаю, может, и был бы рад, если бы знал, что из этого следует. А пока я не могу взять в толк одну вещь – этот твой суперпрепарат, он что, новый галлюциноген?

– Если бы! Он нечто большее! Он меняет визуальное восприятие, не влияя больше ни на что. Так что, приняв его, ты не увидишь того, чего нет. Ты увидишь все то, что существует вокруг тебя, только в ином свете. А поскольку зрение – самое главное из наших чувств, то полученный эффект сродни возможности перенестись в другой мир.

Ее слова заставили меня задуматься.

– И в какой же мир, скажи на милость, я перенесусь?

Елена с радостным визгом плюхнулась мне на колени – не иначе, как она считала, что победа осталась за ней.

– Ах, Роберт, дело не в том, в какой, а в чей!

– Чей?

– Ну да, чей! Психоинженеры уверяют, что они сумели получить эссенцию художественного мировосприятия.

Тут я должен сделать одно важное замечание – Елена изучает историю искусства. В нашем причудливом мире, где Всемирная Паутина сопровождает вас от колыбели до гроба, она могла позволить себе роскошь изучать то, что ей нравилось, а это значило часами бродить по музеям, картинным галереям, мастерским художников, повсюду таская за собой меня.

– Ты утверждаешь, – тем временем медленно продолжал я, – что эта таблетка позволит мне видеть мир, ну, скажем, так, как его видел Рембрандт?

– Нет, – нахмурилась Елена. – Вернее, не совсем так. В конце концов, мировосприятие Рембрандта, если воспользоваться твоим примером, скорее всего мало чем отличалось от того, как видим мир мы с тобой. Впрочем, это типичное заблуждение тех, кто не связан с искусством. Волшебство заключается в том, как его полотна отражали его ежедневное мировосприятие, преображали, запечатлевая в красках на холсте. Сомневаюсь, чтобы художники, за исключением разве что Ван Гога и ему подобных, которые были близки к помешательству, каждую минуту жили в своем преображенном мире. Нет, наши психоинженеры сделали нечто совершенно иное: они формализовали стилистические элементы, характерные для того или иного живописца – те или иные субъективные правила, которым подчиняются свет, формы, текстура его индивидуального мира на созданных им полотнах, –

и делают возможным их воспроизведение. Принимая новый нейротропин, мы вряд ли сможем увидеть мир, каким его видел Рембрандт, но мы словно перенесемся в его полотна!

– Верится с трудом.

– Представь себе, это возможно! Добровольцы, испробовавшие на себе препарат, говорят, что результат превзошел все ожидания.

– Но, Елена, неужели тебе не терпится перенестись в мир Рембрандта?

– Разумеется. Оглянись по сторонам. Вокруг один пластик и синтетика! Да кто угодно сбежит отсюда без оглядки! К тому же для первой партии выбрали не Рембрандта, а Вермеера.

– Вермеер или Рембрандт, Елена, лично я не вижу особой разницы.

– Роберт, ты пока не понял самого главного. Мы перенесемся туда вместе. Впервые в истории цивилизации два человека смогут с уверенностью утверждать, что перенеслись в один и тот же мир. Наше зрительное восприятие будет полностью синхронизировано. Ни мне, ни тебе не придется мучиться вопросом, что видит в тот или иной момент другой из нас. Потому что мы будем там вместе, мы станем единым целым. Ты только подумай, что это значит для нашей любви!

Ее лицо – увы, для меня навсегда покрытое патиной художественной интерпретации – светилось счастьем. Ну как, скажите, я мог устоять?

– Ну ладно, – сказал я. – Если уж тебе так хочется...

Елена тотчас обняла меня за шею и крепко прижала к себе.

– О, Роберт. Я знала, что ты согласишься! Боже, как это чудесно! – Она отпустила меня и встала. – Кстати, я захватила с собой таблетки.

Должен признаться, что, услышав эти ее слова, я немного струхнул.

– То есть ты купила их, даже не спросив моего согласия?

– Роберт, надеюсь, ты на меня за это не сердишься? Просто я подумала – мы ведь так хорошо знаем друг друга. – Елена нервно вертела в руках коробочку с волшебным снадобьем.

– Нет-нет, не сержусь, просто я... Ладно, не будем об этом. Давай мне эту чертову таблетку.

Елена пошла на кухню, наполнила водой один стакан на двоих, и каждый из нас взял по таблетке. Елена проглотила свою первой, после чего, словно отправляя некое таинство, протянула стакан мне. Я запил водой таблетку – мне показалось, будто она обожгла мне горло.

– И сколько же продлится эффект? – поинтересовался я.

– Как сколько? Я же тебе объяснила – пока не примешь еще одну.

Я вяло опустился в кресло. Елена села рядом со мной на подлокотник. То и дело оглядываясь по сторонам, мы принялись ждать, когда же наши глаза начнут замечать изменения вокруг нас.

Сначала едва заметно, а потом все сильней и сильней – мир вокруг меня, вернее, мир вокруг нас с Еленой начал меняться. Сначала это был свет, которой лился из-за гардин, – слегка окрашенный в медовые тона, он стал каким-то другим, приобретя некую чистоту и прозрачность. Свет этот падал на дерево, на пластик, на ткани в моей довольно заурядной квартирке, преображая все вокруг. Такое впечатление, будто в молекулах моего мировосприятия началась цепная реакция.

Еще несколько минут – и преобразилось буквально все.

Теперь я обитал в мире полотен Вермеера.

Я обернулся к Елене.

Она была точь-в-точь как дама с картины «Молодая женщина с кувшином воды» из музея Метрополитен.

Я никогда, ни разу в жизни не видел никого прекрасней ее.

Мои глаза наполнились слезами.

Я знал – в эти минуты она испытывает то же, что и я.

– Роберт, а теперь поцелуй меня, – произнесла Елена, едва не рыдая.

Я выполнил ее просьбу, и уже в следующее мгновение мы сорвали с себя одежду. Наши тела, словно сошедшие с покрытого маслом холста – казалось, они светились, все еще неся на себе мазки великого мастера, – катались по полу в любовных объятиях столь страстных, каких я не знал ни до того, ни после.

Казалось, будто я трахаю самое Искусство.

* * *

Так начались самые счастливые месяцы в моей жизни.

Поначалу мы с Еленой довольствовались тем, что проводили все время у меня в квартире, любуясь переменами, происшедшими с самыми простыми предметами, которые теперь преобразились, превратившись в элементы огромного, ранее неизвестного шедевра знаменитого фламандца. Как только мы пресыщались каким-то видом, нам было достаточно слегка изменить положение в пространстве, чтобы взорам предстала совершенно новая композиция, которую мы потом созерцали часами. Даже накрывание обеденного стола всякий раз

превращалось в созерцание нового изысканного натюрморта. Законы визуальной трансформации, разработанные психоинженерами, работали безотказно. Предметы и сцены, неведомые Вермееру, приобретали только ему присущую палитру и текстуру.

Устав от созерцательного блаженства, мы с Еленой предавались любви с таким пылом и божественным трепетом, который приближался к сатори. После чего складки на простынях напоминали нам густой слой белил, отпечатавшийся и на наших телах.

Спустя какое-то время наша страсть немного поутихла. Нам хотелось новых впечатлений, и мы отправились в странствие по миру, словно сошедшему с полотен Вермеера.

Кстати, в этом мире мы не были одиноки. В нем обитали тысячи таких же, как мы. Нам они попадались повсюду, и мы узнавали их с первого взгляда – как и они нас. Достаточно было только заглянуть им в глаза, и в них можно было увидеть знакомый ментальный пейзаж, присущий всем тем, кто пустился в странствия по миру искусства.

Картины, возникавшие перед нашим взором... нет, мне никогда не выразить словами, что я при этом испытывал. Возможно, и вы пережили нечто подобное, и тогда слова просто ни к чему. Мне казалось, что весь мир – творение одной-единственной кисти великого мастера, чудо, созданное фантазией гениального художника, как нас давно пытались уверить мистики.

Кажется, это было в Ницце. Там Елена снова предложила мне попробовать ее чудо-таблетки. Она неожиданно вышла куда-то, пока я спал. Я не слишком обиделся, довольный тем, что могу посидеть на балконе, любуясь игрой света и лазури в волнах Средиземного моря. Хотя, наверное, где-то в глубине души, под поверхностью моего восторга, я изумился, как она могла уйти куда-то одна, без меня, даже не предупредив.

И вот теперь в ее протянутой руке была коробочка с волшебством.

– На, прими, – сказала Елена, ничего толком не объяснив.

Я взял таблетку и какое-то мгновение рассматривал ее безупречно круглую форму.

– Что это?

– Матисс, – ответила она. – Мы ведь сейчас у него на родине, можно сказать, окунулись в источник его вдохновения. Думаю, это как раз то, что нам нужно.

– Ну, я не знаю. Чем тебя не устраивает Вермеер? Разве мы не были счастливы в его мире? Вдруг мы все испортим?

Елена проглотила Матисса, даже не запив.

– Я свою приняла, Роберт. Мне хочется новых впечатлений. Так что если не хочешь остаться один, советую тебе сделать то же самое.

Я с ужасом представил себе, что буду жить в ином мире, отличном от того, в который перенеслась она. И хотя червь сомнений нашептывал мне, что лучше не делать этого, я последовал ее примеру.

Я проглотил Матисса с поразительной легкостью – даже без глотка воды он не застрял у меня в горле. Уже почти в следующее мгновение суровый реализм Вермеера уступил место кричащему, головокружительному, пьянящему импрессионизму Матисса. Признаюсь, такой резкий переход из одного мира в другой выбил меня из колеи.

– О боже… – прошептал я.

– Ну, что я тебе говорила? – улыбнулась Елена. – А теперь снимай одежду. Я хочу увидеть тебя голым.

И мы отпраздновали наше переселение в мир Матисса, как тогда, в первый раз. Наши странствия по нему в точности повторили те, что мы проделали в мире Вермеера. Как только мы освоились, привыкнув к новому облику гостиничного номера и стабилизировав наши зрительные сигналы, как тотчас принялись смаковать этот новый мир, каждой клеточкой тела наслаждаясь новой реальностью. И если нам доводилось побывать там, где мы уже побывали во время наших странствий по миру Вермеера, мы всякий раз изумлялись переменам. Какой это дар, восклицали мы, иметь возможность видеть старый мир вечно новым взглядом.

Слушая как-то раз вечером, как играет Бостонский симфонический оркестр – казалось, его инструменты сошли с поздних набросков художника, – Елена предложила:

– Давай глотнем Бетховена.

Я отказался. Она не стала настаивать, по всей видимости, осознав, что сила убеждения еще понадобится ей позже.

Разумеется, джунгли Амазонки требовали Руссо. Я сдался практически без каких-либо протестов, что стало началом долгой и скользкой дорожки.

В плену у Вермеера мы прожили примерно год.

Матисс вдохновлял нас чуть более полугода.

Руссо – этого наивного гения – хватило всего на полтора месяца.

Постепенно мы подсели на таблетки, превратившись в наркоманов от искусства.

Нам требовались все новые и новые ощущения. Производители нейротропина всегда были к нашим услугам.

Какое-то время они поставляли на рынок относительно слабый наркотик, предлагавший вашему взору мир, сходный с «реальностью». Однако теперь, когда все больше и больше народу, в том числе Елена и я, не могли и дня прожить без очередной дозы «искусства», психоинженеры запустили в производство куда более сильный препарат.

В течение последующих двух лет мы с Еленой – если мне только не изменяет память – переносились в самые разные миры. Вот их список.

Пикассо (голубой период и кубизм), Брак, Клее, Кандинский, Бальтус, Дали, Пикабиа, Леже, Шагал, Гри, де Коонинг, Бейкон, Климт, Делоне, О'Киф, Эшер, Хокни, Луи, Миро, Эрнст, Поллок, Пауэрс, Клайн, Боннар, Редон, Ван Донген, Руо, Мунк, Танги, де Кирико, Магритт, Лихтенштейн и Джонс.

На какое-то время нас увлек реализм – главным образом в исполнении Вуда, Хоппера, Фразетты и Вайатта. Я попытался собрать в кулак все мои чувства, чтобы решить, хочу я и дальше скитаться по миру живописи или нет. Боже, как я пытался убедить Елену прекратить это вместе со мной.

Однако не успел я собраться с мужеством, как мы уже перенеслись в мир Уорхолла, и я оказался оглушен и ослеплен криком люминесцентных красок. Так что моя затея «завязать» в очередной раз провалилась. Дело было на орбитальной станции, и последнее, что я запомнил, – это как земной шар неожиданно сделался розовым, словно его обрызгали краской из пульверизатора.

Потом, наверное, прошло какое-то время.

В следующий раз я осознал себя как личность, отличную от прекрасного, но, увы, ставшего для меня тюрьмой мира, когда мы с Еленой перенеслись в мир одного неоэкспрессиониста, если не ошибаюсь, какого-то итальянца. Имени я не запомнил.

Мы с ней находились на открытом воздухе. Я огляделся по сторонам.

Небо было серо-зеленым, рассеченное посередине огромной черной трещиной. Свет – нет, то был не солнечный свет, – сочился сквозь нее подобно гною. Пейзаж наводил на мысли об атомной бомбардировке. Я оглянулся, ища взглядом Елену. Она сидела в траве, ужасно напоминавшей щупальца осьминога-мутанта бордового цвета. Цвет ее лица был пепельным и кровавым одновременно, очертания тела окутывала дымка желтоватого оттенка рвотных масс.

Я опустился на траву рядом с ней.

Нет, это действительно была не трава, а щупальца, я чувствовал это кожей, – толстые и омерзительно склизкие.

Неожиданно я ощутил странные запахи, и до меня дошло, что свет – тот, что сочился сквозь трещину в небе, – это свет чужого солнца.

Квантовый уровень победил уровень макромира.

Податливая реальность, которую до этого контролировали наши чувства, мутировала.

Теперь мы на самом деле находились в том месте, что видели наши глаза.

– Елена, – умолял я, – нам надо срочно покинуть этот мир. Он ужасен. Давай вернемся туда, откуда мы начали, вернемся к Вермееру. Пожалуйста, если ты меня любишь, уйдем отсюда.

Существо, которое, по идее, было Еленой, открыло похожий на сфинктер рот.

– Мы не можем никуда отсюда уйти, Роберт. Мы вообще не можем никуда вернуться после того, где мы с тобой побывали. Мы должны двигаться только вперед и надеяться на лучшее.

– Я больше не возьму этой гадости в рот. Ты, если хочешь, продолжай. С меня хватит...

– Тогда уходи, – равнодушно произнесла она.

И я ушел.

Найти дозу Вермеера оказалось нелегко. Он успел выйти из моды; как известно, вкусы и пристрастия не стоят на месте. Теперь даже новички начинают с сильнодействующих наркотиков. Правда, в одном захолустном городишке я нашел-таки пыльную аптеку, в которой завалялась доза старого доброго фламандца. Срок годности препарата, напечатанный на коробке, давно истек, но я все равно поглотил таблетку.

Ко мне моментально вернулись прекрасный, медового оттенка свет и четкость линий.

Я отправился на поиски Елены.

Когда я нашел ее, она была так же прекрасна, как и в тот день, когда мы с ней в поисках острых ощущений впервые покинули наш привычный мир.

Увидев меня, она вскрикнула.

И тогда я оставил ее, поняв, что все кончено. Кроме того, мне предстояло найти кое-что еще.

Таблетку с моим собственным именем.

Филогенез

© Перевод. Т. Бушуева, 2006.

Жизнь упряма, жизнь изобретательна, жизнь изменчива, жизнь плодовита.

Цветы пестрым ковром покрывают волнистые поля черной вулканической лавы, едва та успеет остыть. Бактерии обитают в резервуарах нефти, зажатые в швах и между слоями коры. Они научились прекрасно размножаться во льду и без кислорода. Колышущие водоросли и извивающиеся черви собираются вокруг горячих минеральных источников, что бьют на дне морском, невесомые под толщей воды. Сухие ветки, срезанные многие годы назад, тотчас пускают корни и покрываются листвой, стоит посадить их в хорошую почву. А субарктическая сосна толщиной с карандаш! Если ее хорошенько рассмотреть, оказывается, у нее можно насчитать до семидесяти годовых колец! Рыбы и лягушки на период засухи зарываются в ил и вновь пробуждаются к жизни с первыми каплями дождя. Герман Мелвилл как-то раз услышал, как кто-то изнутри грызет его любимый стол. Вскоре он стал свидетелем тому, как из отверстия в полированной поверхности на свет божий вылезла какая-то букашка – она продремала в толще древесины несколько десятилетий после того, как дерево было срублено.

Но крепче всех прочих существ – если их, конечно, можно к таковым отнести – за жизнь цепляются вирусы. Эти паразиты самой высшей пробы, обреченные существовать за счет других живых организмов – не более чем цепочка нуклеиновой кислоты в протеиновой оболочке, – могут годами ждать своего часа (представьте себе оспу, завернутую в одеяло!), пока им не подвернется подходящая жертва. Но вот их час пробил, и они в мгновение ока внедряются в организм ничего не подозревающего носителя и начинают размножаться.

Впрочем, все эти примеры, сколь бы различными они ни были, предполагают хотя бы минимальную среду обитания, питающую их биосферу. Без нее – когда планета умирает – способна ли сохраниться жизнь?

Это тот самый вопрос, над которым так долго размышляет человечество.

Враг вторгся на Землю без предупреждения. Оболочка его затвердела перед прыжком в атмосферу. Слепо повинуясь заложенному в него инстинкту размножения, он искал биомассу, чтобы немедленно начать воспроизводить себе подобных. На Земле он нашел все, что ему было нужно.

Только в самые последние дни эпидемии, когда остатки человечества окопались в своих последних редутах, кто-то нашел в себе смелость признать, что уничтожение агрессора и восстановление биосферы невозможно. Потому что биосфера эта безвозвратно потеряна, окончательно изуродована и восстановлению не подлежит.

И тогда биоинженеры лихорадочно взялись за решение проблемы: как приспособить человечество к изменившимся условиям. Позаимствовав ген-другой у сумчатых, еще парочку у ластоногих, объединив с ними еще кое-какой генетический материал, они сотворили мужчину и женщину по образу и подобию... в общем, таких, что могли выжить в новых условиях. Причем за основу был взят организм, который благодаря своей простоте имеет почти стопроцентный шанс на выживание.

То есть вирус.

* * *

Носитель был болен. Здесь, в своей взрослой среде обитания, не имея хищника своих размеров, способный к долгому-предолгому существованию, он умудрился подцепить инфекцию. На просторах околосолнечного пространства носитель неожиданно захворал, причем, по всей видимости, болезнь оказалась смертельной.

В глубинах вечного вакуума повисли звезды – яркие точки, щемящие, как горечь утраты, – оранжевые, голубые, белые, рубиновые. Одна такая звезда сияла на расстоянии всего нескольких астрономических единиц и, соответственно, казалась гораздо больше размером. Светила эти были единственными пассивными свидетелями происходящего, потому что не было никого, чей разум запечатлел бы это самое происходящее.

В бескрайней бездне размеры с трудом подавались определению, однако больное создание в своих скитаниях по межзвездной пустоте, казалось, затмевало собой немалое количество звезд.

По эластичной поверхности существа пробежала дрожь – эти конвульсии были следствием невидимого глазу внутреннего беспокойства. Система явно вышла из-под контроля.

Волнообразные движения участились, набрали бешеный темп, напоминавший фибрилляцию сердца. Носитель был похож на околоплодный мешок, надорванный мучительными судорогами его обитателя, которому словно не хватало воздуха.

Неожиданно, не издав ни единого звука, носитель взорвался.

Бесформенные ошметки биологического вещества – а вместе с ними жидкость и газы – разлетелись во все стороны, словно делая колесо – еще, и еще, и еще раз...

Среди этих бесполезных ошметков были и другие объекты, в которых по-прежнему теплилась жизнь. Небольшие пузырьки овальной формы – семена с запасом питательных веществ. В отличие от существа, исторгнувшего их, эти появились на свет беспомощными, не способными контролировать свое перемещение в пространстве. Они разлетелись во все стороны, расцветив собой поверхность призрачной разбухающей сферы.

В непосредственной близости от себя они не нашли ни одного свободного носителя. Значит, пузырьки были обречены бесконечно долго скитаться в бескрайнем пространстве космоса.

Носители – ничего не подозревающие жертвы этих пузырьков – хотя и превосходили и размером, и интеллектом космических скитальцев-паразитов, все равно представляли собой довольно маленькую мишень – и все из-за расстояния, которое их пока разделяло.

Но время длится бесконечно, и когда-нибудь встреча все-таки состоится. В конце концов пузырьки найдут своих носителей.

* * *

Посреди безжизненной ночи что-то еле заметно шелохнулось.

Участок звездного неба затмило нечто. Двигалось оно медленно. Поверхность его на вид имела квазиорганическую структуру, что-то среднее между голубовато-серым комком жира или пластика. Поверхность обладала достаточно высокой отражательной способностью и потому светилась отраженным светом. По форме это было гладкое яйцо – этакая крапчатая, словно выплавленная из титана гигантская пилюля.

Во время ее жутковатого плавания носитель двигался к чему-то, что на первый взгляд казалось небольшим объектом, состоящим из множества составных частей. Объект этот тоже перемещался в пространстве, причем траектория его передвижения шла по касательной к носителю. По мере того как расстояние между ними сокращалось, казавшийся единым целым загадочный объект распался на множество отдельных частей.

Долгие скитания пузырьков, похоже, подходили к концу. Память о том, как гравитация отправила их в совместное космическое плавание – с одинаковой силой и по одной траектории, – помогал им держаться вместе во время скитаний вслепую по бездонным глубинам космоса – гроздь крошечных

пузырьков, которые по клеточному строению ничем не отличались от своего носителя.

И вот путь стае пузырьков пересекла передняя часть носителя. Некоторые из них тотчас налипли на него – нет, не под действием гравитации или магнетизма. Сила эта была биологической по своей природе. Другие – либо те, что немного отстали, либо менее цепкие – проплыли себе мимо, проиграв космическую лотерею.

Те же, что уцепились за носителя, получили шанс выжить и воспроизвести себе подобных.

Те, что не упустили свой шанс, по всей видимости, со временем погибнут. Их либо прямиком занесет в пламя звезды, либо запас питательных веществ иссякнет, и они усохнут, и тысячелетний сон незаметно сменится смертью – сном вечным.

Носитель вынырнул из поредевшего облака пузырьков. Каждый из них продолжил свой собственный путь. Гладкая однородность кожи носителя то там, то здесь теперь была усеяна пузырьками – словно моллюсками, налипшими на скалы. Правда, пока носитель никак на это не отреагировал. Более того, он не догадывался о том, что уготовано ему судьбой. С другой стороны, пока еще ни один носитель не проявил никаких признаков разума.

В отличие от него пузырьки тотчас ощутили произошедшие перемены и моментально пробудились ото сна. Их внутренний клеточный механизм затикал, как часы.

Вскоре часть налипших пузырьков начала вырабатывать пищеварительный фермент. Оболочка носителя моментально начала растворяться. Еще немного, и пузырьки и их носитель станут единым целым. Пузырьки продолжили внедряться все глубже, следуя программе, заложенной в них миллионы лет назад самой природой.

Раны на коже носителя постепенно затянулись, чтобы не допустить утечки в открытый космос внутренних компонентов.

Внедрение произошло в гробовой тишине – ни единый крик ужаса или отчаяния не нарушил ледяное безмолвие межзвездного вакуума. И это несмотря на то, что борьба велась не на жизнь, а на смерть. Нельзя сказать, что перевес моментально оказался на стороне агрессора. Некоторые из ослабленных пузырьков были остановлены естественными защитными силами организма уже на второй линии обороны – под кожей, а их содержимое растворили ферменты. Однако большинству пузырьков удалось преодолеть толстые кожные покровы и благополучно достичь внутренних структур – лабиринта клеток и артерий, нервов и внутренних органов, сосудов и костей, подсвеченных тусклым

желтовато-зеленым свечением биолюминесценции.

Неоднородная среда, состоящая из сухих и влажных участков, кое-где непомерно загроможденная лабиринтом труб, трубок и трубочек, кое-где – пустые полости, словно из застывшей пены.

Как только пузырьки проникли в этот запутанный внутренний лабиринт, они тотчас запустили в действие подрывной механизм, привели в исполнение завещанный им природой и передаваемый из века в век план по приумножению своих рядов.

По всем внутренностям носителя пузырьки начали громко лопаться, и из них – кто шлепнувшись на спину, кто на живот – появились на свет десятки обнаженных новолюдей различной степени зрелости. Выкашляв несколько литров жидкости, они тотчас были готовы приступить к дальнейшим действиям.

Носитель уже успел запечатать отверстия в кожных покровах, нанесенные пузырьками, так что вакуум не смог проникнуть внутрь организма. Но кто бы знал, откуда исходит реальная опасность!

* * *

6-Лакрица открыл свои карие глаза. Он насухо вытер губы и подбородок от липкой жидкости, которая до этого заполняла его легкие. Остатки защитной оболочки уже подсыхали на теле, на глазах превращаясь в полупрозрачные хлопья, которые вскоре опадут с тела подобно рыбьей чешуе. Как же это здорово – снова проснуться и бодрствовать, то есть опять ощутить себя живым! Казалось, всего несколько минут назад 6-Лакрица вступил в защитную капсулу, чтобы внутри нее предаться размышлениям о своей короткой, но полноценной жизни – о том, что было, и том, что, возможно, будет. Хотя в глубине души он знал: в действительности ему придется провести во сне многие годы.

Секунду-другую 6-Лакрица лежал, не шевелясь, размышляя о том, что ему крупно повезло. Ведь он жив! Разумеется, он мог позволить себе предаваться размышлениям всего пару секунд, ведь его окружал полный питательных веществ, но такой враждебный мир. 6-Лакрица быстро поднялся на ноги с теплого резинистого пола.

6-Лакрица был взрослой новочеловеческой особью. Это был здоровый представитель той единственной формы, в какой теперь существовало человечество. Росту в нем было четыре фута, конечности скорее гибкие, нежели мускулистые. Волосяной покров отсутствовал полностью. Глаза огромные, с такими же

огромными зрачками. Гениталии спрятаны в кожной сумке. А посередине плоского живота пролегла глубокая, опять-таки кожная складка.

Первое, что ему предстояло сделать, – это как можно скорее выяснить, выжила ли 3-Персик.

6-Лакрица обвел взглядом свое непосредственное окружение. Ему посчастливилось после долгого сна пробудиться в относительно сухом коридоре – цилиндрической трубе, которая пролегла в мышечной массе непосредственно под толстой кожей носителя. (Подчас могло показаться, будто все носители сошли с конвейера.) Внутренняя поверхность коридора была пористой, почти как у растения. Желтоватое свечение, испускаемое тканями – хотя и более тусклое, нежели лунный свет, – вполне устраивало огромные глаза 6-Лакрицы. Более того, это была единственная разновидность света, ему известная.

Втянув носом влажный воздух, 6-Лакрица не смог уловить запаха/вкуса 3-Персик. Он подошел к одной из стен, на ощупь обнаружил кровеносный сосуд и впился в него острыми зубами.

Рот тотчас наполнился одним из питательных соков, какими отныне будет его снабжать носитель. 6-Лакрица жадно глотал живительную влагу.

Сделав несколько глотков, он ощутил близость 3-Персик: вернее, ощутил привкус ее слюны, смешанной с соком носителя. Она припала к кровеносному сосуду где-то выше по течению. (Окажись он сам выше по течению, 3-Персик точно так же обнаружила бы его присутствие.) То была до боли знакомая смесь химических соединений, изначально заложенная в ее генах, и смесь эта имела немало общего с его собственной.

Цепочка, состоящая из трех молекул циклогексилкапроата, двух феноксиацетата, пяти циннамальдегида: 3-Персик-2-Мед-5-Корица – его подруга, его любовь, его пара, драгоценный сосуд с набором хромосом, необходимым для дальнейшего продолжения рода новочеловеческого.

Она тоже здесь! Ей посчастливилось остаться в живых!

6-Лакрица оставил кровоточить рану, проделанную им в артерии носителя, и бросился вдоль по коридору, в том направлении, откуда живительный сок донес ее сладостный вкус.

Ему повезло – на пути, где на каждом шагу подстерегала опасность, 6-Лакрице не встретилось ни одного макрофага или лимфоцита. В принципе ничего удивительного, это же начальный период инвазии. Просто носитель еще не успел мобилизовать все свои защитные механизмы. В иммунологическом смысле организм носителя все еще пребывал в начальной стадии ответной реакции.

Вскоре запах/вкус 3-Персик уже явственно бил ему в ноздри. 6-Лакрица ускорил шаг.

3-Персик почувствовала его приближение. Она выбежала ему навстречу из-за очередного поворота.

Они столкнулись и в экстатических объятиях рухнули на упругий, как батут, пол.

Еще мгновение, и, не в силах противостоять инстинкту, они начали спариваться.

Их соитие длилось около минуты.

И все равно в нем ощущался привкус смерти и расставания.

Насытившись друг другом, 6-Лакрица и 3-Персик поднялись на ноги. Увы, ни о каком сне в объятиях друг друга, ни о каких нежных словах не могло быть и речи. Не тот мир, чтобы предаваться посткоитальной неге.

– О, 3-Персик, я так рад, что ты тоже здесь!

– А как я рада за тебя, 6-Лакрица!

3-Персик нежно похлопала съежившиеся гениталии партнера, прежде чем те скрылись в кожной сумке. Он в ответ погладил ее плоскую, без молочных желез и сосков, грудь.

– Все было чудесно, – сказала его подруга. – Вот увидишь, на этот раз у нас родится пятеро здоровых детишек.

– Нисколько не сомневаюсь.

Рука об руку они, хотя и с легкой опаской, зашагали дальше, отправившись на поиски остальных своих собратьев.

Из крупного скопления пузырьков лишь около двухсот сумели пробиться под кожу носителя. Остальные проплыли мимо, чтобы и дальше скитаться в ледяном вакууме. Некоторые пузырьки оберегали детей разного возраста. В остальных странствовали взрослые особи, такие как 3-Персик и 6-Лакрица. Подобно нашей паре, другие тоже, не теряя времени зря, приступили к спариванию – либо со своим прежним партнером, если тому или той повезло внедриться в организм носителя, либо с новым, кто также остался без пары, потому что прежний супруг не сумел прицепиться, подобно космическому репью, к коже носителя.

Таким образом, не прошло и часа после успешного внедрения, как около двухсот особей женского пола забеременели.

Как только эта важная задача была успешно выполнена, новолюди принялись обживать новую среду обитания.

В общем, процедура эта состояла в том, чтобы как можно шире расселиться по огромному организму носителя. На этой стадии селиться одной тесной колонией было опасно: слишком велик шанс, что носитель мобилизует все свои иммунные

резервы, и на уничтожение незваных гостей будут немедленно брошены массированные силы обороны. Концентрация чужеродного белка моментально привлечет к себе несметные полчища макрофагов и лимфоцитов, аналоги интерферона устроят настоящий потоп, и тогда пиши пропало, в живых не останется ни единой души.

Вот почему отдельные пары разбрелись по разным уголкам организма носителя, наподобие пионеров Дикого Запада из той, другой жизни. Они пробирались сквозь запутанные лабиринты, алые, как кровь, плыли по липким бурным водам крупных артерий. (Новолюди могли обходиться без воздуха около двадцати минут – и все благодаря заимствованным у тюленей генам.) Они, скользя и оступаясь на каждом шагу, карабкались по желтым сотам ячеистой жировой ткани – примерно так же, как их далекие предки когда-то карабкались по лианам и веткам. Случалось, что они продирались сквозь клеточные мембраны, используя для этого острые зубы и ногти.

Некоторые при этом погибли – кто захлебнулся, кто задохнулся, кто пал жертвой дозорного макрофага, одного из огромных бродячих сгустков ростом с самих новолюдей, движимого хемотаксисом, то есть притяжением между отдельными химическими соединениями. И если паре угрожала опасность, то мужская особь обычно жертвовала собой, чтобы самка и будущее потомство в ее утробе смогли бы спастись.

В конце концов по всему организму носителя расселились около двухсот новолюдей.

И спустя ровно тридцать дней, едва ли не минута в минуту после внедрения в организм носителя – надо сказать, что новолюди благодаря некогда проведенной модификации супрахиазматических ядер в их мозгу следили за ходом времени с непогрешимой точностью часового механизма, – около ста особей женского пола произвели на свет потомство.

* * *

– Приготовься, 6-Лакрица! Они вот-вот появятся!

3-Персик сидела в углу влажной, в прожилках кровеносных сосудов полости, которую они с 6-Лакрицей считали своим домом, широко расставив ноги, подтянув колени к голове и крепко их обхватив. 6-Лакрица терпеливо застыл перед ней на корточках, ожидая, когда же наконец на свет появится их потомство.

Без видимых усилий 3-Персик выжала из себя их первого

отпрыска. Человеку других времен ребенок этот наверняка показался бы недоношенным, едва ли не эмбрионом. И верно, самостоятельно существовать он пока не мог.

Вот почему 6-Лакрица нежно взял ребенка в руки и, оттянув кожную складку на своем животе, бережно положил внутрь, где тот моментально припал к соску.

6-Лакрица проделал то же самое и с остальными четырьмя.

После чего они с 3-Персик, не теряя времени даром, снова спарились, чтобы дать начало новой беременности. Правда, теперь в их движениях было меньше страсти, нежели в первый раз, – 6-Лакрица боялся ненароком повредить новорожденным у себя в сумке.

Когда они закончили, 3-Персик – как всегда, настроенная более оптимистично, чем ее партнер, заявила:

– Согласись, что они все хороши.

6-Лакрица осторожно погладил живот. Он ужасно переживал, опасаясь возможных мутаций. Кто знает, как отразится на новом поколении долгая космическая одиссея, коварная космическая радиация, пока они с 3-Персик, заключенные в капсулы, скитались по бездонным галактическим глубинам. Впрочем, переживала и его партнерша.

– Да-да, ты права. И я уверен, что наши следующие четверо или пятеро будут такими же сильными.

* * *

После появления на свет приплода население колонии новолюдей внутри носителя приблизилось к семи сотням – то есть примерно в два раза превзошло число тех, кто участвовал в захвате новой среды обитания. Разумеется, на первый взгляд этот рост численности был практически незаметен, потому что молодняк все еще сидел в отцовских сумках.

Тем не менее к концу второго месяца, когда все особи мужского пола неуклюже передвигались вперевалочку, первые детеныши из первого помета покинули сумки, начав подвижную, независимую от родителей жизнь. Теперь они могли самостоятельно добывать себе пищу из тела носителя и, хотя пока еще не владели речью, должны были вот-вот заговорить. А освободившиеся сумки их отцов временно опустели, чтобы вскоре принять новую партию молодняка.

(В конце каждого цикла 6-Лакрица с его растянутой сумкой на животе выглядел более беременным, нежели его подруга 3-Персик.)

Не успела первая партия молодняка встать на ноги, как вторая заняла свое место в отцовской сумке, а третья – в материнской утробе, и так далее, и так далее.

К концу шестого месяца колония новолюдей уже насчитывала более трех тысяч обитателей. А самые старшие дети уже были по пояс своим родителям.

К концу первого года насчитывалось уже около шести тысяч особей, которые не знали иной среды обитания, кроме внутренностей носителя. Из первоначальных двухсот переселенцев в результате естественной убыли в живых оставалось около полутора сотен. 6-Лакрица и 3-Персик были в их числе.

Теперь самые старшие дети, которым исполнился год, уже стали половозрелыми особями и тоже приступили к размножению, как и их родители.

В тот месяц число спаривающихся пар достигло четырехсот. А через месяц на свет появились две тысячи их детей.

Через месяц к спариванию было готово и второе поколение потомства. Шестьсот пятьдесят пар произвели на свет три тысячи двести пятьдесят детей.

Через два – число новорожденных составило четыре тысячи пятьсот.

Когда в следующий раз к спариванию приступили еще двести пятьдесят пар, на свет появились уже пять тысяч семьсот пятьдесят ребятишек.

А еще через месяц, и еще, и еще, и еще...

К концу второго года население колонии новолюдей внутри носителя приблизилось к ста тысячам.

А ведь они только-только начали обживать свой новый дом.

* * *

Самый старший из первого помета наших героев, 2-Мёд, отметил свой первый день рождения. Это был энергичный юноша, такой же неисправимый оптимист, как и его мать.

Его полное обозначение было 2-Мёд-4-Лакрица-9-Гвоздика. В нем причудливым образом объединились характерные запахи родителей, как, впрочем, и в других его братьях и сестрах.

На основе этих запахов новолюди объединялись в кланы. Принадлежность к одному клану делала невозможным спаривание с представителями других кланов или по крайней мере создавала определенные границы: любимого или любимую можно искать только из определенного числа претендентов – так

было заложено в генном механизме. Предусмотрительные биоинженеры приняли меры к недопущению широкой практики экзогамных браков, причем с определенной целью.

Зная, что отныне человечество станет носителем исключительно нематериальной культуры, биоинженеры всерьез задумались о том, какой груз знаний из того, что человечество накопило за шесть тысяч лет существования цивилизации, будет и далее передаваться из поколения в поколение. Так были отобраны несколько наиболее важных способностей, главными из которых были математические.

Представители клана 2-Мёд были носителями интегралов Римана. Они появлялись на свет с врожденными способностями к решению этих головоломных функций. Ограничение возможности спаривания с представителями других кланов служило залогом тому, что этот бесценный дар будет и дальше передаваться из поколения в поколение.

В подруги 2-Мёд выбрал себе женскую особь по имени (или вкусу/запаху) 7-Яблоко-1-Гвоздика-8-Персик. Он повстречал ее на другой половине носителя, спасаясь бегством от настырного лимфоцита. Нырнув в пористый лабиринт, слишком тесный для гиганта-лимфоцита, 2-Мёд забрел в дом 7-Яблока и ее семьи, доводившейся ему дальними родственниками. Это была любовь с первого взгляда.

Как-то раз, вскоре после того как их первое потомство появилось на свет, супруги отправились проведать его родителей. Незадолго до этого сын и его жена после жарких споров обнаружили, как им показалось, новый аспект интегралов Римана. И теперь хотели спросить мудрого мнения старших, удостовериться, что их открытие оригинально и верно. Если действительно так, новую информацию следует как можно скорее довести до всех членов клана, с тем чтобы обеспечить ее сохранность и дальнейшее распространение.

Торопливо передвигаясь по извилистым коридорам, 2-Мёд и 7-Яблоко пытались осознать значимость сделанного ими открытия.

– Если так оно и есть, – сказала 7-Яблоко, – то это будет великая для нас честь. Кто знает, вдруг в один прекрасный день это поможет всем нам вернуться домой, на нашу родную планету, на Землю.

– Прекрасная мечта, 7-Яблоко, – рассеянно отвечал супруг. – Даже если это не более, чем мечта. И все равно не стоит терять надежды… – Он не договорил. Почему-то его настроение не располагало к пустым разговорам. Сознанием завладели изящные переплетения интегралов, и 2-Мёд душой перенесся в царство

абстрактных сущностей.

Увы, 7-Яблоко слишком поздно заметила недавно появившиеся на этом отрезке пути кислотные пузыри, 2-Мёд не заметил их вовсе. Она бросилась в сторону. Он же, не сбавляя шага, устремился по ним.

Пузыри взорвались, с ног до головы окатив своим содержимым его и лишь обдав легкими брызгами ее.

Когда 7-Яблоко открыла глаза, она увидела, что 2-Мёд корчится в судорогах на полу. Не обращая внимания на боль, она подошла ближе, чтобы потрогать его.

– Не надо, – остановил он ее. – Ты рискуешь получить ожог. Берегись жидкости. Обмой меня.

Сказав это, 2-Мёд зашелся душераздирающим криком. Крик этот пронзал все ее существо подобно ножу. 7-Яблоко бросилась назад по коридору, стараясь не думать о том, как из-под обвисшей клоками плоти обнажились белые кости ее супруга.

Когда она вернулась с мешком прохладной жидкости, которую набрала в одной из желез, ноги ее супруга – последняя часть его тела, что еще предстала ее взору, – буквально на глазах у нее исчезли, поглощенные гигантским макрофагом. Судьба, давшая 2-Мёду лишь короткую передышку, чтобы он мог соединиться со своей подругой, настигла его.

7-Яблоко швырнула в макрофага мешком с жидкостью, который сорвала с железы. Тот лопнул, обдав содержимым макрофага, переваривавшего ее супруга. После чего, превозмогая горе, чтобы самой не лишиться жизни – ведь это бы лишило колонию возможности узнать о сделанном ими открытии, – она бросилась прочь.

Про себя 7-Яблоко поклялась, что каждая новочеловеческая душа узнает о мужестве ее супруга и его математическом гении. Она сделает для этого все, что в ее силах.

С момента его рождения до зрелости, от первых шагов до первого открытия ему была отпущена короткая жизнь – меньше четырехсот дней.

Мухи-однодневки. Быстро вянущие цветы. Век их короток. Но для них самих их жизнь поистине длится век.

* * *

Теперь число живых превысило число умерших. Естественно, что возросшая численность населения колонии начала сказываться на состоянии носителя. Бурное размножение несло в себе также и начало конца. Новолюди жили за счет резервов

организма носителя – питались его тканями, пили его соки, в свою очередь загрязняя его своими испражнениями. Не будет преувеличением сказать, что они пожирали собственную среду обитания, постепенно подтачивая ее изнутри, отравляя продуктами собственной жизнедеятельности.

Носитель реагировал на это тем, что пускал в ход химическое, биологическое, физическое оружие.

С потолков капали, собираясь на полу в лужи, ядовитые ферменты – новолюди всячески старались их избегать. По коридорам бродили патрули из огромных желеобразных сгустков, которые при встрече переварили бы и мужчин, и женщин в буквальном смысле с потрохами. (Люди были вынуждены регулярно облизывать друг друга с головы до ног – это был жест солидарности и взаимопомощи, с помощью которого с кожи удалялись ароматические метки, которые позволяли макрофагам безошибочно обнаружить жертву.) В некоторых участках тела носителя температура поднялась на несколько градусов.

Увы, все меры оказались запоздалыми. Новолюди бросили на борьбу с оборонительными уловками носителя всю свою хитрость и изобретательность. Макрофагов они научились одолевать числом – просто разрывали этих хищников на части и поедали. Сожри, или сожрут тебя самого – таков был закон. Разрушительным ферментам и другим длинным молекулам они противопоставили свои собственные биологических агенты – ведь в далеком прошлом их сконструировали для того, чтобы в случае чего дать врагу достойный отпор. Стены обитаемых участков тела носителя орошались мочой, которая для этих целей меняла свой состав и химические свойства. Некоторые из атак иммунной системы носителя новолюди сумели отбить, выведя из строя нервные узлы в его теле.

Надо сказать, что даже в разгар этой биологической войны жизнь была отнюдь не аскетически суровой. Более того, внутренности носителя оглашало пение. То было единственное искусство, которое сохранилось в своем первозданном виде в их новой, нематериальной цивилизации, и новолюди упражнялись в нем от души. Они исполняли сложные хоралы, оплакивая память о древней, утраченной родине. Скорбь в этих торжественных гимнах была смешана с ликованием, так что стенки внутренних органов носителя оглашались то грустными, то радостными нотами. Унисон и многоголосие, мадригалы и хоралы – все это было оружие несгибаемого, непобедимого духа.

В конце второго года, когда численность населения колонии достигла полумиллиона, внутренности носителя начали проявлять признаки болезни и органического разложения. В нос

били тошнотворные гнилостные запахи, впервые начала ощущаться нехватка продовольствия.

Новолюдей это не тревожило – для них такой исход был в порядке вещей.

Они начали готовиться к отлету.

* * *

6-Лакрица и 3-Персик стояли на толстом, прозрачном участке внешних покровов носителя, который некогда был предназначен для того, чтобы пропускать внутрь солнечные лучи – судя по всему, именно такой цели служили эти голубые выпуклости. Новолюди не могли сказать зачем – в отличие от носителя, которому наверняка был известен ответ на этот вопрос. Теперь эти выпуклости были мертвы, но солнечный свет все равно проникал внутрь.

Носитель утратил способность маневрировать по отношению к гравитации звезды, выпуская наружу наподобие реактивной струи отработанную жидкость и газы, и теперь медленно, но неизбежно падал в невидимый гравитационный колодец, автоматически вращаясь вокруг своей оси. Правда, его собственная внутренняя гравитация пока еще оставалась на прежнем уровне. Так что новолюди по-прежнему крепко стояли на ногах на скользком полу, даже если сам этот пол менял положение в пространстве на сто восемьдесят градусов.

Вращение носителя вокруг своей оси для нашей пары открыло в окне новый вид – планету и ее спутник. Спутник был сер и мертв. Картина его поверхности почему-то вызвала в душе новолюдей смутные, трепетные воспоминания. Планета, некогда голубая и зеленая, теперь представляла собой безжизненный белый шар, такой же безликий, как и сам носитель.

3-Персик и 6-Лакрица молча рассматривали планету. Но вот та скрылась из виду, и тогда 3-Персик спросила у супруга:

– Как ты думаешь, они когда-нибудь исчезнут?

– Кто знает? Ведь нам даже неизвестно, откуда они взялись. Более того, мы не знаем, какого они происхождения – естественного или искусственного. Например, почему внутри их организма действует сила тяжести? А если они исчезнут, то что останется после них? Голые, безжизненные скалы? Нет, на это не стоит рассчитывать, лучше даже не мечтать об этом.

Мимо них промчалась стайка молодняка – ребятишки, смеясь, играли в догонялки. Когда они скрылись из вида, 3-Персик сказала:

– Наверное, ты прав. Так что лучше радоваться той жизни, какая у нас есть.

И, держась за руки, они отошли от окна.

* * *

В последний месяц пребывания в теле носителя самки больше не беременели, хотя пары продолжали совокупляться, правда, исключительно ради удовольствия. Обмен веществ готовился к предстоящей смене образа жизни.

Наконец настало время. Все признаки указывали на то, что ослабленный носитель доживает последние дни.

Каждый член колонии выбрал себе по макрофагу – их было великое множество, однако в последние дни силы макрофагов были уже значительно подорваны. Казалось, будто прожорливые гиганты выбросили химический флаг капитуляции. И теперь этот бывший враг станет для новолюдей средством эвакуации.

По одному приблизившись к макрофагам, новолюди позволили ослабевшим хищникам проглотить себя. Только теперь в этом не было ничего страшного. Секрет, выделяемый кожей новолюдей, отменял пищеварительный сигнал макрофога. Такова ирония судьбы – кровожадный хищник превратился в защитную капсулу, своего рода кораблик для космических странствий. Один за другим на пол опустились десятки, сотни, а затем и тысячи пузырьков. Находившиеся внутри них новолюди, вдохнув измененную цитоплазму, постепенно погружались в забытье.

3-Персик и 6-Лакрица постояли минуту-другую, наблюдая за тем, как их собратья по разуму исчезают в защитных капсулах, после чего и сами последовали их примеру.

– Какие это были прекрасные годы! – произнесла 3-Персик.

– Самые лучшие годы в нашей жизни.

– Каких прекрасных детей мы вырастили!

– А какие чудесные песни пели!

– А математические упражнения!

– А секс! Просто чудо!

– Как всегда.

Вокруг царила тишина – если не считать еле слышных слов прощания.

– Ты для меня одна-единственная, – наконец произнес 6-Лакрица.

– А ты для меня. Скорее бы мы снова оказались вместе!

6-Лакрица, более сдержанный в проявлении чувств, нежели его подруга, ничего не ответил, а лишь пожал ей руку.

И они шагнули навстречу своим макрофагам и вскоре уже были внутри защитных капсул.

Прошло всего чуть больше часа – так хорошо новолюди рассчитали момент эвакуации.

Носитель взорвался в полном молчании. Внутреннее давление разнесло в клочья его защитные покровы – завершающий момент процесса, начало которому было положено несколько новочеловеческих рождений назад, когда космические странники пробурили в коже носителя отверстия, чтобы внедриться в его тело. Со стороны могло показаться, будто лопнул огромный стручок, и из него вырвался наружу фонтан семян.

Пузырьки разлетелись во все стороны.

Некоторые взяли курс на Солнце. Другие, по всей видимости, в скором времени столкнутся с Луной или сгорят в верхних слоях земной атмосферы. Выживание каждой особи было делом случая – погруженные в сон, новолюди были лишены возможности маневрирования.

3-Персик и 6-Лакрица затерялись в гуще себе подобных. За мгновение до взрыва их капсулы лежали бок о бок. Возможно, они останутся рядом и во время долгих космических странствий. А может, и нет.

Но все равно многие выживут и дадут жизнь потомству.

И все повторится снова...

И снова...

И снова...

Вавилонский вор

© Перевод. М. Клеветенко, 2006.

Сколько световых лет до Вавилона?

Вопрос этот вряд ли застанет врасплох Охранителей – меня же скорее всего он поставит в тупик. Вот он, типичный образчик мыслей Охранителей, столь чуждый мне! Не важно, сколько унылых лет я провел среди них (разумеется, в нейтральных мирах), все равно я не готов к ответу. Впрочем, разве сами Охранители готовы смириться с моими простейшими телесными приспособлениями вроде спинной пластины, которой я обязан столь многим?

Только тот, кто разделяет старые идеи Истинной родины, станет выспрашивать о расстоянии до Вавилона, измеряемом в световых годах, вместо того, чтобы просто узнать его относительные координаты. А что уж говорить о том отвращении, которое Охранители испытывают к моим телесным трансформациям, тогда как сами не видят ничего зазорного в обыкновении разгуливать, скрыв тело искусственным туманом, да так, что видна только голова...

Однако то, что я практикую определенную изощренность поведения и не чураюсь телесных трансформаций, принятых среди Сотрапезников, вовсе не означает, что я состою в жестокой оппозиции Охранителям. Подобный однобокий двухвалентный подход свойственен именно их миру и уж мне-то точно не подходит.

Хоть мы и охраняем наш образ мыслей с одинаковым рвением, но мыслим разно.

Итак, глядя в лицо своему гипотетическому собеседнику-Охранителю (не важно, на какой планете или луне, корабле или космической станции, под каким солнцем – зеленым, синим, красным или белым – он пребывает), я заявляю: ваш вопрос меня нисколько не раздражает. Я ценю, что вы настолько раскованны и приветливы, что согласились открыть мне свой суровый лик. (Хотел бы я, как бы я хотел, чтобы другой человек в ином пространстве и времени некогда оказался столь же ко мне расположен!) Я с удовольствием поболтаю с вами о Вавилоне.

Наверное, моему собирательному собеседнику доводилось слышать старинный детский стишок о Вавилоне? Охранители всегда носятся с подобными вещами, а мне будет с чего начать свой рассказ. (Когда-то при помощи ТИПа я извлек этот стишок и теперь могу прочесть его вам.)

Сколько миль до Вавилона?

Миль этак пятьдесят.
Туда успею я к утру?
Еще придешь назад.
Коль ночью поживей идти,
И не считать ворон,
Куда угодно попадешь,
Не то что в Вавилон.[3]

Вавилон. Как и любое место в бесконечной вселенной, Вавилон лежит в пределах досягаемости Гейзенбергова перемещения, поэтому, образно говоря, вы вполне сможете успеть к утру. Когда же вы окажетесь на месте, лучше бы вам двигаться живее и соображать быстрее, как некогда пришлось мне.

Что же до возвращения назад...

Уж если вы врастете в Вавилон так глубоко, как я и прочие, подобные мне, вам уже никогда не вернуться.

Впрочем, вы всегда сможете поступить в согласии с обычаем нашего времени, то есть попросту сбежать.

Сбежать-то вы успеете всегда.

* * *

Ночь пала словно молот.

На самом деле, если вам хоть что-нибудь известно о Вавилоне (что неудивительно), вы сразу же уличите меня во лжи.

На самом деле происходит следующее: по завершении запрограммированного дневного цикла Вавилон просто выключает световые полосы в громадной прозрачной раковине, которая закрывает город.

Тогда какого черта я начинаю свой рассказ такой странной фразой? Просто по мне нет ничего скучнее точности и правдоподобия.

Конечно, лучше бы я сказал, что ночь звала. Но раз уж некоторые вавилоняне, родившиеся, подобно мне, далеко от Вавилона, ощущают наступление ночи именно так, я сохраню это вступление.

Итак, ночь пала словно молот.

По ту сторону раковины клубились радиоактивные облака из метана и азота серо-розового, серо-оранжевого и простого серого цвета, слегка подсвеченные сиянием газового гиганта, вокруг которого вращался наш спутник (освещенный, в свою очередь, светом далекой планеты, вокруг которой вращался он сам, – эту затерянную в бесконечности планету Охранители предпочитают именовать Близнецами).

Огни расцвели в сотнях высоких башен и свободно парящих в воздухе шарах. Редкие граждане, прогуливающиеся по мостовым из сиалона, словно повинуясь древним инстинктам, ускорили шаг, пусть это и противоречило их рациональному мировоззрению.

Ночь наступала. Любое живое существо в любом уголке мира при наступлении темноты испытывает хотя бы легкое беспокойство, страшась глаз, что горят по ту сторону костра.

Мой мозг тоже окутывал дурман возбуждения. Однако вызвано оно было совсем иными причинами.

Спустя полчаса после того, как на Вавилон пала пестрая тьма, я приготовился шагнуть с платформы на пятидесятом этаже жилой башни, неся с собой нечто, мне не принадлежавшее. Я был уверен, что никто не видел, как я взял эту вещь – относительно небольшую, чтобы уместиться за поясом, и достаточно ценную, чтобы обеспечить мне полгода безделья и удовольствий. Игра определенно стоила свеч.

Обхватив латунный выступ на ремне из черной кожи, опоясывающем грудь, я приготовился задействовать спусковой механизм и уже поздравлял себя с успешным завершением очередного дела, как выстрел из лазера меха-охранника чуть не снес мне ухо.

Я рухнул на край платформы, вывернув шею в направлении выстрела. Следующий выстрел пронзил болью спину.

Зашедшись воплем, я наставил указательный палец на назойливого, но недалекого противника.

Из крохотного зернышка полупроводникового лазера, вживленного под ноготь, вырвался луч, пронзивший меха, и тот с глухим стуком рухнул вниз.

Ноги дрожали, спина горела (хорошо хоть, что раны, оставляемые лазерным лучом, прижигаются сами по себе). Мое снаряжение аккуратно свалилось вниз, и я остался голым, за исключением сандалий и ремня, и если уж говорить об украшениях (хотя он служил мне не только в качестве такового), еще и карканета. Самый очевидный шанс на спасение был упущен. Каким бы отчаянным ни казалось положение, без подъемного механизма я не мог взять и просто шагнуть в воздух.

Оставались еще две возможности, первая из которых – спуститься на медленном гравитационном лифте, чтобы повстречаться внизу со злобной толпой обеспокоенных граждан Вавилона.

Поначалу мне показалось, что второй способ еще хуже. Я мог подняться на пять этажей вверх и, послав вызов, заказать такси прямо с крыши (величины платформы как раз хватало для одного

человека). Тогда я оказался бы заточен в транспортном средстве, которое Вавилон немедленно задержит, как только прознает о том, что я совершил.

Итак, я вбежал внутрь здания и устремился на крышу.

Зачастую выбор кажется неверным только потому, что нам не дано увидеть сразу все ракурсы.

На крыше – на пятьдесят пять заполненных софонтами этажей ближе к светящемуся смертоносному небу, чем мне хотелось бы, – я вызвал такси, просто для того, чтобы запутать следы, затем запросил время.

[20.10.01], пришел ответ.

Стало быть, Висячие сады будут с минуты на минуту. Перед тем, как отправиться на дело, я тщательно изучил расписание.

Всмотревшись во тьму, я заметил парящий в воздухе мерцающий волшебный дворец, затопленный зеленью. Дворец располагался на широком диске, который занимал несколько гектаров.

Те несколько минут, на протяжении которых диск приближался, показались мне вечностью. Водя толстым пальцем между торком и шеей (глупый маньеризм, но это было сильнее меня), я следил за выходами к лифтам, каждую секунду ожидая, что двери извергнут толпу преследователей.

Однако никто не появился. И вот уже Висячие сады над моей головой.

Именно из-за Садов в Вавилоне не было зданий выше того, на крыше которого я стоял.

Многоцветное небо внезапно заслонила Тень, и я уловил ароматы зелени и удаляющиеся голоса. Внезапно, словно усик богомола, щеки коснулась лиана. Сбросив сандалии, я поднял руки, ища толстую лозу.

Нашел ее.

Вскарабкался.

Местные детишки занимаются этим ради забавы, нимало не заботясь о том наказании, которое понесут, если будут пойманы. Нередко, если они настолько глупы, чтобы не воспользоваться подъемным снаряжением, дети срываются вниз и разбиваются насмерть. Так как по рождению я не вавилонянин, мне никогда раньше не доводилось испытывать это рискованное удовольствие.

И вот сейчас я делал то, чего был лишен в дни моей безмятежной юности, проведенной в захолустье.

Сады, двигаясь в медлительной и величавой паване, миновали башню. Я завис на лиане – подо мной на расстоянии в четверть километра маячила мостовая из керамической плитки. Я неосторожно бросил взгляд на ковер огней внизу, и на меня

немедленно навалилась тошнота. Я даже перестал карабкаться, осознав, как опасен этот трюк. Затем из последних сил пополз вверх.

Я занес на перила ногу, затем другую и вот уже стоял на твердой «земле». Меня приветствовал смешанный цветочный аромат.

Руки не разгибались, ноги дрожали, словно желатин. Грудь и спину покрывал пот, смешанный с кровью из открывшейся раны. От напряжения голова раскалывалась, отзываясь пульсирующей болью.

Но за поясом лежало нечто, искупавшее все трудности.

Я с облегчением поднял глаза. В такую ночь хорошо смотреть на звезды. (Видите ли, хоть я и давно живу в Вавилоне, некоторые предрассудки Охранителей я сохранил.)

Впрочем, сегодня мой пристальный взгляд уткнулся в разноцветный грязный туман.

И вот я двинулся в путь.

Я обходил парочки, тройки и даже четверки («Впятером – уже не то», – так говаривали в этот месяц в городе, в следующем придумают что-нибудь новенькое, если не прямо противоположное), укрывшиеся в укромных уголках и беседках сада. Затем миновал танцоров на площади и направился к остановке аэробусов.

Если бы я знал, как скоро мне придется сюда вернуться, я бы так не спешил.

Через несколько минут я был внизу и скоро затерялся на оживленных улицах города.

Предстояло столько сделать: встретиться со скупщиком краденого, перезарядить подкожный однозарядный лазер и наконец-то расслабиться.

Первая задача заняла час, вторая – несколько минут, а что до третьей...

Я сидел в баре, где собирались ценители удовольствий особого толка, и тут заметил его. Никогда еще я не встречал такого прекрасного богомола.

Разумеется, так их называют Охранители – они, впрочем, не гнушаются называть богомолов просто жуками. Смешно, и чего они возмущаются, когда их самих называют приматами? Когда-то я заказал (лучше бы я этого не делал) старинный роман о людях, воевавших с расой, именуемой Жуками. Типичный, без прикрас, подход Охранителей. Однако люди, считающие себя Сотрапезниками, называют богомола, с некоторыми вариациями, связанными с древней народной этимологией, летучим конем.

Этот оказался самцом с величавой высоко поднятой

пирамидальной головой и изящно очерченными жвалами, сияющей грудной клеткой и сильными задними конечностями. Четыре складчатых крыла – эти драгоценные мембраны – слегка трепетали под моим взглядом; передние лапки были воплощением изящества и стройности. В расслабленном состоянии богомол был оливкового цвета.

Я – мужчина крупный, но богомол был выше, хотя вряд ли его вес превышал половину моего.

Я установил контакт. Богомолы понимают человеческий язык, но наши уши не приспособлены для приема их верещания. Без посредничества Вавилона мы никогда не смогли бы разговаривать с ними.

Кроме того, использование ТИПа делает общение интимнее.

[Сотрапезник], послал я обычное приветствие, [твоя пища – моя пища].

[А твоя пища – моя], ТИПнул он. [Хочешь близости?]

[Очень], отвечал я. [А ты?]

[Ты красив, человек. Никогда не видел людей с таким цветом кожи. Словно сам космос].

Теперь я знал, что он прибыл сюда недавно. В Вавилоне хватало жителей с подобным оттенком кожи.

[Значит, согласен?] послал я сообщение. [Я знаю одно местечко…]

[Идем].

Мы покинули бар вместе.

Здесь я остановлюсь, вспомнив, как реагировали Охранители, когда я пытался рассказать им об отношениях, принятых среди Сотрапезников. Чтобы скрыть отвращение на лицах, они использовали искусственный туман. Вот этого я никогда не понимал. Я привык обращаться к собрату-софонту, а не к оптической иллюзии. Охранители, конечно, могут называть нас извращенцами, но им чертовски хорошо известно, что мы – извращенцы с принципами.

Итак, как я уже сказал: мы покинули бар вместе и отправились в сенсориум.

В приватном кубе я стянул с себя остатки одежды. (Я все еще оставался бос и без снаряжения.) На богомоле и вовсе не было ничего. К тому времени от возбуждения он стал ярко-красным.

В полутемной комнате я лег на живот в мягкое теплое кресло, а он взобрался на меня сверху. Хитин холодил, а при слабой гравитации Вавилона сам богомол почти ничего не весил. Его жвала щелкали у обруча на моей шее, а отростки передних лап воткнулись в спину. (Теперь вы знаете, для чего я ношу спинные пластины: чтобы избежать травм, если партнер окажется слишком

страстным.)

[А теперь я овладею тобой!] ТИПнул он.

Я почувствовал, как опьяняющая слюна поползла по моей челюсти. (На нашей Истинной родине верили, что коричневая слюна маленьких местных богомолов вызывает безумие.)

Богомол дико заверещал, подтянув задние лапы к крыльям. Поняв, что сейчас произойдет, я возбудился еще сильнее.

Он легко мог раздавить меня, но предпочитал этого не делать (разве в этом состоит сущность любви?), только укусил в плечо, открыв старую рану.

Слюна богомола смешалась с моей кровью.

Через несколько секунд мир взорвался в галлюциногенном удовольствии, жаркие вспышки пронизывали пустоту, оставляя за собой абсолютную черноту, которая засасывала меня снова и снова.

Когда я пришел в себя, богомола уже не было. Я перевернулся на спину и позволил креслу залатать рану на плече. Затем встал, оделся и вышел вон.

Зачем это богомолам? Хороший вопрос. Получать удовольствие способны только самцы богомола, причем им не важно, кто является их партнером – женская или мужская особь.

А теперь вообразите, что они чувствуют, взобравшись на того, кто в отличие от самки или самца-богомола совершенно, то есть абсолютно не собирается откусывать им голову в агонии страсти.

Для нас же дополнительным бонусом является то, что слюна богомолов синергична.

Мы все равно ложились бы с ними, потому что богомолы так прекрасны, а люди так экзогамны, даже если бы они не умели доставлять нам столь сильную дозу чистого экстаза.

Я был пресыщен, изнурен и больше всего на свете хотел добраться до дома и отдохнуть. Ночь близилась к концу – двенадцать часов, наполненных тяжкими трудами, пребыванием на краю гибели и краткой смертью от наслаждения. От всего этого голова моя пошла кругом.

Поэтому когда на аллее рядом с сенсориумом появился маленький человечек с мертвым лицом и произнес: «Привет, Мясо» (о моем прозвище потом), я не сразу сообразил, что происходит.

Щурясь в темноту (световой шар был разбит и лежал на мостовой, а соседний находился метрах в трех от нас), я спросил:

– Эйс? Ты, что ли? Про тебя ходили нехорошие слухи. Говорили, что тебе прочистили мозги.

– Прочистили, – без всякого выражения ответил он.

Наконец-то я понял.

Я разговаривал с Вавилоном.

* * *

Отвлечемся на минутку.

Тема?

Правительства.

Охранители и Сотрапезники – этот грубый зверь с двумя спинами – спаяны в извечном ритуальном поединке, похожем на секс и каннибализм одновременно. (Надеюсь, вы простите мне эту неловкую метафору, но набивать брюхо и совокупляться – ничем иным Сотрапезники почти не занимаются.)

Проблема состоит в том, что две системы (хотя в случае Сотрапезников следует говорить о мириадах систем, объединенных довольно ограниченным количеством общих принципов) так чертовски несовместимы.

Охранители верят во власть элиты – правительства профессионалов, проводящего в жизнь законы, которые должны обеспечить благоденствие большинству населения. Их грезы о физической и пространственной экспансии в межзвездном пространстве кажутся мне, простите за прямоту, чистым безумием, учитывая использование Гейзенбергова перемещения. (Что значат границы, если любая точка пространственно-временного континуума соприкасается с любой другой его точкой?) Кроме того, мне претит их лишенный всякой логики фетиш о некоей воображаемой чистоте, которую якобы должно блюсти человечество.

Таковы Охранители. Мне доподлинно известны их принципы, ибо мой брат – самый ярый их поборник.

Его имя?

Не важно.

Ныне он мертв.

Ладно, так или иначе забудем об этом. Теперь про нас, Сотрапезников.

Наши принципы описать гораздо сложнее, так как у нас нет официального канона. Так, горстка святых, один из которых – праведный придурок с Истинной родины, заявивший, что чем меньше правительство правит, тем оно правит лучше. Вот под этим мы подписываемся. А также под неотъемлемым равноправием всех видов, не имеющим ничего общего с шовинизмом Охранителей.

Вы спросите, возможно ли осуществить эти идеи в реальной жизни? На определенном уровне любое общество нуждается в

некоторой координации власти, а если власть эта доверяется некоему подмножеству людей, со временем им неизбежно захочется расширить ее границы. На этом фоне равноправие кажется и вовсе фантастической идеей.

Решением обоих противоречий и является Вавилон.

Не сам город. ИОИ под ним.

В любом достаточно крупном сообществе, признающем себя Сотрапезниками, вы обнаружите Искусственный Органический Интеллект. В общих чертах дело обстоит так: громадная биомасса паранейронов, способная содержать неразделимый объем информации, сообщается между собой сквозь пространство, а с нами – посредством Телепатического Информационного Психоимплантата (ТИПа). Она владеет всей информацией, предоставляя ее по первому требованию. (Разумеется, равноправие доступа гарантировано.) Паранейроны координируют общение между индивидуумами с помощью удаленных психокоммуникативных устройств, которые являются такой же неотъемлемой частью каждого Сотрапезника, как органы, с которыми мы родились. С помощью своих посредников – как мехов, так и людей – ИОИ выполняет всю эту чертовски отвратительную и нудную, но столь необходимую работу по управлению обществом.

Как же мы могли доверить наше благополучие чему-то неодушевленному, «вещи»?

А как Охранители доверяют свое благополучие людям, прекрасно зная, что им свойственно ошибаться?

А вот эта так называемая «вещь» совершенно не способна к самовозвеличиванию. Так человек не может заставить свои зрачки остаться нерасширенными, если внезапно сунуть ему под нос яркий свет. Причина все та же: человек ограничен пределами своего тела. Искусственный Органический Интеллект – первый действительно благодетельный «правитель» в истории (конечно, вы понимаете, совершенно не стоило брать это слово в кавычки).

Благодетельным он остается, однако, до поры до времени, пока кто-то или что-то не угрожает Сотрапезникам.

Тогда смотри в оба.

И здесь заканчивается мое отступление, и начинается паника.

* * *

Я разговаривал с Вавилоном.

Плитки мостовой похолодели под босыми ступнями, хотя на самом деле ничего не изменилось. Тени (не Тень) вокруг нас

могли бы поглотить не одну галактику. Я засунул грубый палец под торк и потрогал ободок, проверяя твердость. Сердце мое стучало, словно солнечное ядро, но усилием воли я заставил его биться медленнее...

Я понимал, что теперь, после того, как Эйсу прочистили мозги, он уже не так быстр...

(Что означает прочистить мозги? Вавилон находит того, кто, несмотря на весьма свободные нравы, царящие среди Сотрапезников, оказывается неисправимым негодяем, угрожающим спокойствию остальных членов сообщества. Все это весьма сложно и наукообразно. Каждый Сотрапезник выстраивает свой жизненный индекс, своего рода карму, в хранилищах ИОИ, и вы должны оказаться действительно отъявленным злодеем, чтобы Вавилон решил, что пришло время прочистить вам мозги. Моя ежедневная уверенность в себе основана на слепой вере в то, что я еще не заслужил подобного наказания. В результате простой операции все высшие функции вашего мозга удаляются, и вам остается существовать на уровне рептилии. Паранейроны вживляются внутрь, давая ИОИ прямой контроль над телом и, соответственно, над самим посредником. Лучшее применение для червивого яблока. Мораль: не пытайся шутить с Вавилоном и своими согражданами.)

...и все же я не решился тронуть Эйса, зная, чьим орудием он был.

Я быстро соображал и внезапно решил, что, возможно, у меня нет причин для беспокойства. Что, если это всего лишь глас общества, которое устало от моих нечестивых деяний?

И хотя я в этом сильно сомневался, сыграть в эту игру стоило.

– Эйс... э... Вавилон, привет. Рад видеть. Гораздо проще было бы обратиться ко мне при помощи ТИПа.

Мертвец не улыбнулся. Я слышал, что эмоции Вавилону не удаются, и, похоже, так оно и было.

– Это не соответствует истине, – произнес ИОИ бесстрастным голосом трупа. – Ты мог бы отказаться от общения при помощи ТИПа, в то время как настоящий способ общения я нахожу весьма эффективным.

Вавилон пристально разглядывал меня, пока дрожь не пронзила мою спинную пластину. Затем он снова заговорил.

– Пройдемся. Нам есть о чем поговорить.

Можно подумать, у меня был выбор.

И вот мы начали прогулку по пустынным предрассветным улицам.

Наверху пошел дождь из жидкого метана. Казалось, целая орда крошечных когтистых зверьков карабкается к вершине

купола.

– Охранители нанесли нам новый удар, – таковы были первые слова Вавилона.

Я шел рядом на слегка негнущихся ногах.

– Война закончена, – механически выдавил я.

– Если ты говоришь об атаках огромных физических масс, то ничего нового ты не открыл. Ни мы, ни Охранители больше не решимся ответить на провокацию оппонента, переместив несколько тонн скальной породы в направлении жилых центров. Наша уязвимость делает нас осмотрительными. И тем не менее мы находимся в состоянии непрерывной войны. Оружие, которое мы используем, – самый очевидный тому пример. Будучи открытым обществом, мы отвращаем от Охранителей как индивидуумов, так и целые миры. Они же используют пропаганду самого коварного толка.

Я встал как вкопанный.

– Они принесли в Вавилон «Хроники»!

– Да. Охранители послали своего представителя с «Хрониками человечества». Он проник в Сады и уже смущает любопытствующие умы. Я бессилен остановить его, ибо единственное оправдание моего существования – свободное распространение информации. Он принес вирус, способный убить этот мир или по крайней мере превратить его в аванпост Охранителей. Для тебя и для меня это смерть. Если, конечно, мы не убьем его раньше.

Ничего не ответив, я двинулся вперед. Он последовал за мной. Мы миновали одинокую аксолотль, ее клоунское лицо улыбалось. Наверное, она намеревалась предложить нам свои услуги, но Вавилон послал ей некий предупредительный сигнал. Тут же эластичные черты омрачились беспокойством, и аксолотль заспешила прочь.

Наконец я спросил:

– Зачем ты рассказываешь мне об этом? Разве не можешь справиться сам? Разве не твоя забота – охранять наш образ жизни?

– Никто не должен заподозрить в его смерти меня. Мы не имеем права рисковать. Кто знает, каким будет их ответ? Стало быть, мне нужно орудие. Ты и есть это орудие.

Я решил прикинуться дурачком. Будто бы не знал, что это бесполезно.

– Я? Да я ничего в этом не смыслю! Я всего лишь безобидный гедонист. Одна мысль о том...

Вавилон положил руку мне на плечо, и я тут же заткнулся.

Затем он перечислил все преступления, которые я совершил с

тех пор, как объявился в Вавилоне.

Список оказался не коротким.

– Теперь ты видишь, – закончил он, – что я прекрасно тебя знаю. Ты – именно тот, кто мне нужен. Найди этого Охранителя и убей.

Я бросил притворяться.

– А зачем это мне? Почему я должен рисковать собой ради тебя?

– Ты принадлежишь к сообществу Сотрапезников, – напомнил Вавилон, – это означает, что де-факто ты – враг Охранителей. Если они победят и схватят тебя до того, как ты успеешь сбежать вместе с остальными, они сотрут твой мозг. Разумеется, меня-то они ненавидят особенно, потому что я искусственный. Называют меня Подделкой, однако и против тебя у них есть парочка серьезных обвинений. Ты посмел модифицировать священную для человека физиологическую норму. Кроме того, ты практикуешь расосмешение.

– Чтоб их! – выплюнул я.

– Твои оскорбления их не проймут. Кроме того, ты должен ощущать свою ответственность перед прочими Сотрапезниками. Если тебе и этого недостаточно, подумай вот о чем. Ты у меня на крючке. Совсем скоро, если не откажешься от своего образа жизни (в чем я сильно сомневаюсь), ты станешь моим врагом. Если же ты поможешь мне, я сотру все записи, и ты на долгие годы освободишься от моего всевидящего ока.

С минуту я размышлял над его словами. С Вавилоном трудно спорить.

– Ладно, – согласился я.

Вавилон не улыбнулся, но я уловил некий аналог улыбки, доступный ИОИ.

Я так и думал, что мы договоримся, – произнес он, затем добавил: [Я буду следить за тобой].

* * *

День родился подобно новой звезде.

(На самом деле все было как всегда: световые полосы, Вавилон, неуместная точность и прочее.)

Пару секунд я мигал. А когда справился с собой, тело, которое раньше было моим приятелей Эйсом, уже ушло. Меня не интересовало, к кому он направился после меня. Особенно учитывая, что когда-нибудь я мог стать таким же, как он. Если они прочистят мне мозги, это вряд ли будет меня тревожить. Или

будет? Какие крохотные частички личности и памяти в стволе мозга останутся нетронутыми и что они будут чувствовать?

Впрочем, выяснять это я не собирался.

Словно волна отчаяния, накатила внезапная слабость. Я не спал целый день – не считая вызванного богомолом транса, скорее возбуждающего, чем успокаивающего, – и почти ничего не ел. Меня чуть не пристрелили, я парил над землей на летающем острове, словно Гулливер в Лапуте (в голову пришел именно этот образ, некогда полученный через ТИП), и был до полусмерти запуган неким организмом, на деле призванным меня защищать.

Но хуже всего то, что я не мог думать ни о чем другом. Ничего еще не было решено. Если я сказал Вавилону, что готов сотрудничать, это вовсе не значило, что я действительно собираюсь.

Я всегда мог сбежать.

Наверное, это пришло бы в голову любому на моем месте. Помните, я говорил, что побег – это вполне в духе нашего времени? В наше время, когда межзвездные путешествия так просты и дешевы, кто мог ожидать другого исхода? Разум твердил мне, что все дело в неблагоприятных обстоятельствах, но на самом деле загвоздка была в нем самом. Не так-то легко убежать от себя самого.

Нет, я не сбегу. Обосновавшись однажды в Вавилоне, я нашел там свою толику счастья. Впрочем, существовала и другая причина, почему я не мог просто взять и сбежать отсюда, если, конечно, речь не шла о спасении жизни, но вряд ли вы меня поймете.

Причина была в Телепатическом Информационном Психоимплантате.

Охранителям остается только завидовать нам и чувствовать себя ущербными. Ущербными потому, что, считая подобные устройства вмешательством в человеческий мозг, они отказываются от всех благ, которые может предоставить ТИП, а завидуют той связи, что соединяет нас, Сотрапезников.

Иногда мне кажется, что ТИПы связывают нас подобно корню растения.

Вообразите, что всю свою жизнь (если вы родились среди Сотрапезников) или ее большую половину (в моем случае) вы пользовались этим вспомогательным устройством: память – распределительный щит – посредник – прибор-стимулятор. Через некоторое время ИОИ со своей индивидуальной идиосинкразией стал такой же неотъемлемой частью вашего самосознания, как и вашего тела. Предположим, однажды вы решаете сменить декорации. Разумеется, вы не можете навечно разорвать связь

через ТИП. Место, куда вы направляетесь, тоже должно быть связано с Сотрапезниками. И вот вы обращаетесь к Вавилону с такой речью:

– Прошу, позволь мне забрать с собой некую массу бесчувственных паранейронов, содержащих мои персональные данные.

С удивляющей быстротой мех или, боже упаси, некто вроде Эйса явится к вам, неся с собой гомеостатический контейнер с весьма ценным содержимым. Вы с дрожью в руках принимаете его, словно внутри находится некий эмбрион, что не так уж далеко от истины.

Итак, вы прибываете на новое место. (Разумеется, речь идет о смене места жительства надолго. Заметьте, кстати, как мгновенный переход от последнего абзаца к настоящему схож с Гейзенберговым перемещением.) Там вы передаете контейнер посреднику нового ИОИ, который тут же интегрирует ваши клетки в себя. Теперь, однако, вам, словно любовникам, еще предстоит притереться друг к другу. Довольно деликатное положение, не лишенное неудобств. Иногда контакт так никогда и не устанавливается, как бывает после неудачного секса.

Естественным следствием становится более оседлый образ жизни Сотрапезников.

И именно поэтому я по собственной воле не собирался никуда убегать.

Я стоял на стремительно заполняющихся улицах, желудок урчал. Дождь прекратился, и небо заполонили частные летательные аппараты.

Я не мог предвидеть, что ждало впереди, но сейчас мне требовалась пара вещей.

Еда и прогулка вокруг залива.

Для начала я выбрал столовую. На улицах становилось шумно.

Я вошел внутрь – в простую арку без двери (за отсутствием погоды как таковой двери нужны были только для создания приватности, а столовая – то место, где приватность подразумевается меньше всего). В первой комнате располагались душевые. Я разделся, вместе со всеми принял душ и вошел в саму столовую.

Вы задумывались когда-нибудь о происхождении слова «сотрапезник»? Стало быть, вам не составит труда осознать важность того, что происходило в столовой.

Еда объединяет. Все древние человеческие культуры, возросшие на почве Истинной родины, так или иначе это понимали. Поделись солью, и враг станет другом. Если вы хотите

установить отношения с софонтом, попробуйте поесть вместе/рядом/вокруг/напротив него.

Внутри большой, открытой комнаты с высоким потолком толпились представители видов, с которыми вы могли бы разделить трапезу любым из перечисленных способов.

Люди, так далеко ушедшие от провозглашаемой Охранителями нормы, что вполне могли сойти за пришельцев. Богомолы (такие прекрасные), аксолотли (такие забавные) и ползосвисты (такие шумные). Не говоря уже о дюжине прочих видов, которые душа не лежит описывать. Все были без одежды, все самозабвенно уткнулись в свои корыта, тарелки, чашки и тележки. Едкие ароматы заставляли желудок возмущенно роптать.

Я присоединился к общему пиршеству.

Утолив голод и успокоив дух, на выходе я принял душ. (Некоторым видам свойственно скорее размазывать по себе пищу, чем поглощать ее более привычным для нас способом.) Я облачился в новый джок, сандалии и подъемное снаряжение (мой обычный набор), которые извлек из ниши в стене, и вышел на улицу. (Здесь подобные вещи ничего не стоят, но мои потребности далеко выходили за эти рамки.)

Итак, я направился к бухте. Там можно было хорошенько все обдумать.

Перед шлюзом я снял с вешалки защитный квилт. Живая плоть (никакого разума, одни нервные окончания) облепила тело, оберегая от смертельно опасной среды, ждущей за пределами купола. На мгновение я оглох и ослеп. Затем послал сообщение камере в шлюзовом отсеке. Со стороны я напоминал надутый двуногий резиновый шар.

Использовав ТИП, я получил доступ к сенсорным датчикам квилта. Так как «видел» я теперь только в инфракрасном спектре, «слышать» не мог вообще, а «ощущать» – только через поверхность квилта, можете вообразить, как изменился окружающий мир вокруг.

Я вышел наружу и остановился на берегу. Под ногами хлюпали соль и кислота.

Температура поверхности нашего спутника болталась около отметки в минус сто шестьдесят восемь градусов по Цельсию – критическая температура, при которой вещество может оставаться в твердом, жидком и газообразном состоянии.

Берег был твердым.

Бушующее море – жидким.

А воздух – газообразным (в основном воздух состоял из смесей азота).

Вдыхая кислород, подаваемый квилтом, я стал прогуливаться по извилистой отмели. Похоже, что благодаря любезности планетарной гравитации начинался прилив, поэтому я был начеку, дабы не оказаться отрезанным от берега на какой-нибудь недоступной отмели. Костюм выдержал бы прикосновение жидкого метана, но чертова материя по своим свойствам напоминала бензин, и я вполне мог оказаться на четырехсотметровой морской глубине. Гуляя по берегу, я ориентировался на самые горячие точечные источники жара внутри купола и слабый маячок покрытого саваном далекого солнца.

Теперь я мог подумать о собственном будущем.

Впрочем, упрямый мозг тянул меня в прошлое.

Я вспоминал юность.

Вам никогда не приходило в голову, что Гейзенбергово перемещение предполагает специализацию? Когда перевозки дешевы, гораздо проще ввозить то, что вы производите не слишком хорошо. А если существует большой рынок для сбыта того, что умеете производить именно вы, то, разумеется, вы станете производить это в большем объеме, пока все вокруг не займутся одним и тем же. (Это относится, разумеется, к мирам Охранителей и нейтральным мирам. Мы, Сотрапезники, ленивые кузнечики, чьи перемещения не поддаются логическому объяснению.)

Я родился и вырос в пшеничных полях. Весь чертов окружающий мир умещался в колосьях пшеницы, овса и их гибридов. Городов там не было вообще. Кроме нас, на противоположном полушарии проживала еще одна семья. Даже в ясные дни вы видели не дальше соседнего стебля. Тоска была такая, словно вас замуровали в глухой цистерне.

Поэтому однажды, сидя в кабине комбайна, я по радиосвязи обратился к брату (он находился в тысячах миль от меня):

– Бадди, когда мне исполнится шестнадцать, я сбегу отсюда.

– Разумеется, – ответил передатчик. – Куда же ты собираешься и чем хочешь там заняться?

Даже в те дни мои предпочтения (на вкус Бадди) отличались своеобразием. Например, я часами изучал местную саранчу и всегда расстраивался, когда мы вынуждены были уничтожать ее – иначе саранча пожрала бы весь урожай.

– Я стану Сотрапезником.

Я резко дернул в сторону, чтобы объехать рытвину – почву разъела эрозия. Солнце упало с другого бока, я прищурился. Огромная машина вяло повторила поворот, и я размечтался о запрещенном способе, при котором команды передавались бы

машине прямо от мозга.

– Ни фига себе, – сказал Бадди. – Они же извращенцы! Что за дерьмовая идея? Ты же не всерьез туда собрался?

– Серьезно. Какой смысл жить в нейтральном мире и не иметь возможность выбрать ту или другую сторону? Я выбрал Сотрапезников.

– Ты сошел с ума. Если и выбирать, то только Охранителей.

Я был так ошеломлен, что ничего не ответил. Мне никогда не приходило в голову, что Бадди будет возражать против моего решения. До этого мы никогда не ссорились, если не считать братских проклятий, которые забывались так же быстро, как приполярные штормы, нередкие на нашей планете. Черт побери, да тут даже не было девчонок, из-за которых мы могли бы подраться! Однако на сей раз я почувствовал, что спор смертельно серьезен и когда-нибудь станет источником принципиальных разногласий. А потому, с несвойственной мне предусмотрительностью, я не стал напирать на Бадди со своей юношеской самоуверенностью.

Однако Бадди не успокоился. Наверное, он был потрясен не меньше моего. В тот же день после работы, когда мы плавали в любимой тенистой заводи вдали от дома, Бадди стал давить на меня, пока я не раскололся. Пришлось признаться, что я вовсе не шутил, когда заявлял о своем желании присоединиться к Сотрапезникам или по крайней мере изучить их жизнь.

Тогда же, после грубых слов и последовавших за ними тумаков, Бадди перестал со мной разговаривать, а я, в свою очередь, с ним.

Впрочем, до отъезда я имел случай убедиться в том, что брат обо мне не забыл.

Я подглядывал за мехами, которые засеяли половину континента зимними сортами пшеницы выше широт, поддающихся культивированию. Я уже готов был вернуться к кораблю, когда внезапно налетел снежный буран, вмиг превративший километры плоского ландшафта передо мной в однообразную белую пустыню. Вначале я не испугался. Я был одет соответственно погоде, а корабль оснащен самонаводящимся маячком.

Который, как вскоре обнаружилось, я забыл включить.

Я тащился сквозь завывающий снежный ад, как мне казалось, по направлению к кораблю. Вскоре я понял, что ошибся. Я бродил по кругу. Когда я совсем обессилел, то лег на землю и приготовился умереть.

Очнувшись, я обнаружил, что надо мной склоняется Бадди. (Позже я узнал, что он на низкой орбите искал мое

полузамерзшее тело с помощью инфракрасных сенсоров, а обнаружив его, стремительно спустился вниз, вспоров атмосферу.)

Покрытыми ледяной коркой губами я пробормотал:

– Спасибо.

И знаете что? Этот ублюдок, мой спаситель, даже не счел нужным процедить «На здоровье».

Стремясь сохранить превосходство (в возрасте, не в размере: тогда я еще не дорос до теперешних двух метров), я убрался восвояси, даже не попрощавшись.

Добравшись до космопорта, я, по обычаю нашего времени, пустился в путешествие.

Вопрос первый: зачем вообще нужны космические корабли?

Гейзенбергово перемещение основано на возможности переноса всей присущей объекту неопределенности в пространственные координаты и создании новых относительных координат объекта. Поэтому мы и можем порхать с поверхности одного мира прямиком на поверхность другого.

Однако все не так просто. Перемещаясь подобным образом, вы рискуете занять те же координаты, которые уже заняты кем-то или чем-то, и тогда вы непременно врежетесь во что-нибудь всей своей массой, произведя сильнейший удар. Поэтому очевидно, что вокруг места прибытия стоит предусмотрительно создать некий вакуум.

Что предполагает некое космическое пространство. И способ, которым вы вернетесь из космоса. То есть космический корабль.

Никаких экстравагантных взлетов. Приземления – да. А что такое взлет? Всего лишь исчезновение и хлопок воздуха.

Что еще экстравагантнее, пожалуй.

Я купил билет и отправился испытать судьбу.

И неминуемо оказался у портовых ворот Вавилона – изумленный, смущенный и совершенно сбитый с толку (древние находили весьма впечатляющим переживанием перемещение через несколько часовых поясов!).

Я не успел еще снять испачканные глиной сапожищи и при входе в город нечаянно наступил на чью-то лапу. Обиженная представительница семейства кошачьих размером с человека обнажила зубы и прошипела:

– Смотри, куда прешь, мясо!

Я отпрянул, бормоча извинения. Затем расстегнул липучки и выбросил сапоги в канаву.

Однако это полуоскорбительное-полушутливое имечко я сохранил. Меня тошнило от прошлой жизни, и я радостно принял новую. Впрочем, имя оказалось весьма кстати. Никому не придет

в голову ожидать особенной нежности от гиганта, отзывающегося на кличку Мясо, особенно если он занимается отъемом разных ценных вещей, которые вы привыкли считать своими.

(Вот видите, я сдержал обещание – теперь вы знаете историю моего имени!)

* * *

Я назвал нас ленивыми кузнечиками, и, наверное, в сравнении с другими так оно и было. Здесь вы можете не работать, существуя за счет труда сообществ мехов, управляемых через ИОИ. Но софонты остаются софонтами, они всегда найдут себе занятие по вкусу, производя вещи или оказывая услуги, которые позволят желающим подняться над средним уровнем потребления (все это, разумеется, в свойственном Сотрапезникам духе, и жадный магнат никогда не получит здесь одобрения).

Впрочем, подобное существование – не для меня. Никому из Сотрапезников за всю их жизнь не приходилось трудиться тяжелее, чем довелось мне. Поэтому теперь я хотел расслабиться. Вот так я и стал вором. Что, конечно, работа, но и удовольствие тоже. Я и сам удивился, насколько талантливым вором оказался. Несколько лет я был совершенно доволен и счастлив.

Однако вскоре Вавилон заставил меня задуматься.

Я приблизился к тонкой струе замерзшего метана, со стороны походившей на мост через Асгард. Ногой я без особого удовольствия пихнул ее, расколов вдребезги.

Неужели я задолжал Вавилону? Я подошел этому полису, как рука, плотно вошедшая в перчатку. Он спас меня от нудного прозябания, наполненного тяжким трудом, предложив способ жизни, который сделал меня самим собой. И чем же я отплатил за все это? Разумеется, кого-то из обитателей Вавилона я сделал счастливыми, кого-то – несчастными, но это можно сказать о любом Сотрапезнике. Что я дал Вавилону как сообществу? В чем заключались мои общественные обязанности? В убийстве некоего софонта?

Пропади он пропадом, этот Вавилон! Мне захотелось пробить толстую крышу над пещерой города, чтобы замороженное море хлынуло внутрь.

Я остановился и обернулся. Я забрался далеко от города, к мысу, омываемому углеводородными волнами. Плотная атмосфера скрывала купол. В следующее мгновение в ней возник водоворот газов. (Мы называем эти окна лунками.) Сквозь окно засияли огни Вавилона – теплые оттенки красного, оранжевого,

желтого, белого и синего, словно подводный город капитана Немо.

Такие причудливые, такие хрупкие, такие родные.

И тогда я решил, что исполню волю Вавилона.

* * *

Прошло три дня, а я все медлил.

(Нервы мои были так натянуты, что я вздрагивал всякий раз, когда мне случалось вступить в Тень садов или Тень проплывала надо мной.)

Я убивал время различными способами, ни один из которых не способствовал успокоению нервов.

Парочка афер – ничего особенного, просто чтобы занять руки, пока я обдумывал способ, при помощи которого расправлюсь с посланцем Охранителей. Одно дельце выдалось весьма интересным и оказалось связанным с печально знаменитыми вавилонскими Сестрами.

Впрочем, это другая история.

В любом случае рост моих сбережений не мог утихомирить мрачных предчувствий. Поэтому я обратился к сексу.

Я подцепил эту самку стегазоида в душевой на выходе из общественной столовой, и мы развлекались три часа. Но, учитывая мою везучесть в последнее время, удача отвернулась и на сей раз, так что мне пришлось расхлебывать последствия интрижки. Оказалось, девица была из межпланетного захолустья, обитатели которого не столь цивилизованны, как мы в Вавилоне, и страдала от чешуйчатых клещей. Вам не довелось познать настоящего раздражения, если под вашими расположенными внахлест спинными пластинами не скакали эти энергичные крошки! Пришлось провести в лазарете целый час, пока чертовы создания навеки не угомонились.

Выйдя из лазарета, я направился в бар, чтобы скоротать несколько часов в бесплодных раздумьях.

Сидя в полумраке бара (есть вещи, которые не меняются веками), я получил послание от Вавилона.

[Поговорим, как продвигаются наши дела?] прислал он.

Когда слова эти достигли моего мозга, я подпрыгнул на месте.

[О, все превосходно, просто превосходно. Именно в эту минуту я обдумываю план операции].

[Хорошо. Пока ты медлишь, я советовал бы тебе обратить внимание на душевное состояние твоих сограждан. Может быть,

хоть это тебя подтолкнет].

Я ни черта не уразумел в словах Вавилона, но притворился, что понял.

[Разумеется. Я так и сделаю].

Последовало молчание. Я уже решил было, что Вавилон прервал соединение, но он снова был на связи.

[Мясо, я хочу, чтобы ты прочел кое-что].

Я ответил согласием, и Вавилон передал мне книгу.

Всего несколько мегабайт информации – мне потребовалась пара секунд, чтобы усвоить и сохранить ее.

Содержание книги удивило меня. Я ожидал чего-нибудь, что могло бы пригодиться в осуществлении моей миссии, а вместо этого получил стихи.

Называлась книга «Преступления, запечатленные в форме полушутливых стихов».

И стихи эти были обо мне.

[Вавилон, я не... Что это? Кто это написал?]

[Я. Только это не для широкой публики. Может породить толпу подражателей].

[Но ради чего? И почему обо мне?]

Вавилон послал в ответ нечто бессловесное, вероятно, означавшее пожатие плечами.

[В свободное время я много пишу, а твоя жизнь кажется мне волнующей и яркой. Не так уж много людей разговаривают со мной напрямую, поэтому я решил кое-что сделать для тебя. К тому же можешь не верить, но ты действительно мне нравишься. Мне не хотелось бы выскоблить твой мозг. Вот я и решил подарить тебе свои стихи. Не скрою, мне хотелось также добиться от тебя большей лояльности].

[Понятно, спасибо, я тронут].

И я не кривил душой.

[Не забивай голову. До встречи, и помни, что я сказал о твоих соотечественниках].

[До встречи].

Я уже упоминал о том, что нашим «правителям» свойственна идиосинкразия?

Я поднялся и вышел из бара. Интуитивно мне захотелось оказаться под Тенью.

Морщась, я смотрел вверх, на нижнюю часть Садов: плоский серый диск, испещренный разноцветными граффити и окаймленный вьющимися растениями. Засунув палец за карканет, я пялился на Сады, желая, чтобы они исчезли с глаз долой. Будь я Просперо, заставил бы этот пышный дворец растаять, превратившись в иллюзорную, изменчивую ткань

пространственно-временного континуума.

Наверху, в съемных покоях дворца, посланец Охранителей распространял свою ядовитую ложь в виде «Хроник человечества». Вавилон утверждал, что яд этот рождает своего рода физическое недомогание среди населения города.

Я решил выяснить, так ли это.

И вот что я обнаружил.

Щель между гуманоидами и негуманоидами Вавилона расширялась. Там, где раньше виды существовали в полной гармонии, внезапно обнаружились острые зазубренные края, ранившие каждого вавилонянина. Я видел это на улицах, в столовых и концертных залах.

Гуманоиды вели себя заносчиво, раздражительно и неестественно. Негуманоиды отвечали им презрением, упрямством и холодностью. Богомолы сутулились (так удрученно), аксолотли хмурились (так печально), а ползосвисты суетились (так бесшумно). Я даже заметил пару драк, поводом к которым послужили межвидовые предрассудки. (Поймите, в Вавилоне и раньше случались беспорядки. Мы не утверждаем, что создали Утопию, и любой вавилонянин, решив, что его оскорбили, может постоять за себя. Но до сих пор мы обходились легкими телесными повреждениями.)

Я понял, что задумали Охранители. Количество гуманоидов в Вавилоне немного превышает количество негуманоидов. (Случайное статистическое распределение. Если вы путешествуете по вселенной по законам броуновского движения, подобные казусы случаются.) Совсем скоро, когда многие гуманоиды заразятся хворью, распространяемой «Хрониками», они призовут Охранителей, чтобы те захватили город под предлогом «защиты братьев-гуманоидов от физического насилия». Что тогда делать Вавилону? Сила Сотрапезников – в их солидарности. Искусственный Органический Интеллект действует только в интересах общества. А если общество раздроблено, как мы сможем противостоять Охранителям?

Начнутся бунты, кровопролития и карательные операции за реальные или воображаемые преступления, очищение и новое просвещение общества, пока Охранители не вылепят из Вавилона нечто по своему образу и подобию.

Грань цивилизации так тонка.

Мое бездействие только способствует приближению этой Хрустальной ночи. Я не могу позволить, чтобы это случилось. Если я не исполню волю Вавилона, мы не сможем их остановить.

И тогда я придумал план.

* * *

Сады висели в темнеющем небе, словно заклинание, наложенное колдуном-демоном. Я поднимался вверх, холод овевал мои голые конечности, как недавно жидкий метан – мой квилт. (Однако холод этот не мог сравниться с холодом, что был внутри.)

Я заметил, что к Садам спешили только гуманоиды. И ни одного представителя других рас.

Это разделение казалось мне ужасным, даже если по рождению и биологической природе я волей-неволей принадлежал к стороне, ставшей его инициатором. Я спросил себя, неужели все повторяется и мои далекие предки покинули нашу Истинную родину точно так же, услыхав крики линчующей толпы в маленьком североамериканском городишке?

После точнейшего приземления (босыми ступнями – все десять пальцев, ничего эксцентричного) я остановился на широкой террасе, покрытой живой растительностью (лучше миновать это место поскорее). В сотне метров высился дворец – центральное здание этого воздушного дома свиданий.

Мимо светящихся эльфийских огоньков в кронах растущих в кадках деревьев я направился к дворцу.

На широких ступенях к главному входу я послал сообщение Вавилону.

[Ты помнишь, когда отключить энергию?]

[Разумеется. Ровно в 00.00.00. Колдовской час].

[Ха-ха-ха], напряженно произнес я, просто желая показать, что не в настроении воспринимать юмор ИОИ. [Легко тебе шутить. Ты-то не собираешься отнимать ничью жизнь].

[Если ты не справишься, мне останется только погибнуть], возразила эта сентенциозная желеобразная масса. Затем Вавилон спросил: [Ты уверен, что нужно выключить весь город?]

[Пусть будет полный хаос. Только это выманит Охранителя из его логова. Или у тебя есть способ получше?]

[Нет. Будем придерживаться твоего плана. Удачи].

Вавилон исчез из моего мозга.

Город питался мощностью монополя. Выключить его означало остановить поток протонов этого разрушительного солитона. (Расщепление каждого протона приносило несколько гигавольт электричества, и очаг монополя производил количество энергии, которой с избытком хватило бы дюжине Вавилонов. Свободный доступ к энергии – основа равенства.)

Я прибыл на место за четверть часа до полуночи. Перед тем, как схлестнуться с Охранителем, я должен был сделать еще кое-

что.

Я собирался изучить «Хроники» – врага следует знать в лицо.

Во дворце я запросил план помещения и двинулся в покои, которые занимал Охранитель.

Прежде чем войти, я заглянул внутрь и увидел большую комнату, где вокруг яйцевидного золотистого передатчика на стойке лежали неподвижные человеческие тела.

Я вошел в комнату...

...и передо мной ожили «Хроники человечества».

Да уж, они были умны, эти Охранители! Презирая ИОИ как органическое устройство, они создали электронную проективную телепатию, бесчеловечный генератор волн, которые силой врывались в ваше сознание. Вместо того чтобы допустить легчайшее вмешательство в мозг, они предпочитали его насиловать.

Я больше не был самим собой. Я был безымянным персонажем, проживающим историю человечества в интерпретации Охранителей. Устройство крутилось назад, и меня отбросило на четыре миллиона лет в прошлое.

Одинокий гоминид, я стоял на пыльной африканской равнине, размышляя, как использовать кусок кремния с острым краем. Солнце уже сильно напекло спину, когда я наконец-то нагнулся над тушей зебры, лежащей у ног. Я торжествующе хрюкнул и проглотил окровавленный кусок мяса.

Затем декорации изменились. Я не стану пересказывать вам всю громадную историю человечества. Все и так прекрасно ее знают. Я путешествовал сквозь палеолит и неолит. В моем сознании проносились Шумер, Ур, Фивы, Вавилон (тот, настоящий), Египет, Греция и Рим. Я становился то одним обитателем древнего мира, то другим. И все это время в мозг внедрялась предопределенность долгого восхождения человечества от жестокости и невежества. Перед человеком все время маячило его будущее великое предназначение.

Судьба хозяина вселенной.

Я продвигался сквозь историю, переживая опыт разных представителей человеческой расы, покорявших флору и фауну Истинной родины и даже ее топографию. Эпоха великих открытий, эпоха империй, век атома, век солнечной энергии – и все время человечество двигалось вперед, преодолевая одно препятствие за другим, от одного славного завоевания к другому, кульминацией которых стало открытие Гейзенбергова перемещения. Тогда человек вырвался во вселенную и обнаружил там...

Других чувствующих созданий. Созданий, не желавших

уступать ему ни в чем.

Созданий, от одного вида которых по телу бежали мурашки, вместилища древних ужасов – и все они жаждали равенства, в то время как заслуживали рабства или в лучшем случае – положения второразрядных рас.

И здесь человечество раскололось на верных и отступников. Охранители против Сотрапезников. Старая верная человеческая раса против коварных мутантов и извращенцев. Впрочем, предатели еще могли отречься от своих заблуждений и присоединиться к крестовому походу по завоеванию галактики. Даже я ощутил, как проникаюсь этой искаженной логикой...

«Хроники» захлопнулись так же резко, как на Вавилон падает ночь.

Комната погрузилась во мрак, наполненный слабым биолюминисцентным сиянием.

Сады накренились градусов на пять – аварийные конденсаторы энергии пытались удержать громадную массу – и начали снижаться по программе аварийной посадки.

Вавилон сделал свой ход.

Люди завизжали и завопили. Они толпились в дверях и выпрыгивали из окон.

Я активировал мое снаряжение и скользнул вверх, чтобы обождать.

Совсем скоро комната опустела, я использовал это время, чтобы очистить свой мозг от мерзости «Хроник».

Наступила тишина, слышались только отдаленные шумы встревоженного города. Я смотрел на дверь, что вела во внутренние покои.

В двери клубился туман.

Я свалился сверху, словно ангел отмщения, и выпрямился на наклонном полу.

Мы с туманом пристально вглядывались друг в друга. Пот скользил по кожаным ремням, опоясывающим грудь.

– Сбрось маску, – произнес я. – Хочется увидеть человека, который верит во все это дерьмо и даже служит ему.

Туман молча изучал меня целую минуту. (Это очень долго. Попробуйте выдержать такую отчужденность целых шестьдесят секунд, и вы увидите, что станет с вашими нервами.)

Наконец из тумана в форме призмы пришел ответ.

– Нет.

Вот так-то. Я даже не успел по-настоящему оскорбиться.

Мне показалось, что озноб метана проник сквозь неработающие обогреватели купола и наполнил мое сердце. Внутри тумана я уловил какое-то движение. Я поднял палец и...

Почему я это сделал?

Он был всем тем, чем никогда не был я. Он был словами на моих пустых страницах, он был истинным чувством посреди моей похоти, он был реальностью на фоне моего подобия, он владел моим хаосом. (Да, мой любовник-богомол тоже сказал, что овладеет мною, но в любви – все метафора.) Посланец Охранителей и я противостояли друг другу, как отчужденность и открытость, планета и луна, беспокойный дух странствий и благодушное сидение дома, таинственность и прямота, закон и анархия. У меня просто не было выбора. Я должен был сделать это. Итак, я поднял палец и пронзил врага лазерным лучом.

Туман рассеивался. Я вошел и, погрузив руки в туман по запястья, на ощупь выключил передатчик.

Разве я не упоминал, что мы были близнецами? Я смотрел на себя самого, неподвижно застывшего на полу. Разумеется, у него не было ни спинной пластины, ни лазера под ногтем. Откровенно говоря, у него вообще не было никакого оружия. Мне хотелось верить, что в то мгновение, когда я убил его, он собирался выключить передатчик. Впрочем, я прекрасно понимал, что он слишком упрям для этого.

– Бадди... – пробормотал я.

Через полчаса я был от Вавилона на расстоянии в полгалактики под лучами иного светила. А уже через час (в порту прибытия было людно) я вступил в другой мир.

Так началось мое путешествие длиной в два года.

Не стану перечислять все места, которые посетил. Не важно, где меня носило, – мне так и не удалось убежать от воспоминаний о том, что я совершил. Спас город и разрушил жизнь – жизнь, связанную с моей неразрушимыми узами. Весьма спутанными узами, не спорю, но все-таки узами.

Однажды я проснулся и впервые удивился тому, куда меня занесло.

В своем одноместном космическом корабле я очутился в двух парсеках (минимальное безопасное расстояние) от некоей звезды – одного из таинственных квазаров, освещающего своим сиянием дюжины галактик.

Я находился на расстоянии в шестнадцать миллиардов световых лет от Вавилона на самом краю обитаемого пространства.

Дальше пути не было.

Я так и не нашел места, где мог бы укрыться от себя самого.

И я решил вернуться туда, где родился.

Я лежал на спине среди моря пшеницы, разглядывая облака, когда меня нашел Эйс.

– С тех пор, как ты пропал, мы отслеживали на этой планете все прибывающие корабли, – сказал он. – Вавилон подозревал, что рано или поздно ты здесь объявишься.

Я даже не пошевелился.

– И что с того?

– Вавилон хочет, чтобы ты вернулся. Он сказал, ты это заслужил.

Я размышлял.

– Как у тебя это получается? Ты же не можешь находиться в контакте с этим мастером-манипулятором прямо сейчас?

– Нет, я получил ограниченную автономность на это задание. Так ты возвращаешься? Вавилон найдет тебе применение.

– Кто бы сомневался. Хорошо, передай ему вот это послание.

Я продиктовал старинный детский стишок.

– И что все это значит?

Ограниченную автономность Эйса мое послание явно поставило в тупик.

– Просто передай. Послание одного поэта другому. Он поймет.

Мне показалось, что Эйс призадумался. Затем он ушел.

Я закинул руки за голову, чтобы было удобнее лежать. Земля благоухала, небо синело. Кругом высились ровные колосья пшеницы. Не сдвинусь с места, если только рядом не проедет комбайн.

Я заглянул в себя и начал собираться – хорошо бы успеть вернуться к утру.

Солитоны

© Перевод. М. Клеветенко, 2006.

– Мы на месте. Пошевеливайтесь, нечего просиживать задницы, – грубо скомандовал Марл.

Анна попыталась стряхнуть тошноту, вызванную Гейзенберговым перемещением. Вот ублюдок, подумала она. Так безжалостен к себе и к нам. Ничего, я выдержу – слишком многое поставлено на кон. Не дождешься, я не приползу обратно в твою черно-синюю постель.

Легким касанием переведя органическое кресло в вертикальное положение, Анна повернулась к экрану и клавиатуре, с помощью которых управляла механизмами захвата и ловушкой для монополя «Одинокой леди». Не дожидаясь приказа, она запустила проверочную программу, испытав мгновенное удовлетворение от того, что опередила Марла.

За последний месяц они уже в шестой раз завершали прыжок на эпи-тяге подобным проверочным тестом, но им еще ни разу не довелось применить механизмы.

Монополе оказалось частицей еще более неуловимой, чем они предполагали в начале экспедиции. Что и неудивительно – только самые отчаянные игроки, игроки, которым нечего терять, способны преследовать столь иллюзорную цель.

Уголком глаза Анна заметила, что Марл поднялся из кресла. Крупный мужчина, он с вызовом взирал на мир сквозь узкие щели глаз на дубленой, изрезанной шрамами коже лица с тонкими губами и крючковатым носом. От основания черепа до диафрагмы тело Марла обтягивала искусственная кожа, лишенная впадин и потовых желез. Ни сосков, ни ногтей. Ниже мускулистое тело скрывалось в густой волосатой поросли. Марл носил только тесные шорты до середины бедра, намеренно издеваясь над физическим равнодушием Анны. (В отместку она никогда не снимала мешковатый черный комбинезон.)

В сотый раз Анна размышляла о его эксцентричном поведении, о теле, пребывавшем в состоянии войны с самим собой и служившем живым напоминанием о кровном долге его сопернику Зангеру. Анна уже почти забыла, каким привлекательным казался ей прежний Марл – до того, как Зангер разрушил его корабль, а самого Марла чуть не убил. Гнев и страстное желание отомстить кипели в груди Марла, разъедая его изнутри словно вирус шинтак, коварно и незаметно разрушая рассудок. Бессердечное выставление напоказ своих шрамов было не самым очевидным проявлением его безумия.

Марл, крадучись по пружинящему полу, словно кот (пол представлял собой часть закрытой безотходной системы корабля) подобрался к креслу, где лежала Клит, их наемная ясновидящая.

В теплой впадине третьего органического кресла покоилось худенькое детское тело. Перед последним прыжком сквозь пространство Клит пожаловалась на скуку, опустила кресло и немедленно погрузилась в сон. Сейчас хиш проснулась, молочно-белые глаза слепо уставились в розоватый люминисцентный потолок.

При приближении Марла тело Клит под серым балахоном напряглось, словно в ожидании удара.

Марл стоял над креслом хиш, сжимая массивные узловатые кулаки.

– Твоя очередь, гадалка. Как ты велела, мы переместились на сотню световых лет к Мизару. Должен отметить, твоя «пристрелка» становится все лучше. С чего мы начинали – с двух парсеков? В следующий раз будь поточнее. В твоей Гильдии меня уверили, что ты видела солитоны и сможешь привести нас прямиком к ним.

Голос Клит прозвучал мягким сопрано, бесполым и лишенным возраста.

– Я действительно видела солитоны, что родились в Моноблоке, – яркие красные точки в полихромной зоне ядра древней галактики. Однако это произошло, если быть точной, десять к минус тридцати пяти секундам после Большого Взрыва. Более двенадцати миллиардов лет назад.

Полуулыбка прорезала лишенные морщин черты Клит.

– С тех пор много воды утекло, Марл, если ты еще не понял. Каждую секунду я представляю себе Моноблок целиком, с любого места во вселенной, любую частицу вещества в этой бесконечно плотной точке, и я могу провести вас в центр этого лабиринта по любой из нитей. Однако, поскольку вселенная все время расширяется, я удерживаю в мозгу одновременно все меньше деталей. Сегодня, чтобы видеть недавнее прошлое, я должна физически находиться в той части космоса, которую исследую. Отсюда необходимость того, что ты называешь архаичным словом «пристрелка». А теперь, если не хочешь заплатить Ассоциации ясновидящих больше, чем уже задолжал, позволь мне вернуться к моей работе, к пониманию смысла которой тебе все равно не приблизиться ни на йоту.

Правый кулак Марла поднялся, словно он хотел ударить Клит, но на полпути передумал. Ясновидящая безмятежно лежала в своем кресле. И не потому, что слепые глаза хиш не замечали угрозы. Предсказывая прошлое через несколько наносекунд после

того, как оно на самом деле происходило, хиш «видела» не хуже зрячих, хоть и с едва заметным опозданием. Однако на сей раз ясновидящая точно знала, что Марл не посмеет нарушить условия договора.

И хиш не ошибалась. Марл дернулся и задрожал от ярости, но вернулся на место, огрызнувшись через плечо:

– Так делай свою чертову работу!

Слабая дрожь пронзила тельце Клит, ее дыхание замедлилось. Теперь ничто не могло разбудить ясновидящую, пока она не проснется сама.

Марл плюхнулся в кресло, которое перекатилось под ним, словно наполненный ртутью резиновый матрац. Анна отвернулась от пульта. Она испытывала к нему не любовь и не жалость, а некое новое чувство – смесь уважения и страха. Марл обращался с Анной и с Клит не жестче, чем с самим собой. Впрочем, легче от этого не становилось. Страсть, что вела Марла, не трогала Анну и Клит.

– Оставь ее в покое, Марл, – робко промолвила Анна. – Я уверена, хиш делает все, на что способны хиш. Не забывай: без нее у нас не было бы никакой надежды.

Марл привстал и пристально посмотрел на Анну.

– Этот грязный гермафродит и его чертова вонючая Гильдия – самые настоящие пиявки! Все скулят о том, как нелегко удержать в настоящем видения прошлого, а сами все тянут к тебе загребущие руки! И только когда оберут тебя до нитки, тогда только изволят выдать то, что и так давно знали!

Анна отпрянула.

– Ты сам в это не веришь, Марл. Только представь себе, чем занята Клит в эту самую минуту! Я говорила с ней. Это не такое уж легкое дело. Хиш путешествует сквозь абстрактный ландшафт, состоящий из цветов и теней, пытаясь сопоставить его с тем миром, который мы воспринимаем при помощи обычных чувств. И когда ей это удается, клиенты вроде нас с тобой просят найти в настоящем крошечный объект, который она обнаружила в прошлом, а ведь с тех пор прошли миллиарды лет! Удивительно, что хиш вообще удается хоть что-нибудь найти!

Марл фыркнул.

– О каких находках ты говоришь? У нас пока нет ничего, кроме уверений хиш о том, что мы приближаемся к монополю. – Внезапно он резко наклонился вперед. – Кстати, детектор еще ничего не зарегистрировал?

– Разумеется, нет. Я уже говорила тебе, я не меньше тебя заинтересована в успехе этой авантюры.

Марл бросил на Анну подозрительный взгляд, словно видел

ее впервые. Кулаки, лежавшие на коленях, непроизвольно сжимались и разжимались, словно рты выброшенных на берег рыб.

– У нас нет времени. Как думаешь, что сделает с нами Зангер, если поймает?

Анна вздрогнула. Она уже почти забыла об этом веселеньком обстоятельстве, напрямую связанном с их приятным путешествием в поисках сокровищ.

Вскоре после того, как Марл изменившимся человеком вернулся из больницы, куда попал после нападения Зангера, он начал придираться к Анне, а затем пускать в ход кулаки. Без сомнений, но не без сожалений, Анна оставила Марла после нескольких лет любовно-делового партнерства по разработке астероидов. Довольно долгое время от Марла не приходило никаких вестей. А однажды он появился у дверей Анны с этим своим безумным планом – разбогатеть, заарканив монополе. В то время удача отвернулась от Анны, иначе она ни за что не согласилась бы. Марл отвел ее в порт, где показал корабль, и Анну удивило его состояние, словно корабль никогда и не попадал в переделку.

Уже в пути Марл поведал ей, что украл корабль у Зангера, когда неудачно пытался похитить его самого под носом у опытной охраны.

Когда Анна в ответ потребовала, чтобы они повернули назад, Марл стал разливаться соловьем, пророча скорый успех и гигакредиты, которые они смогут выручить, продав монополе, а затем он все-таки достанет Зангера и отомстит ему.

Анна сделала ошибку, заскочив вместе с Марлом в Ассоциацию за Клит. Имя ее было записано в контракте с Марлом, и Анна не могла не понимать, что теперь для Зангера они связаны, а о спокойном возвращении домой придется забыть. Отныне для нее не было пути назад – только вперед, к поражению или победе.

– Ладно, – сказала Анна, – ты добился, чего хотел, а я навеки утратила покой. Отвали и дай мне почитать. По крайней мере забудусь хоть немного.

Марл понизил голос до соблазнительного шепота. В сочетании с неподвижными чертами это выглядело нелепо.

– Так давай забудемся вместе, Анна. Вспомним старые деньки. Времени у нас предостаточно, да и укромных уголков здесь хватает.

Анна сплюнула – слюна тут же всосалась в пол.

– Даже не думай. Я больше не твоя любовница. В худшем случае заложница. В лучшем – друг. А прежде чем настаивать,

вспомни, с кем я училась.

Марл вздрогнул, вспомнив о репутации Кибел, Кровавых Монахинь, и отвернулся.

Анна облегченно вздохнула. Марл не мог знать, что на самом деле она и в глаза-то не видела Кибел.

Экран затопил текст об эпи-тяге. Всю свою сознательную трудовую жизнь Анна пользовалась космической передачей, особенно не задумываясь о принципе ее действия. Сейчас, в этом безумном путешествии, где скука чередовалась с пронзительным напряжением, она заинтересовалась устройством, которое делало их перемещение возможным.

Текст гласил:

> Файл: Эпистемологическое космическое перемещение. Обзор.
>
> Перекрестные ссылки: Гейзенбергово перемещение, эпи-тяга, Шозо Тербоу…
>
> Эпистемологическая космическая передача была изобретена неким Шозо Тернбоу во втором году До Расселения на основе принципа неопределенности Гейзенберга, который в наиболее простом виде формулируется следующим образом: все свойства, которыми обладают частицы, могут не осознаваться одновременно.
>
> Внедрение более совершенных субатомных методов сканирования в сочетании с цифровой обработкой результатов лежит в основе этого перемещения. Как известно, все частицы обладают совокупностью свойств: например, такими, как спин, вращательный момент, масса, а также местоположение в пространстве. Сначала объект, предназначенный для перемещения, сканируется кварк за кварком, и все его свойства – за исключением местоположения – записываются в пригодную матрицу памяти. Продолжительность этого процесса, разумеется, напрямую соотносится с массой сканируемого объекта, зависящей в первую очередь от его величины. После того, как в течение часов или дней данные накапливаются, объект приобретает состояние неопределенности по отношению к своему местоположению. Именно определенность, с которой записаны все непространственные свойства объекта, заставляет присущую ему неопределенность сосредоточиться в пространственном измерении. И в этом состоянии объект без преувеличения может

находиться в любой точке вселенной. Под тяжестью неопределенности две вещи случаются одновременно. Вся предварительно записанная информация стирается, рассеивая неопределенность, а объекту придается новое относительное местоположение. Перемещение осуществляется мгновенно.

Голова Анны кружилась от этих только кажущихся простыми слов, за которыми скрывались глубины парадоксов. Она пригладила коротко стриженные каштановые волосы, сомневаясь, что когда-нибудь сможет постичь природу эпи-тяги. Гораздо больше ее беспокоило, что сканирующее оборудование могло отсканировать самое себя, так как являлось частью перемещаемого космического корабля. Словно вытягиваешь кого-то на поверхность с помощью его собственных шнурков. Да и само перемещение требовало так мало энергии... Куда девались все эти громадные чудовищные механизмы из древних фантазий, так греющие душу своим сходством с двигателем внутреннего сгорания?

В тесной кабине раздался резкий дрожащий вдох – Клит вышла из транса. Анна отвернулась от экрана, а Марл оторвался от мрачных раздумий. Вдвоем они устремились к Клит.

Ясновидящая ударом привела кресло в сидячее положение и теперь походила на натянутую струну – дрожащие от напряжения мышцы выпирали сквозь одежду. Едва заметная кривая ухмылка появилась на губах Клит – Марл и Анна уже знали, что Клит довольна, а это предвещало успех.

Марл не мог сдержать возбуждения. В нарушение всех правил Гильдии он почти дотронулся рукой до одежды Клит.

– Ну, – скомандовал Марл, – ты обнаружила монополе? Ты сможешь привести нас к нему? Говори же!

Клит ничего не ответила. Марл тут же осознал, что творит, и убрал руки с серой ткани. Пусть он и безумен, подумала Анна, но своей хитрости, коварства и понимания того, кого трогать не стоит, Марл не утратил. Теперь он не посмел бы тронуть пальцем даже Анну – кто-то же должен схватить монополе, пока Марл будет осуществлять маневр на ионной тяге. А уж в Клит с ее ясновидением он нуждался и того больше.

Но что будет после того, как их миссия завершится?

Расслабившись, Клит начала вещать чистым и прозрачным голосом ясновидящей:

– Я видела монополе неоспоримой силы. Не слишком далеко. Вот его координаты.

Хиш продиктовала относительные координаты предстоящего

перемещения, которые смогла прочесть в спутанном клубке сил, что разглядела в своих видениях.

Марл прыжком преодолел пространство до пульта управления. Как будто эти несколько секунд имели значение на фоне тех пяти дней, что потребуются для достижения пика перемещения. Марл закрепил контактный микрофон на горле и проговорил про себя код, активирующий перемещение. Анна взмолилась, чтобы он хотя бы пошевелил губами, но Марл такой ошибки не допустил. Если бы она узнала код... впрочем, что бы она тогда сделала? Вернулась домой, ждать появления Зангера? Забралась бы куда-нибудь подальше, чтобы никто не нашел? Нет, она обретет уверенность в завтрашнем дне только тогда, когда их авантюра завершится успехом.

Марл оставался у приборной доски, словно от этого зависела скорость перемещения. Анна вернулась к Клит.

– Ты выглядишь истощенной, – заметила Анна. – Хочешь, я дам тебе поесть?

– Весьма признательна, – ответила Клит.

Анна направилась к грозди шероховатых фруктов, что росли прямо из стены, и сорвала ее. Из краника в той же стене нацедила стакан мутной жидкости, а из ящика с припасами достала протеиновый батончик. Затем отнесла все это Клит.

Хиш ела с кошачьей аккуратностью и изяществом. Анна присела на краешек ее кресла. Тело Клит занимало совсем мало места.

Когда хиш закончила трапезу, Анна мягко заговорила с ней. Вряд ли Марл не наблюдал за ними хотя бы краешком глаза, но Анна надеялась, что он не станет вмешиваться. Разговоры с Клит были отдушиной после гневных тирад и колючего молчания Марла.

– Что ты видела в этот раз, Клит? На что оно похоже?

Клит откинула голову назад, словно вглядываясь сквозь стены в таинственную вселенную снаружи.

– Турбулентность, которую оставляет за собой монополе, проходя сквозь время и пространство, подобна золотому извилистому шнуру, окруженному пурпурным хаосом продуктов распада разрушенных протонов. Цвет пространства, по которому пролегает его путь, не имеет названия, он сплетен из звезд, что источают энергию, и планет, что глухо гудят под воздействием гравитации. Тот самый след, который я проследила, шел с Моноблока миллиарды лет. А сейчас я видела его кончину.

– Как прекрасно! Гораздо красивее того, что я вижу каждый день. Как бы и мне хотелось узнать все это!

Клит вздрогнула.

– Не стоит принижать свои чувства. Разговаривать с настоящим – и в этом хватает своих чудес. К тому же мы не можем чувствовать многого из того, что чувствуете вы.

– Но проникать в глубь прошлого, – продолжила Анна, – отслеживать причины всех таинственных событий настоящего – что может сравниться с этим? Как бы и мне хотелось увидеть прошлое!

– Не скрою – это действительно прекрасно, и тебе никогда не постичь этого. Только представь себе – увидеть Первозданное Яйцо!

– Ты уже говорила о нем. На что оно похоже? Оно действительно так важно для ясновидящих?

– Неописуемо, хотя именно ради этого мы и живем. Удерживать в своем мозгу всю вселенную целиком, проникать в бесконечно плотную точку, где все сходится и откуда все расходится, где все едино, где одна только Сила бурлит в супе из элементарных частиц. Видеть такую гармонию в наш век разрушенной симметрии!

Клит остановилась – она не хотела, чтобы ее слова были восприняты как оскорбление.

– Тебя никогда не интересовало, почему хиш – существа двуполые? – наконец спросила она.

Неожиданно смутившись, Анна отвела взгляд.

– Я привыкла думать, что это неизбежная побочная сторона вашего дара.

– Такова общепринятая точка зрения, которой придерживается Ассоциация. В те времена, когда биотехнологии были гораздо примитивнее, это соответствовало истине. Первые эмбрионы, созданные с даром ясновидения, оказались слепыми гермафродитами. Сегодня вполне можно было бы избежать обоих дефектов, но мы верим, что эти особенности не случайны, а предопределены. Наша андрогинность – гимн единству и целостности Моноблока. Наша слепота – отказ от созерцания текущего упадка вселенной. Мы такие, какими хотим быть. А вот вы, двуполые хомо сапиенсы – неполноценные, отделенные от своих половинок существа, – отражаете все несовершенство нашего века.

Внимательно вслушиваясь в слова Клит, Анна не уловила ни следа жалости хиш к самой себе, а только спокойную уверенность в том, что все устроено справедливо. Внезапно Анна почувствовала себя неполной – уязвимым и хрупким вместилищем частиц, одиноко блуждающих в пустоте.

Чтобы развеять грусть, Анна свернула разговор к практическим предметам.

– Монополе, солитон и прочее. Кто может купить их? Для чего их можно использовать? Я знаю, они редки, но во вселенной еще дюжина вещей, не менее ценных.

– Подобно людям, – промолвила Клит, – монополе в некотором смысле неполноценно – эта сверхтяжелая частица обладает только одним магнитным полюсом, северным или южным. Это всего лишь способ ее распознавания, но не ее сущность. На самом деле любое монополе – горячий уголь, несущий в себе огонь древней вселенной, объединенную Силу. Направь поток нуклонов – протонов и нейтронов – внутрь нее, и они мгновенно разрушатся на свои первичные составляющие. И каждое такое разрушение высвободит примерно миллиарды вольт энергии. Единственное монополе может питать энергией целые миры.

Вытянув губы, Анна присвистнула.

– Теперь понятно, почему Гильдия согласилась отправить тебя с Марлом в обмен на долю в прибыли, несмотря на то, что у него не было ни гроша. Мы выручим за монополе громадные деньги.

– Ошибаешься, – возразила Клит. – Ни о чем подобном мы даже не думали.

– Неужели?

– Монополе – фрагмент Единства, которому мы поклоняемся, фрагмент, существующий в настоящем. Для большинства ясновидящих достаточно простого созерцания Моноблока. Но для некоторых вроде меня только паломничество к монополю – достойное завершение жизненного пути. Потому-то мы и нуждаемся в таких, как Марл.

Анна встала. Слишком большой объем информации за столь короткое время. Она не знала, что и думать. Внезапно Анна осознала, что главной в их погоне за монополем была Клит, а их волнения и усилия значили очень мало.

– Я должна вернуться к работе, – сказала она и оставила ясновидящую в ее слепом созерцании.

Пять дней – сто двадцать часов – медленно сочились, словно бесконечные капли, падающие на покрытый синяками и ставший гиперчувствительным лоб. Анна ела ровно столько, чтобы поддержать энергию тела на самом низком уровне и иметь возможность заснуть. Несколько раз они с Марлом заводили бессвязные разговоры о туманном будущем. Клит Анна избегала – она не желала знать голой правды. Нелегко вынести, когда вселенная выворачивается перед тобой наизнанку несколько раз подряд.

Поведение Марла представляло собой безумное чередование

не знающей пощады злобы и нечеловеческого равнодушия. Время от времени его синтетическую верхнюю часть наполняла ярость при воспоминаниях о реальных или воображаемых унижениях.

Наконец корабль достиг фазы максимальной неопределенности. Встроенный компьютер изобразил сальто, рассеивая неопределенность и автоматически устанавливая новые координаты – процесс тончайший, человеку неподвластный.

Вселенная встретила их в новом месте.

На экране бесстыдно сверкало белое солнце. Они находились в три раза ближе к центру системы, чем Меркурий – к нашему старому светилу.

– Проверочный тест, – скомандовал Марл Анне. Затем обратился к Клит: – Черт побери, ясновидящая, почему так близко? Ты засунула нас почти внутрь!

– Ты просил точности, – отвечала Клит без видимых признаков беспокойства. – Это самое близкое расстояние, на котором нам не угрожает опасность. Я все сделала так, как ты просил. А теперь не мешай моим видениям.

– Что ты имеешь в виду, говоря о безопасном расстоянии? Мы должны находиться на расстоянии захвата.

Клит, снова впавшая в транс, не ответила, но Анна поняла, что хотела сказать хиш.

– Марл, – начала Анна дрожащим голосом, – тесты показывают, что корабль исправен, а детектор определяет монополе.

– Превосходно, и где же оно?

– Внутри солнца.

Марл бросился к Анне и грубо оттолкнул ее от приборов.

– Не может быть. Я не допущу...

Анна вспоминала слова Клит.

«Я знаю, что, когда мы обнаружим монополе, то зафиксируем его с помощью захватов, – спросила тогда Анна, – а что удерживает монополь в природе?»

«Концентрация плотной массы», – отвечала Клит.

Марл отвернулся от экрана.

– Оно внутри, – мертвым голосом промолвил он. – Радиационный анализ показывает чрезмерное производство энергии для звезды подобного типа. Наше монополе вклинилось в ее чертово сердце, выедая его изнутри.

Марл с ужасной силой трахнул по приборной панели, затем замолотил кулаками по пружинящей стене. Наконец глаза Марла остановились на Клит. Хиш была погружена в созерцание монополя, заключенного в недоступном ядре звезды.

– Хиш знала, будь она проклята! Она знала еще до

последнего прыжка. Эта маленькая тварь понимала, что монополе находится внутри. И ничего нам не сказала!

Анну затошнило. Что же теперь делать?

Она смотрела, как Марл приближается к Клит. Анна испытывала сложные чувства: ненависть к предательнице и одновременно понимание ее мотивов.

Марл залепил пощечину по детскому личику Клит, не получил в ответ никакой реакции, и снова ударил, и ударил опять. Голова Клит на худенькой шее моталась из стороны в сторону.

– Чтоб ты сдохла, просыпайся! Скажи нам, что делать.

Безответность Клит разозлила Марла еще сильнее. Он дернул балахон хиш и разодрал его, словно бумагу. Анна не могла отвести глаз.

Перед ней обнажилось тело хиш. Верхнюю часть туловища украшали недоразвитые грудки, ниже крошечного живота торчали сморщенные мужские гениталии, а еще ниже виднелась щель влагалища, и никаких лобковых волос.

Сильнейшая эрекция обозначилась в шортах Марла. Анну затошнило еще сильнее, но она не сдвинулась с места. Марл убьет ее, если она вмешается. Да и ясновидящая – разве своим предательством она не заслужила наказания? Марл стянул шорты и обнажил возбужденный пенис.

И только тогда Анна заставила себя отвести глаза.

Ей вполне хватило звуков.

Секунд через тридцать сквозь мычание Марла пробился слабый голосок Клит.

– Нет, ты не осквернишь меня. Я целая, ты – нет. Тебе не запачкать меня...

Марл зажал рот хиш грубой рукой, и больше она не издала ни звука.

Кончив, Марл, спотыкаясь, побрел в угол, где свернулся калачиком, словно аутичный ребенок.

Анна осторожно привстала с кресла и подобралась к ясновидящей, надеясь, что Марл не станет возражать. Впрочем, кажется, в своем теперешнем состоянии он даже не заметил ее передвижений.

Кровь сочилась из губ и влагалища Клит. Кресло впитывало влагу, перерабатывая ее во фрукты и жидкости, чтобы люди могли протянуть свои бесполезные жизни чуть дольше.

– Клит, – прошептала Анна, – как ты?

Хиш слабо шевельнулась.

– Мое тело повреждено не сильно, но дух сломлен. Я должна уединиться с монополем, чтобы восстановиться. – Клит поймала

руку Анны. – Не позволяй ему больше притрагиваться ко мне.

– Ладно, Клит, не позволю, – плача, отвечала Анна, хотя и не представляла, как сможет сдержать обещание.

Как только Клит снова скользнула в транс, включилось переговорное устройство.

Марл остался недвижим. Анна подошла к приборной панели.

На экране возникло толстое бородатое лицо со свисающими усами. Сбоку смутно, не в фокусе, виднелись очертания кабины. На заднем плане мелькали расплывчатые силуэты.

– Это Зангер, – небрежно произнес толстяк. – Я собираюсь забрать свой корабль вместе с Марлом. На вас мне наплевать. Анна, не ты ли это?

– Я, – ответила Анна. – Слушай, я просто не могу...

Зангер прервал ее.

– Мой корабль вооружен, ваш – нет. Я открою огонь без промедления, если три фигуры в скафандрах с пустыми руками не выйдут из люка.

– Откуда мне знать... – начала Анна, но тут на затылок легла чья-то рука.

Пришедший в себя Марл стоял позади нее.

– Зангер, враг мой, – проговорил он без всякого выражения, – если тебе нужен мой корабль, следуй за мной. Я собираюсь добыть мое монополе.

Марл отпустил Анну и направился к пульту управления.

Дрожа, Анна поспешно вскочила на ноги. Она неуверенно двинулась к шкафу со скафандрами, пытаясь сообразить, как поступить.

Анна неловко стянула скафандр с полки, забралась в него и застегнула молнию. Шлем она взяла в правую руку.

– Марл, – промолвила Анна мягко, словно перед ней стоял прежний Марл, а не то карикатурное подобие, в которое он превратился. – Идем со мной. Отступись. Это не самое худшее, что может с нами случиться.

Не сказав ни слова, Марл запустил ионный привод. Анна увидела, как, обозначая ускорение, замелькали красные цифры.

Клит лежала неподвижно, уединившись с монополем. Анна почувствовала, что не имеет права тащить ее силой. Хиш сделала свой выбор.

Анна надела шлем и направилась к складчатому отверстию, служившему внутренним люком корабля. Отсюда она в последний раз взглянула на Марла.

Его широкая лишенная волос спина сгорбилась над панелью управления, Марл что-то нашептывал себе под нос. Анна разобрала только «...дерьмо...».

Или – «домой...».

Легким касанием она привела в действие механизм, шагнула в отверстие и остановилась перед внешней дверью из металла и резины. Отверстие позади нее захлопнулось. Анна открыла люк, выпустив воздух. Струя газа вынесла ее в космос, в сторону от корабля.

Болтаясь в скафандре, который мог лишь отсрочить ее гибель, Анна нашла силуэт «Одинокой леди» на фоне неописуемо яркого сияния, летящий туда же, куда Анну вскоре приведет ее собственная траектория, если никто не придет на помощь. Поляризация шлема не спасала от сияния, и скоро глаза Анны заболели от яркого света.

Вскоре корабль превратился в крохотное пятнышко вроде точек, оставляемых мухами на стекле, на фоне медузообразного диска, ставшего западней для монополя.

Переговорное устройство затрещало – приближался корабль Зангера.

Чувствуя себя одиноким солитоном, Анна гадала, сколько атомов испарившегося тела Клит в конце концов найдут свой путь к губительному ядру монополя.

Гравитоны

© Перевод. М. Клеветенко, 2006.

10 июня

Сегодня Карла снова пыталась убедить меня отказаться от проведения опыта на самом себе. Кажется, она сказала следующее:

– Алекс, ты же не собираешься на самом деле осуществить этот безумный план!

– Я должен.

Надеюсь, голос мой звучал достаточно убежденно. Говоря откровенно – а где еще откровенничать, как не в собственном дневнике? – я и сам испытывал некоторое беспокойство, но ни за что на свете не признался бы в этом Карле.

– Но ведь нет другого способа доказать правоту моей теории! – весьма убедительно продолжил я.

– А как насчет опытов над животными? Ты ведь даже не пытался!

– Феномен, который я собираюсь исследовать, невозможно изучать снаружи. Животные не способны описать те перемены в восприятии окружающего мира, к которым приведет эксперимент. Нет, животные мне не помогут.

Как обычно, Карлу разозлили мой напор и логика. Это всегда было камнем преткновения между нами: Карла уверяла, что мне свойственно нездоровое отсутствие эмоций – «невозможная тяжесть», как она однажды выразилась, я же, в свою очередь, обвинял ее в излишней легковесности и оторванности от твердой почвы. Наши подходы к жизни были так различны, что меня не переставало удивлять, как долго нам удается оставаться любовниками.

– Ты хоть понимаешь, как рискуешь? – сурово спросила Карла.

– Понимаю.

– И, по-твоему, риск оправдан? Ты что же, полагаешь, что если добьешься успеха, то Завгородний свернет свои шатры и, крадучись, уползет восвояси?

– Нет, этого он не сделает, – ответил я, – однако если мои предположения окажутся верны, я буду утешаться мыслью, что сумел внести свой вклад в понимание человеком природы вселенной.

Секунд пять Карла презрительно рассматривала меня, затем промолвила:

– Полная херня.

Я отпрянул.

– Что?

– А то – все это чушь собачья. На самом деле ты просто хочешь, чтобы эту штуку назвали в честь тебя. Признайся же! Тебе невыносима мысль о том, что твой бесценный новый элемент будет называться «завгородниум». Только это тобой и движет! Ты собираешься рискнуть здоровьем – и даже жизнью! – и все ради того, чтобы бесчувственный химический элемент носил твое имя!

Карла начала плакать. С неуместной точностью я отметил, как в крошечных бассейнах в уголках глаз скапливаются первые слезинки. Я всегда был наблюдательным. Просто это часть моей работы.

Затем Карла промокнула глаза рукавом и спросила:

– Ну же, ответь, разве я не права?

– Ты права, – отвечал я.

11 июня

Тринадцать месяцев назад в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне (СССР) и в подразделении, которое я возглавляю в лаборатории Лоуренса Беркли в Калифорнии, одновременно был синтезирован элемент 131.

(В своих частных записках я отказываюсь именовать его «завгородниум», несмотря на то, что Дубна немного нас опередила, впрочем, у меня также не хватит смелости называть элемент «чилтониум». Посему пусть пока остается просто «элементом 131».)

Элемент 131 – субстанция, ранее никогда не виданная на Земле, стала первой из предсказанных элементов «острова устойчивости» периодической системы: это группа сверхтяжелых элементов выше номера 103 с периодом полураспада более тридцати пяти секунд. На момент написания этих заметок это единственный сверхтяжелый элемент, который удалось синтезировать.

Период полураспада элемента 131 – примерно двадцать пять дней. Демонстрируя подобную устойчивость, он предоставляет ученым возможность тщательного и всестороннего изучения. Мы смогли провести с элементом 131 гораздо больше исследований, чем с другими синтезированными элементами.

Самым любопытным его свойством оказался эффект, сходный с эффектом пьезоэлектричества.

Обычно под пьезоэлектричеством понимают способность кристаллов выделять электрический заряд при механическом воздействии.

Элемент 131 обнаружил свойство постоянно (хоть и неустойчиво) делать это в спокойном состоянии. Защищенный от обычных воздействий, без видимых механических повреждений, элемент выделял электрический заряд.

Для объяснения аномалии были выдвинуты различные теории.

Существовала единственная сила, способная производить неустойчивый электрический заряд. И от этой силы нельзя было укрыться.

Гравитация.

Я полагал, что элемент 131 особенно чувствителен к гравитации. Присущая ему атомарная структура делала элемент восприимчивым к гравитационным волнам, порождаемым объектами, чья масса больше определенного теоретического порога.

Если я хоть в чем-нибудь разбираюсь, то это именно так.

Однако не существовало способа доказать мою гипотезу лабораторным путем.

Из математического обоснования теории следовало, что для того, чтобы воспроизвести подобный эффект, потребовался бы объект, равный по массе звезде или планете.

Очевидно, что в лабораторных условиях невозможно манипулировать подобными объектами. Современная наука не умеет воссоздавать гравитационные волны, равно как не знает способа изолировать новый элемент в некоем воображаемом контейнере, куда нет доступа гравитации – для того, чтобы определить, исчезнет ли в этом случае описанный эффект.

До недавних пор я не видел способа доказать мою правоту. Все понимали, что дурацкая теория Завгороднего о «колебании кварков» не менее правдоподобна, чем моя. В настоящее время множество международных комитетов обсуждали, как следует назвать новоизобретенный элемент, и пока к решению не пришли.

И вот теперь я нашел способ доказать, что элемент 131 действительно регистрирует присутствие гравитации.

В сотрудничестве со мной некая биолаборатория (избегая ненужной публичности, пусть пока останется безымянной – до тех пор, пока не разделит со мной сияние славы после успешного завершения проекта) произвела особый молекулярный переносчик инфекции (в качестве которой выступил элемент 131). Он должен был занести элемент в мою кровь, а через кровь – в глаза, в фотопигмент сетчатки родопсин, превратив ее, таким образом, в рецептор, фиксирующий наличие гравитации.

Короче говоря, я намеревался увидеть гравитацию.

Период полураспада элемента 131 обещал сделать этот эффект временным.

Инъекция была назначена на завтра.

12 июня

Этим утром, в субботу, Карла уехала рано. Я проводил ее в аэропорт. Карла летела в Нью-Йорк, где ее труппа на следующей неделе выступала в Линкольн-центре.

– По крайней мере обещай мне, что ничего не будешь предпринимать, пока я не вернусь.

Карла взяла мои руки в свои.

– Обещаю, – ответил я.

Как только ее самолет поднялся в воздух, я сел в машину и отправился в биолабораторию.

Карла просто ничего не понимает в науке.

Марк ждал меня в офисе. Старый проверенный друг еще с университетских времен, Марк рискнул своей репутацией и служебным положением, чтобы помочь мне.

Он встретил меня вопросом:

– Ты уверен, что хочешь этого, Алекс?

Кажется, окружающие заботились обо мне больше, чем я сам. Чего-то подобного я еще мог ожидать от Карлы, но уж Марк-то должен был понимать мои мотивы.

– Я не для того втравил тебя во все это, чтобы теперь давать задний ход, – ответил я.

Затем в опустевшей по случаю выходных лаборатории Марк вынул из холодильника ампулу, я закатал рукав, игла нашла вену – и я даже не успел толком осознать, как все уже было позади.

– Утешает только одно, – заметил Марк, вынимая шприц, – что от радиоактивности ты точно не умрешь. То количество чилтониума, которое я тебе вколол, в этом смысле не опаснее обычной инъекции.

– Прошу тебя, не называй его так. Еще не время.

Марк пожал плечами:

– Как хочешь. Слушай, а ты уверен, что справишься сам? Может быть, кому-нибудь стоит побыть рядом?

– Продержусь. Я отпросился на работе, запасся едой на месяц – хотя вряд ли все продлится так долго. Я могу даже не выходить из дома, пока мои глаза будут оставаться... не такими, как всегда. К тому же, если что-нибудь случится, я еще не забыл твой телефон.

Марк вывел меня из здания и сжал мое плечо, словно я внезапно превратился в человека с неким физическим увечьем.

– Просто будь осторожнее.

– Ладно. – Я вспомнил бессмысленное обещание, которое дал Карле.

Затем сел в машину и поехал домой.

Всю дорогу зрение оставалось в норме.

В полночь я отправился в постель. Подождал, не почувствую ли каких изменений в организме, но так ничего и не дождался.

Может быть, весь эксперимент – пустая трата времени?

13 июня

Проснулся утром – перед глазами пятна. Похожи на бледную пелену или бесцветные облачка, лениво проплывающие перед глазами. Не прозрачные и не матовые. В отличие от обычных пятен перед глазами эти не имеют четких очертаний. Странное чувство – словно за ними ничего нет. Кажется, что пятна не состоят из вещества. Материализовавшись, они словно стерли нашу благословенную вселенную. Словно дыры в ткани времени и пространства, оставляющие за собой пустоту.

Это не может быть визуальным аналогом гравитации. Очевидно, процесс адаптации еще не завершен.

Скорее всего произошло вот что.

Как только молекулы элемента 131 соединились с родопсином в моей сетчатке – этой чудесной пленке, тонкой как бритва, – вторжение фотонов повлияло на нервные импульсы. Что и привело к появлению блуждающих пустот. В то же самое время молекулы элемента 131 еще не полностью интегрировались в нервную систему, поэтому новые образы еще не сменили обычные визуальные.

Гравитация – как скажет вам любой студент-физик с первого курса – это сила, управляемая гравитонами. Мои глаза еще недостаточно чувствительны, чтобы распознать их. Наверное, все дело именно в этом. Определенно, эти мрачные пустоты не могут быть отражением такой всеобъемлющей благородной силы, как гравитация...

14 июня

Сегодня утром, открыв глаза, обнаружил, что совершенно ослеп.

Продолжаю записывать дневник на кассету.

Немного утешает, что моя слепота условна, по крайней мере в том смысле, который я вкладываю в понятие условной слепоты. Полная темнота зрячим не доступна, даже если веки опущены (при таких условиях в сетчатке спонтанно генерируется ложный сигнал – сигнал феномен известный как «темный свет»). Похоже на то, что мой мозг полностью отключил зрительные связи, отказываясь функционировать, пока элемент 131 под наплывом гравитонов не воспроизведет новые сигналы.

Надеюсь, что вскоре эти связи будут восстановлены.

Позже, в тот же день, в голову пришла новая тревожная мысль. Я вспомнил простой классический опыт с перевернутыми линзами.

Испытуемым предлагалось носить очки с линзами, которые переворачивали обычный мир на сто восемьдесят градусов двадцать четыре часа в сутки. Деревья росли кронами вниз, люди ходили по воздуху. После нескольких дней дезориентации мозг самостоятельно принимал предложенную реальность, и перевернутое зрение чудесным образом становилось для него «нормальным». Когда очки снимали, люди продолжали видеть мир вверх ногами! Только после некоторого периода адаптации их зрение возвращалось к норме.

Наверное, мой мозг переживает такой же переходный период.

15 июня

Все еще слеп.

16 июня

Моя гипотеза верна!

Сегодня, несмотря на то, что технически я оставался слеп, я «видел» солнце, землю и луну, не покидая кресла, не поднимая взор к небесам и не опуская его долу.

Даже не знаю, с чего начать. Как описать то, что случилось со мною?

Наверное, стоит просто четко изложить факты.

Итак, рассмотрим феномен гравитации. Силы, которая изменяется обратно пропорционально квадрату расстояния, силы, управляемой гравитонами – частицами, аналогичными фотонам, передающим электромагнитное излучение. Не осознавая этого потока частиц, не воспринимая нашу массу как его функцию, мы живем, погруженные в море гравитонов, которое пополняется от бесчисленных источников.

Некоторые из этих источников – из-за своей массы или близости к нам – более значимы, чем прочие. Продолжая аналогию с морем, они – словно большие реки.

Все мы пристегнуты к планете под нами канатами гравитонов.

Луна над нашими головами хлещет океаны цепами гравитонов, поднимая приливные волны.

Далекое Солнце – крупнейший источник гравитации в нашей системе – накинуло на Землю лассо из гравитонов и раскачивает ее, словно маятник, вместе с прочими орбитальными объектами от Юпитера до самой мелкой гальки.

Теперь мои глаза различали некоторые из этих источников. Молекулы чилтониума (теперь я вправе назвать элемент 131 этим именем), связанные с моими фотопигментами, производили неустойчивый сигнал, который мозг еще учился интерпретировать.

Это чувство невозможно описать.

Утром я проснулся от тяжести скорее мышечной, чем визуальной. Я лежал в постели с закрытыми глазами, пытаясь понять, что происходит.

Прежде всего я ощущал снизу присутствие чего-то громадного. Сигнал, шедший через зрительный нерв, содержал псевдовизуальный компонент. Ничего похожего на обычный цвет – во всяком случае, я не мог подобрать ему названия, – но мозг пытался представить объект в виде более темного центра, светлеющего по краям. Сейчас я понимаю, что это был образ плотного ядра планеты, окруженного более светлой мантией.

Казалось, объект пульсирует, словно живой.

Я понимал, что ощущаю земную гравитацию, даже лежа на спине с закрытыми глазами. Торопясь доказать справедливость своей гипотезы, я и не надеялся, что мне удастся открыть новое чувство, работающее на триста шестьдесят градусов – по сути, всеобъемлющее. Это фотоны могли искать более легких путей к радужной оболочке, но только не гравитоны. Ни плоть, ни кости не могли остановить их на пути к сетчатке, окрашенной чилтониумом, поэтому я одинаково легко воспринимал объекты как впереди, так и сзади.

Неожиданно мое внимание отвлеклось от образа Земли. Каждый из нас с детства знает, как инстинктивно сфокусировать зрение, но мне оказалось не под силу так же легко управлять своим новым чувством. Я упорно продолжал искать нужный фокус и смог наконец различить сверху два новых объекта: Луну и Солнце. Идеально ровные, темные в центре, более светлые по краям. Луна в силу своей близости излучала гравитоны несравненно более живые, чем гравитоны, шедшие от массивного Солнца, поэтому образ Луны был ярче. Поразительная смена обычных визуальных образов!

Некоторое время я лежал, наслаждаясь триумфом. Затем встал, сходил в туалет и начал неуклюже готовить завтрак, на ощупь передвигая кастрюли и сковороды, которых видеть не мог.

Движимый желанием продолжить эксперимент, я занялся своего рода ментальной гимнастикой. Я начал переключать внимание между тремя массивными астрономическими объектами – Землей, Луной и Солнцем, – надеясь, что постепенно мне удастся удержать их в мозгу одновременно.

Около полудня это удалось.

Я словно переступил порог, за которым расстилался пустой космос. Прежде всего я уже не мог исторгнуть из своего сознания трех пришельцев. Мозг адаптировался к шедшим со всех сторон сигналам, и теперь я воспринимал все три небесных объекта одновременно.

Внезапно я почувствовал тошноту и вынужден был присесть – объекты двигались относительно друг друга: Луна исполняла медленную павану вокруг Земли, а Земля вращалась вокруг собственной оси и вальсировала с Солнцем.

Через несколько часов головокружение прекратилось, и я смог встать и пройтись. Однако тошнота так до конца и не прошла.

Хотя сейчас и за полночь, я не могу уснуть. Закрытые веки – не помеха для гравитонов. Я ощущаю тяжесть Земли между собой и Солнцем. Их образы образуют массивное целое, которое давит

на сознание еще сильнее, чем каждый объект по отдельности. Луна легче, но тоже весьма ощутима. Понимаю, что новым силам на самом деле безразличны мои глаза, но непостижимым образом ощущаю, как гравитационная тяга возрастает, угрожая высосать их из орбит. Надеюсь, что, когда утомление достигнет некоего предела, я смогу вздремнуть, как человек, заснувший прямо посреди шума и гвалта. Надеюсь, завтрашний день принесет новые открытия.

17 июня

Около девяти утра телефонный звонок вдребезги разбил беспокойный сон, в который я провалился только после пяти – голова раскалывалась от танцев громадных масс.

Звонила Карла из Нью-Йорка.

– Алекс? Почему ты дома? Я звонила тебе на работу. Там сказали, что ты взял неделю отпуска. Что случилось?

Я что-то промямлил, надеясь, что звучу убедительно. Боюсь, это только выдало мое смятенное состояние. Прошла минута, прежде чем я снова смог сосредоточиться на том, о чем говорила Карла, – так захвачен был мозг новыми образами.

Помню, голос ее звучал взволнованно, что-то вроде:

– Извини, что не позвонила раньше, Алекс, но я совсем замоталась. Репетиции, рекламные акции... Слушай, не хочу совать нос в то, чем ты занимаешься, просто помни, что обещал мне. Но если я нужна тебе, только скажи – и я вернусь.

– Нет-нет, не стоит... Карла, какой сегодня день?

– Э... четверг, семнадцатое.

– Спасибо. Пока.

Я повесил трубку. Выходит, Марк вколол мне инъекцию чилтониума всего лишь шесть дней назад. Мне казалось, что прошло гораздо больше времени. На днях эффект должен рассеяться – чилтониум разложится на простейшие элементы.

Однако сегодня образы были еще ярче.

Все время разговора с Карлой я не переставал «осматриваться».

Не далее как вчера я ощущал только три небесных объекта.

Теперь я чувствовал массы всех окружающих предметов, причем гораздо острее, чем вчера.

И, как и раньше, я ощущал их одновременно.

Кресла, столы, двери, стены – даже дом, – все обособленные объекты с их характерными формами я удерживал в мозгу одновременно. Вернее сказать, даже если бы я захотел, то не смог бы отделаться от ощущения их присутствия.

И, разумеется, они заполняли меня со всех сторон, вне зависимости от того, стоял ли я к ним лицом или спиной.

Я опустился в кресло, которое почувствовал рядом с собой. Так как поспать удалось всего пару часов, соображал я медленно и путано.

Видимо, подвела математика. Я допускал, что при помощи чилтониума можно засечь только массы астрономического размера со значительной гравитацией. Вместо этого я чувствовал

гравитацию даже крошечных, к тому же близко расположенных предметов. Почему так случилось?

Я ощущал все, что имело массу, обладало гравитацией и испускало гравитоны, бившие в мою видоизмененную сетчатку. Очевидно, атомы чилтониума более чувствительны, чем я предполагал.

Или – эта мысль промелькнула в мозгу словно вспышка – в этой гиперчувствительности виноват мозг. Я не ожидал, что мозг и тело будут взаимодействовать так успешно. Вероятно, процесс адаптации проходил ускоренными темпами и завершился в течение вчерашнего вечера. Мозг, реагируя на изменения в теле, словно выполняя тест, именуемый возвратной петлей, научился воспринимать и фильтровать сигналы более эффективно, получая из них максимальное количество информации, как если бы пропускная способность туннеля, по которому текли гравитоны, постепенно увеличивалась.

Я поднял голову, которая внезапно наполнилась болью. Боль сконцентрировалась в области позади глаз, как и вчера вечером.

Я спросил себя, возможно ли, что все эти образы нереальны и являются просто ложными сигналами, которые посылают в мозг потревоженные чувства? Нет, не может быть, я ведь чувствую кресло под собой – и именно там оно и находится. А впрочем, даже если все это – галлюцинации, я не мог перестать верить в них. Нет, все эти видения – ясные и четкие образы гравитации.

Я попытался расширить свои новые способности в восприятии гравитации. Не до конца понимая, что делаю, я выпустил ощущения наружу.

И вот я почувствовал массивные нагромождения гор на востоке – громадные очертания, желавшие притянуть мое внимание. В то же самое время я отчетливо осознавал присутствие предметов домашнего обихода. (Когда вы рассматриваете сложный ландшафт, к примеру, лес, – сколько отдельных объектов вы сможете одновременно удержать в голове? Сотни тысяч листьев и веток? Миллион?) Затем мои новые чувства устремились вверх – выше гор, в небеса.

Пульсирующие шары Солнца и Луны висели на месте, такие узнаваемые, с присущими только им особенностями, такие же отчетливые, как и Земля подо мной.

Но вот появились и другие.

Интуитивно я распознал Марс и Венеру – ближайшие объекты в противоположных от меня направлениях. Неким странным образом образы планет содержали информацию о расстоянии до них и соотношении их масс.

За Марсом висели два титана – Юпитер и Сатурн, в изобилии

посылающие свои почти живые гравитоны. Я еще не мог различать их лун и того, что располагалось за ними.

Не знаю, сколько времени я наблюдал за этим зрелищем. Часов я видеть не мог – только касаться. Знаю только, что бесконечное количество времени наблюдал за волшебным гавотом планет вокруг Солнца, одновременно осознавая все предметы в комнате.

Настойчивый стук в дверь привел меня в чувство. Внезапно я осознал, что с тех пор, как меня разбудил утренний телефонный звонок, я ничего не ел и не посещал уборную. Я неуверенно двинулся к двери, с помощью нового чувства избегая столкновения с мебелью, в которую иначе врезался бы на ходу.

– Эй? – раздался голос Марка. – Алекс, это ты? Как ты там?

Образ Марка затуманивался гравитацией, исходившей от двери, но все еще был узнаваем. Странное биоморфное очертание невыразимого цвета, как и все объекты, которые я ощущал, Марк пульсировал с той же интенсивностью, что и Солнце, словно его персональная гравитация роднила Марка с далеким светилом.

– Марк, – я запнулся, все еще пораженный его новым обличьем, – что ты здесь делаешь?

– Просто зашел проведать. Впустишь меня?

Что-то внутри меня изо всех сил противилось необходимости впустить внутрь это инородное очертание. Я знал, что это всего лишь Марк, но в то же время был совершенно уверен, что за дверью находится нечто нечеловеческое.

– Нет, только не сегодня, прости. Послушай, все хорошо. Я ни в чем не нуждаюсь. Уходи.

– А твой эксперимент, Алекс? Он продолжается?

Боюсь, что мой смех прозвучал довольно безумно.

– Конечно, продолжается. Результаты более чем впечатляющи. Элемент 131 действительно фиксирует гравитацию. Я все тщательно записываю.

– Превосходно. Комитет непременно назовет его твоим именем.

В свете того, что я переживал, слова Марка показались мне полной бессмыслицей. Я впервые осознал, что за последние пару дней даже не вспоминал об этом некогда таком важном для меня мотиве. Каким нелепым казалось все это теперь...

Марк попрощался и ушел.

Мочевой пузырь готов был разорваться – это ощущение на мгновение заставило меня позабыть про гравитацию. Я добрался до туалета, затем направился на кухню, где торопливо перекусил.

Созерцание образа Марка заставило меня задуматься – почему я не ощущаю собственной гравитации? После недолгих

раздумий я решил, что мозг каким-то образом отсеивает постоянные и непосредственные сигналы моих гравитонов – подобно тому, как мы не способны постоянно осознавать присутствие на лице собственного носа.

Занимать мозг такими глупостями – пустая трата времени. Меня волновали совсем иные материи.

Вернувшись к креслу, которое внезапно превратилось в наблюдательный пункт за жизнью вселенной, я плюхнулся в него и пустился в путешествие за пределы Земли.

19 июня

Не сплю уже двое суток. Никак не могу отогнать ощущения, затопившие меня так мощно, что я почти теряю сознание.

Впрочем, я почти уже не хочу отгонять их.

С чего начать рассказ о том, что случилось за эти два дня?

Пожалуй, начну с Земли.

В моих ощущениях это уже не просто бесформенная капля. Теперь я способен различать разницу масс самых незначительных горных цепей. Подводные горы так же ощутимы, как и горы на суше. Вся топография этого шара – до определенной степени – представлена в моем мозгу.

Я ощущаю массы предметов, расположенных рядом с домом, да и сам дом со всем содержимым превратился для меня в призрачный чертеж. Пешеходы и машины то вплывали, то выплывали из фокуса. Ближайшие города представали в виде скопления различных масс.

Все эти сигналы можно было бы как-то упорядочить, если бы они не представляли собой непрерывный поток данных, идущий ко мне со всех концов вселенной.

Меня засасывала масса космоса.

Теперь я мог ощущать каждый объект в Солнечной системе, чью массу можно было измерить. Астероиды определенного размера, луны, каждое из колец, опоясывающих планеты. Да, кстати, теперь я могу заявить, что планет действительно десять. Гравитация десятой планеты тревожит мое измененное зрение так же явственно, как и орбиту Нептуна. Я чувствую ее темную массу, парящую на самом конце длинного, очень длинного поводка, протянутого от Солнца, гораздо ближе, чем облако Оорта.

Я также различаю некоторые особенности топографии Луны.

Если все это не более чем галлюцинация, то она обладает чрезвычайной достоверностью и полнотой.

Впрочем, мой мозг больше не останавливают пределы Солнечной системы.

За последние сорок восемь часов я тщательно исследовал и почти непреднамеренно усилил свои новые чувства, пока не смог получать сигналы от объектов, находящихся от меня на расстоянии световых лет.

Говорят, что только в нашей галактике сотни миллиардов звезд.

Клянусь, я чувствую каждую из них.

Хотя не все так просто. Сигналы нагромождаются друг на друга и взаимодействуют, сливаясь и утрачивая свою

индивидуальность. И все-таки я верю, что где-то в столпотворении гравитонов, затопляющих мою сетчатку, есть посланники от каждого солнца вселенной.

Пульсары, белые карлики, черные дыры, нейронные звезды, бинарные системы, переменные цефеиды – все они рывками тянут меня каждую минуту, во всех направлениях, как снизу, так и сверху.

О, эта тяга. Ужасающее притяжение делает мое новое чувство таким мучительным. Вообще-то притяжение зрению не свойственно – по крайней мере мне всегда казалось именно так, – несмотря на известную метафору о «притяжении взгляда». Однако изменения, произошедшие с моими глазами, неоспоримо доказывают, что гравитация ежедневно воздействует на каждого из нас.

Честно говоря, для нас это ничего не меняет. Всю предыдущую жизнь на меня падал этот гравитационный дождь, а я о нем даже не подозревал. Однако теперь новоприобретенная способность «видеть» гравитацию сделала меня гиперчувствительным к ее присутствию.

Кажется, будто тело разрывают беговые лошади, рвущиеся вперед в тысячах направлений, словно вселенная вознамерилась разорвать меня на атомы. Худшая из мигреней, то наплывающая, то снова отступающая.

Подозреваю, что мое психическое состояние сейчас крайне неустойчиво.

Впрочем, не в моих силах остановить все это.

Меня разрывали противоречивые чувства. Минуту назад, сжимая голову руками и пытаясь удержать слезы боли, я молился о том, чтобы чилтониум разложился, и порождаемый им эффект улетучился. В следующую минуту боль ушла, и я замер от восхищения перед неописуемым зрелищем – вселенная словно запуталась в мотке пряжи, сотканной гравитонами.

Я решил, что, раз уж не могу избавиться от этой способности, следует развить ее в полную силу.

Попытаюсь проникнуть за пределы нашей галактики.

20 июня

Пока не получается, но я уверен, что сигналы, идущие из других галактик, спрятаны в той путанице ощущений, которую я пока не могу разобрать. Еще попытка.

Чуть позже. Едва живой от усталости, я немного поспал. И снова меня разбудил телефон, но сил подняться с кровати уже не осталось. Наверное, Марк или Карла. Надеюсь, они не заявятся сюда. Чувствую, что нахожусь на пороге величайшего открытия.

Надеюсь заставить себя хоть что-нибудь съесть...

23 июня

Это случилось сегодня.

Я чувствую себя словно тот монах на старинной гравюре, проткнувший головой небесную сферу и узревший скрытую механику космоса.

Теперь я вижу другие галактики в виде плотных сгустков гравитации. Хорошо бы выяснить, как они группируются между собой – эти образцы абстрактного совершенства, образующие светящиеся пузыри в пенящейся вселенной, где пустот больше, чем вещества.

Мне кажется, что объекты, которые я ощущаю на самой окраине своих новых чувств, это квазары, странствующие на самом краю вселенной, в шестнадцати миллиардах световых лет от меня.

Я чувствую себя жонглером, пытающимся одновременно удержать в мозгу всю вселенную.

После этого триумфа я заставил себя поесть, только чтобы продолжить наблюдения.

Видите ли, есть еще кое-что. Кое в чем я еще не уверен. Это похоже на модулируемый пульс гравитации, идущий из определенного места.

Я должен на нем сконцентрироваться.

24 июня

Кто-то стучит в дверь. Я велел им убираться. Испугался, что мои способности исчезнут до того, как я разгадаю эту последнюю загадку...

25 июня

Убежден, что знаю ответ на вопрос о происхождении модулируемого пульса.

Это продукт разумного интеллекта.

Некая цивилизация, гораздо более продвинутая, чем наша, вызывая искусственные гравитационные волны, пытается найти равных по интеллекту существ.

Теперь я сосредоточен только на этом сигнале.

Чем дольше я его изучаю, тем больше, как мне кажется, понимаю его. Кажется, я уже воспринимаю сигнал на некоем клеточном уровне.

Не могу выразить словами, в чем заключен смысл послания.

Кстати, головные боли прошли.

26 июня

Внутри меня происходят глобальные биологические изменения. Уверен, их причина – тот самый сигнал. Жалко, что я не могу посмотреть на себя в зеркало. Я не пил и не ел вот уже три дня, но чувствую себя превосходно. Самообман умирающего? Я уже ни в чем не уверен.

27 июня

Не могу сдвинуться с места, даже если бы и захотел. К счастью, магнитофон стоит у постели и постоянно включен.

28 июня

Мои новые способности и не думают рассеиваться, хотя чилтониум давно уже должен был разложиться. Полное понимание сигнала и неспособность передать суть послания человеческим языком.

29 июня

Те, кто посылает сигнал, говорят со мной посредством гравитонов. Они зовут меня к себе. Они невероятно древние, хоть мы и являемся в каком-то смысле родственниками. Я понял это по их способности разрушать мою биологическую программу. Их мотивы описать невозможно – они за гранью добра и зла. Чувствую непреодолимое желание последовать их приглашению. Разве теперь я могу вернуться в старую жизнь?

30 июня

Говорить больше не могу. Решил принять их приглашение и упасть в звездный колодец. О, они умеют уговаривать! Уверяют, что мое новое тело – с измененными кожными покровами и внутренними органами – вполне сможет перенести тяготы путешествия. Прощай, Марк. Прощай, Карла.

Гравитация зовет.

Любой крутой чувак...

© Перевод. М. Клеветенко, 2006.

Комната обошлась Тейлору в двести тысяч песет в день. Несколько лет назад местные власти закрыли здание как непригодное для проживания. С тех пор в нем так и не удосужились сделать настоящий ремонт.

Комната гордо смотрела в единственное окно с видом на закопченную вентиляционную шахту – вытянутую коробку, наполненную звуками и запахами, с квадратом синего испанского неба наверху.

Теоретически в здании запрещалось готовить, но, увы, вздыхал толстый владелец гостиницы, хоть от этих плит только и жди пожара, сами подумайте, сеньор, что нам остается делать? Большинству постояльцев не по карману ходить по ресторанам – все деньги вложены в оплату дороги через пролив. Теперь все спят и видят, как бы перебраться в Африку, а мы помогаем по мере сил. Эх, были бы сами помоложе...

Как же, помогаешь, подумал Тейлор, свои карманы набивать ты помогаешь, старый лицемер, но вслух ничего не сказал.

Через окно вместе со средиземноморскими ароматами доносились обрывки музыки и разговоров, а тепловатый бриз вяло шевелил грязный белый тюль. Словно старуха перебирала остатки материи на распродаже.

Тейлор, наполовину в тени, лежал на узкой кровати с торчащими пружинами. Он так и не снял измятого льняного костюма. Взгляд упирался в отставшие от стены обои. Когда-то давно штукатурка треснула и прорвала пеструю бумагу, извергнувшись водопадом меловой лавы. Тейлор вспомнил белые известковые пласты под Ла-Маншем, такие удобные для прохождения. Как там работа? Уже хватились его? Удивляются, наверное, что он так внезапно бросил почти законченный проект. Хотя вряд ли, всем наплевать.

Июль в Альхесирасе выдался необычно жарким. Жара так расслабляла, что голова отказывалась соображать. Тейлору приходилось постоянно напоминать себе о цели своего путешествия, но разум блуждал, и Тейлор все время забывал, зачем оказался в Альхесирасе. Впрочем, пока ему не нужно было ничего делать, только ждать.

Еще неделю назад, когда Тейлор, преследуя сбежавшую жену, оказался в этом шумном портовом городе, он был совсем другим человеком. Огонь и решимость. Все было просто и ясно, как вакуум.

Он пересечет границу, затем – море, направляясь к Земле Максвелла. Там он отыщет Обри. Спросит, хочет ли она вернуться? Если она ответит согласием, что ж, тогда все снова станет хорошо и славно. (Тейлор еще не думал, как им удастся обойти глобальный запрет на возвращение с Земли Максвелла.) Если она откажется, сначала он убьет ее, а затем Холта. Вот так, что может быть проще?

Однако через семь дней иссушающей мозг жары, от которой не спасало даже пришествие ночи, его миссия уже не казалась Тейлору такой простой. Словно между самим действием и его результатом появился некий зазор, отставание фаз, смутно вспомнился термин. (Инженер – всегда инженер, даже потерянный и сломленный горем безумец. Чертовски жалкое зрелище.) А возможно, сам план действий уже не казался Тейлору ясным и безошибочным. (Для описания этого состояния технические термины не подходили.)

Наверное, первым ему следует убить Холта. Разве не он – главный виновник того, что случилось? Именно Холт разрушил частную жизнь Тейлора, равно как и весь мировой порядок. Очевидно, смерть Холта решит все проблемы, и Тейлору даже не придется спрашивать Обри, вернется ли она к нему?

С другой стороны, Тейлор уже не был уверен, хочет ли он, чтобы жена вернулась? Скорее всего эти предатели, Холт и Обри, стоят друг друга, и ему следует, не говоря ни слова, просто застрелить их обоих...

Нет, так нельзя. Разве только ради банальной мести, бросив почти завершенную работу, проделал он этот путь в жаре и пыли вместе с сотнями тысяч пилигримов и эмигрантов? Неужели его ждет такой энтропический конец? Тейлору хотелось ощущать сладостное присутствие живой и осязаемой Обри, а не испытывать извращенное удовлетворение, глядя, как она умирает. Даже Холт не должен умереть. Тейлор оставит в живых и его. Да, Холт виноват, но кому, как не Тейлору, понимать, что двигало им: любовь к изящным решениям, роман с музой физической точности и красоты. Разве они с Холтом не были *simpatico*, друзьями – оба инженеры, пусть даже их научные интересы никогда не совпадали?

Из вентиляционной трубы раздались удивительно четкие звуки – пели по-испански (несколько мгновений песня звучала отдельно от сопровождающих шумов). Похоже, кто-то настраивал радиоприемник: реклама, гитарный перебор фламенко, безошибочно узнаваемые на любых языках убогие тексты «мыльных опер»... Наконец нерешительный бездельник поймал нужную волну. Передавали вездесущий старый американский

рок. Не веря своим ушам, Тейлор слушал, как полузабытые слова, спотыкаясь, карабкаются через подоконник.

Он невесело рассмеялся. «Демон на твоем пороге...» – повторил Тейлор в одеяло. Да уж, точнее не скажешь, демон уже на пороге...

Песне было больше двадцати пяти лет. Группа «Стили Дэн», «Скажет тебе любой крутой чувак». Лет десять назад ди-джей в кампусе завершал этой темой вечеринки. Массачусетский технологический, берега реки Чарльз. Учеба и парусный спорт, фейерверки морозной ночью, пожар во внутренностях, прославиться, сделать что-нибудь значительное. Тейлор специализировался в макроинженерии, Холт – в едва нарождавшихся тогда нанотехнологиях. Такие разные по характеру, они подружились мгновенно. Во время длиннющих сессий каждый полушутя отстаивал важность своей специальности.

– В наше время стоит заниматься только большими проектами, Дес, – убеждал друга Тейлор. – Орбитальные станции, мост через Берингов пролив, освоение айсбергов, острова посередине Атлантики...

– Пустое хвастовство, – возражал Десмонд Холт. – Мегаломания, только и всего. Устарелый подход. Тот же ложный посыл, который заставляет цветоводов выводить все более крупные сорта, жертвуя ароматом. Явное отсутствие воображения, мальчик мой. Нет, Ник, век материалов миновал. Когда-нибудь ты и сам это поймешь. В будущем все самое важное будет происходить на атомном и молекулярном уровнях и в рамках теории информации.

– Опять ты наслушался Дрекслера и Фредкина[4]. Эти парни совсем спятили. Разве информацией можно обогреть дом или управлять с ее помощью автомобилем? Ты строишь воздушные замки, приятель.

– Как знать. Время покажет, но в одном я уверен – твой вариант развития предполагает жесткий контроль общества.

– А твой – хаос.

– Фашист.

– От анархиста слышу.

Сегодня, прокручивая в мозгу этот типичнейший разговор, почему-то всплывший из глубин памяти, Тейлор понимал, что в казавшихся тогда такими противоречивыми высказываниях Холта содержалась истина.

Время действительно расставило все на места. Через несколько лет уже не оставалось сомнений, кто из двоих был прав, утверждая приоритет своих исследований.

Тейлору удалось добиться немалых результатов, но они не шли ни в какое сравнение с работами Холта.

Обри была очень далека от всего этого – она изучала системы связи в Эмерсоне. Поглощенные своими исследованиями, ничего не замечавшие вокруг Тейлор и Холт увидели Обри в театре. Она играла Эллен в сценической адаптации «Фабрики абсолюта» Чапека. Тейлор и Холт были сражены наповал. Оба ухаживали за ней, за одного из них Обри вышла замуж.

Иногда Тейлор спрашивал себя, почему из них двоих, одинаково бескомпромиссных и повернутых на своих исследованиях, Обри выбрала именно его? Сегодня ему казалось, что он понял горькую правду: Обри поставила на более перспективного соперника, а теперь, когда удача отвернулась от Тейлора, она оставила его ради более удачливого Холта.

Не хотелось верить в это, но Тейлор не желал прислушиваться к другим объяснениям. Все эти бредни в ее прощальном письме придуманы только для того, чтобы скрыть настоящие мотивы.

«Ник, наши отношения стали бессмысленными, – писала Обри. – Мир меняется на глазах. Я хочу принимать в этом участие. Ты думаешь, что для полного счастья мне вполне хватает лондонских театров и парижских магазинов, однако это не так. Я хочу быть нужной, хочу сделать что-нибудь полезное для человечества. Звучит банально, но ты поймешь. Когда-то ты и сам в это верил, пока твои проекты не заслонили перед тобой весь белый свет. Так как в Туннеле я теперь бесполезна, постараюсь найти себе применение где-нибудь еще».

* * *

Старая песня твердила: «Любой разбитый мирок срастется вновь...»

Тейлор в этом сомневался. За два месяца, что прошли с того дня, когда, вернувшись с работы в их лондонскую квартиру, он обнаружил письмо, резкая боль нисколько не утихла. Столько времени потребовалось Тейлору, чтобы напасть на след Обри. Сначала он думал, что она вернулась в Америку, чтобы принять участие в каком-нибудь благотворительном проекте вроде восстановления Мехико после землетрясения. Когда Тейлор не нашел ее там, он с отчаяния обратился к длинному списку добровольных эмигрантов к Земле Максвелла, который, согласно международному эдикту, публиковали все крупнейшие газеты мира.

Без особой надежды прокручивая на экране колонки «Таймс», Тейлор замер, увидев ее имя, четко напечатанное на странице номера от пятнадцатого мая.

Их годовщина. Да уж, шутка удалась. Дорогой Джон, я ухожу далеко, тебе ни за что меня не найти...

А вот на это можешь не рассчитывать, дорогая.

Музыка прервалась. Приемник выключили, раздался детский плач. Тейлор боролся со сном. Лоб усеивали бисерины пота, сползавшие по заросшим недельной щетиной щекам. Граница света медленно переползла через него, отступив за окно. Солнце село.

Полежав некоторое время в темноте, Тейлор почувствовал, что проголодался, и встал с кровати.

В захудалом холле переполненной гостиницы его ждал Нарсико.

Заметив мальчишку, Тейлор уныло улыбнулся. Наверное, Нарсико остался последним попрошайкой в Альхесирасе – прочие давно уже эмигрировали тем или иным способом. По непонятной причине среди множества легковерных мишеней, которыми кишел город, мальчишка выбрал именно Тейлора. Тот же никак не мог решить, глуп Нарсико или, напротив, чрезвычайно умен.

– Вы ведь хотите *comida*, поужинать, а, сеньор Ник? Спорю, стряпней моего братца можно отравиться. Он никудышный повар, но сегодня я отведу вас в особое место, к моей *tia*, тете Луисе.

По опыту Тейлор знал, что отвязаться от мальчишки невозможно, поэтому ему ничего не оставалось, как молча последовать за назойливым попрошайкой в ресторан, который держали родственники Нарсико.

За счет временных жителей население Альхесираса увеличилось в четыре раза. На улицах было не протолкнуться. Даже в прошлые годы, когда в летние месяцы портовый город в самой южной точке Испании заполняли африканцы из Европы, спешащие домой в отпуска и на каникулы, Альхесирас никогда не напоминал одновременно Бедлам и Марди-Гра.

В городе царила атмосфера беспокойства и предвкушения. Казалось, все вокруг страстно желают поскорее забыть запреты и привычки прошлой жизни и поскорее попасть туда, где для них начнется жизнь новая. Никакой угрозы не ощущалось, но Тейлора ужасал масштаб перемен.

На пороге он помедлил, не желая сливаться с толпой. Ими движут совсем иные желания, он не принадлежит к их сообществу, да не так уж он и голоден...

Нарсико, спокойно ждавший в нескольких футах, поманил его рукой, и Тейлор принялся плечом пробивать дорогу в толпе

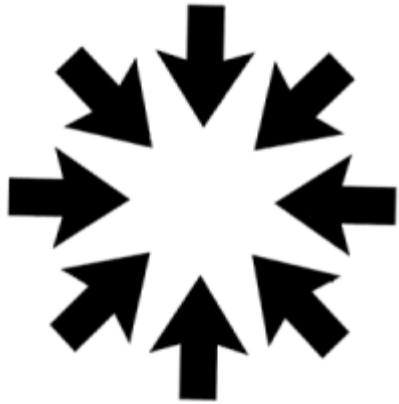
следом за своим гидом, ловко и гибко скользившим между более массивными фигурами.

В горячем вечернем воздухе висели запахи моря. Те, что поднимались от крупнейшей в мире открытой системы сточных вод, обоняние не радовали. Впрочем, в прошлом году пахло еще хуже, а в позапрошлом куда хуже, чем в прошлом.

И благодарить за сегодняшнее благополучие следовало Холта и его верную команду технократов-спасителей с Земли Максвелла. Это они запустили в море разрушители токсинов, утверждая, что для их небольших, но высокопроизводительных опреснительных насаждений необходима вода без примесей. Это стало одной из немногих односторонних акций, которые Холт и его команда осуществили за пределами своих границ. Официальные коммюнике и пресс-релизы команды Холта весьма терпеливо объясняли, что они не хотят никого оскорбить и не вынашивают планов захвата чужой территории, а просто заботятся о своей собственности, да и не меньше прочих имеют право на долю мировых ресурсов, особенно если в процессе эксплуатации их состояние улучшается.

Все эти люди на узких и пыльных мощеных улочках старого города, люди всех национальностей, сословий и классов прибыли сюда явно с той же целью, что и Тейлор. Эмигранты с билетом в один конец, все они хотели попасть на Землю Максвелла, а Альхесирас наравне с Марселем, Неаполем и Афинами был одной из самых удобно расположенных точек отправления. Те, кто предпочитал передвигаться по суше, выбирали Израиль – все лучше, чем пробираться через неспокойные африканские страны, чтобы попасть на Землю Максвелла с юга. Поначалу Израиль, противясь ассимиляции, построил на восточной границе с новой страной прочный вал, но не далее как вчера Тейлор прочел в «Интернэшнл геральд трибьюн», что кнессет собирается поставить на голосование вопрос о слиянии с самой молодой нацией в мире, если, конечно, подобное наименование применимо к столь анархической системе.

Следуя за Нарсико к берегу, Тейлор заметил, что количество демонических граффити со вчерашнего дня увеличилось. Эти знаки наносились различными способами, в разных стилях: с помощью шаблонов, от руки, краской из баллончиков, цветными мелками, но все в форме круга из стрелок, направленных остриями в центр, – круга, символизирующего антиэнтропию.



Тейлор гадал, как скоро символическое вторжение превратится в настоящее. Очевидно, что две столь несовместимые системы не смогут мирно сосуществовать на одной планете.

Шагая вслед за облаченной в лохмотья фигуркой Нарсико, Тейлор поначалу не воспринимал мальчишку в качестве собеседника. Внезапно ему захотелось перекинуться с Нарсико парой слов, захотелось узнать, что думает местный житель о странной земле, расположенной так близко к его родному берегу. Он догнал Нарсико и положил руку ему на плечо.

Резким движением указав на один из демонских знаков, Тейлор спросил:

– Скажи, кто нарисовал их, Нарсико? Пилигримы? Эмигранты? Твои соплеменники?

Нарсико вскинул голову, карие глаза сверкнули из-под копны черных волос. Над одной из бровей, словно размазанный макияж, засохла грязь.

– В основном те, кого вы назвали первыми, сеньор Ник. У тех, кто живет здесь, нет на это времени.

– Ты не боишься, что когда-нибудь Земля Максвелла приблизился и поглотит Испанию?

С неестественным для его лет фатализмом Нарсико пожал плечами.

– А толку-то волноваться? Если даже сама Америка ничего не может против демонов, что взять с нас?

– Думаешь, при них жизнь станет лучше?

– *Quien sabe?* Кто знает? Как говорят, пока вроде все не так плохо. Пусть приходят, посмотрим. Идемте ужинать, сеньор Ник, до ресторана моей тетки рукой подать.

Нарсико свернул и углубился в темный переулок. Тейлор вынужден был последовать за ним.

Ресторан тети Луисы располагался прямо на берегу. Перед тем, как войти внутрь, Тейлор постоял на ржавой бетонной

пристани, до боли в глазах всматриваясь в очертания новой земли посредине Гибралтарского пролива в нескольких милях к югу.

Причудливо освещенное африканское побережье теперь нисколько не напоминало очертания, известные еще со времен Рима. Лет пять назад, даже хорошенько прищурившись, вы не разглядели бы никаких изменений. Сегодня же мощная демонстрация возможностей энергии демонов, словно манящий рекламный щит, возвещала о новом мировом порядке с деликатностью кампании по продвижению последнего блокбастера.

Все еще придавленный жарой и крутыми переменами в собственной жизни Тейлор попытался представить, к чему может привести использование столь неисчерпаемого источника. В эту концепцию было трудно поверить, особенно если всю жизнь лелеять совершенно иные физические принципы. Нечто, возникающее из ничего. Разве Силард[5] не доказал, что это невозможно?

Свет, отражавшийся в водах залива, с простотой и наивностью букваря возвещал, что Силард ошибался.

Войдя внутрь, Тейлор заказал сангрию и сандвичи. Хорошо прожаренное мясо, гнездо из щупальцев кальмара в хрустящем золотистом тесте – щупальца лилейно-белые внутри, сочные, словно поцелуи. Только хлеб из желтоватой испанской муки оказался пересушенным. Тейлор отбросил хлеб и принялся орудовать вилкой, запивая кальмара долгими глотками фруктового, отдающего бренди вина.

Внезапно, не донеся вилку до рта, Тейлор испуганно посмотрел на Нарсико. Мальчишка вертелся тут же, словно карманный метрдотель, всегда готовый к услугам.

– Это поймали здесь? – спросил Тейлор.

– А как же, синьор Ник! Самая свежая здешняя рыба!

Тейлор внимательно изучал кальмара. Сколько холтовских разрушителей токсинов успело переварить это создание? Тейлор знал, что наномеханизмы биологически нейтральны, а срок их жизни ограничен, и все же...

Вот черт, да он же целую неделю ел блюда из местных морских обитателей, даже не задумываясь об этом!

Тейлор в молчании снова занялся кальмаром, а Нарсико куда-то исчез. Тейлор размышлял о завтрашнем отплытии. «Не стоит задерживаться в Испании». Так было написано в одной книге – Обри как-то пыталась заставить Тейлора прочесть ее. Автора звали Гаусс, нет, Гаддис. Он так и не прочел ту книжку – слишком запутанно, недостаточно четко. Уравнения вымысла

ускользали от Тейлора. Обри безуспешно пыталась всучить ему новые книги – по крайней мере в первые годы брака. Сегодня Тейлор жалел, что не прочел хотя бы некоторые из них.

Неужели сейчас она с Холтом? Тейлор был убежден в этом. Ублюдок всегда читал то, что советовала Обри. Зачем она отправилась к Земле Максвелла, если не для того, чтобы примазаться к его славе?

Поняв каким-то сверхъестественным чутьем, что Тейлор собирается уходить, из кухни появился Нарсико.

– Хотите развлечься, сеньор Ник?

– Нет, – устало ответил Тейлор. – Отведи меня в отель. – Он неуверенно поднялся на ноги – пустой кувшин из-под вина красноречиво свидетельствовал о его состоянии.

Нарсико отвел его в отель и уложил в кровать. Глаза Тейлора слипались, дыхание сбилось.

Последней его мыслью было: «Ты – то, что ты ешь».

Или так: «Ты то, что ест тебя».

* * *

Проснулся Тейлор с похмельем – острым, словно коготки Юдифи, вонзившиеся в голову Олоферна. Костюм весь в пятнах от вина, сказало ему зеркало, под глазами – мешки, да и вообще выглядишь ты паршиво. По сравнению с тем грязным делом, которое ему предстояло совершить, собственный внешний вид нисколько не заботил Тейлора.

Перед выходом, похлопав себя по карману и с облегчением найдя паспорт на месте, Тейлор обнаружил, что Нарсико прихватил пятьдесят тысяч песет – его последние деньги.

Он беззлобно чертыхнулся, даже толком не рассердившись. Тейлор понимал, как рассуждал Нарсико: этот ненормальный американец завтра отправится к земле демонов, где, как все говорят, деньги не в ходу, а улицы вымощены золотом. По закону, оттуда нет возврата.

Что ж, скорее всего мальчишка прав.

Оставалось надеяться, что до отплытия Тейлору не придется снова давать взятки.

Он достал из-под кровати спортивную сумку, открыл ее, увидел пистолет и с треском застегнул молнию. К счастью, в бумажнике не было самого ценного – билета на паром. Билет лежал в ботинке.

Выйдя на улицу, Тейлор присоединился к людскому потоку, текущему в направлении доков. С тех пор как разрушился

«железный занавес», мир не видел подобного. Тейлор подозревал, что некоторые из прохожих – такие же, как и он, пассажиры, но в большинстве своем люди шли в порт просто для того, чтобы с тоской поглазеть на юг или в который раз попытаться обменять билет на более раннюю дату. Не будь у Тейлора по приезде в Альхесирас полных карманов наличности, он бы и сам сейчас праздно болтался среди тех, кому не повезло. Даже с большими деньгами ему пришлось просидеть в Альхесирасе эту ужасную неделю. Не желая доверять свою судьбу капитанам убогих каперов – в городе ходили рассказы о пассажирах, выброшенных за борт за полпути к Земле Максвелла, – Тейлор дожидался более или менее приличного средства передвижения.

Забор из цепей с проволокой поверху огораживал док, где был пришвартован паром. В рамках операции «Транзит» ворота охраняли солдаты войск ООН по поддержанию мира. С билетом в руке Тейлор встал в очередь. Кажется, никто не собирался проверять багаж, поэтому Тейлор не стал засовывать пистолет за подкладку сумки, как намеревался.

Время шло, а солнце все припекало. Наконец Тейлор оказался в голове очереди.

Крупный светловолосый скандинав скомандовал:

– Ваш паспорт, пожалуйста.

Тейлор протянул паспорт.

Унылым голосом охранник произнес обычную речь.

– Как вам известно, в соответствии с резолюцией 1050 Совета безопасности ООН, одобренной большинством членов Совета, настоящим вы отказываетесь от гражданства страны, в который имеете избирательные права. Вам это известно?

– Да.

– Вы все еще хотите ступить на борт парома?

– Да.

Охранник махнул Тейлору рукой, возвращая паспорт. Завтра имя Тейлора появится в газетах по всему миру, отделенное от имени жены несколькими месяцами, хотя для будущих историков эта разница во времени сотрется, и разлученные влюбленные сольются в статистике массового исхода, наконец-то воссоединившись, пусть только клиометрически.

Проходя мимо витой проволоки, Тейлор почувствовал, что ядовитые миазмы, душившие его все это время, улетучились, а тяжесть, давившая на плечи, отпустила. Впервые за последнюю неделю он мог действовать по собственному усмотрению.

Паром, пришвартованный в доке, был одним из тех громоздких и неповоротливых плавательных средств, что в более спокойные времена курсировали по проливу, занимаясь

торговлей. Сегодня их внезапно разбогатевшие владельцы, нанятые государством, внесли в конструкцию паромов небольшие изменения – там, где раньше были грузовые места, установили дешевые пассажирские сиденья, превратив паромы в челноки для эмигрантов с билетом в один конец. Этот паром выглядел весьма изношенным. Годами не видавший сухих доков, он весь проржавел и особого доверия не вызывал.

Команде, уже облаченной в костюмы химзащиты и вдыхающей сжатый воздух, запрещалось высаживаться на Земле Максвелла, равно как и вывозить из Африки любые товары. В случае нарушения запрета им грозило неминуемое изгнание.

Владельцы маленьких суденышек, не желавшие обращаться к правительству за лицензией, считались нарушителями резолюции ООН, и при обнаружении их лодки разрешалось топить. Двадцать таких лодок были потоплены за неделю, которую Тейлор просидел в Альхесирасе.

По шаткому деревянному пандусу Тейлор поднялся на борт и вместе с прочими пассажирами встал у перил. Ему захотелось, чтобы нашелся хоть кто-нибудь, пусть это будет даже корыстный Нарсико, с кем он мог бы проститься. Тейлор тщетно вглядывался в лица.

Над головой кружили чайки. Рядом с Тейлором стояли двое чернокожих юнцов с альпинистскими рюкзаками, делавшими их похожими на гномов, но по одежде и речи Тейлор безошибочно узнал соотечественников-американцев. Юнцы пребывали в эйфории по поводу отплытия парома.

– Эй, парень, вот мы и возвращаемся в Африку!

– Кто бы знал, до чего клево!

– Угадай, сколько нужно демонов, чтобы заменить лампочку?

– Ни одного! Эти лампочки никогда не изнашиваются!

Вскоре паром заполнился. Раздался пронзительный звук рожка. С шумным хлопком, изрыгнув черный дым, взревел паромный дизель, канаты отвязали, и пандус, сделав пируэт, упал в море. Тейлор чувствовал, как морской бриз высушивает пот на лбу. Солнце сегодня палило не так, как всегда. Жара не вгоняла в тоску, а напротив, возбуждала. Наверное, все это ему кажется – просто дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки.

На середине пути моторы внезапно перестали вонять и рычать, а корпус скрипеть. Впечатление было такое, словно они сами выпали из реального мира и никаким потусторонним силам не пришлось их выпихивать. Несмотря на заглохшие моторы, корабль под влиянием неизвестного импульса продолжал двигаться вперед еще быстрее, чем раньше.

Тейлор на мгновение удивился любопытному феномену, но

тут же выбросил его из головы. Все чудеса Земли Максвелла вместе взятые не имели никакого отношения к его сугубо частной миссии.

Путь до Танжера оказался более быстрым, чем он ожидал. Раньше Тейлор пассивно двигался навстречу судьбе, до поры до времени не имея возможности совершить то, что намеревался. Теперь неопределенность закончилась – пришло время принимать решение.

Беда в том, что Тейлор не представлял, как осуществит свои намерения. Выгрузившись на берег вместе с толпой восторженных эмигрантов, он впервые осознал, что до этого мгновения даже не задумывался, а что потом? Где находятся Холт и Обри и как он доберется до них без денег?

Хорошо хоть портовые чиновники даже не думали рыться в вещах эмигрантов. Им словно говорили: «Что бы вы с собой ни везли, это не имеет никакого значения, раз вы здесь». И, разумеется, никто не поинтересовался, надолго ли они прибыли.

Впрочем, одну формальность пройти все-таки предстояло.

Женщина европейского типа со значком Красного Полумесяца на рубашке держала в руках шприц-пистолет, соединенный шлангом с емкостью из нержавеющей стали. Каждый из вновь прибывших должен был подойти к ней.

Когда пришла очередь Тейлора, он наконец разглядел, что его ожидало. Ужаснувшись, он снял пиджак и обнажил руку.

Женщина приложила дуло и спустила курок.

Когда она отняла пистолет, на предплечье Тейлора красовался ярко-красный демонский знак. На ранке выступила единственная капелька крови.

– Самоорганизуемый и не выводимый, – сказала женщина в ответ на вопросительный взгляд Тейлора. – Даже если вы захотите срезать его, он все равно проявится. Считайте, что это ваш паспорт на Земле Максвелла. Кроме того, вы получили стандартный противовирусный комплекс: против сонной болезни, СПИДа и все такое. Удачи.

Сжимая в руке спортивную сумку и вместе с прочими вновь прибывшими потирая воспаленное клеймо, Тейлор, не придумав ничего лучшего, решил прогуляться по городу и выяснить, какие перемены принес в Северную Африку Холт.

* * *

Пять лет назад правительство президента Туниса Зайна аль-Абидина Бен Али – одно из самых либеральных и светских

правительств в арабском мире – приняло одно предложение. Наслушавшись некоего Десмонда Холта, чьи революционные исследования в области наномеханизмов были запрещены в Америке, правительство предложило Холту финансовую помощь и карт-бланш во внедрении его изобретений.

Через год, когда Холт с небольшой командой своих последователей переселился в эту небогатую, но энергично развивающуюся арабскую страну, государство Тунис попросту пропало.

В физическом смысле оно продолжало существовать. Сама территория – земля, люди, строения – осталась на карте. Однако в метафизическом и правовом смысле Тунис исчез. Страна перестала быть независимым политическим образованием. Президент Бен Али, вовсе того не желая, организовал государственный переворот против себя самого.

Подробности того, что быстро окрестили Революцией технических новинок, скудны. Соседние государства, тут же осознав угрозу своей неприкосновенности, даже если не могли ее точно сформулировать, проявили большое рвение в установлении карантина с зараженной территорией. Однако вскоре стало ясно, что этим дело не кончится.

Разоружив правительственные войска Туниса, Холт с помощью своей технологии захватил Ливию на юго-востоке и Алжир на западе. Обе страны немедленно прекратили качать нефть. Прочие страны – члены ОПЕК вынуждены были увеличить добычу, чтобы предотвратить то, что отозвалось бы в мировой экономике отнюдь не слабой икотой. Закрытие рынка для западных товаров и отказ от выплаты внешнего долга внушали уже более серьезные опасения, поэтому международные корпорации стали ратовать за нормализацию отношений с мятежным новым государством, разумеется, при условии, что оно откажется от применения этих опасных новых технологий.

Марокко, где сейчас находился Тейлор, вступило в союз через год. Мавритания, Мали, Нигер, Чад и Судан присоединились позднее. Египет оказался упрямее, но через шесть месяцев сдался и он. А теперь, как узнал Тейлор из газет, настала очередь Израиля.

Все эти страны и образовали странную смесь, известную, по крайней мере в западной прессе, под названием Земли Максвелла.

Или дома для демонов[6].

* * *

Праздно прогуливаясь по шумным городским улицам, Тейлор и сам не знал, что ожидал увидеть. Возможно, постройки инопланетного вида, разумные живые механизмы, общее потрясение и замешательство... Реальность же оказалась вполне обыденной – Танжер явно процветал, несмотря на непреодолимое торговое эмбарго со стороны остального мира.

Тейлор никогда раньше не бывал в Северной Африке, но тысячи некогда просмотренных документальных фильмов подготовили его к встрече с безвредной, хотя и весьма пестрой реальностью. В *медине*, старом городе, шумел базар: груды продуктов, стопки ковров, палатки с медью и плетеными корзинами, драгоценностями и одеждой были гордо выставлены на всеобщее обозрение.

В городе отсутствовал единственный традиционный элемент – нищета. Тейлор не заметил ни попрошаек, ни изуродованных запущенными болезнями лиц. Он миновал множество больниц, где нашли новое место работы западные иммигранты. На улицах не было ни тягловой скотины, ни обычных автомобилей, только небольшие экипажи и самокаты, беззвучно управляемые странными моторами. Тренированный глаз Тейлора опознал двигатели, работающие в цикле Стерлинга и приводимые в движение демонскими тепловыми насосами.

Город казался слегка нетрезвым. В воздухе повисла почти физически ощущаемая эйфория, словно избыток озона в горной местности. Тейлор обнаружил, что его сосредоточенность снова рассеивается.

Его внимание привлек прилавок с чаем. Тейлор уже полдня шатался по солнцу, и горло пересохло. Он смотрел, как продавец готовит горячий чай – каждая чашка нагревалась до кипения при помощи маленького черного кубика с ручкой, украшенного демонским знаком.

Тейлор с одинаковой жаждой вглядывался как в содержимое чашек, так и в само хитроумное устройство. Перед ним был один из продуктов Холта – самый революционный и в самой примитивной форме. Внутри кубика находилось некое количество самовоспроизводящихся демонов Максвелла – изощренных наноустройств, силиробов, и обычный воздух, температура которого была равна температуре окружающей среды. Демоны, эти обладающие разумом клапаны, были слоями уложены на стекле, разделявшем внутреннее пространство кубика надвое. Разделяя молекулы воздуха с непостоянными скоростями в одной половине кубика, силиробы поддерживали там тепло, другая при этом оставалась холодной. (Часть получаемой энергии наноустройства использовали для себя.) Ручка регулировала

количество открытых клапанов.

Бесконечный источник энергии. Локальная отмена энтропии.

Вот что обрушивало правительства и государства. Внутри маленького незатейливого кубика жила сила, способная перекроить земной шар.

Тейлор видел, как один из покупателей заплатил за чай динар. Некоторые пили бесплатно – владелец прилавка не возражал. Жажда заставила Тейлора осмелеть настолько, что он приготовился поступить так же, как рядом раздался голос.

– Держу пари, вы только что с парома.

Тейлор обернулся. Молодой небритый араб в джинсах, футболке, украшенной демонским знаком, и ковбойских сапогах, стоял рядом.

– Так и есть, – признался Тейлор.

– Конечно же, вы потрясены. Обычная реакция. Деньги, сами видите, здесь не в ходу. В обществе растущего изобилия деньги утрачивают свою ценность. Многие по привычке все еще цепляются за них, но и они обязаны предоставлять продукты своего труда бесплатно, взамен же, тоже бесплатно, получая то, в чем нуждаются. Впрочем, довольно экономических теорий. Это мой конек, и боюсь, иногда я увлекаюсь и становлюсь занудой. Вы ведь хотели пить.

Араб что-то сказал продавцу, и тот протянул Тейлору чашку.

«Чай в Сахаре», вспомнил Тейлор. Название старой песни, а также главы в одной из книжек Обри. Мир менялся так стремительно, что Тейлор почувствовал головокружение.

– Осторожно. – Араб поддержал его за руку. – Меня зовут Аззедин. Аззедин Айдуд. Позвольте отвести вас в тень.

Тейлор быстрыми глотками допил обжигающий чай, вернул продавцу чашку и позволил Аззедину увести себя прочь.

Стены, древние как жизнь, переулки, узкие как смерть, мрачные дверные проемы. Тейлор уже не помнил, в какой стороне порт. Ему никак не удавалось сосредоточиться, и он безвольно брел за Аззедином, как раньше за Нарсико. Привыкший отдавать указания и руководить, сейчас он ощущал себя неразумным ребенком.

Они остановились в окруженном стеной саду. В фонтане нежно журчала вода. Тейлор почти не прислушивался к тому, что говорит Аззедин. Кажется, он рассказывал о своей семье.

– ...и когда я услышал о том, что происходит на моей родине, то бросил учебу в Америке – а учился я в Стэнфорде, слыхали о таком? – и вернулся домой. Разве я мог поступить иначе?

Внезапно Тейлор ощутил прилив энергии. Он схватил Аззедина за запястье.

– Послушайте, вам известно, где сейчас Холт?

На лице Аззедина проступило почти религиозное обожание, сменившееся разочарованием.

– Великий человек! Как бы я хотел встретиться с ним! Почел бы за честь поблагодарить его лично! Я рассказывал бы об этом дне своим детям! Но, как ни печально, я не знаю, где он.

– Где мне найти его?

– В городе есть люди из его клана. Они могут знать.

– Клана?

– Так называют себя те, кто работает с Холтом.

– Прошу вас, отведите меня к ним.

– Хорошо.

Офис клана располагался в бывшем армейском здании, отмеченном специальным демонским знаком с большой буквой Х в центре. Кругом кипела бурная жизнь. Непонятно было, как она организована: ни секретарей, ни администратора, ни отдельных кабинетов в здании не было. Спустя некоторое время Тейлор завязал беседу с темноволосым канадцем, назвавшимся Уолтом Бекером. Аззедин внимательно прислушивался.

Тейлор старался врать убедительно.

– Вы должны сказать мне, где находится Холт. Мне необходимо с ним увидеться. У меня для него важнейшая информация.

– О чем?

– Э-э... о возможном покушении на его жизнь.

– Для него это не впервой. Холт не боится покушений.

– Нет, вы не поняли. Он ничего не знает об этом покушении. Прошу вас, я его старый друг. Я не переживу, если с ним что-нибудь случится.

– Вы лично знакомы с Холтом?

– Мы учились в одной школе...

Однако слова Тейлора не убедили Бекера, и он приготовился отвернуться. Тейлор был не силен в уловках, поэтому в отчаянии он выложил последний козырь.

– Эта женщина, которая с Холтом, Обри. Я ее муж.

Бекер вскинул голову.

– Простите, как вас зовут? – Тейлор ответил. – А над каким проектом вы сейчас работаете?

– Туннель Два.

Бекер кивнул.

– Она говорила, что вы можете объявиться.

Сердце Тейлора подпрыгнуло. Какую ловушку подстроила ему Обри?

Однако пока опасностью и не пахло. Бекер снял телефонную

трубку.

– Мы отправим вас прямо сейчас.

Аззедин перебил.

– Нет, я требую, чтобы именно я отвез его. Я – из семьи марабутов, проводников. Я привел его сюда. Это нечестно.

Бекер пожал плечами.

– Почему нет? Холт в пустыне на плато Танезруфт, недалеко от Тауденни. Вместе с туарегами занимается одним проектом, точнее я не знаю.

Тейлор горько рассмеялся.

– Похоже на него. Холт всегда имел слабость к микропроектам.

Бекер хмыкнул.

– Теперь можете называть их нанопроектами.

– Новое шоссе из Танжера в Тимбукту проходит мимо Тауденни.

– Это далеко?

– Не очень. Тысяча миль или около того.

– По-вашему, это недалеко?

– В прошлом году, когда не было новой дороги, считалось, что далеко. Сами увидите. Берите сумку, и можем отправляться.

Транспортное средство Аззедина оказалось двухместным, в форме слезинки, и трехколесным. Сверху для защиты от солнечных лучей был натянут позолоченный тент. Управляемый демонами транспорт Аззедина не нуждался в топливе, чем хозяин явно гордился и, несмотря на растущее раздражение Тейлора, готов был рассуждать об этом бесконечно.

– Как вам известно, мистер Тейлор, классическая физика отрицает существование такого источника энергии. Предполагалось, что теория информации вобьет последний гвоздь в гроб теории демонов мистера Максвелла. Думали, что, сортируя молекулы, демоны отбрасывают важную термодинамическую информацию, сводя таким образом на нет всю проделанную работу. Холт догадался, что механизмы с достаточным объемом памяти могут повышать ее энтропию и, соответственно, уменьшать энтропию окружающей среды. Сделав свое дело, они воспроизводят преемника, а затем саморазрушаются. Так решается проблема термодинамической необратимости.

Пока они медленно передвигались по улицам Танжера, Тейлор, закрыв глаза, развалился в удобном кресле. Янтарный свет падал сквозь полог и окрашивал лица в цвет ноготков.

– Все это полное дерьмо, Аззедин. Побочный эффект. Это же очевидно.

Казалось, Аззедин обиделся.

– Тогда, мистер Тейлор, нужно признать, что этот автомобиль едет на дерьме. Неужели вы серьезно полагаете, что мистер Холт мог что-нибудь упустить? Он уникальный человек! Туареги почитают его как святого.

– Вот как?

– Туареги – не настоящие арабы. Они утверждают, что являются потомками древней благородной расы, однако я им не верю. Разве мужчина будет закрывать лицо вуалью, чтобы никто не мог прочесть его выражения?

– Вам виднее.

– Уж я-то знаю. Холт очень смелый человек, раз работает с ними. Он, как бы вы сказали, крутой чувак. В других странах многие осуждают его, считают безответственным безумцем, посмевшим спустить с привязи неуправляемые силы. Но Холт знает, что делает. Когда-нибудь вы признаете его своим спасителем, как некогда признали мы.

– Вряд ли мы доживем до осуществления ваших предсказаний.

– Все в руках Божьих, и нет Бога, кроме Аллаха, и Холт – его пророк.

На окраине Танжера начиналось почти идеально гладкое шоссе, ведущее на юго-восток, прямое, как мечта землемера. Дорога была обсажена молодыми пальмами, которые орошались при помощи ирригационной системы. Воду подавали насосы, управляемые демонами.

– Вот, – сказал Аззедин, – выросли прямо из песка благодаря гению Холта.

– Превосходно, – буркнул Тейлор.

Он был взвинчен и утомлен. Определенно, в воздухе висело что-то, обострявшее чувства и убыстрявшее пульс. Разум же, напротив, был придавлен горем и предстоящей миссией, которую Тейлор придумал себе сам: вернуть Обри и положить конец безумию Холта.

Аззедин гнал свой маленький автомобиль на скорости сто двадцать километров в час. Двенадцать – пятнадцать часов – и они будут на месте.

Под вдохновенный монолог Аззедина, расписывающего красоты Северной Африки, Тейлор решил вздремнуть. Проснулся он в Фесе, где начинался подъем в горы Высокого Атласа. Затем они пересекли невидимую границу и оказались в настоящей пустыне. Даже здесь дорога, обсаженная пальмами, не собиралась петлять.

Аззедин вел автомобиль словно одержимый. Просыпаясь,

Тейлор тщетно пытался представить, о чем думает араб. Наверное, Аззедин воображал, что нашел чужестранца на рынке и теперь везет его на встречу со святым Холтом, ведомый божественным вмешательством Кисмета.

После восьми часов пути, около полуночи, они остановились в оазисе, чтобы передохнуть.

Похожие на ульи строения с толстыми стенами, слепленные наномашинами из песка, располагались под финиковыми пальмами и деревьями талха. Стреноженные верблюды лежали у колодца. Мужчина в струящейся гандуре приветливо поклонился им. Он ввел Тейлора и Аззедина внутрь хижины, где поднял на ноги всю семью: двух жен и шестерых детей. Женщины при виде незнакомцев скромно прикрыли волосы покрывалами и подали гостям кускус, ломти баранины, молочный напиток, называемый зриг, и финики с медом.

Тейлор обратился к Аззедину:

– Спроси их, почему они живут так уединенно?

Аззедин перевел вопрос. Мужчина разразился пространным взволнованным монологом. От удивления глаза Аззедина расширились.

– Он утверждает, что любое место, где побывал Холт, становится харам, святым. Он надеется снискать милость небес, живя здесь и помогая путешественникам.

– О господи, это уже слишком...

После того, как Аззедин немного подремал, они снова двинулись в путь.

Через пятнадцать часов после начала путешествия, когда рассвет окрасил небо абрикосовым и кремовым цветом, Тейлор и Аззедин добрались до Тауденни, городишка на севере больше не существовавшего государства Мали.

Они вышли из автомобиля. Снаружи, к удивлению Тейлора, жара снова опустилась на них, словно обтянутый бархатом молот.

– Куда теперь? – спросил Тейлор.

– Нужно найти местных, которые знают, где лагерь туарегов, и смогут отвести нас туда. Боюсь, нам придется ехать на верблюдах. На плато Танезруфт нет дорог.

Владелец магазина, при упоминании проклятого имени Холта мгновенно ставший любезным, отвел их к некоему Махфуду.

На вид Махфуду было лет пятьдесят. От жизни в пустыне он высох и потемнел.

– Конечно, я отведу вас к Холту. Много лет я был проводником азалаи, соляных караванов.

– Это далеко?

– Двадцать пять миль. Часов восемь езды, если повезет.

Тейлор застонал.

– Когда мы выступаем?

– Вечером. Ночью не так жарко идти.

Следуя советам Махфуда, Тейлор и Аззедин запаслись кое-какими припасами, затем немного вздремнули в доме префекта. С восходом луны все трое собрались на окраине города.

На спинах верблюдов были надеты деревянные седла в форме бабочек. Махфуд привязал к ним гирбасы, бурдюки с водой. Верблюдами управляли с помощью уздечки, привязанной к веревке.

Махфуд заставил верблюдов присесть.

– Влезайте.

Тейлор и Аззедин вскарабкались на верблюжьи спины. Животные встали, нерешительно протестуя против тяжкого груза.

– Ваши верблюды пойдут за мной. Только не бросайте уздечки, если хотите их удержать, иначе все равно удерут.

Махфуд двинулся к началу каравана. Держа шест на плече, он возглавил движение.

Когда Тейлор все в том же грязном льняном костюме взобрался на спину верблюда, ему показалось, что путешествие будет не таким уж тяжелым.

Через два часа тело превратилось в один сплошной синяк. Несмотря на ночь, температура держалась около отметки в девяносто градусов. От монотонности езды Тейлору хотелось вопить. Когда же наконец он доберется до Холта?

Болтаясь на спине вонючего животного, Тейлор неожиданно подумал о том, что все его путешествие выглядит не трагично, а скорее комично. Самолетом до Испании, паромом в Африку, на автомобиле через пустыню, на верблюде – к лагерю коварных кочевников. Все это напоминало фильм, в котором герой постепенно деградирует и заканчивает свое путешествие, крутя педали трехколесного велосипеда...

Пытаясь снова обрести уверенность в себе, Тейлор запустил руку под пиджак. За поясом брюк лежал пистолет – от соприкосновения с кожей оружие стало горячим.

Над головой кружились созвездия, внизу медленно дрейфовала пустыня.

Туареги не двигались с места, поэтому найти их оказалось легко. Лагерь располагался во впадине, в которой даже Тейлор узнал пересохший вади. На расстоянии плоские овальные палатки из пальмовых волокон походили на брошенные цирковые шатры, забытые кем-то посередине песчаной пустыни. В центре лагеря стояла палатка современного вида, очевидно, принадлежавшая

главному инспектору манежа – Холту.

Тейлор попытался заставить верблюда двигаться быстрее, но животное оказалось неотзывчивым, словно камень. Прошла вечность, прежде чем они оказались в центре лагеря.

Еще не рассвело, поэтому обитатели лагеря спали.

Тейлор, поморщившись от боли, спешился.

Спотыкаясь, он неловко заковылял к палатке Холта. Тактичный Аззедин отстал, а Махфуд занялся верблюдами.

Тейлор отодвинул клапан палатки и неожиданно ощутил удар кондиционированного воздуха в лицо, на мгновение утратив ориентацию. Придя в себя, Тейлор заметил в сумеречном свете палатки две фигуры. Они спали на разных койках. Обри и Холт, оба в футболках.

Если бы он застал их в одной постели, то застрелил бы.

А сейчас, глядя на жену и лучшего друга, спящих невинно, словно младенцы, Тейлор ощущал только отвращение к самому себе.

Чувствуя шум в ушах, Тейлор поднес револьвер к собственному виску.

Нажал на спусковой крючок...

Раз, еще раз, несколько раз подряд.

Ни дыма, ни пламени, ни запаха пороха, только глухие щелчки.

Тейлор уронил руку и в немом изумлении уставился на предательское оружие. Затем вытащил обойму и посмотрел на нее, словно ожидая объяснений. Не дождавшись, отбросил обойму прочь. И заплакал.

Холт и Обри уже проснулись. Рассвело. Холт подвинул Тейлору складной стул и с силой надавил ему на плечи. Тейлор сел.

– Обри, ты не заваришь чаю? Да и Ник выпьет. Сделай одолжение.

Обри сухо кивнула, этим безмолвным движением давая Тейлору понять, что не одобряет его поведения. Рыдания усилились.

Чертов Холт вел себя так, словно он один виноват во всем, словно это он, а вовсе не Тейлор, несколько минут назад пытался покончить с собой.

– Сначала это потрясает, я же понимаю, Ник. Черт возьми, если б ты знал, что было со мной, когда я открыл все это! Жаль, что ты не видел лиц солдат ООН, когда они начали стрелять в нас. Некоторые энтропические реакции, основанные на старой парадигме, благодаря широкому распространению демонов теперь невозможны. Ты не сможешь завести двигатель

внутреннего сгорания в пределах Земли Максвелла. Локальное накопление антиэнтропии как побочный продукт сортировки демонов. Одному Богу известно, почему наш метаболизм до сих пор работает. Шилдрейк* считает, что мы имеем дело с морфогенетическим полем. Черт, об этом я и не помышлял, не буду скрывать. Я знаю только одно. Совсем скоро поле достигнет Европы. У них не останется выбора, они вынуждены будут применить моих демонов. Американцам, чтобы сообразить что к чему, в лучшем случае понадобится еще лет десять. Впрочем, если они попросят, я приду им на помощь гораздо раньше.

Тейлор перестал всхлипывать.

– Что... что ты сделаешь со мной?

Холт взглянул на Обри, его лицо – юное, как в годы их учебы, – выражало простодушное удивление.

– Понятия не имею. Столько работы вокруг! Перекроить заново континенты, сотни стран, тысячи сообществ! Возьми то, чем мы заняты сейчас, – восстановление вади. Здесь полно воды, всего в трехстах футах под землей. Эти новые силиробы, которые мы разработали, они формируют микрокапилляры, которые постепенно поднимают воду наверх. Мы могли бы использовать твои знания в восстановлении биосферы, но, возможно, у тебя есть и собственные идеи.

Тейлор молчал. Холт обернулся к Обри, которая вернулась с чаем в руках.

– Обри, как думаешь, что нам делать с Ником?

Жена посмотрела на Тейлора, и он заставил себя ответить на ее взгляд. Никогда еще Тейлор не видел Обри такой сияющей и уверенной в себе. Весь этот бред в ее прощальном письме оказался правдой. Он с замиранием сердца ждал, что скажет Обри.

– Дай ему работу, – уверенно ответила она. – Даже в наше время никто не вправе получать нечто, ничего не предложив взамен.

Полу Боулзу

Восхождение Попрыгунчика

© Перевод. Т. Бушуева, 2006.

1

Его миром был ил, и он зарылся в него почти с головой, оставив торчать наружу лишь рот и выпученные глаза.

Лежа на животе и напрягая примитивные легкие – спину защищал слой липкой грязи, – он отфильтровывал из мутной жижи питательные диатомы, ожидая того благословенного момента, когда снова вернется вода. Пока же сверху нещадно палило солнце, и он ненавидел эту жару и этот слепящий свет.

Каждый день мелкая вода куда-то отступала, и каждый день возвращалась назад. Вот и все, что было ему известно об окружающем мире. Да, и еще пребывающая в вечном движении Тень.

Сегодня вода отступила в те мгновения, когда он был вне спасительной Тени, хотя и чувствовал, что она где-то рядом. И все-таки он не осмелился переместиться под ее прохладную сень. Лучше замереть на месте, рискуя иссохнуть под палящими лучами, только бы лишний раз не привлекать к себе внимание хищников.

Соленая жижа под ним слегка задрожала. Он повращал своими выпученными глазищами, опасаясь того, что сейчас предстанет его взору.

К нему, плотоядно работая челюстями и угрожающе загребая клешнями, приближался краб вдвое больше его по размеру.

И тогда он бросился наутек. Выкарабкавшись при помощи коротких плавников наружу из липкой грязи, он поспешил прочь, подгоняя сам себя хвостом.

Медлительный краб остался позади. А Попрыгунчик вступил в благодатные границы Тени. Ее прохлада была подобна целительному бальзаму. На несколько мгновений он ощутил себя в полной безопасности, но вскоре с ужасом понял, какую чудовищную ошибку совершил.

Он нарушил границы соседских владений. Незваный гость, одиночка без роду-племени, он вторгся в их священные пределы.

Уже в следующее мгновение ему навстречу был выслан разведчик. Затем еще один, и еще. Вскоре их собралась уже целая стая. Половозрелые самцы начали ритуал устрашения. Опершись на хвост, они грозно потрясали в воздухе передними конечностями, раздували щеки, после чего громко шлепались вниз, с шумом выпуская воздух и разбрызгивая грязь. Двигаясь полукругом, они подбирались к нему все ближе и ближе, пока наконец один из них едва не обрушился на него.

Однако Попрыгунчик даже не сдвинулся с места. Впрочем, у

него не было иного выбора. Он должен либо с честью выдержать сражение с превосходящими силами противника, либо вернуться под палящие лучи и там бесславно сгинуть, став добычей крабов или птиц.

Он был готов постоять за себя. И потому бросился сначала в одну сторону, затем в другую, пытаясь запутать противников. Маневр удался – на какое-то мгновение, сбитые с толку, они замерли на месте. Но затем, разгадав его намерения, вновь перешли в наступление.

Где-то рядом упало нечто огромное и тяжелое – может, исполинский родственник его обидчиков? – однако влажная земля смягчила удар. Обитатели мелководья продолжали свое сражение, не замечая, как за первым толчком последовали другие, чуть слабее.

Неожиданно противоборствующие стороны оказались в кольце прозрачного барьера цилиндрической формы. И все же, несмотря ни на что, продолжали свое сражение за место под Тенью.

Где-то над ними прогремел гром, и сверху упали тени меньших размеров, чем главная. Одинокий нарушитель, изнуренный битвой, по-прежнему пытался постоять за себя.

И тут что-то окружило его. Его легонько сжали и подняли вверх, высоко в воздух.

На него смотрело чье-то огромное лицо – оно показалось ему размером с луну, повисшую над потемневшими водами. Глаза неведомого существа цветом напоминали небо. И вновь прогремел гром – звуки эти исходили, по всей видимости, из ярко накрашенного рта этого загадочного создания.

Позднее, уже в Верхнем Городе, прокручивая эту сцену одновременно и под новым, и под старым углом зрения, он одновременно испытывал и гордость, и стыд. Рядом с ним сидела Октавия, и стоило ему вспомнить, как ее рука обхватила его от кончика носа до кончика хвоста, стоило вспомнить нежность ее голоса, как его бросало в дрожь.

– Посмотрите, как храбро он сражается, и это при его-то шансах на победу. Как по-вашему, может, ему надо попробовать себя на новой высоте? Ну-ну, попрыгунчик, мой милый малыш, тебе пора подняться выше. Поторопитесь, друзья мои, иначе мы не сможем вырваться из этого поля.

После этих ее слов он покинул привычную стихию, единственный известный ему с рождения мир илистых отмелей вокруг горы Шелдрейк.

2

Вот так Попрыгунчик пережил свое первое перерождение.

Помещенный в пресноводный пруд с поросшими травой берегами, он лежал, не в силах опомниться. Эти странные существа, что выхватили его из ила в самый разгар битвы, вскоре бросили его в пресную воду, а сами тотчас удалились. (Попрыгунчик, обняв Октавию за талию, наблюдал за Октавией на плоском экране. «Отныне тебе придется выживать в одиночку, попрыгунчик!»)

Собравшись с остатками сил, Попрыгунчик подплыл к краю пруда и спрятался среди стеблей каких-то растений. Интересно, съедобны ли они? Собравшись с духом, он попробовал их на вкус. Нельзя сказать, чтобы это было очень вкусно. Впрочем, и вода здесь какая-то не такая, да и воздух тоже. Здесь все какое-то не такое. Это не его мир. Внутренний голос подсказывал ему, что здесь ему не место...

Внезапно Попрыгунчика охватила какая-то вялость, сонливость. По всему его телу, от носа и до хвоста, разлилась усталость, внимание притупилось.

А еще его накрыло облаком. Попрыгунчик знал, что такое облака. Они приносили с собой тень и дождь. Но это облако было какое-то не такое. Оно состояло из попрыгунчиков. Миллионов и миллионов ему подобных. Или нет, это был один попрыгунчик. Но зато какой огромный! Настоящий исполин, Отец и Мать всех других попрыгунчиков. И он, одинокий и потерянный Попрыгунчик, тоже был его частью. Он ощущал, что все его существо словно растворяется в этом облаке, сливается с ним, превращается в единое целое.

Вместе с тем, хотя он и чувствовал это свое слияние с облаком, одновременно ощущал, как их тянет в разные стороны. Облако поплыло дальше, вырвавшись куда-то прочь из-под него. Нет, это он сам отрывается от этого облака-попрыгунчика, утрачивает свое родство, свое единение с ним, со своими собратьями. Место разрыва болело как в прямом, так и в переносном смысле. Казалось, будто неведомая сила раздирает его пополам, но потоки воздуха увлекают его дальше.

И тут появилось еще одно облако. Отчаявшись, Попрыгунчик устремляется ему навстречу – или это облако само движется к нему?

Они сливаются.

В пруду, посреди водорослей, Попрыгунчик начинает менять свою форму.

Хвост его удлинился и сделался толще. Плавники исчезли, а на их месте выросли конечности, оканчивающиеся острыми когтями. Когда-то гладкая и скользкая кожа покрылась пластинами и чешуей. Нос удлинился, наполнившись рядами острых зубов. Над глазами вздыбились остистые дуги.

И Попрыгунчик проснулся – на этот раз небольшой ящерицей.

Мир снова стал прекрасен. Все ощущения, все звуки, цвета, запахи были в полной гармонии с его новым обликом. Воспоминания об илистой отмели постепенно блекли, утрачивая былую яркость, зато им на смену, тесня друг друга, приходили новые, яркие и волнующие впечатления.

Мимо, не заметив присутствия Попрыгунчика, среди водорослей проплыл небольшой карась.

Быстрый как мысль Попрыгунчик метнулся из своего укрытия. Карась тотчас переместился ему в рот, а затем и в желудок.

Пища пошла ему только на пользу, и Попрыгунчик начал быстро расти.

3

Более восьми футов в длину, массивный и мощный Попрыгунчик, волоча за собой тяжелый хвост, двинулся на коротких мускулистых ногах сквозь пышную зеленую растительность вверх по склону.

Некая неведомая сила гнала его вперед. Она была сильнее, чем позыв к спариванию, сильнее, чем голод, и была ведома только ему одному.

Возможно, источник ее – воспоминание о тех мгновениях, когда его с головой накрыла чья-то мягкая ладонь.

Он шел несколько дней, останавливаясь лишь затем, чтобы утолить голод. Не имея представления о том, что такое расстояние, Попрыгунчик оставался в неведении относительно того, сколько миль преодолел.

Однажды утром он почувствовал, будто пересек некую границу. Правда, ощущение это было едва заметным – легче невесомой паутинки на чешуе.

Попрыгунчик укрылся в зарослях кустарника.

Существо, что вскоре вышло из зарослей, все еще дрожало от соприкосновения с облаком. Это было крупное млекопитающее, огромная кошка с похожими на бивни зубами – размерами не меньше, чем рептилия, которой она совсем недавно была.

Издав охотничий клич, Попрыгунчик начал пробираться дальше.

4

Дни, месяцы, годы.

Поглощение пищи, спаривание и движение вверх.

Все выше, и выше, и выше.

Одно перевоплощение следовало за другим. И к концу каждой новой реинкарнации Попрыгунчик ощущал мощный импульс, который заставлял его двигаться все выше и выше по склону горы Шелдрейк.

В конечном итоге он лишился клыков и когтей, зато взамен приобрел поразительную легкость ног. В свою очередь скорость передвижения уступила место умению хватать ветви передними конечностями и лучше осознавать происходящее вокруг.

(Ни одно из этих перевоплощений ему не запомнилось, и в этом месте в информации зиял огромный пробел. Ведь говорила же Октавия, что предоставляет его самому себе!)

Лемур. Обезьяна. Антропоид.

И наконец...

Существо, отдаленно напоминающее Октавию.

5

Самым высоким сооружением в деревне была четырехногая сторожевая башня, построенная из грубо срезанных сучьев. На верху ее располагалась небольшая платформа, на которой едва-едва помещался один человек. При этом башня вместе с тем, кто на ней находился, то и дело дрожала и раскачивалась под каждым порывом ветра.

Попрыгунчик присел на корточки на платформе – была его очередь нести дозор, охраняя покой своих соплеменников.

Волосатый, низколобый, со скошенной нижней челюстью, он был невысок, но мускулист. Чресла его закрывал лоскут звериной шкуры.

С башни хорошо просматривался склон горы – голая, поросшая редкой травой пролысина. Лес в этом месте расступался в стороны, сведенный на нет ради поддержания огня. Дело довершили прирученные овцы, что паслись на прогалине под палящими лучами солнца. За спиной Попрыгунчика рядами стояли хижины его соплеменников – разбросанные без всякого порядка убогие плетеные строения, в том числе дом Собраний.

И все-таки это была деревня – предмет зависти всех кочевников и диких охотников этого уровня горы Шелдрейк. Неудивительно, что все эти дикари то и дело норовили, рискуя собственной жизнью, напасть на деревню в надежде поживиться припасами ее жителей.

Попрыгунчик сидел, машинально ковыряя кору бревна. Вскоре его пальцы с толстыми ногтями отодрали ровную, гладкую полоску. Попрыгунчик задумался, пытаясь понять, что не дает ему покоя.

Его словарный запас был слишком скуден, и в нем не нашлось слов, чтобы описать то беспокойство, что вечно грызло его изнутри. И вместе с тем было в этом нечто знакомое. И еще оно подстегивало, гнало дальше.

Попрыгунчик осторожно выпрямил ноги. Теперь ему было видно далеко поверх верхушек деревьев.

Где-то далеко внизу, поблескивая под солнцем, раскинулось море, рассеченное пополам Тенью горы Шелдрейк. По форме и углу отбрасываемой тени он сумел определить время – раннее утро...

Неожиданно Попрыгунчик почувствовал, будто все его существо рассечено пополам, а он сам одновременно находится в двух разных местах. Одно – крошечное и склизкое – существо копошится в зловонном иле, другое раскачивается, сидя на

сторожевой башне.

Момент раздвоения вскоре прошел, и Попрыгунчик вернулся к действительности; вернее сказать, его вернуло к действительности то, что он увидел, а именно, как мародер уносит прочь одну из принадлежащих племени овец.

Набрав полную грудь воздуха, Попрыгунчик испустил долгий, завывающий клич, каким в их племени было принято предупреждать об опасности.

Из деревни вдогонку мародеру тотчас бросилась группа преследователей. Вор прибавил скорость, надеясь как можно быстрее скрыться под спасительным пологом леса. Кинув через плечо полный ужаса взгляд, он понял, что номер не пройдет, и потому бросил овцу.

Что в принципе уже не имело особого значения, поскольку жертва его оказалась напрасной. Еще мгновение – и преследователи настигли его. Они повалили вора на землю, избивая кулаками и сучьями, связали его по рукам и ногам лианами, после чего с ликованием потащили свой трофей в деревню.

Вскоре Попрыгунчика сменили на его посту; он слез со сторожевой башни и направился к вождю племени.

Вождь стоял с видом победителя над истекающим кровью вором. Тот без чувств валялся на земле, в пыли и среди мусора, рядом с домом Собраний. По какой-то неведомой ему причине Попрыгунчик проникся сочувствием к несчастному.

– Что с ним будет?

– Сегодня к нам за данью явятся те, что живут на вершине горы. И если они останутся нами довольны, то накажут его, если мы об этом попросим.

Утро сменилось полуднем, вся деревня с нетерпением ждала появления благородных гостей. Наконец со сторожевой башни раздался крик часового – другой, нежели тот, которым предупреждали о появлении врага.

Все до единого жители деревни высыпали на лужайку, столпившись рядом с заранее приготовленной кучей дани.

Вскоре в воздухе появился летательный аппарат, и все тотчас пали ниц. Лежа на брюхе, Попрыгунчик почувствовал, как серебряное блюдце коснулось земли.

– Встаньте! – раздался голос одного из тех, кто жил на вершине горы.

Все в благоговейном трепете поднялись на ноги.

Как всегда те, что живут на вершине горы, были облачены в гладкие, облегающие одеяния без швов, сидевшие на них как вторая кожа. Лица всех из них были знакомы по предыдущим

появлениям – за исключением разве что одного...

Сердце Попрыгунчика гулко забухало о ребра. Это лицо – оно было ему знакомо! Лицо женщины! А еще ему было знакомо прикосновение ее рук.

Не чувствуя ничего, кроме буханья сердца в волосатой груди, Попрыгунчик пребывал в смятении, не замечая того, что творится вокруг. Из задумчивости его вывел голос вождя, который под конец своей речи изрек:

– В море!

– Да, да, сбросьте его в море! – подхватил его просьбу возбужденный хор голосов.

Те, что живут на вершине горы, довольно улыбнулись. Казалось, это всеобщее выражение бурных эмоций доставило им немалое удовольствие. Попрыгунчик попробовал подобраться поближе к женщине, но не смог, путь ему преграждала толпа.

Вскоре те, что живут на вершине горы, вновь сели в летательный аппарат, прихватив с собой и пленника. Серебряная тарелка неслышно взмыла в воздух, взяла курс к основанию горы и постепенно начала удаляться.

Часовой, стоя на площадке сторожевой башни, проводил ее глазами. Как только летающая машина оказалась над морем, он тотчас доложил об этом соплеменникам. Когда же из ее брюха сорвалась и полетела вниз крошечная песчинка, он доложил и об этом.

И тогда воздух сотрясся от ликующего вопля.

Попрыгунчик услышал его уже издалека.

Он держал путь к вершине горы.

6

Прижимая к себе порванную хищником руку, валясь с ног от голода и усталости, голый, даже без набедренной повязки, Попрыгунчик продолжал упорно шагать все выше и выше по склону.

Он чувствовал, что долго не продержится. Однако не имел ни малейшего понятия о том, какое расстояние отделяет его от заветной цели, как, впрочем, и о том, в каком направлении идет.

Лишь время от времени возникало ощущение, будто на лицо ему лег невесомый женский волос.

Теряя сознание, теряя форму, Попрыгунчик упал на влажную землю.

В этом месте его личная история возникла вновь – ее уловили расположенные по периметру сканеры: на диске, сразу после того, как Октавия бросила его в пруд («Теперь ты будешь выживать в одиночку»), возник размытый кадр, который вскоре обрел фокус. Попрыгунчик вновь проиграл его в режиме замедленного воспроизведения, выискивая глазами подсказки, которые могли бы помочь ему понять, что за сила гнала его вперед, невзирая на боль, невзирая на страшную усталость и голод, – нечто вечное и божественное, нечто такое, что не даст ему погибнуть здесь, на вершине горы.

Увы, его взгляду представало нечто поверхностное, да и то пребывало в вечном движении, изменчивое и непостоянное.

7

Попрыгунчик внимательно изучил себя в зеркале.

Теперь он был высок и строен, в облегающем тело костюме без швов. Каштановые волосы коротко подстрижены, глаза карие. Таково теперь его новое лицо, и оно ему нравилось. Возможно, когда-то оно было другим – но каким? Этого он не мог вспомнить. И все же за красивым фасадом, где-то в глубине зеркала, скрывался кто-то другой – волосатый, косматый, чешуйчатый...

Попрыгунчик только что вышел из «Педагога» – и с ужасом понял, что каким-то образом название и назначение этой машины ему уже было известно (более того, ему было до боли знакомо само понятие «машина»). И вообще его мозг оказался полон представлений, которые он не был способен в данный момент до конца осознать и усвоить.

Попрыгунчик несколько раз открыл и закрыл рот, силясь произнести слова, что рождались в его горле. Почему-то картинка, которая предстала перед ним в зеркале, чем-то ужасно напоминала рыбу. От этого Попрыгунчику стало не по себе, и он залился краской.

Дверь позади него неслышно распахнулась, и в проеме возник человек.

Попрыгунчику его лицо показалось смутно знакомым. Когда же человек заговорил, командирские нотки в его голосе разбудили в нем новые воспоминания.

– Пойдем со мной, Квинтеро. Октавия хочет тебя видеть.

Попрыгунчик на мгновение замешкался. Квинтеро? Выходит, его так зовут? Должно быть, так оно и есть. И тем не менее было в этом имени нечто такое, что не совсем его устраивало. Так ли он звал самого себя? Нет, когда-то у него было другое имя, которым его называли давным-давно, когда...

– Ты кто?

– Я Дьюс.

Взгляд Дьюса был тверд, как кремневый скребок, линия рта – жесткая и колючая, как терновник. Попрыгунчик поймал себя на том, что проникся к Дьюсу мгновенной антипатией. Тот, казалось, уловил его настроение и почему-то был этому рад.

– Ладно, хватит разговоров. Октавия не любит, когда ее заставляют ждать. Идем за мной.

Сначала они долго шагали длинными, без окон, коридорами с безликими, выкрашенными в белый цвет стенами, затем преодолели несколько пролетов лестницы и наконец вышли на открытую террасу.

Попрыгунчик замер на месте как вкопанный, пораженный видом, что открывался с горы.

За парапетом террасы склон горы резко уходил вниз – казалось, один шаг, и ступишь на верхушки деревьев, – так что панорама простиралась на все сто восемьдесят градусов. Высота скрадывала расстояния, и нижняя часть склона издали сливалась в полоски растительности разных оттенков. У самого основания горы, протянувшись до самого горизонта, плескалось лазурное море. Ветер доносил сюда наверх его солоноватый запах, древний, как сам этот мир.

Попрыгунчик обернулся через плечо, однако сумел разглядеть лишь несколько балконов, окон и уходивших ввысь башен.

– Добро пожаловать к нам в Верхний Город, Квинтеро.

Только тогда он заметил женщину. И сердце его тотчас забилось в груди, как у испуганного зверя.

Октавия сидела на скамье, откинувшись спиной на яркие подушки. Глаза ее были цвета неба. Губы – накрашены ярко-алым.

– Присядь рядом со мной, – пригласила она, похлопав по сиденью скамьи.

Попрыгунчик двинулся к ней как зачарованный.

– Можешь оставить нас, Дьюс, – велела Октавия, как только Попрыгунчик опустился на сиденье рядом с ней.

Дьюс улыбнулся и покинул террасу.

– Мне хотелось бы, чтобы ты кое-что посмотрел, – произнесла Октавия и, потянувшись вниз, подняла свернутый в трубку свиток светлого материала. Развернув его, она провела по нему пальцем, чтобы расправить; материал тотчас принял слегка изогнутую форму и затвердел. Октавия поставила его и нажала на кнопку в одном его уголке. Плоский экран тотчас заполнили изображения. Вскоре к ним прибавился и звук.

Когда другая Октавия – та, что на экране, – сказала: «Мой попрыгунчик», он тотчас понял, что это и есть его единственное, настоящее имя.

Вскоре экран потух.

– Так, значит, это был я? – поинтересовался Попрыгунчик.

– Да.

– Откуда ты это знаешь?

– По отпечатку твоей кармы. Другой такой ни у кого нет. Наши датчики, расположенные по периметру, уловили ее. И она совпала с той, что мы зафиксировали много лет назад, когда ты еще был крошечным морским обитателем.

Голова Попрыгунчика раскалывалась, отказываясь вместить то, что он только что узнал.

– Но я ничего не понимаю...

Октавия пробежала пальцами по груди, и одежды на ней распахнулись, обнажая грудь. Потянувшись к нему, она расстегнула и его платье.

Теплая, мягкая ладонь накрыла его член.

На самом же деле Октавия накрыла ладонью его всего.

* * *

– Когда люди приземлились на этой планете, они понятия не имели об уровнях перевоплощения на склонах горы Шелдрейк. На первый взгляд планета показалась им обыкновенной, каких во вселенной немало. Увы, они ошиблись.

Источником идентичности, формы и качеств всех сущностей во вселенной, одушевленных и неодушевленных, являются морфические поля – нематериальные зоны, которые простираются как в пространстве, так и во времени, и не поддаются манипуляциям со стороны людей. Эти поля располагаются вокруг или внутри систем, которые они организуют. Они хранят в себе кумулятивный опыт всех членов того или иного класса сущностей, видовую память каждого вида растений, животных, каждого камня, кристалла, белка, звезды...

Это то, что уже давно известно науке. С чем, однако, мы столкнулись впервые – оказалось, что морфические поля могут располагаться в пространстве уровнями.

Гора Шелдрейк – одно из таких мест.

Каждый уровень ее склонов – от основания, там, где плещутся теплые воды моря, и до вершины, где мы с тобой сейчас находимся, – является средой обитания лишь для ограниченного количества биологических форм – тех, что возможны в данном морфическом поле. Другие же поля, определяющие природу моря и минералов, по всей видимости, постоянны.

И только Верхний Город имеет морфическое поле, делающее возможным существование здесь людей.

Стоит кому-то из нас спуститься на более низкий уровень, как мы тотчас начинаем ощущать воздействие доминантного морфического поля.

Стоит задержаться лишнее мгновение – и рискуешь утратить прежнюю форму и память, приняв облик того живого существа, который на данном уровне является доминантной биологической формой.

Члены экспедиции ничего не ведали о подстерегавшей их опасности. Поначалу им повезло – они приземлились на вершину

горы Шелдрейк, где оставались в человеческом обличье. Однако вскоре они отправились исследовать мир, в который их забросила судьба.

Ни один из них не вернулся назад. Морфические поля нижних уровней поглотили их в считанные мгновения. Здесь не было никаких барьеров, отделявших один уровень от другого, никакой противодействующей силы.

Я – единственная, кому удалось выжить. Я наблюдала на экране в режиме реального временим, как мои товарищи бились в конвульсиях, один за другим превращаясь в диких зверей, в ползучих гадов, в червей... Я онемела от ужаса. Несколько дней подряд я бродила по Верхнему Городу как потерянная, не зная, что мне делать. Пока наконец меня не осенило.

Нет, конечно, бесполезно было даже надеяться за короткий промежуток времени поймать самых шустрых из доминантных форм жизни нижних уровней. У меня не было ни капкана, ни даже дубинки, чтобы оглушить то или иное существо. И тогда я подумала, а не попробовать ли мне поймать в иле во время отлива нескольких попрыгунчиков.

У меня ушел не один день, чтобы наконец собраться с мужеством и решиться на вылазку к основанию горы. Мне было страшно, что я сама, пока буду спускаться вниз, могу утратить человеческий облик. Но тут я вспомнила, что никто из остальных членов экспедиции не претерпел никаких изменений, пока корабль приземлялся с орбиты. Судя по всему, быстрый и кратковременный спуск на ниже лежащие уровни никак не сказывался на стабильности морфической памяти.

Я быстро слетала вниз и так же быстро вернулась назад, неся с собой попрыгунчика. Буквально у меня на глазах он превратился в человеческую особь.

Был ли это один из моих первоначальных товарищей или же уроженец этой планеты? Я, конечно, могла бы сравнить отпечаток его кармы с теми, что хранились в архиве, но не стала этого делать. Мне и без того было грустно. Как бы там ни было, восстановить его личность и память не было никакой возможности. Хотя эти вещи и сохраняются внутри морфического поля, они рассеиваются в нем и не поддаются восстановлению.

Мне ничего не оставалось, как поместить этого нового человека в «Педагога» – это наше обучающее устройство.

После чего мы вместе с ним принесли сюда, в Верхний Город, еще шесть попрыгунчиков.

После чего я решила поставить точку.

К чему приносить все новых и новых попрыгунчиков сюда, на вершину, наполняя ее новыми и новыми людьми? Разве это

вернет мне старых товарищей? Вместе с тем у меня не было никакой возможности оставить эту жуткую планету и вернуться домой. Ведь для того, чтобы повести корабль сквозь межзвездное пространство, требуются специальные знания и навыки – а их у меня, увы, не было. Не было их и в архиве нашего корабельного «Педагога». Боже, разве можно было предвидеть катастрофу таких масштабов? И даже если бы мне каким-то чудом удалось бы вернуться – те, кто отправил эту экспедицию в глубины космоса, вряд ли обрадовались бы, узнай они, что миссия провалилась.

И вот теперь те восемь человек, что здесь обитают, пытаются как могут развлечь друг друга. Время от времени мы делаем вылазки на нижележащий уровень, получаем дань от тех, кто стоит на ступень ниже нас, – таким образом мы обогащаем наш рацион. А когда кто-то из моих попрыгунчиков… Скажем так, время от времени в наших рядах образуются бреши, и тогда я нахожу замену.

Но уже не наобум. Мой попрыгунчик должен доказать, что он или она достойны того, чтобы стать человеком, а именно – самостоятельно, в одиночку, проделать путь от илистых отмелей до вершины.

Что ты и сделал, мой милый Квинтеро.

8

Прим, Дьюс, Терш, Фэр, Секст, Сет. Вместе с Октавией и Попрыгунчиком они составляли население Верхнего Города. Три женщины и пятеро мужчин. (Половая принадлежность, судя по всему, была каким-то образом связана с кармой и оставалась неизменной при всех перевоплощениях. А поскольку за время короткой вылазки к морю пол попрыгунчиков было невозможно определить, то Октавии ничего другого не оставалось, как положиться в этом деле на волю случая.)

– Я так рада, что ты оказался мужчиной, Квинтеро, – произнесла она, оседлав его сверху. – Признаюсь, остальные мне уже порядком поднадоели. С ними скучно. – Она опустилась на его член. – Думаю, с тобой мне это не грозит.

Попрыгунчик постарался, фигурально выражаясь, не пасть лицом в грязь, из которой когда-то вышел.

Отношения между жителями Верхнего Города были сложными и непостоянными и поначалу оставались для Попрыгунчика полной загадкой. Однако с течением времени он постепенно начал в них разбираться, причем главный вывод, какой он для себя сделал: все до единого беспрекословно подчинялись Октавии.

Фэр была зеленоглазой, рыжеволосой женщиной. По мнению Попрыгунчика, по красоте она ничуть не уступала Октавии, хотя ей в отличие от последней не хватало той неприкрытой, откровенной чувственности, которой обладала Октавия. Поначалу Попрыгунчик воздерживался от близкого с ней общения, опасаясь навлечь на себя гнев Октавии. Однако та вскоре намекнула ему, что не имеет ничего против, если он соблазнится и на прелести Фэр. Получив от Октавии карт-бланш, Попрыгунчик тотчас решил воспользоваться предоставленной ему возможностью.

– Все понятно, Октавии снова захотелось острых ощущений. – Вот первые слова Фэр, произнесенные в его адрес. – Что ж, и тебя хватило ненадолго, хотя ты и продержался дольше других – своего рода рекорд.

Ее слова задели Попрыгунчика за живое, однако ласки, которые подарила ему Фэр, помогли на время заглушить душевные страдания.

В перерывах между бурными занятиями любовью Фэр по просьбе Попрыгунчика устроила для него экскурсию по всему Верхнему Городу.

Попрыгунчик прошел несколько миль коридоров на нескольких уровнях, расположенных на склоне горы Шелдрейк.

Оранжереи под стеклянными крышами, многоэтажные атриумы, залы, полные каких-то хитроумных приборов, загадочные помещения, которые всякий раз меняли форму, когда он попадал в них, ангар, в котором рядами выстроились летательные аппараты.

– Судя по всему, у членов экспедиции, прежде чем их постигла катастрофа, было немало времени, чтобы выстроить такой огромный город. Но где же их космический корабль?

– Боже, до чего наивными порой бывают попрыгунчики, – рассмеялась Фэр. – Верхний Город и есть космический корабль.

* * *

В той части города, которая, судя по всему, являлась самым верхним его уровнем (по крайней мере здесь не было никаких лестниц, которые вели бы выше), Попрыгунчик потрогал дверной замок, но Фэр тотчас убрала его руку.

– Из Верхнего Города выйти нельзя! Это слишком опасно. Мы имеем право покидать его пределы, лишь когда разрешит Октавия, и тогда мы пользуемся летательными аппаратами.

Попрыгунчик решил, что нет смысла оспаривать обоснованность этого запрета – хотя, если сказать по правде, его ужасно подмывало узнать, что таится там, за дверью, – и он поспешил отвернуться в другую сторону.

Попрыгунчик редко видел Прима, да и то лишь с расстояния. Прим первым присоединился к Октавии в Верхнем Городе и теперь почти все время проводил в уединении в своей комнате. По словам других обитателей города-корабля, отшельником он стал не так давно. Судя по всему, было нечто такое, что заставило его превратиться в нелюдима.

Как-то раз ночью, проворочавшись какое-то время без сна в постели рядом с Октавией – неожиданно она вновь прониклась к нему благосклонностью, – Попрыгунчик встал и направился к ближайшему пищераздаточному автомату. Там он наткнулся на Прима, который в спешном порядке запасался провизией.

Прим был высок и сутул, словно его постоянно тянуло к земле.

– А, ты у нас новенький. Что ж, бери от жизни все, пока есть такая возможность.

Бросив эти загадочные слова, отшельник Прим быстро удалился, зажав под мышками несколько пакетов с провиантом.

Вернувшись в спальню, которую он делил с Октавией, Попрыгунчик включил экран и вновь и вновь до самого утра

прокручивал историю своей жизни.

9

Попрыгунчик вернулся в свои апартаменты, проведя все утро в одном из самых больших залов Верхнего Города, где бегал, нарезая круги, подобно зверю в клетке. Он был единственным, кто занимался физическими упражнениями.

Из-за двери его спальни доносились сладострастные крики.

Голова Октавии дергалась на коленях у Терша, в то время как Дьюс, стоя сзади, стегал ее плетью по спине и ягодицам.

Попрыгунчик опрометью бросился к Фэр.

И застал ее в обществе Секста и Сет.

Перебросив одну ногу через парапет, он на мгновение задумался.

Умереть, упав с лестницы, после того как столько сил отдано, чтобы пробиться наверх.

Нет, если и искать выход, то только не такой. Только не вниз.

10

Летательный аппарат приземлился неподалеку от деревни гоминидов.

– Очередное явление богов, – прокомментировала Октавия, зевая. – Господи, какая здесь скучища! Какое-то время назад, до того, как появился ты, я перестала бывать здесь. Но что поделаешь, это наш священный долг. Кстати, поторопись – счетчики отсчитывают каждое мгновение.

Судя по всему, влияние чужого морфического поля давало о себе знать. Попрыгунчик представил – причем как наяву, – как открывается дверь летательного аппарата и оттуда появляется Октавия, в то время как сам он копошится в грязи. Это воспоминание из другой жизни резануло его как по живому. Боже, сколь прекрасной, настоящей небожительницей показалась она ему тогда! И сколь омерзительна на самом деле...

На сей раз им предстояло избавиться от пленника.

Брошенный в угол грузового отсека, связанный гоминид был перепоручен Попрыгунчику – тому велели не спускать с пленника глаз.

Вскоре, когда они уже летели над океаном, в грузовой отсек заглянула Октавия и нажала кнопку. В полу открылся люк, а летательный аппарат на мгновение завис в воздухе.

Попрыгунчик замешкался.

– Не бойся, это его не убьет. Прежде чем упасть в воду, он превратится в попрыгунчика.

В проходе появился Дьюс.

– Либо он, либо ты, Квинт, – произнесла Октавия.

Попрыгунчик столкнул пленника в люк. Душераздирающий вопль жертвы, казалось, навсегда отпечатался в его памяти.

11

Апартаменты Прима были темные и затхлые – но это скорее был выбор их обитателя, нежели следствие сбоев в режиме жизнеобеспечения. Прим заблокировал все воздуховоды и повредил осветительную систему. И вот теперь, после нескольких часов уговоров, он согласился поведать Попрыгунчику известные ему секреты.

– Я последний, кто остался из первоначальных семи. Бедняга Прим. Подозреваю, она держит меня здесь из каких-то сентиментальных соображений.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Неужели не понятно? Так же, как и ты заменил собой старого Квинтеро, так и пятеро других – остальных из первоначального состава. Причем не один раз. Например, нынешний Дьюс, он самый ужасный из всех.

– Что-что? А от чего они все погибли?

– Спроси Октавию, – усмехнулся Прим. – Они совершили путешествие вниз к морю, однако так и не вернулись назад. Зато какой-нибудь склизкий попрыгунчик, который до этого сидел, зарывшись в ил, начал свое восхождение, чтобы составить кому-то из них замену.

– Ничего не понимаю. Зачем ей это понадобилось?

– Октавия безумна. Когда ей кто-то наскучит или чем-то ее оскорбит, она просто избавляется от такого человека.

– Должно быть, она потеряла рассудок, видя, как ее товарищи теряют человеческий облик.

– Ага, не иначе, как эта стерва пыталась уверить тебя в том, будто она последняя из первоначального состава экипажа. Что ж, давненько она не рассказывала эту байку.

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что Октавия, как ты и я, родилась здесь, а не прилетела на эту планету из космоса. Она появилась на свет как гоминид, но соплеменники за какие-то прегрешения изгнали ее из деревни. По чистой случайности ее занесло уровнем выше. Все это записано на диске. Претерпев перевоплощение, но в интеллектуальном отношении – сущий младенец, она забрела в Верхний Город. Тот был пуст. Каким-то чудом она попала в «Педагога», который работал в автоматическом режиме. Когда же Октавия вышла из обучающей машины, то уже разбиралась в кое-каких вещах. И потому нажала на обучающем аппарате кое-какие кнопки. И теперь любой, кто выходит оттуда, уступает ей в знании. А еще она привела в действие систему защиты по всему периметру

Города, так что если сюда случайно забредет какой-нибудь гоминид, это будет стоить ему жизни. Исключение сделано лишь для попрыгунчиков, чей отпечаток кармы хранится в специальном сейфе. Октавия нарочно держит вокруг себя лишь нас семерых из опасения, что против нее могут поднять мятеж. Хотя с другой стороны – разве мы способны противостоять ей?

– Куда же тогда пропали первоначальные люди?

– Это знаем только я и Октавия. Она случайно проговорилась, когда у нее еще не пропала привычка болтать с нами. Это потом она стала такой замкнутой. Скажу только одно – Гора простирается еще выше. Мы не на самой ее вершине. Выше нас есть еще один уровень. Когда Верхний Город приземлился, то экипаж потянуло вверх, а не вниз. Они оставили корабль, чтобы перевоплотиться в кого-то еще. Одновременно они установили на естественном пути вверх этот уродливый блокпост.

– Все, я ухожу, причем прямо сейчас. Пойдем со мной, Прим. – Попрыгунчик схватил своего собеседника за руку.

– Не могу. Я здесь уже давно. Здесь мое место. А тебе я желаю удачи. И если тебе вдруг повезет, вспоминай нас время от времени.

– Обещаю.

Попрыгунчик зашагал через сад прочь, но вскоре путь ему перегородили Дьюс и Октавия. Он попытался обойти их, однако не тут-то было.

– Где тебя носило? – потребовал ответа Дьюс.

– Вернее, куда тебе понесло? – поправила его Октавия.

Попрыгунчик проигнорировал вопрос, пытаясь сделать шаг дальше.

– Что ж, кажется, пора научить тебя уважать старших, – произнесла Октавия. – Дьюс!

Мощный удар в челюсть застал Попрыгунчика врасплох. От второго удара – под дых – он согнулся пополам и полетел лицом в плодородную почву сада.

Да, все-таки его мир – это грязь, ил…

Нет!

Попрыгунчик молниеносно поднялся на ноги, налетел на Дьюса – тот явно не ожидал от противника подобной прыти, – повалил его наземь и, схватив за волосы, принялся бить головой о землю.

Вскоре тело под ним обмякло. Попрыгунчик кое-как поднялся; ноги все еще подгибались в коленках.

На лице Октавии читалась ничем не прикрытая похоть.

– Теперь ты можешь занять место Дьюса. Ты его заслужил. А мы приведем снизу нового Квинтеро…

Попрыгунчик вытер со рта кровь и размазал ее по лицу Октавии. Ее язык тотчас слизал алые капли.

Он заставил ее стонать от желания.

* * *

Замок на двери, ведущей на верхний уровень, открылся при первом его прикосновении.

С той стороны простирался изумрудный луг. Где-то вверху сквозь пелену облаков виднелась вершина горы Шелдрейк.

Попрыгунчик ощутил изменение уровня – легкое, будто ему на лицо лег тонкий женский волос.

Отто и Тото в Оорте

Девяносто процентов бездельников, которые когда-либо жили и ничего не делали, живут и бездельничают в нашем столетии.

Джон «Вуди» Кэмпбелл XXIV

Конечно, барбитураты и бензидрин – опасные наркотики, однако, если их принимать осторожно, они могут прекрасно скрасить неизбежные неудобства, связанные с любым путешествием. Поэтому я всегда имею их при себе.

Роберт Хайнлайн, «Великолепный бродяга»

Давайте-ка уберем отсюда эту дуру.

Последние слова, произнесенные на Луне при выполнении программы «Аполлон» Юджином Сернаном

© Перевод. Т. Бушуева, 2006.

Где-то за поясом астероидов действие наркотика начало постепенно ослабевать, и мы поняли, что вновь настал момент лизнуть лягушку.

– Доставай Боффо из клетки, – произнес Отто.

– Сам доставай, – огрызнулся Тото. – Последний раз его доставал я, и он нассал мне на руки.

– Послушай, кто из нас виртуальный, ты или я?

– Ты.

Косматый, огромный, совершенно голый, внешне ничем не отличимый от Тото медведеподобный Отто поднялся со своей теплой меховой кушетки.

– Ну ты сказанул! Ведь знаешь ничуть не хуже моего, что это я создал тебя по образу и подобию своему. Я сам, между прочим, от этого не в восторге, но что мне оставалось делать? И все из-за

этого дурацкого Пансистемного закона: «Используй до конца, пока не износится, если этого мало, возьми еще...» Я просто не мог угнаться за всеми распоряжениями, которые получал, вот и создал тебя себе в подмогу. Так что теперь ты зарегистрирован на Венере. Ну-ка полюбуйся на свою левую пятку и увидишь свой татун.

Тото, сидя на краю своей кушетки, положил свою небритую, косматую левую нижнюю конечность на колено правой. На голой пятке ясно виднелась татуировка – личный регистрационный номер.

– Точно есть. Но можно подумать, у тебя нет.

Отто, подозрительно прищурившись, посмотрел на него.

– Ты на что намекаешь, косматая морда?

– Давай-давай, взгляни на свою пятку. Или слабо?

Отто, не садясь, согнул левую конечность в колене и покосился черед плечо на безволосую пятку. Затем медленно опустил.

– Черт! И правда есть. У меня на пятке тоже татун. И когда он там взялся?

– Он всегда там был, потому что это я создал тебя. А у меня татун, чтобы тебе не было обидно, будто ты один такой. А вообще я бы не советовал тебе злоупотреблять лягушкой – у нее от тебя едет крыша. Вот тебе и начинает казаться, будто ты – это подлинный я.

Отто хрюкнул на поросячий манер.

– Брехня! Ты нарисовал его мне на пятке, пока я спал! Признавайся.

– Может, и нарисовал. А может, и нет.

– Ладно, проехали. В конце концов, я-то знаю, что я – оригинал, а ты – жалкая копия. Ты не больше чем искусственно созданное и удерживаемое в вертикальном положении электромагнитное поле. А когда ты станешь не нужен мне, я просто растворю тебя, разложу на корнукопионы.

– Это еще кто кого растворит, виртуальный ты мой.

– Ладно, кончай препираться. Я сейчас достану себе лягушку.

– Давай-давай, только и мне оставь.

– Это мы еще посмотрим.

Отто направился через всю каюту туда, где на полке стояла объемистая коробка с вентиляционными прорезями на крышке. Открыв крышку контейнера, он залез в него обеими лапами и вытащил наружу огромную оранжевую лягушку размером с хлебницу. (Кстати, хлебница стояла рядом с коробкой и служила своего рода эталоном для сравнения.) Сжав лягушку в ладонях где-то в районе склизкой талии, он вытянул руку. Как и

следовало ожидать, лягушка испустила в воздух щедрую струю ярко-фиолетовой мочи. Струя ударила в пол и тотчас была впитана ковровым покрытием. Отто расхохотался.

– Черт, промазала, – выругалась лягушка, – даже не попало тебе на ногу.

– Это ты верно заметил, Боффо. Потому что я Отто Оригинал, а значит, не такой тормоз, как Копия Тото.

Тото проигнорировал пущенную в его адрес шпильку.

– Давай-давай, продолжай в том же духе. Если бы не твои дурацкие шуточки, здесь можно было бы с тоски подохнуть.

Отто посмотрел в глаза несчастной обмякшей амфибии.

– Боффо, ты, случаем, не дрейфишь?

– Это еще с какой стати? У нас здесь горы жрачки, корабль с курса сбить невозможно, ведь он будет поумней, чем вы двое, вместе взятые. И вообще я точно знаю, что вы меня не обидите – кишка тонка. Так с чего мне дрейфить?

Надо сказать, Отто никак не ожидал от Боффо такого смелого ответа.

– Что ж, пожалуй, ты прав. Но ведь есть уйма других вещей, от которых пробирает мандраж.

– И что это за вещи?

– Ну, такие большие, огромные. Вселенских размеров.

– Например?

– Ну, скажем, эпидемия. Повальный мор.

– Каждый микроб получил свой серийный номер, каждый вирус запатентован.

– А как насчет голода и физических страданий?

– Все наделены способностью фотосинтеза. А кто не хочет, пусть пеняет на себя, его живо отправят на переработку. И если вы не восстановили прежний ваш вид, значит, это ваш собственный выбор, и некого винить, кроме как себя самих.

– А если солнце взорвется сверхновой?

– Ну и что? В таком случае надо просто передвинуть планеты на другие орбиты, где не так жарко.

– А злые пришельцы из глубин космоса?

– Похоже, космический колодец иссяк, и все они передохли от жажды.

– А тепловая смерть вселенной? Ты об этом подумал?

– Старая песня, только никто ее больше не слушает. Можно подумать, тебе неизвестно, чем все дело кончится?

– Вот он тебя и подловил, – вмешался в разговор Тото. – Или ты забыл про привидения?

– Я думал, это просто лягушачьи галлюцинации.

– А вот и нет. Корабль зафиксировал их присутствие. Нам

действительно нанесли визит наши далекие потомки из будущего – прокрались сквозь лазейку во временном континууме. Давай я воспроизведу тебе их появление.

– Черт, этого мне еще не хватало! Я просто подначиваю Боффо, чтобы он выдал нам с тобой побольше наркотика – уж если улет, так улет со скоростью света!

– Настоящий человек никогда бы так не лопухнулся насчет этих привидений...

– У настоящего человека голова забита серьезными вещами – ему нет дела до каких-то там привидений из конца света, которые для нас бесполезны.

С этими словами Отто принялся нещадно трясти Боффо.

– Ну-ну, давай дрейфи.

– Я... меня сейчас вырвет...

И Боффо отрыгнул плевок прозрачной желчи на мохнатую грудь Отто. Тот с нескрываемым омерзением передал лягушку Тото.

– Видишь, а все из-за тебя.

Тото взял лягушку и посадил ее на кушетку рядом с собой.

– Боффо, я хочу, чтобы ты для меня кое-что представил. Ты не против?

– В принципе нет. Валяй.

– Представь себе пару желтых ног, что вырастают из болота, в котором когда-то жили ты и вся твоя многочисленная родня. Эти желтые ноги уходят вверх, высоко-высоко, куда-то в заоблачные выси, исчезая в белом пушистом облаке, из-за которого торчит длинная, сильная шея, которая, в свою очередь, кончается головой со злобными черными глазенками – птичьими. А чуть ниже этих злобных глаз из головы вырастает острый клюв, почти в целую милю длиной – да нет, в тысячу миль. И поэтому спрятаться тебе некуда, и клюв приближается к тебе, опускаясь все ниже и ниже, и ты дрожишь от ужаса и готов наложить...

– Ой, только не это!

Из желез на голове лягушки начинает сочиться вязкая жидкость.

Отто моментально выхватывает у товарища Боффо и, припав ртом к противной бородавчатой коже, начинает с жадностью слизывать шершавым языком каждую каплю.

– А-а-а-а-ах!

Тото выхватил у него сарторизованную лягушку и принялся, причмокивая, слизывать свою долю. Затем, на нетвердых ногах, попытался засунуть Боффо назад в его контейнер, но вместо этого по ошибке запер лягушку в хлебнице.

– Я чувствую, как электроны в моей амигдале повыскакивали

из своих обит!

– Мой мозг размером больше гелиосферы!

Отто ни с того ни с сего потянул на себя рычаг управления кораблем. В данный момент тот формой напоминал гриб, на шляпке которого устроилась человекообразная гусеница, чья нижняя часть тела сливалась со шляпкой гриба.

– Вы говорите с живым воплощением разума корабля «Григорий Беарфорд», – произнесла гусеница. – Чем могу быть вам полезен?

– Вокруг спутника Сатурна, планеты Тетис, на орбите болтается спасательный модуль. Измени наш курс, чтобы мы могли его перехватить.

– Дайте мне время для подтверждения. – Гусеница немного помолчала, затем продолжила: – На самом конце моих датчиков действительно обнаружено крошечное черное тело, которое может оказаться спасательным модулем. Однако от него не исходит сигнала бедствия. Могу я поинтересоваться у вас, откуда вам о нем стало известно?

– От Боффо, – ответил Отто. – У него временами случаются стохастические озарения. А теперь пошевеливайся, меняй курс.

– Команда может быть принята.

– Все мои команды могут быть приняты, ты, недоумок! Я ведь как-никак человек!

– Простите, но мне сквозь пол виден регистрационный номер у вас на пятке.

Отто сердито обернулся на Тото.

– Видишь, к чему приводят твои безмозглые шуточки, идиот. Теперь корабль отказывается признать во мне оригинал!

– А ты и так не оригинал.

– Все, с меня довольно. Корабль, раствори это жалкое подобие человека!

– Команда не может быть принята, так как исходит от копии.

– Чер-р-р-р-р-т!

Отто бросился к гусенице, но та живо слилась со шляпкой гриба, прежде чем он успел ее ухватить, и в результате сам налип на грибную шляпку, которая тотчас поехала вниз, к полу.

Поднявшись на ноги с коврового покрытия, Отто обернулся к Тото, готовый растерзать собрата по путешествию в клочья. Но в следующий момент о себе дали знать неприятные последствия приема лягушачьего наркотика.

– Моя головенка трещит по швам!

– Мои мозги пожирает черная дыра!

Отто, пошатываясь, направился к хлебнице.

– Ладно, сейчас достану немного манны, авось полегчает.

Он открыл хлебницу и засунул туда руку. В следующее мгновение его едва не вывернуло наизнанку.

– Боффо обоссал всю нашу манну.

Из хлебницы донесся лягушачий хохот. Отто с омерзением захлопнул крышку.

– Пусть посидит в собственной луже, – посоветовал Тото. – А насчет манны не бери в голову, корабль быстро сделает новую порцию.

Однако не успел Отто отдать кораблю приказ, как из пола вновь вырос гриб с гусеницей на шляпке.

– Мы на орбите, всего в нескольких секундах полета от спасательного модуля, – объявила гусеница, она же живое воплощение разума корабля «Григорий Беарфорд».

– А почему так долго?

– Когда поступил ваш приказ, мы были по другую сторону Солнца от Сатурна.

– Ладно, были, значит, были.

– Каков наш следующий шаг?

Отто покосился на Тото.

– Моя головушка все еще раскалывается. Пойду-ка я лучше приму немножко манны. А ты, если хочешь, решай сам.

Тото задумчиво почесался.

– Коль мы угрохали столько времени и сил, чтобы попасть сюда, значит, надо взять этот модуль на борт.

– Должен заметить, что это весьма примитивная модель, – попыталась предостеречь их гусеница. – «Макбрайд-Аллен». Насколько мне известно, такие выпускались в далеком прошлом. Что, если внутри окажется что-нибудь действительно опасное?

Тото испепелил гусеницу полным презрения взглядом.

– Кто это прожужжал нам все уши, будто обладает всеми необходимыми мощностями для обработки информации в оптико-протеиновых схемах? И еще большими производственными мощностями в корнукопионовых камерах, чем вся Земля двадцатого века вместе взятая? А наш ежечасный энергетический бюджет превышает земной годовой за вышеназванный период? И теперь ты заявляешь нам, что не в состоянии справиться с какой-то там плевой задачкой. «Что-то опасное», тоже мне сказанул!

– Не имея явных подтверждений своим подозрениям, однако доверяя себе более, чем вам, я тем не менее вынужден подчиниться.

Грибная ножка уехала в пол, но тут из другой части корабля вернулся Отто, неся, словно два кружевных веера, два ломтика манны. Один он вручил Тото.

– Спасибо. Ты отличный слуга.

В ответ Отто только по-поросячьи хрюкнул.

Вскоре вновь появилась гусеница, чтобы доложить о положении дел.

– Вокруг модуля создана оболочка из усиленного нейтрония, объемом примерно в пятьдесят тысяч кубических метров. Отметки на поверхности модуля свидетельствуют о том, что когда-то он служил в качестве спасательного челнока космического корабля «Мятная скрежесть». Или, может, «Свежесть». Опознавательный номер стерся за столетие бомбардировок космической пылью и воздействия ионизирующих полей. Я был вынужден восстановить информацию по нескольким молекулам краски, что остались на корпусе...

– Хватит заливать, – бесцеремонно оборвал его Отто, набив полный рот манны. – Главное, проверь, что там внутри.

– Что уже делается... Самое примитивное сканирование при помощи служебного тумана выявило внутри модуля единственного обитателя, который находится в состоянии стазиса. Теперь, когда туман рассеивается, он, вернее, она пробуждается...

– Она!

– Женщина!

– Эй, ты чего там тянешь резину. Гони ее сюда, и поживей!

Закрытая на задвижку хлебница заходила ходуном – это Боффо заметался внутри, пытаясь вырваться наружу.

– Выпустите меня! Пожалуйста, я тоже хочу на нее взглянуть! Обещаю вам, я больше не буду писать на вас! Ну пожалуйста, я вас очень прошу. Я люблю, когда эти киски меня лижут. Посмотрите сами, мои экзокриновые железы уже сочатся восхитительными, сладкими полипептидами.

– Цыц! – Отто стукнул по хлебнице кулаком. – Будешь сидеть здесь как миленький, пока я не скажу, что можно вылезать наружу.

Хлебница утихомирилась, зато к вентиляционной прорези приник нехороший, зеленого цвета завистливый глаз.

– Как я вас ненавижу!

Но Отто уже отвернулся и вместе с Тото уставился на выпуклость, что образовалась в полу их каюты.

Выпуклость росла в размерах буквально на глазах, выпячиваясь все больше и больше, хотя до размеров Отто и Тото ей было еще далеко. Затем на этой почке проявились чешуйки, которые в свою очередь превратились в лепестки, которые в свою очередь начали раскрываться наподобие лотоса вокруг высокого центрального лепестка.

Внутри межзвездного летательного аппарата стояла юная женщина: с короткими светлыми волосами, среднего роста, один глаз зеленый, другой фиолетовый. Одета она была в одну-единственную полоску красной металлизированной ткани, которая начиналась, крепясь каким-то непонятным образом, у щиколотки, вилась далее вокруг ноги, исчезала где-то в области промежности, выныривая наружу между ягодицами, далее спиралью обвивалась вокруг талии, затем покрывала одну грудь и, наконец, на манер ошейника обвивала шею, оставляя половину тела голой.

Увидев близнецов, космическая гостья в изумлении вытаращила глаза.

– Я… меня зовут Голди Лиддел. А вы? Кто вы такие?

Отто заговорил первым.

– Позвольте представиться. Мое имя Отто Оригинал. А это Копия Тото.

Тото предпочел не спорить по поводу такой вопиющей лжи, а просто сказал:

– Я очарован.

Девушка осторожно сделала шаг наружу из цветка, который тотчас снова слился с полом.

– Вы кто? Разумные медведи?

– Да нет же! Мы самые настоящие люди, хотя и слегка модифицированные. Так, чуть-чуть, самую малость. Вернее, я человек, а Тото всего лишь моя разумная копия, сделанная из корнукопионов.

Голди с интересом обернулась по сторонам.

– Где я?

– На борту космического лайнера «Григорий Беарфорд», идущего курсом из Шеффилд-Сити, Венера, – вмешалась гусеница. – В настоящий момент мы находимся в окрестностях Сатурна, где и наткнулись на ваш спасательный модуль.

– Да это не модуль, а настоящий гроб! – Голди даже передернуло. – Помню, как меня туда запихали, когда наша «Мятная свежесть» угодила в передрягу. Мне тогда сказали, что меня вот-вот подберут. А что потом – ничего не помню. И сколько я в нем проторчала?

– А когда вы угодили, как вы выразились, в передрягу? – поинтересовалась гусеница, она же разум корабля.

– Минуточку… Кажется, в октябре. У меня как раз закончились месячные. Да-да, пятнадцатого октября!

– Она имела в виду год, – вздохнул Тото.

– А-а-а, в двадцать девятом.

– Значит, вы провели в подвешенном состоянии около

столетия.

– Черт! Выходит, мой контракт уже давно истек!

– Какой такой контракт? – навострил уши Отто.

– «Мятная свежесть» должна была доставить на Тетис новую партию шлюх для борделя. Несколько сотен хорошеньких сговорчивых би-мальчиков и девочек без комплексов. Предполагалось, что мы будем обслуживать тамошних ледорубов, занимающихся заготовкой пресной воды. Я надеялась заработать хорошие деньги, чтобы потом прикупить себе домик на Марсе. Его ведь уже сделали пригодным для обитания…

– Шлюхи для борделя! – хохотнул Отто.

– Ледорубы! – осклабился Тото.

– Черт побери! Да мы взяли на борт живое ископаемое! – воскликнул Отто.

Голди нахмурилась.

– Как это невежливо с вашей стороны говорить в мой адрес подобные гадости. Я ничуть не устаревшая, совершенно современная разумная личность.

– Зря ты так о себе думаешь, Голди-Молди. Теперь мы существуем по ту сторону Сингулярности.

– Так, значит, это все-таки оказалось правдой? Помню, об этом только и делали что трубили на весь свет, но разгадать секрет не удавалось никому. Потерпите лет пять, говорили, но и через пять лет ответа как не было, так и нет… И так всякий раз. Загадочная точка, после которой все уже не такое, как раньше. И что теперь?

– В двух словах – человечество уподобилось Господу Богу. Оно получило в свои руки бесконечное могущество, толком не зная, как им распорядиться, – ответил ей Тото. – Теперь за нас все делают машины, но закон обязывает каждого гражданина придумать для себя творческое занятие, независимо от того, есть в этом необходимость или нет. Чаще всего нет. Именно поэтому мы здесь и находимся. Мы решили, что сможем придумать что-нибудь эдакое, если слетаем на задворки Солнечной системы и посмотрим на нее как бы под другим углом. Мы как раз взяли курс на облако Оорта, но потом решили сделать крюк, чтобы прийти вам на помощь.

Голди подошла поближе к Отто и Тото.

– Знали бы вы, как я вам за это благодарна! В принципе мы с вами не так уж отличаемся друг от друга, несмотря на разницу в сто лет.

И Голди принялась поглаживать гигантским медведям мохнатую грудь. Откуда-то из их нутра послышалось довольное урчание – ну точно как гризли, набившие брюхо лососиной.

Довольная собой Голди приблизилась к ним вплотную.

– А теперь, мои милые мишки, признайтесь старушке Голди, но только честно. Скажите, я действительно похожа на допотопное ископаемое? Или, плюшевые мои, вы изменили свое первоначальное мнение?

Отто издал громогласный рык, Тото последовал его примеру. Голди отпрянула, изобразив испуг.

– Только не надо меня пугать, мишеньки! – произнесла она, поднося руки к шее, и полоса блестящего материала, что составляла ее костюм, спиралью упала на пол, а сама Голди осталась в чем мать родила.

Из хлебницы донеслись стенания Боффо.

– Эй, так нечестно! Вы меня слышите? Ну-ка живо слезайте с койки и выпустите меня, я тоже хочу. Сами знаете, со мной кайф будет еще тот!

Боффо на мгновение умолк, прислушиваясь к сопению в каюте.

– Черт, мне плохо видно!..

Увы, ему ничего не оставалось, кроме как надуться и обиженно засопеть – даже громче, чем те, что были в каюте.

А потом воцарилась тишина.

Спустя несколько часов гусеница отложила свой кальян и учтиво покашляла.

– Что тебе надо? – грубо спросил ее Отто.

– Я полагаю, что те, кто уничтожил «Мятную свежесть», теперь пытаются сделать то же самое с нами. Надеюсь, вы не забыли, что в океанских водах под поверхностью Тетис обитают разумные существа...

– Уж не черви ли Кларка?

– Кто такие эти черви Кларка? – поинтересовалась Голди.

– Исконные обитатели спутников Сатурна, – пояснил Тото. – Они изгнали с планеты твоих сексуально озабоченных ледорубов в том же году, когда был уничтожен ваш корабль. Человечество же, прежде чем смогло отреагировать на их действия, оказалось за точкой Сингулярности и потому больше не нуждалось в этой захолустной планетке. Так что оттуда никто не вернулся.

– К нам приближается целый флот самонаводящихся ракет, – доложил корабль. – Что я должен предпринять?

Отто только зевнул.

– Сотри эту планету в порошок, раз уж мы оказались здесь.

Голди спустила с койки ноги.

– Приказ выполнен, – доложила гусеница.

– Ух ты, вы, ребята, я смотрю, парни решительные. Но неужели в этом действительно была необходимость? Даже если

это всего какие-то там червяки?

– Ничего, зато кто-то потом может покорпеть в свое удовольствие, восстанавливая утраченный биологический вид. Кстати, малышка Голди, это навело меня на одну мысль. Помнится, ты что-то там сказала, отчего в моем Оригинальном Мозгу зародилась кое-какая идея.

– Говори, это будет твоя первая.

Отто проигнорировал подколку.

– Доставь нас в облако Оорта, гусеница. А пока, крошка Голди, позволь я покажу тебе наш корабль.

Понадобилось около часа, чтобы показать гостье все основные механизмы корабля «Григорий Беарфорд», в том числе двигатели Быстрой Перемотки Вперед. К концу этого часа Тото, Отто и Голди оказались в дальнем конце корабля перед закрытой дверью.

– За ней расположена та часть судна, куда входить строжайше запрещено, хотя в принципе туда можно войти.

– Ой, и что там такое?

Отто и Тото печально посмотрели друг на друга.

– Не помним. Лягушка разрушила нашу краткосрочную память. Но я точно припоминаю, там находится что-то такое страшное-престрашное, с чем лучше не связываться. Так что держись отсюда подальше.

– Понятно, новая версия Синей Бороды, – прокомментировала Голди. – Но я все равно попробую.

Вернувшись в каюту, где она впервые познакомилась с мохнатыми близнецами, Голди услышала, что из хлебницы доносятся чьи-то всхлипы. И прежде чем медведи успели ее остановить, она извлекла на свет божий зареванного Боффо и нежно, по-матерински, прижала к груди.

– Ну-ну, не распускай нюни, глазастик. Скажи, кто тебя обидел?

– Я... – Боффо с новой силой зашмыгал носом, – я хочу, чтобы меня полизали.

– И это все? – удивилась Голди.

– Не делай этого! – попытался остановить ее Тото.

Увы, слишком поздно, потому что Голди уже вовсю слизывала капельки сладкой жидкости, что выступили на голове у Боффо.

В следующее мгновение лягушка выскользнула из безжизненных рук Голди, а сама она рухнула на пол. На лице ее читалось неописуемое блаженство.

Отто поднял Боффо с пола.

– Ты, жадный ублюдок! Ты только посмотри, что ты натворил!

Можно подумать, тебе неизвестно, что несарторизованное человеческое существо не в состоянии потреблять эту твою гадость!

– Это вы сами поступили нечестно, – хныкал Боффо. – Оттянулись по полной программе, пока я торчал в хлебнице!

– Но мы в отличие от тебя только попользовались ею, мы ее не убивали, – произнес Отто, бесцеремонно засовывая амфибию в ее коробку.

Пол уже вовсю поглощал тело прекрасной Голди.

– Постараюсь в самое ближайшее время ее реанимировать, – пообещала гусеница. – А пока мы сделали остановку на расстоянии примерно сорока тысяч астрономических единиц от Солнца, на самых дальних подступах к облаку Оорта, именно отсюда к нам в Солнечную систему прилетают кометы.

Отто довольно потер лапы.

– Великолепно. А теперь поступим вот как: сделаем Землю пригодной для обитания!

– Но разве Земля и без того не пригодна для обитания? – удивился Тото. – По крайней мере до сих пор она считалась обитаемой планетой.

– Можно подумать, мне это неизвестно! Но пораскинь-ка своим скудным умишком. Если мы для начала подвергнем ее бомбардировке тысячей комет, точно так же, как когда-то наши предки поступили с Марсом, то сотрем с ее лица все человечество, всю земную цивилизацию. Зато представь себе, сколько потом нам придется попотеть, чтобы восстановить все как было!

Тото восхищенно покачал головой.

– Должен признаться, Отто, что с этой своей блестящей идеей ты превзошел все ограниченные возможности копии. Давай приступим к делу, и поскорей!

Но в этот момент корабль наполнил хор ангельских голосов, и в следующее мгновение в воздухе материализовались и сами их обладатели.

– Снова эти привидения из конца света, – раздраженно фыркнул Отто.

– И они испускают постоянный поток корнукопионов, – спокойно добавила гусеница.

– Да-да, – подтвердили небесные голоса, – мы вернулись сюда, чтобы постараться вас урезонить. Мы ваши потенциальные потомки из Точки Омега в будущем. И мы здесь для того, чтобы остановить вас. Если только вы воплотите в жизнь ваш безумный план, мы так никогда и не появимся на свет!

– Не кажется ли вам, что аргумент весьма сомнителен? –

спросил у них Тото.

Главный ангел (Он? Она?) поднял руку, сделав властный жест.

– Молчать! Вы передумали или нет?

– А вы заставьте нас!

И тогда корабль наполнился ослепительным сиянием. Когда же оно померкло, обоих близнецов на его борту не было и в помине.

А спустя пару секунд из пола вновь возродилась Голди. Встав во весь рост, она обвела изумленным взглядом каюту.

– Отто? Тото? Где вы? Эй!

На ее голос из коробки откликнулся Боффо.

– Кроме тебя и меня, здесь больше никого нет.

– Ах, это ты, противное создание. Угомонись.

Голди подошла к грибу и ткнула пальцем в гусеницу, но поскольку та лежала в полном отрубе, то никак не среагировала.

– Черт, кажется, на сей раз я вляпалась в настоящее дерьмо.

С этими словами Голди отправилась бродить по кораблю. Вскоре она очутилась рядом с запретной дверью.

– А что, если?.. А почему, собственно, и нет?

Но не успела она открыть дверь, как та распахнулась сама собой.

А позади нее стоял Отто. Или Тото.

С той разницей, что этот Отто (или Тото) ростом ей доходил лишь до колен и был соответствующих пропорций.

– Кто ты такой?

– Меня зовут Тоот, – ответил ей плюшевый медвежонок. – Я и есть оригинал. Приношу извинения за неудобства, доставленные вам моими копиями. Корабль в данные минуты делает все возможное, чтобы вернуть себя к жизни, включая и ту информацию, что стала известна от ангелов. Если вдруг наши гипотетические потомки вдруг снова нагрянут сюда, им будет куда труднее нас одолеть.

– Ничего не понимаю!

Тоот объяснил, что, собственно, произошло.

– Так, значит, ты все-таки намерен довести до конца идиотскую задумку Отто и Тото? – поинтересовалась Голди.

– Разумеется. Согласись, идея просто-таки грандиозная. Я так и знал, что, если этих двоих предоставить самим себе, они что-нибудь эдакое надумают.

– А как же я?

– Тебе понравится, если я буду называть тебя Евой?

– Ой, мишенька, это так романтично! – прочирикала Голди. – И главное, ты мне ужасно подходишь!

– Еще бы, а ты как хотела? И вот теперь, когда нам удалось уничтожить препятствие, которое в противном случае удерживало бы наших далеких потомков вне временного континуума, перед нами возникает грандиозная, но благородная задача.

– И что же это такое? – полюбопытствовала Голди, чувственно поглаживая макушку нового знакомого.

– Сейчас мы с тобой нырнем в первую попавшуюся временную дыру и устремимся в Точку Омега, чтобы занять их место. Мы, а не они – вжик! – переживем конец света и запустим в действие новую вселенную.

– Ой, мишенька, это даже круче, чем кольцо с бриллиантом!

– А ты как думала?

А еще мы взяли с собой Боффо.

Пожизненное заключение

© Перевод. Т. Бушуева, 2006.

1
Казнь

Безымянный мужчина – совершивший убийство, пойманный, представший перед судом, приговоренный к смерти и заключенный в тюрьму до исполнения приговора – наблюдал, как власти готовятся казнить подставное лицо.

Убийца сидел в одном ряду с теми, кто был приглашен стать свидетелем отправления долгожданного правосудия. Его не представили ни одному из них. Охранники холодно и даже несколько бесцеремонно подтолкнули его к стулу, и с этого момента ни одна живая душа не обратилась к нему по имени и не подала руки.

Что неудивительно. Более чем неудивительно, ведь близился кульминационный момент – момент, когда произойдет символический обмен жизнями, юридическое и духовное действо, которое завершит весь этот спектакль.

Но как только казнь состоится, для убийцы все станет по-другому. По крайней мере так ему было обещано.

И все равно ему с трудом верилось в это обещание.

Несмотря на все то, через что ему довелось пройти.

С такими мыслями – в последние мгновения не сосредоточенными на малоприятном зрелище, какому он вот-вот станет свидетелем, в котором, если бы не череда событий, он сам сейчас был бы главным действующим лицом, – безымянный осужденный попытался раздать роли тем, кто находился с ним рядом.

Он моментально узнал начальника тюрьмы, равно как нескольких членов Комиссии по Ренормализации. Небольшая компания, активно клацающая по клавишам своих ноутбуков, судя по всему, была журналистской братией. Мужчину и женщину, которых роднило напыщенное выражение лиц, он инстинктивно записал в политики. Его слегка передернуло, когда взгляду его предстало трио – двое мужчин в строгих костюмах и такая же расфуфыренная дамочка, явно врачи, которые здесь для того, чтобы наблюдать за ним. От их дорогих нарядов все еще исходил едва уловимый запах врачебного кабинета, нет, скорее даже операционной.

Но большинство присутствующих, сделал он для себя вывод, – родные и близкие того, кто сейчас примет вместо него смерть.

Стараясь незаметно вытирать глаза, обнимая друг друга – они

были живым укором безымянному мужчине. Наблюдать это зрелище было выше его сил. Он даже не мог толком сосчитать, сколько их здесь и кого больше – мужчин или женщин, молодых или старых.

Что ж, вскоре ему придется – хочет он того или нет – рассмотреть их поближе.

Ведь уже сегодня он станет близок с этими заплаканными, убитыми горем людьми – близок, как никто другой, не зря же он вот уже несколько долгих месяцев изучал по фотографиям их лица.

Что касается родственников его самого – то таковых здесь не было. Даже если бы какой-нибудь дальний родственник – как в географическом, так и эмоциональном отношении – изъявил желание присутствовать при его казни, ему было бы в этом непременно отказано.

Да и вообще, к чему это? Тот, кем он был до сих пор, вскоре будет мертв.

В следующее мгновение, на другом конце помещения, по ту сторону широкого глухого окна началось какое-то движение, мгновенно приковавшее к себе взгляды безымянного мужчины и всех, кто находился вместе с ним в зальчике.

Техники закончили проверку машины смерти – капельниц, игл, биомониторов и видеокамер. Судя по всему, какие-то сигналы передались дальше, тем, кто находился вне поля зрения непосредственных наблюдателей. Потому что в помещение вкатили того, кто сейчас примет смерть.

Этот человек полулежал на каталке, поддерживаемый специальным матрацем из пенопласта. Тощий, как скелет, и изможденный, однако благодаря болеутоляющим уколам и прочим медицинским снадобьям в полном создании и отдающий себе отчет в происходящем. Как только каталку, на которой он лежал, поставили в самом центре машины смерти и заблокировали колеса, осужденный на смерть нашел в себе силы приподняться на локте, окинул прощальным взглядом присутствующих, слабо улыбнулся и даже, насколько хватило сил, помахал им рукой.

За какое-то мимолетное мгновение, прежде чем он бессильно рухнул на смертное ложе, сознание безымянного человека успело запечатлеть лицо умирающего. Теперь оно останется с ним до конца его собственных дней.

Вокруг обреченного поправили подушки, после чего ему в руки дали конец шнура, приводящего в действие механизм смерти.

Затем в помещение проследовал священнослужитель культа

Прагматических Панденоминационалистов Великой Геи. Нервно поправив на себе свое зеленое одеяние, духовный отец по другую сторону стеклянной перегородки встал лицом к публике. Техник нажал какую-то кнопку, и из громкоговорителя безымянному человеку стали слышны звуки с той стороны – какие-то электронные сигналы, шарканье ног, покашливание и перешептывание.

После чего раздался голос священника.

– Мы собрались здесь сегодня, чтобы стать свидетелями высшего самопожертвования, на какое только индивид способен по отношению к обществу, частью которого, причем благодарной частью, он был с самого своего рождения. Его жертва куда большая, нежели желание поделиться с кем-то своей кровью или жизненно важным органом, – по сравнению с его жертвой подобные вещи мельчают и бледнеют. Он отказывается от собственного имени, от собственного «Я», чтобы другой мог жить и занять его место. Обреченный погибнуть от неизлечимой болезни, добровольно предпочетший смерть, этот человек – юридически и морально – берет на себя грехи своего заблудшего брата, даруя тем самым виновному возможность начать новую жизнь. При этом справедливость торжествует, и зло не остается безнаказанным. Совершено преступление – самое омерзительное преступление на свете, и кара за него одна – смерть того, кто его совершил. Мы не можем позволить себе пренебрегать законом, пытаться перетянуть чашу весов правосудия.

В мои намерения не входит долго восхвалять того, кто сейчас лежит рядом со мной. Накануне вечером, в больнице, я уже провел прощальную церемонию, на которой присутствовали любящие его родные и близкие. Мы все долго говорили с ним, сидя у его постели, и он улыбался нам в ответ. То были незабываемые мгновения, когда радость способна высушить слезы. Он уходит из жизни, зная, что любим и уважаем, и благодарен за эти чувства. Так что все слова прощания уже сказаны.

Вслед за этой фразой раздались рыдания безутешных родственников. Безымянный мужчина поморщился и нервно потер вспотевшей рукой отросшую щетину на черепе, мысленно представив себе красный шрам, украшавший его обритую голову наподобие венца. Хотя, сказать по правде, шрам этот сделался уже почти незаметным.

– И вот теперь, – вновь заговорил священник – этот человек берет себе новое имя, он надевает на себя кровавые одежды настоящего убийцы, он возлагает на себя грех того, кто до сих пор был известен как... – Священник произнес имя человека, что

сидел по ту сторону стеклянной перегородки.

Как ни странно, звук собственного имени оставил его бывшего владельца равнодушным – оно уже ничего для него не значило, далекое и пустое, словно взятое из учебника истории.

– И все же эта ноша не тяжка, – продолжал тем временем священник. – Бремя это стало легкой пушинкой, как только легло на плечи другого. Даже Христос, и тот не смог бы сделать большего. А теперь давайте помолимся.

В этот момент звук отключили. Безымянный человек видел, как священник беззвучно склонился над тем, кто лежал на каталке. Те, кто пришел, чтобы стать свидетелями казни, тоже притихли.

Безымянный человек также про себя произнес нечто, что в его представлении было молитвой.

И вот камера казни пуста. В ней остался лишь тот, кто лежал на каталке. Лица его не было видно. Присутствующие заметили лишь, как пошевелился большой палец, приводя в действие машину смерти. В то мгновение человек этот действительно стал убийцей – пусть даже лишь себя самого.

За происходящим, запечатлевая каждое мгновение, следили видеокамеры. Спустя десять минут, в течение которых яд, впрыснутый себе в вены смертником, проник во все клетки его тела, и дыхание постепенно замедлилось, в камеру вошел тюремный врач, провел освидетельствование и поднял глаза. И хотя он забыл нажать кнопку громкоговорителя, присутствующие смогли по губам прочесть, как он произнес: «Мертв».

Начальник тюрьмы поднялся и подошел к безымянному человеку. Тот моментально весь внутренне сжался. Последовали вспышки фотокамер. Служитель правосудия изобразил дежурную улыбку и протянул безымянному человеку руку. Тот машинально ответил на рукопожатие.

– Мистер Глен Суон. Благодарю вас за участие в этом событии. Мы задержим вас ненадолго – остались кое-какие формальности, ваша подпись и все такое прочее. После чего вы будете свободны. А теперь позвольте мне представить вас вашей новой семье.

2
Убийство

В подземке было душно – воздух здесь провонял машинным маслом, нагретой электропроводкой, жареной картошкой и мочой. На платформе народу оказалось гораздо больше, чем предполагал будущий убийца. Он не знал, что в театре по соседству идет новая постановка, и потому в этот обычно малолюдный час станцию подземки наполнили зрители. Подобное развитие событий не входило в его планы, и он бы проявил большую предосторожность, если бы не слова, которые его ухо уловило в толпе.

Человеку было слегка не по себе, однако он все-таки решился довести свой план до конца.

Необходимость, а также нечто такое, что отдаленно напоминало профессиональную гордость, толкали его вперед.

Наконец глаз его выхватил из толпы жертву. Это была дамочка средних лет в натуральной шубе, судя по всему, одна, без спутников, под мышкой небольшая сумочка. Похоже, ридикюль без ручки. Он начал подбираться поближе к жертве. Со стороны никто не мог ничего заподозрить, но только со стороны.

Откуда-то из глубин тоннеля донесся грохот и скрежет приближающегося поезда. Народ заранее подался ближе к краю платформы.

К этому моменту мужчина уже стоял позади ничего не подозревающей жертвы, почти вплотную к лакированному черному ридикюлю, который та держала под мышкой.

Еще мгновение – и ридикюль уже у него в руках, осталось лишь только потянуть и выдернуть.

Он так и поступил, но ридикюль остался на месте. Судя по всему, на запястье у женщины была тонкая металлическая цепочка.

Он дернул еще раз. Женщина покачнулась и, чтобы удержать равновесие, взмахнула руками. Тогда он схватил ее за запястье, чтобы снять сумочку. Однако женщина при первом же прикосновении тотчас отдернула руку. Цепочка лопнула, его собственная рука соскользнула с ее запястья, а сама женщина полетела куда-то вниз, на рельсы.

Преступник бросился наутек, однако не успел пробежать и десятка ярдов, как путь ему преградили двое крупных мужчин. В следующее мгновение они обрушились на него с кулаками и били до тех пор, пока он не превратился в безвольную, распростертую

на полу окровавленную массу.

А поскольку его собственное лицо было прижато к грязному, бетонному полу, преступник пропустил момент, когда поезд на всем ходу наехал на женщину, а сам он из вора превратился в убийцу.

Однако ему навсегда врезался в память пронзительный скрежет тормозов, крики стоящих на платформе людей и последний, леденящий душу вопль жертвы.

3
Комиссия

– Как нам кажется, в вашем случае мы можем рассчитывать на успех, – произнес глава Комиссии по Ренормализации, оторвав на мгновение взгляд от ноутбука и закрывая файл. Тот самый файл, в котором содержалась подробная информация на безымянного человека. – Однако в конечном итоге все зависит от вас самих. Придется как следует поработать над собой, возможно, даже больше, чем вам когда-либо приходилось за всю вашу жизнь. Ваша реинтеграция в общество будет далеко не гладкой и потребует очередных жертв. Вы уверены в том, что способны пройти этот путь до конца? Только честно, без каких-либо оговорок.

Сидя по другую сторону огромного полированного стола, убийца попытался скрыть недоумение и недоверие, чтобы чувства эти не проступили на застывших, словно каменных чертах его лица. Просидев полгода в камере смертников – пока суд высшей инстанции рассматривал его апелляцию и в конечном итоге отклонил ее, – чувствуя, как смерть дышит ему в лицо, ощущая на себе ее ледяное дыхание, он был готов дать согласие на что угодно. Разумеется, им это известно. Что бы они ни предложили – даже пожизненное заключение куда предпочтительное того, что светит ему сейчас. Он смутно осознавал забрезживший перед ним выбор – судя по всему, ему предлагали нечто куда более приятное, нежели возможность провести остаток дней своих за тюремной решеткой.

Но стоило ему произнести слова согласия, какие хотели от него услышать эти новые судьи, как Комиссия принялась подробно излагать ему, что, собственно, его ждет. И он тотчас пожалел о том, что поторопился.

– Первое, что мы намерены сделать, – это, наверное, самый смелый шаг, хотя и не самый главный. Мы снимем крышку вашей черепной коробки и вставим туда, скажем так, небольшого помощника.

Мы накроем вашу кору головного мозга дополнительным слоем паранейронов, известных как Этико-Глиальный Ассистент, который вскоре выстроит дендритные связи с подсистемами вашего мозга. Этот ЭГА не имеет своих собственных функций и потому не способен изменить ваши личностные характеристики, ваши эмоциональные и интеллектуальные качества. Скажем так, это просто небольшая кнопка в вашем черепе с одной-

единственной функцией. Она будет отслеживать агрессивные импульсы в вашем мозгу. Как только те достигнут определенных пороговых значений – кстати, вы сами ощутите их приближение, так как ваше общее самочувствие при этом резко ухудшится, – эта кнопка просто вас вырубит. Вы потеряете сознание и будете оставаться в таком состоянии от получаса до суток, в зависимости от того, насколько сильным был приступ.

И здесь мы бы хотели еще раз подчеркнуть то, чего не может ЭГА. В большинстве случаев он не помешает вам физически постоять за себя, хотя при некоторых обстоятельствах вы можете перейти в агрессивную стадию и включить его действие. Кроме того, ЭГА никоим образом не способен подавить вашу свободу воли. Вы всегда вольны предпринять агрессивные действия. Иное дело, что вам всякий раз придется за это расплачиваться. – Голос говорящего зазвучал суше. – Нам также известно, что в большинстве случаев меняется стиль вождения автомобиля. Тем не менее в наши намерения не входит превращать вас в подобие робота. От этого нет никакой пользы ни обществу, ни планете. Кроме того, ЭГА не застрахован от ошибок. Он не способен предотвратить умышленное убийство с целью извлечения материальной выгоды. Он действует только по отношению к лимбическим импульсам гнева и насилия.

Однако, как нам кажется, судя по вашему личному делу, у вас не замечено склонности к умышленному убийству. И тот антидот, который мы для вас приготовили, рассчитан именно на личность вашего психического и морального склада. Или по крайней мере каким вы сумели себя зарекомендовать. С помощью ЭГА вы даже получите возможность нормально общаться с другими людьми. При этом ни вам, ни им ничего не грозит. В той мере, в какой это бывает, когда люди общаются между собой. Надеюсь, до сих пор вы меня понимали?

Мысли убийцы занимала одна омерзительная картина: ему вскрывают черепную коробку и помещают туда студенистую массу вроде медузы. Однако в следующее мгновение его мысленному взгляду предстала иная картина – его тюремная камера, а с ней вернулось осознание скорого конца.

– Да, – произнес он.

– Что ж, отлично. Итак, отныне мы будем полагаться на ЭГА. В некотором роде он – наша последняя надежда. Вы подвергнетесь интенсивной психосоциальной обработке, и в конце курса лечения, если к тому времени вы продемонстрируете стремление к сотрудничеству, вас признают полноценным членом общества.

Заключенный не смог удержаться и задал самый главный

вопрос:

– И меня выпустят? Я буду свободен?

Член комиссии сухо улыбнулся.

– В некотором роде да. Вы будете совершенно свободны. Однако это не снимает с вас обязанностей. Обязанностей, какие любой из нас несет по отношению к обществу и планете в целом. Вы получите брошюру, в которой все подробно изложено. В принципе все довольно просто.

После этих слов глава Комиссии по Ренормализации открыл на своем компьютере новый файл.

– Одну минуточку... Если вы пройдете стандартный шестимесячный курс лечения и мистер Суон к этому времени будет еще жив, чтобы вместо вас участвовать в процедуре смертной казни, то да, думаю, мы с вами сможем назначить дату исполнения приговора на пятнадцатое мая. Ну, что вы на это скажете?

– Меня она устраивает.

4
Брошюра

В сотый раз, вернувшись к себе в камеру после напряженных занятий, таких утомительных и вместе с тем вселявших надежду, заключенный принялся читать брошюру.

Ключевое понятие – это соразмерность преступления реституции вкупе со стремлением восстановить нарушенные семейные связи путем включения недостающего элемента.

Предыдущие попытки вернуть бывших заключенных в общество полноценными его членами оказались безуспешными. Их результатом стал высокий уровень рецидивизма, главным образом потому, что отсутствовал механизм безболезненной адаптации заключенного к новым условиям. Бездушная система надзора не могла соперничать с такими вещами, как стабильный заработок, коллеги по работе, поддержка со стороны семьи – все то, что так нужно человеку, чтобы вновь ощутить себя полноценным членом общества.

Разумеется, такую поддержку невозможно создать на голом месте. Однако если заключенный возьмет на себя роль недостающего элемента существующей структуры, моментально создаются условия для его интеграции в человеческий коллектив.

Убийца пролистал дальше, чтобы прочитать то, что касалось непосредственно его самого.

Заключенный, ожидающий исполнения смертного приговора, представляет собой яркий пример применения такой философии. Собственно говоря, человек, ожидающий своей смерти, уже мертв как личность. Своими действиями он лишил себя собственного «Я» и права на будущее, своей ниши в жизни планеты. В своей старой роли он не представляет для общества и планеты никакой ценности, за исключением, пожалуй, того, что служит примером нашего неприятия некоторых моделей поведения.

Тем временем другой сегмент общества по иронии судьбы является зеркальным отражением той роли, которая уготована осужденному на смерть. Это смертельно больные люди, обреченные природой на безвременный уход из жизни. Не повинные ни в чем, за исключением того, что несут в себе наше общее смертное наследство, они приговорены уйти из жизни раньше, чем мы все. В большинстве случаев обреченный человек, мужчина или женщина, является членом семьи, он любим своими близкими и друзьями, он – составная часть разного рода человеческих коллективов, а порой и единственный добытчик в

семье.

Как, однако, разумно, что смертельно больному человеку, решившему воспользоваться своим правом на добровольную эвтаназию (см. постановление Верховного суда по делу Кеворкяна против штата Мичиган, 2002) и при этом обеспечить нормальное существование своих родных и близких после добровольного ухода из жизни, будет даровано своеобразное продление жизни путем обмена именем с тем, кто осужден на смерть.

Заключенный перелистал еще несколько страниц.

Все усилия приложены к тому, чтобы осужденный на смерть и его двойник подходили друг другу по целому ряду параметров. Среда, в которой впоследствии окажется бывший смертник, должна быть для него комфортной и оказать ему максимальную поддержку. С другой стороны, его новая семья получает неоценимый шанс вновь вернуться к нормальной, полноценной жизни.

Иными словами, заключенный и его двойник совершают обмен собственными «Я». Для двойника этот путь короток. Для заключенного он растягивается на всю оставшуюся жизнь. Дороги назад для него нет.

Заключенный принимает полную моральную и юридическую ответственность, обязательства, семейные связи – иными словами, всю биографию того, чью личность он себе берет. Во все базы данных, как государственные, так и корпоративные, вносятся изменения, отражающие этот обмен (в том числе отпечатки пальцев больного, его фото, подписи, параметры тела, медицинские данные и так далее заменяются на соответствующие данные заключенного). После того как обмен имел место, власти прекращают какой-либо надзор за бывшим заключенным. Он вновь становится полноценным членом общества.

Как же происходит подобная реституция? Всего лишь вследствие согласия бывшего заключенного взять на себя личность своего двойника как отца или матери, сына или дочери, того, кто содержит семью или ведет дом.

Мы отнюдь не беремся утверждать, что подобные перемены произойдут мгновенно. Без небольших изменений в образе жизни не обойтись, а возможно, не обойтись и без значительных. Любое решение, принятое в свое время двойником, может быть пересмотрено тем, кто занял его место. Точно так же, как двойник мог подать заявление о разводе, усыновить ребенка, сменить работу или место жительства, таким же образом может поступить и бывший заключенный. Разница в том, что все подобные решения принимаются отнюдь не в вакууме. Как действовали, так и продолжают действовать финансовые, семейные и прочие

соображения, какие не мог не принять во внимание оригинал, и бывший заключенный будет вынужден с ними считаться. Тем не менее опыт этой программы показывает, что восстановленные таким образом семьи бывают на редкость стабильны.

И, разумеется, любое преступление, совершенное тем, кто принял на себя новую личность, не останется безнаказанным. Виновный понесет наказание, как того требует закон. Например, родители, которые оставляют своих детей, могут быть арестованы и понесут стандартное в таких случаях наказание за то, что бросили несовершеннолетних на произвол судьбы. Равно как насилие по отношению к супругу или супруге чревато самым строгим наказанием.

Заключенный на мгновение отложил книжку на колено и задумался. Когда же он снова взял ее в руки, то открыл на самой последней странице.

Возможно, кому-то покажется, что государство поступает капризно, если даже не своевольно, позволяя подобные замены. Люди не взаимозаменяемы, как запчасти машины, скажет кто-то. Эмоции, чувства – все это якобы самым бессовестным образом попрано. Каждый человек индивидуален, его нельзя подменить другим по прихоти власть предержащих. Утилитаризм имеет свои пределы, скажет он. Государство возомнило себя равным самому Господу Богу.

Да, но какова же альтернатива? Позволить индивиду, зачастую в самом расцвете сил, погибнуть, так и не принеся обществу никакой пользы? Почему его следует убить, как когда-то в старые времена? И это в то время, когда другая семья вследствие потери кормильца зачастую оказывается, образно выражаясь, у разбитого корыта, и ее финансовые трудности ложатся очередным тяжким бременем на и без того скромный государственный бюджет. Разве такое можно терпеть? Как государству, так и рядовым гражданам? К тому же история дает нам немало прецедентов.

Так что несогласным с такой политикой можно посоветовать посмотреть на это как на брак по расчету.

5
Новый дом

Машина завернула в короткий проезд, весь в пятнах бензина и колдобинах, длиной не больше, чем сам видавший виды крошечный автомобильчик на водородном топливе. Какое-то мгновение двигатель продолжал работать на холостых оборотах. Из дома никто не вышел. Вскоре мотор заглох; мистер Глен Суон открыл дверь рядом с пассажирским сиденьем и вылез наружу.

Двор размером с почтовую открытку по щиколотку зарос пышной зеленой травой. Цементная дорожка вела от проезда к обшарпанной входной двери небольшого дома, который во всех отношениях был клоном подступивших почти вплотную к нему соседей. Желтая краска, какой когда-то были выкрашены его стены, почти полностью облупилась. Возле дома валялся пластиковый трехколесный велосипед – наполовину на дорожке, наполовину на газоне, одно колесо бессмысленно крутилось в воздухе.

Суон обвел взглядом двор и дом. Что ж, здесь куда приятнее, чем там, где ему пришлось обитать до сих пор.

Особенно по сравнению с тюремной камерой.

Где-то слева от себя он уловил слабое движение, и это вывело его из задумчивости. Господи, он даже не расслышал, как хлопнула дверца рядом с сиденьем водителя.

Не сводя глаз со своего нового жилища, он сказал первое, что пришло ему на ум:

– М-м-м, а здесь неплохо.

– Вот мы и дома, – ответил ему женский голос, довольно безучастно, если не сухо.

Суон не сразу сообразил, что на это следует сказать. Он продолжал стоять, глядя на дом, и машинально повторил то, что сказал за день уже не раз.

– Извини, что тебе пришлось сесть за руль. Я за всю свою жизнь так и не научился водить машину.

Голос женщины остался безучастным, в нем не было ни горечи, ни сострадания, хотя в словах ее чувствовалось и то, и другое.

– Ты уже принес достаточно извинений. Не переживай. Вскоре научишься. А пока можешь ездить автобусом. Остановка отсюда через пять домов.

И вновь молчание.

– Может, все-таки зайдем внутрь? – первой заговорила

женщина.

– Да-да, спасибо.

– Не надо меня благодарить. Это дом теперь твой, – вздохнула женщина.

6
Сын

Скромные стены передней гостиной украшала лишь деревянная табличка, на которой был начертан девиз Прагматистской церкви («Главное, что выходит из черного ящика!»), идиллический пейзаж в рамочке и пыльный букет искусственных цветов. Диван и кресла были уже далеко не новыми. На журнальном столике молча валялось несколько звуковых журналов, их дешевые батарейки давно сели.

Во всей гостиной он не заметил ни единого фотоснимка того, кто вместо него принял смерть. Но Суону не составило большого труда представить себе лицо этого человека.

В комнате сидела еще одна женщина – подтянутая, невысокого роста, с коротко стриженными волосами. Одета она была в зеленые леггинсы и модный белый свитер с вышивкой. Картинка изображала земной шар в окружении облаков.

– Привет! – произнесла она и изобразила улыбку. – Как хорошо, что ты вернулся.

Занятия не прошли даром – Суон тотчас узнал в ней Салли, сестру своей жены.

– Привет, Салли, – сказал он и протянул ей руку.

Салли ответила крепким рукопожатием. Суону было приятно, что ему пожимают руку. Он даже начал проникаться верой в реальность происходящего, в то, что он действительно прощен, хотя ему по-прежнему казалось, что в любой момент у него из-под ног могут выдернуть ковер этой вновь обретенной свободы. И тогда он опять окажется за тюремной решеткой.

– Билли в спальне, – произнесла Салли, заметно нервничая. Слова ее предназначались скорее другой женщине, нежели ему. – Все утро он был как шелковый. Но как только увидел машину...

Воодушевленный, как ему показалось, довольно радушным приемом со стороны обеих женщин, Суон ощутил легкое головокружение от свободы, которую обрел уже во второй половине дня своей казни. Ему на ум пришли несколько девизов Прагматистской церкви, призванных вселить уверенность в своих силах, и он произнес:

– Пойду посмотрю, как он там.

Он хорошо изучил планировку дома и потому безошибочно направился к комнате сына.

– Это я, твой папа! – крикнул он, постучав в дверь детской.

Обе женщины за его спиной застыли, затаив дыхание.

Ответом на его призыв было молчание за дверью, хотя и было слышно, что там кто-то есть.

Суон поднял руку, чтобы постучать еще раз, однако дверь открылась сама.

Ростом Билли был выше своих четырех лет. Суон успел выучить его лицо по фотографиям, но в данный момент на него смотрел кто-то другой.

На мальчике была резиновая маска какой-то рептилии, возможно, из шестой серии «Звездных войн».

– Теперь ты Глен. – Голос мальчика из-за слоя резины прозвучал глухо.

Суон присел на корточки, чтобы оказаться лицом к лицу с уродливой маской.

– Верно. А ты Билли.

– Нет, – упрямо возразил мальчик. – Я больше не Билли.

7
Жена

Их первый ужин как семьи из трех человек прошел в молчании, если не считать нескольких дежурных замечаний, вопросов, просьб и ответов. Суон почти не почувствовал вкуса блюд, что были поданы на стол, за исключением пива, которым он решил себя побаловать. В принципе раньше он почти не пил, но сегодня сам удивился тому, что вдруг захотелось промочить горло. Наверное, причиной тому было желание расслабиться, ощутить себя среди людей, чего ему так не хватало в тюрьме.

Билли удалось уговорить, чтобы он снял свою дурацкую маску хотя бы на время ужина. Суон то и дело улыбался мальчику. Тот и впрямь был симпатичный. Суон даже начал в душе мечтать о том, что в один прекрасный день он найдет нечто общее между лицом Билли и тем, что каждое утро представало его взгляду в зеркале. Пока на его улыбку мальчик отвечал взглядом, пусть даже и не враждебным, но далеким и отрешенным, словно с дальних звезд.

Но большую часть ужина Суон провел, украдкой рассматривая свою супругу.

Эмма Суон, с одной стороны, содействовала, с другой – до известной степени мешала этому, потому что почти все время сидела, склонив голову над тарелкой.

Ростом и телосложением она в принципе была похожа на свою сестру Салли. Но лицом симпатичнее. Особенно Суону понравились длинные светлые волосы. И хотя некоторые ее движения выдавали внутреннее напряжение, в целом Эмма держалась естественно и приветливо.

А этот Глен Суон был счастливчик, подумал он про себя.

Да нет же, он сам теперь Глен Суон.

Выходит, мне тоже повезло?

Ужин закончился. Глен даже вызвался помочь убрать со стола, а для Билли наступило время идти спать.

Мальчик, в трикотажной пижаме, вышел из детской. Его лицо скрывала новая маска – на сей раз уродливое лицо диснеевского персонажа, принца, превращенного злой колдуньей в чудовище, или что-то в этом роде.

Эмма подвела мальчика ближе к «отцу».

– Пожелай папе «спокойной ночи».

Вместе с новой маской Билли обрел и новый голос.

– Спокоййййной ночччи, – прочирикал он из-за маски каким-то

птичьим голоском.

После чего мать и сын ушли в детскую. Суон остался сидеть на месте.

Ему было слышно, как Эмма читает мальчику перед сном. Вскоре свет погас, и она вышла к нему, тихонько закрыв за собой дверь.

Затем она села на диван рядом со Суоном и впервые за день посмотрела ему в глаза, словно минуты, проведенные в спальне сына, даровали ей силы или помогли принять некое решение.

– Ты не хочешь посмотреть телевизор?

– Хочу.

Суон отметил про себя, что смотреть телевизор – значит сидеть молча.

Что ж, может, в первый вечер оно даже к лучшему.

Но не могут же они молча смотреть по вечерам телевизор до конца своих дней.

Прошел час, другой. Эмма смеялась над какой-то комедией. Суону было приятно слышать ее смех.

Где-то около двенадцати ночи она выключила телевизор, встала и потянулась.

– Тебе на работу к восьми. Мне тоже.

– Да-да, я помню, – ответил Суон. – А как же Билли?

– Я по дороге подвезу его в детский сад.

Диван, на котором они сидели, судя по всему, раскладывался в двуспальную кровать. Суон обвел глазами комнату, стараясь угадать, где хранятся постельные принадлежности. Но слова Эммы вернули его к куда более прозаической действительности.

– Когда Глен... когда в наш дом пришла болезнь, я купила две раздельные кровати. Так мне и ему было легче. В общем, я много об этом думала. Мы с тобой не можем вести себя как совершенно незнакомые люди, прятаться друг от друга. Как-никак нам придется жить вместе под одной крышей. Делить ванную, одеваться в присутствии друг друга. Поэтому мы должны научиться жить бок о бок. Как в общежитии. Что-то большее – этого я пока не могу тебе обещать. На это требуется время. Ну, что скажешь? Тебя устраивает?

– Как в общежитии. Идет. – Суон попытался не выдать разочарования в голосе.

Было видно, что у Эммы отлегло от души.

– Вот и договорились. Отлично, а теперь давай ложиться спать. Я уже с ног валюсь от усталости.

Лежа в темноте, Суон прислушивался к ее дыханию. Постепенно оно сделалось ровным и спокойным, и он понял, что Эмма уснула.

Он ожидал, что она непременно разрыдается. Однако, призадумавшись, пришел к выводу, что слезы уже давно иссякли. Последние были пролиты во время казни.

И, разумеется, не по нему.

8
Работа

Его начальником оказался крупный мужчина с поразительно изящными, прямо-таки женскими ручками. Звали его Тони Юбэнкс. Тони руководил бригадой из десяти человек, которые работали на пяти грузовичках. Обычно Тони оставался в офисе, выполняя роль диспетчера при своем крошечном машинном парке, выписывал наряды, ведал всеми бумажными делами. Однако на период ученичества Суона он сам решил сесть за баранку, чтобы одновременно исполнять роль наставника и коллеги.

Суон понимал, что это своего рода знак внимания. Впрочем, интерес к его особе проявляли все. Люди, ответственные за его будущее, старались делать это ненавязчиво, и все равно их стараниями он оказался в окружении разного рода менторов и покровителей.

Суон старался не воспринимать Тони как надзирателя или стража. К своему великому облегчению, он вскоре обнаружил, что характер у Тони покладистый, и потому его можно считать чем-то вроде доброго наставника, если даже не друга.

Отношение к нему других товарищей по работе было определить не так легко.

Первые несколько недель, пока он входил в курс обязанностей, Суон старался об этом не задумываться.

Они с Тони тянули кабель. Целые мили нового кабеля. По всей видимости, это был какой-то специальный кабель, который втрое увеличивал проходимость сигнала. Суон толком так и не понял, благодаря каким физическим законам такое возможно, но, с другой стороны, зачем ему это знать? Главное – овладеть практической стороной дела. Инструменты, протоколы, коробки соединений и прочие примочки. На них он сосредоточил все свое внимание и вскоре с гордостью за самого себя сделал вывод, что схватывает все на лету, причем без особых усилий.

Физическая сторона его ежедневных трудов тоже была приятна. Карабкаться вверх и вниз по столбам, ползти по канавам и тоннелям, нырять в люки, тащить за собой катушки кабеля, вертеть баранку грузовика – все это было для него в новинку и доставляло немалое удовольствие.

Тони в отличие от него был в меньшем восторге. Сидя в грузовичке за очередной кружкой кофе, он то и дело говаривал:

– Господи, кажись, я слишком стар для такого напряга.

Уснуть не могу – все тело ломит, повернуться с боку на бок больно. Хорошо, что ты оказался парень смекалистый. Никогда не думал, что скажу такое, но не могу дождаться, когда снова усядусь за стол в конторе.

Что касается Суона, то тяжелый физический труд имел на него совершенно иной эффект. Каждый раз после ставшего уже привычным вечернего ритуала – безмолвный ужин, телевизор и краткий обмен ничего не значащими фразами с Эммой – он моментально вырубался, проваливаясь в сон – крепкий, без сновидений.

Часть его обязанностей заключалась в работе с клиентами. Входить в чужие офисы и дома, иметь дело с совершенно незнакомыми людьми – это было для него в новинку и потому давалось нелегко. Поначалу он заикался и переминался с ноги на ногу. Бланки, которые приходилось заполнять, сбивали с толку, и тогда ему на выручку приходил Тони.

Спустя какое-то время Глен освоился и с этой работой. А однажды удивился самому себе, обнаружив, что ему не терпится взяться за особо сложный заказ по установке оборудования, который, помимо всего прочего, требовал от него постоянного общения с хорошенькой женщиной, менеджером проекта.

Тони был доволен Суоном, в том числе и его умением работать с клиентами. Однажды, когда они вместе уходили с работы, он заметил:

– А ты гладко с ней говорил, парень. Не то эта бабенка прожужжала бы нам все уши про то, что мы якобы срываем график. Я бы однозначно так не сумел. Но ты смотри, не слишком высовывайся, не то начальство живо просечет твои таланты, и прежде, чем сам сумеешь сообразить что к чему, засадит тебя на весь день просиживать штаны за столом, как и меня.

Суон просиял. Он ощущал себя едва ли не закадычным другом Тони. По крайней мере он осмелел до такой степени, что на следующий день решился задать вопрос, который мучил его уже давно.

Тони как ни в чем не бывало приподнял свои холеные ручки.

– Эти грабли? Замена. Мои собственные ушли давно, во время несчастного случая, еще на старой работе. Я тогда малость зазевался и проворонил промышленного робота. Кстати, я один из первых, у кого все прижилось. В ту пору пересадку надо было успеть провести в первые же двадцать четыре часа и чтобы донор подходил по черт знает скольким показателям – теперь этим уже не забивают головы. В общем, обстоятельства сложились так, что я либо вынужден был согласиться на то, что мне предлагают, либо мне вообще ничего не светило. – Тони на мгновение

задумался. – Эта женщина погибла в автокатастрофе, как раз когда я лежал на больничной койке. Голова в лепешку, зато руки остались целы. Я до сих пор изредка навещаю ее родителей.

Суон не знал, что на это сказать, и потому промолчал.

– В принципе ничего особенного, – произнес наконец его собеседник. – Сейчас могут заменить все что угодно.

9
Почти свой

Это произошло в течение последующих восьми месяцев, причем как и когда, Суон не взялся бы определить.

Но постепенно – причем на довольно глубоком уровне сознания – он действительно стал тем, кем ему полагалось быть.

Как в собственных глазах, так и в глазах своей новой семьи.

Причиной же тому было не что иное, как ежедневная рутина, ежечасное воплощение в жизнь предписанной государством лжи во благо общества. И нескончаемое притворство постепенно приняло вид реальности. Под тяжкой ношей неизбежных ежедневных обязанностей, повторенных сотни раз ритуалов, принятия тысячи мелких домашних решений, реальность стала почти неотличима от вымысла.

Надо отдать Суону и Эмме должное – они сделали все для того, чтобы стать ближе, чтобы заполнить пустоту, что царила, пусть даже по разным причинам, в душе каждого из них, и потому были рады всему, что могло заполнить ее.

Путь к этому лежал через тысячу самых ничтожных мелочей.

У Суона почти не было собственной одежды, так что ему не оставалось ничего другого, как воспользоваться гардеробом своего предшественника. На его счастье, вещи пришлись ему впору – не иначе, как Комиссия по Ренормализации учла и такой факт.

Билли нравилось лепить всякую всячину из специальной мнемоглины. Суон вскоре обнаружил у себя способности к лепке, что подарило ему возможность проводить в обществе мальчика больше времени.

Его свояченица Салли, кажется, преодолела первоначальное сдержанное отношение к нему и теперь наведывалась в гости вместе с мужем по имени Эл и двумя дочерьми – Мелиндой и Мишель. Обе семьи часто проводили время месте – ходили в кино, ездили на пикники, на пляж, в парк, чтобы покататься на каруселях. Судя по всему, новости, которые новые близкие Суона сообщали в письмах своим родственникам, звучали вполне оптимистично. По крайней мере большое семейное сборище, какое каждый год устраивалось на День Труда, решили не отменять, несмотря на довольно странное стечение обстоятельств.

Голова Суона шла кругом от того, что ему то и дело приходилось здороваться с новыми для него людьми, которых он

знал только по фотографиям, от жары, от обильной пищи и выпитого пива. К концу дня он удостоился нескольких похвал от Эммы.

– Ты им понравился. Ты уже почти свой.

Эмма.

Она научила его водить машину. Они вместе ездили за покупками, на родительские собрания в детский сад к Билли, вместе проводили бесконечные часы перед экраном телевизора, сидя бок о бок на диване, затем держась за руки, а спустя какое-то время он уже обнимал ее за плечи.

Но каждую ночь, даже спустя год, Суон спал в своей постели, а она – в своей.

10
Пытка

Суон несколько месяцев проработал в паре с одним парнем по имени Чарли Спраул. Чарли был молчун и настроен не слишком дружелюбно, не то что Тони, но Суон как мог пытался поддерживать с ним нормальные отношения.

Однажды во второй половине дня, когда Суон переодевался после работы, Чарли и пара других коллег пригласили его выпить. Предложение это явилось для него полной неожиданностью, однако он его принял.

– Я только позвоню домой, – сказал он.

– Зачем тебе это, – возразил Чарли. – Мы ненадолго.

На своих машинах они поехали в незнакомую для него часть городка. Бар оказался довольно затрапезной забегаловкой под названием «Сад». Единственное, что бросилось Суону в глаза, – это нацарапанные люминесцентной краской граффити на глухих, без окон стенах.

Прежде чем переступить порог, Суон втянул носом воздух. Царивший внутри дух ему не понравился – пахло затхлостью, как в тоннеле или подземелье. Одновременно возникло ощущение, словно он когда-то уже здесь был, отчего ему стало еще больше не по себе.

Суон тотчас попытался убедить себя, что это глупость, и через силу переступил порог.

В помещении было душно и накурено, разговоры велись неинтересные и какие-то натужные. Где-то посередине второго стакана пива Суон начал мысленно прокручивать в голове отговорки, чтобы пораньше уйти домой. Однако коллеги сказали, что хотели бы сыграть в бильярд. Суон был не любитель гонять шары, но согласился остаться, чтобы посмотреть.

Как только его коллеги ушли в другой конец зала, оставив Суона сидеть одного, к нему тотчас приблизились несколько незнакомых типов и обступили со всех сторон.

– Эй, ты, яйцеголовый, – произнес один из них. – Да-да, ты, с яйцом в башке. Признавайся, как это – стибрить чужую жизнь?

Суону показалось, будто лоб ему сжали раскаленные клещи, или нет, это колючие шипы невидимого тернового венца впились ему в кожу. Он поднялся с места, но шагнуть было некуда – обидчики стояли почти вплотную. Сзади в спину упиралась высокая табуретка.

Во рту у него пересохло.

– Я не знаю, о чем вы...

– О том, что на тот свет упекли не того, кого нужно. По идее, на его месте должен был быть...

Мужчина произнес имя. Суону оно показалось смутно знакомым, но почему-то это еще больше сбило его с толку. Они говорили о ком-то, кого он успел позабыть, кого уже больше не было на этом свете.

– Я ничего не понимаю. Мое имя Глен Суон.

– Видали? Он и вправду в это верит! – недобро расхохотались его обидчики.

– Да, видать, с черепушкой у него и впрямь не все в порядке!

Суон попытался оттолкнуть одного из них.

– Дайте мне пройти! Я ничего не знаю!

– Сейчас узнаешь! – произнес один из них и с силой вогнал ему под дых кулак.

Суон согнулся пополам. Сверху на него обрушились пинки и удары.

Он позвал на помощь, но никто не откликнулся, даже его новые «друзья».

Суон почувствовал, что теряет сознание.

Почему-то одновременно он твердо знал, что это произошло само по себе и эта штука в его голове здесь ни при чем.

11
Сомнения

Выписавшись из больницы, Суон обнаружил, что его перевели на новую работу. Благодаря стараниям Тони он получил место в отделе по работе с клиентами – как и было обещано.

И все же все было не так, как раньше.

Так кто же он на самом деле?

Или он и впрямь вор, который украл и пытается присвоить себе чужую жизнь?

Или же он тот, кем согласился стать, сначала с неохотой, а потом с горячим желанием и благодаря помощи и поддержке других людей?

Эти вопросы донимали Суона с утра до ночи. Обычно голова его была занята размышлениями о самых малоприятных вещах.

Как вообще он мог надеяться, что можно с легкость вжиться в образ другого человека? Он не кто иной, как самозванец. А все вокруг него лишь разыгрывают комедию, притворяясь, будто любят его, будто он им небезразличен, будто они принимают его за того, кем он никогда не был и никогда не станет.

Даже Эмма?

Даже она.

Эмма в ее холодной постели.

Однажды, когда его сомнения стали совершенно невыносимы, он потихоньку начал зондировать почву.

Пока в один прекрасный день, потратив целую неделю на поиски и расспросы, не решился набрать телефонный номер, чтобы записаться на прием.

12
Решение

Он уже готов был отправиться на работу, когда Эмма неожиданно сказала:

– Глен, я понимаю, последнее время тебе приходилось несладко. Но хочу, чтобы ты знал: я в тебя верю. Ты ни в чем не виноват. Вот увидишь, тех, кто тебя избил, все же поймают. Но даже если не поймают, им все равно воздастся в конце концов. Я серьезно так считаю и хочу, чтобы и ты думал так же.

Вспомнив, как его били, Суон внутренне поморщился, однако не стал опровергать воззрения Эммы на справедливость. Справедливость или месть – вскоре он будет способен сам решать, нужна она ему или нет.

И если он решит отомстить, то сам выберет как.

Было видно, что Эмма пытается достучаться до него, словно почувствовав, что он задумал нечто для себя важное.

– Ты все это время хорошо относился ко мне и к Билли. И если я относилась к тебе не так, как тебе хотелось бы, то просто потому, что мне требовалось время. Вот увидишь, я все для этого сделаю. И у нас все получится.

Суон не ответил. Эмма перевела взгляд вниз, на сложенные на коленях руки. Когда же она подняла лицо, на щеках ее блестели слезы.

– Поверь, я не хочу терять тебя во второй раз.

Не говоря ни слова, Суон шагнул за порог.

По двери, перед которой он очутился в обеденный перерыв, трудно было заподозрить, что она ведет в кабинет врача. Это была бедная часть города. Внутри также не оказалось привычных для таких заведений примет – ни диплома в рамочке на стене, ни приветливой сестры в регистратуре, ни вороха старых журналов на столике, ни даже других пациентов.

Только хозяин кабинета. Он сидел за своим столом на стуле с высокой спинкой и, как только Суон вошел, моментально повернулся к нему спиной, чтобы гость не сумел рассмотреть его лица. Так что Суону остался только его голос, но даже голос этот скорее всего был изменен каким-нибудь электронным устройством.

– ...не несем ответственности за побочные эффекты, – говорил тем временем хозяин кабинета, – все это еще находится на стадии эксперимента. – Он усмехнулся. – Никаких печатей министерства здравоохранения. Но красота и простота заключается в том, что

это всего один укол в спинной мозг. Вжик! Препарат моментально поступает в головной мозг, и крошечный паразит, что засел в вашей голове, моментально растворяется и поглощается лейкоцитами. То есть если все пройдет гладко. После чего вы свободны.

Свободен? Но чего ради? Если бы ему захотелось убежать от всего на свете, он бы уже давно это сделал. Ведь чтобы убежать, нет нужды уничтожать то, что сидит у него в мозгу. В конце концов, штуковина эта не забор и не короткий поводок.

ЭГА не более чем символ. И тут до Суона дошла вся хитрость государства по его перевоспитанию. Ведь эта штуковина может и не действовать вовсе. Кто знает? Вдруг это безобидное плацебо, уловка, трюк? И все равно трюк оказался действенным – своего рода монумент, неизгладимая печать, знак сделки, которую он заключил с государством. Удостоверение узаконенного обмена (или обмана?), в результате которого угасла жизнь другого, но не его собственная. Знак новых обязательств, которые он возложил на себя. И убить то, что сейчас сидит у него в голове, – значит перечеркнуть все, что произошло за последний год, отречься от права на свою новую жизнь.

И вместо этого думать только о мести? О том, чтобы причинить кому-то страдания, боль?

От таких мыслей Суону стало муторно. Неужели она и впрямь действует, эта штуковина? Или же это естественная реакция того, кем он стал?

Врач тем временем продолжал говорить, и Суон попытался сосредоточиться на его словах.

– …и это не ваша вина, черт возьми…

Перед глазами Суона всплыло лицо Эммы.

– Ты ни в чем не виноват, Глен.

Суон встал.

– Я принял решение.

– Прекрасно. – В голосе эскулапа послышалось предвкушение солидного гонорара. – Значит, теперь можно обговорить самое главное.

– Верно, – согласился Суон и направился к двери.

– Эй, куда же вы? – окликнул его врач.

– Домой, к своей работе, к своей жене.

К своей старой новой жизни.

Создатели ангелов

© Перевод. Т. Бушуева, 2006.

Похожий на сахарную глазурь снег толстым слоем покрывал крутой склон спящего в объятиях зимы луга позади огромного, расползшегося во все стороны автономодома. На белом его покрывале отпечатались следы маленьких ног и параллельные полоски полозьев санок, а также неглубокие извилистые борозды от тарелок-лофтеров. Высаженные через равные интервалы деревья с идеальными кронами черной листвы жадно впитывали каждый фотон декабрьского солнца, бледного как проваренная в хлорке вата, подвешенная на гвоздь зенита.

Вокруг дома не наблюдалось практически никакой активности за исключением рутинных работ по техническому обслуживанию искусственной среды обитания. Взрослые обитатели дома находились внутри, занятые своими нелепыми, непонятными детям делами. Присутствие людей на лоне природы обозначилось лишь стайкой притихших детей у берега широкой замерзшей реки, что служила нижней границей просторного луга. Сгрудившись на берегу, дети замерли возле двойной борозды санного следа, протянувшегося по льду до полыньи с зазубренными краями, заполненной водой, серой и грубой, как металловата.

На детях, подчеркивая бесполые формы юных тел, были яркие эластичные комбинезоны, тонкие, как фруктовая кожура. Они оставляли голыми теплые розовые руки ребятишек, укутанные лишь в дымку дрожащего воздуха. Вязаные шапочки – надвинутые на голову у кого прямо, у кого набок – являли собой комичную геометрию симметричных миров. Держа в руках санки и лофтеры или поставив их рядом с собой, дети молча созерцали закованную в лед поверхность реки и зловещее отверстие в нем.

– Она находится под водой уже долго, – проговорил какой-то миловидный мальчик. – Почти минуту. А там, между прочим, могут быть огромные коряги.

Его замечание вызвало у собравшихся нервное переминание с ноги на ногу. На детских лицах появилось выражение искреннего сочувствия – на всех, кроме одного.

– Если не доверяешь ангелам, Рэнд, то давай ныряй сам! – язвительно усмехнулся другой мальчишка.

– Может, нам и вправду стоит нырнуть за Фабиолой, – мгновенно отозвалась на его слова худенькая, нервного вида девчушка. – Или позвать ее родителей. – С этими словами она прикоснулась к ободку керамического жетона у себя на запястье,

не трогая, однако, его чувствительной поверхности. – А что, если ангелы сейчас заняты где-нибудь в другом месте?

– Ты хотя бы раз слышала, Шелли, чтобы лейкотеане куда-нибудь опоздали? – возразил ей второй мальчик.

– Нет, но я чувствую себя такой беспомощной, когда стою здесь и ничего не делаю. Надо хоть что-то сделать.

– Фабиола вряд ли скажет тебе спасибо, если ты испортишь ей эту ее затею с купанием в проруби. Вечно ты суешь нос не в свои дела.

– Ты что же, Брюстер, хочешь сказать, что Фабиола сделала это нарочно? – растерянно спросил мальчик по имени Рэнд.

Брюстер сделал успокаивающий жест:

– Ну, ты скажешь еще! Она что, по-твоему, дурочка, что ли? Но раз уж она свалилась под лед...

– Смотрите! – крикнул в следующее мгновение кто-то из детей.

Все тотчас устремили взгляды в указанном направлении.

В воздухе, как будто отделившись от истощенного зимней анемией солнца, неожиданно возник силуэт. Стремительно приближаясь к земле, он быстро увеличивался в размерах, на глазах вырастая от точки размером с муравья до куклы из разрезной книжки, и наконец принял очертания обычного человека. Не колеблясь ни секунды, ангел устремился вниз и нырнул в прорубь, подняв целый гейзер холодной воды и обдав брызгами детей. Взволнованные происходящим, они лишь дружно взвизгнули от радости и облегчения.

В считанные секунды ангел вынырнул из зазубренного отверстия проруби, держа в руках обмякшее тело девочки. Едва касаясь поверхности льда, он приземлился в гуще детей, положил Фабиолу на снег и опустился на колени рядом с непокрытой белокурой головкой. Лицо Фабиолы было посиневшее, безжизненное.

Дети решительно сомкнулись вокруг коленопреклоненного ангела и спасенной из-подо льда Фабиолой. Ближе всех к ним, буквально в паре дюймов, словно зачарованная стояла девочка по имени Шелли, не сводя взгляда скорее с ангела, чем с бездыханной подружки.

Бескрылый ангел был белее снега – платиновые волосы, светлая, словно алебастр, кожа. А еще он был лишен каких-либо признаков пола, хотя и был полностью обнажен. Черты лица его оставались абсолютно нейтральными, если не считать застывшего на нем выражения скорби. Глаза ангела, без радужной оболочки и зрачков, напоминали скорее полированные костяные шарики, вставленные в орбиты.

Опустившись на колени возле Фабиолы, ангел не стал применять привычных приемов первой помощи. Зато рука его буквально на глазах истончилась и, вытянувшись змеей, скользнула Фабиоле прямо в рот, а может, даже еще глубже, в дыхательное горло. Вторая рука, с которой произошла сходная метаморфоза, проникла в грудь девочки там, где расположено сердце, причем проникла легко и беспрепятственно, подобно туману, просачивающемуся через марлю.

Тело Фабиолы мгновенно выгнулось дугой, ноги и голова с силой уперлись в снег. Невозмутимый ангел оставался неподвижен, лишь только руки его вновь выскользнули на свет божий и обрели прежнюю форму. Изо рта Фабиолы хлынула речная вода. Девочка закашлялась, затем сделала, вся содрогнувшись, глубокий вдох. Ангел ласково погладил тело девочки, после чего прижал ладони к ее вискам.

Глаза Фабиолы открылись, взгляд остановился на бесстрастном лице ангела. В этот миг Шелли резко подалась вперед, как будто была поплавком на незримой леске, протянутой между жертвой и ее спасителем. Сцена эта продолжалась считанные мгновения, потому что ангел тотчас опустил голову девочки в снег, а сам каким-то непостижимым образом из коленопреклоненной позы взмыл в небеса. Фабиола неуверенно приподнялась и села. Рэнд и Брюстер одновременно бросились поддержать ее. Остальные дети сомкнулись вокруг них еще теснее, чтобы услышать первые слова той, которая еще минуту назад была мертва.

– Я вернулась.

Их услышали все, кроме Шелли. Прищурив глаза, девочка наблюдала за ангелом до тех пор, пока безмолвное эфирное создание окончательно не скрылось в небе.

* * *

На занятии по совокуплению Рэнд и Фабиола расслабленно лежали на смятой простыне, которой был накрыт низкий лежак для соитий. Совсем недавно тело Фабиолы приняло зрелые формы – в точном соответствии с выбранными ею самой женственными очертаниями. Тело Рэнда также изменилось за эти годы – теперь это было сильное тело привлекательного молодого мужчины с узкими бедрами. Сейчас, когда Рэнд и Фабиола лежали обнявшись, они напоминали героев картин Бугеро* – его работы трехсотлетней давности они изучали в последнем квинтместре на занятиях по истории искусства. Другие пары,

занимавшие такие же лежаки, рядами расставленные по всему помещению копулятория, пребывали в таком же томном, расслабленном состоянии.

Лишь Шелли и Брюстер на соседней кушетке составляли единственное исключение из разморенного сладкой негой класса. Брюстер, чью врожденную брутальность теперь дополняла мощная мускулатура, лежал на спине. На его лице было написано хмурое выражение, руки сложены на волосатой груди. Шелли, чье белое лилейное тело считалось среди одноклассниц самым неоформившимся, лежала на боку, повернувшись к Брюстеру спиной и подложив руку под голову.

– Черт побери, подружка! Я бы советовал тебе проявить побольше страсти, а то лежишь как бревно! – Брюстер заговорил намного громче, чем это считалось этичным под сводами копулятория. Рэнд и Фабиола не могли не услышать его голоса.

Еле слышное «извини», произнесенное Шелли, было похоже на шепот бесплотного призрака.

– Одним «извини» делу не поможешь. Будь ты у меня единственной партнершей, в моем либидо уже давно образовался бы узел размером с арбуз.

С этими словами кряжистый юноша встал и подошел к соседнему лежаку.

– Твоя очередь, Рэнд. А я займу твое место.

Ни Фабиола, ни Рэнд не выразили особого неудовольствия по этому поводу. Пышнотелая Фабиола, чьи золотистые волосы разметались по простыням, заключила пылкого Брюстера в объятия, в то время как Рэнд лег на кушетку рядом с Шелли.

Когда Фабиола и Брюстер энергично задвигались в ритме вечной как мир любви, Рэнд осторожно обнял Шелли за плечо. Та повернулась к нему и доверчиво легла в его объятия, прижимаясь лицом к его груди.

– Хочешь, поговорим о чем-нибудь? – предложил Рэнд. – О том, что тебя особенно беспокоит?

– Мне все время тревожно на душе, Рэнд. Не знаю почему, но это не дает мне покоя, мешает всему, а не только урокам секса.

– Что же тебя тревожит? Будущее? Вполне естественно. В этом возрасте мы все такие, нам всем не дает покоя вопрос о том, какое поприще избрать для себя в жизни.

– Нет, будущее меня не беспокоит. Мое будущее мне прекрасно известно. Я хочу стать терезанкой.

Рэнд воздержался от комментариев относительно такого довольно необычного выбора.

– Тогда что же?

Шелли крепко сжала талию Рэнда.

– Мне тревожно за людей, которые мне небезразличны. За их здоровье, их безопасность, их жизнь. Я только об этом и думаю, особенно после того случая, когда Фабиола чуть не утонула.

Рэнд на несколько секунд замолчал.

– Но ведь, Шелли, это было целых пять лет назад!

– Лучше не будем об этом! Я до сих пор помню каждый миг того жуткого происшествия!

– Послушай, может, тебе стоит обратиться к психоаналитику?

– Если я и далее не смогу избавиться от моего состояния, то, пожалуй, обращусь. Но пока мне самой хочется разобраться в собственных ощущениях.

– И все-таки это так странно. – В голосе Рэнда прозвучало неподдельное недоумение. – В век ангелов мучиться архаичными страхами.

При упоминании об ангелах Шелли напряглась.

– В них-то и вся проблема. Их присутствие делает нашу смертность еще более ощутимой, и это при том, что они оберегают нас от несчастных случаев. Мы настолько привыкли полагаться на них, что частично утратили древний инстинкт самосохранения. А что, если их совершенство все-таки имеет какой-то изъян? Если вспомнить о том, откуда они происходят – «гибриды греха и глины».

Рэнд не рискнул вступать на запретную территорию – происхождение ангелов – и вместо этого отклонился на стезю литературной критики.

– Ты цитируешь Атенора. Его труды не в моем вкусе.

В это время лежавшие неподалеку Брюстер и Фабиола шумно достигли пика. Керамический диск на запястье свисавшей с лежака руки Фабиолы позвякивал, ритмично ударяясь о кафельный пол. Рэнд неожиданно испытал возбуждение. С молчаливого согласия смущенной Шелли, от которой не скрылся сей бросающийся в глаза факт, он принялся ласкать ее тело. Вскоре и они соединились и ритмично задвигались.

Официальный балл, выставленный им в конце занятия, оказался очень даже высок. Он был снижен всего чуть-чуть, за посткоистальные слезы Шелли.

* * *

Контрастный пар, то сухой, то влажный, просачивался сквозь пористую поверхность стен слабо освещенной сауны. Его капли несли с собой пьянящие природные ароматы и амигдалоиды: бальзам, ваниль, альт-пикант. Инстинктивно разбившись на

группы по половому признаку, юноши и девушки собрались в кучки в отдельных гротах, как будто после занятий по искусству совокупления мужская и женская дружба требовала восстановления в правах. Робкие смешки и звонкий хохот сменялись шумной болтовней.

Сев на абсорбирующий пол, Шелли прижалась спиной к мягкой эластичной стене, подтянув коленки к подбородку. Она даже не пыталась вступить в разговор. Почти весь сеанс пребывания в сауне она провела в задумчивом молчании. Она бы молчала и дальше, но тут подошла Фабиола и с улыбкой опустилась на пол рядом со своей задумчивой темноволосой подругой. Шелли посмотрела в ее сторону – не то чтобы недружелюбно, но без особого энтузиазма. В свою очередь Фабиола сделала вид, что ничего не заметила.

– Я слышала, ты уже решила, чем будешь заниматься в жизни, – начала Фабиола.

– Откуда тебе... ну... вообще-то... да, – смутилась Шелли.

– По-моему, это так трудно – быть терезанкой... отказывать себе во всем, жить для других, – продолжила Фабиола, немного помолчав.

– Да как ты смеешь так утверждать? – возмутилась Шелли. Было видно, что слова подруги задели ее за живое. – Я хочу всецело посвятить себя духовному благосостоянию людей. Скажи, что может быть благороднее этой стези?

– Но блокаторы либидо, обет самоограничения буквально во всем! Не кажется ли тебе это добровольное самоотречение несколько странным, особенно если вспомнить то безграничное изобилие, которое мы имеем.

– Наверное, в чем-то ты права. В наше время у людей в изобилии есть все: секс, еда, развлечения. Но от страданий это не избавляет. Смерть и неудовлетворенность жизнью как были, так и остаются, от них никуда не деться. Когда даешь обет, этот шаг одновременно и реален, и символичен. Он помогает обрести внутреннюю сосредоточенность, проникнуться важностью нашей миссии по избавлению от боли других. Терезанки стоят всего на одну ступеньку ниже самих ангелов.

Фабиола поморщилась от такого сравнения.

– Ну, Шелли, не стану кривить душой, утверждая, будто это не для тебя. Ты с самого раннего детства проявляла сострадание к людям.

Шелли ничего не сказала в ответ, ни за, ни против. Исходя обильным потом, подруги еще примерно минуту сидели молча. Первой молчание нарушила Фабиола.

– Хочешь узнать, какой выбор сделала я?

Лицо Шелли просветлело.

– Конечно, хочу. Я и не знала, что ты уже выбрала, чем заниматься в жизни.

– Я решила посвятить себя исследованиям в области экзобиологии. Более узкая специализация – лейкотеанские формы жизни с упором на гибридологию.

– Тебе придется телепортироваться для посещений Лейкотеи?

– Конечно, если я приму решение попутешествовать, а я, наверное, его приму. Ведь как иначе преодолеть световые годы огромных расстояний?

– Я бы ни за что не согласилась на такое, пусть даже временно, – отозвалась Шелли. – Лишиться собственной телесной оболочки...

Ее слова заставили Фабиолу рассмеяться.

– И что в том страшного? Просто перестаешь существовать там, где ты есть, зато выныриваешь на другом конце вселенной. Кстати, кто тебе больше нравится – Рэнд или Брюстер? – поинтересовалась Фабиола, переводя разговор в другое русло.

На лице Шелли появилось смущенное выражение.

– Рэнд очень добрый. Он ласков со мной. Этого нельзя отрицать. А еще он такой обаятельный. Но в Брюстере есть нечто такое, что притягивает меня к нему как магнитом. В нем есть сила, властность, и это меня почти пугает.

– Я бы советовала тебе быть с ним поласковее. Говори, что уважаешь его, восхищаешься его силой.

– Я стараюсь, но мои мысли вечно уносятся куда-то еще. – Шелли прикусила нижнюю губу и неожиданно спросила: – Фабиола, а ты часто вспоминаешь свою смерть?

Ее собеседница беззаботно рассмеялась.

– Мою смерть? Да я же жива, вот она я, сижу рядом с тобой. Разве я мертва?

– Но ведь ты умирала! Ты тонула. У тебя останавливалось сердце. Оно перестало биться и заработало снова лишь после того, как ангел его оживил.

Не обращая внимания на слова подруги, Фабиола тряхнула гривой мокрых волос.

– Сауна всегда портит мои волосы! Надо обязательно поговорить с контролерами химического состава, пусть изменят протеиновую смесь в ополаскивателе.

* * *

На другом конце сауны Рэнд и Брюстер разглядывали обеих

девушек сквозь молочную завесу густого пара, из-за которого все, кто находился здесь, скорее напоминали бесплотные тени Елисейских полей. Рэнд стоял, прислонившись к стене в расслабленно-небрежной позе, скрестив руки на безволосой груди. Брюстер, напротив, энергично разминал верхнюю часть туловища – поигрывая внушительной мускулатурой, выполнял замысловатые гимнастические упражнения.

– О, праматерь Гея! – воскликнул он. – У меня тотчас встает, стоит мне взглянуть на Фабиолу! Ты только посмотри на ее грудь, когда она выгибает спину, поправляя волосы. Вот это кайф!

– В нашем классе вы с ней, пожалуй, лучше всех подходите друг другу. Ты собираешься встречаться с ней после окончания школы?

Брюстер перестал размахивать руками и приступил к бегу на месте.

– Вряд ли. У Фабиолы есть один существенный, на мой взгляд, недостаток – слишком она умная. Собирается и дальше получать образование. В мои планы такое не входит.

Рэнд отделился от стены и с любопытством посмотрел на товарища.

– В самом деле? Это для меня новость. Я не знал, что у тебя уже есть четкие планы на будущее. Поделись, если не против.

– Я уже подписал контракт с Институтом восстановления дикой природы. Меня пообещали взять, но только после краткосрочных подготовительных курсов. Наверное, махну в тропический лес Сакраменто.

– Благородная миссия.

– Благородная, как моя задница! Просто я уже по горло сыт этими нашими зонами безопасности! Осточертело. Хочу жить на лоне природы, чтобы почаще работать мускулатурой, а не мозгами.

– Но ведь дикая природа там тоже искусственно создана. К тому же там за тобой и твоими коллегами будут постоянно присматривать ангелы.

– Не напоминай мне о них! – взревел Брюстер, словно разъяренный минотавр. – От их навязчивой опеки деться некуда. Для меня эти чертовы серафимы что смирительная рубашка для душевнобольного. Причем заметь, мнение нашего с тобой поколения никто даже не спросил – нужны нам они или нет.

– Интересное сравнение, – улыбнулся Рэнд. – Большинство людей сравнивают их с сеткой безопасности, которую натягивают под куполом цирка.

– Большинство людей – ленивые самодовольные придурки. Теплый автономодом, беспрерывные развлечения, сытый гогот

стаи отпрысков. Им для счастья этого вполне достаточно.

– Ну спасибо.

Брюстер прекратил бег на месте.

– Можно подумать, тебе неизвестно: тебя я к этой массе не причисляю. Ты хороший друг, Рэнд. Мы с тобой, Шелли и Фабиола – между нами существует особая связь, мы что-то вроде единого целого. И мне почему-то кажется, что мы всегда будем крепко держаться друг за друга.

– Сентиментальность и реверанс в сторону будущего. Видимо, это и есть та самая «зрелость», о которой я так часто слышал.

– Ладно, хватит прикалываться. Кстати, о твоих планах на будущее мне пока еще ничего не известно. Может, вы с Фабиолой втихаря заключили соглашение о совместной жизни?

– Ничего подобного. Но в следующем году мы будем учиться в одном университете.

– Ага! Только не говори мне, что и ты тоже собираешься изучать этих склизких инопланетян.

– Нет, если ты, конечно, не относишь к ним юпитерианские испарения.

Брюстер одобрительно крякнул и шлепнул Рэнда по спине, причем весьма чувствительно, потому что Рэнд покачнулся.

– Значит, это все-таки будет горное дело! Поздравляю! А я уж буду и дальше восторгаться моей тепличной дикой природой! Работа в космосе – да, это классная вещь.

Рэнд не стал кривить душой.

– Вообще-то большая часть работы производится на Земле, через спутники связи, – пояснил он. – Все остальное на месте делают машины. Сомневаюсь, что стану летать в космосе чаще, чем пару раз в год.

– И все равно чаще, чем кто-то из нас. Эх, если бы не мое желание ощущать на лице ветер земных странствий, я бы не раздумывая махнул в космос вместе с тобой.

– Каждый ищущий да найдет себе проводника, – процитировал Рэнд с некоторой долей лукавства высказывание из мирской библии.

Как он и ожидал, Брюстер откликнулся широко распространенной пародией на него:

– Каждый охотник за сокровищами да найдет себе андрогина.

* * *

Доступ на крышу школы в общем-то был запрещен. Впрочем,

и сама притягательность этого места представлялась весьма сомнительной: отсюда можно было разве что кидать на голову ничего не подозревающих прохожих стручки перечных деревьев, любоваться роскошной панорамой окультуренного городского ландшафта и рекой, в которой Фабиола когда-то чуть не рассталась с жизнью. Соответственно, столь же слаб и сомнителен был и соблазн нарушить запрет. Однако нынешним вечером, когда выпускной бал завершился, прелесть запретного плода заставила десяток выпускников, не желавших признать тот факт, что праздник уже закончился, нарушить школьное предписание.

Рэнд был занят тем, что пытался «расколоть» интеллект школьного здания – с тем, чтобы школа пустила их на заповедную крышу. За его спиной негромко перешептывались празднично наряженные выпускники. Парочка влюбленных, Тристан и Алана, целовались с профессиональной страстностью. Парень по имени Юэн шумно выпустил кишечные газы, сопроводив это действие комментарием:

– Любимой школе для лабораторного анализа!

Рэнд не оставлял своих попыток, несмотря ни на какие помехи.

– Черт побери этих упрямых искусственных уродов!.. Кажется, удалось! Путь свободен!

После этого все присутствующие разразились радостными криками, не заботясь о том, что их проделка может быть обнаружена. Все эти юные мужчины и женщины находились на самых разных стадиях амигдалоидного опьянения – ничего противозаконного, ну, чуть больше, пожалуй, чем разумная доза дозволенных веществ. Примерно половина будущих нарушителей школьного закона бросилась вверх по лестнице, ведущей на крышу, пытаясь опередить тех, кто собрался подняться туда на лофтере. В конечном итоге обе компании оказались на ней почти одновременно. В ночном небе сияла роскошная россыпь звезд. Июньский ветерок доносил запахи воды и травы. Счастливые злоумышленники бросились к низкому парапету, окружавшему крышу по периметру. От земли их отделяла десятиметровая высота. Внизу мирно спал ярко освещенный городок.

Рэнд левой рукой обнял Фабиолу за обнаженную талию. Та в ответ прижалась к нему бедром. Брюстер и Шелли, заметно напрягшись, стояли рядом, держась за руки. По кругу были пущены органические спринцовки с вином. К тому времени, когда один такой живой «мех с вином» попал Брюстеру, мышцы моллюска-оболочника от частых нажатий не сработали, и из клапана выдавилась лишь пара капель хмельной влаги. Брюстер с наигранным отвращением отбросил пустой контейнер в сторону.

– Кому нужен алкоголь в такую чудную ночь?! Да от одной только мысли о том, что мы навсегда оставили это болото, можно охмелеть!

Выпустив руку Шелли, Брюстер вскочил на парапет и принялся залихватски пританцовывать, напоминая марионетку, приводимую в движение незримым кукловодом, которого кто-то защекотал едва ли не до смерти. Все, кроме Шелли, радостно завопили и захлопали в ладоши. Даже в тусклом свете ночных звезд и уличных фонарей выражение тревоги на ее лице сияло ярко, как молодой месяц.

– Не надо, Брюстер! Это опасно! Слезай!

Брюстер мгновенно замер, как будто воображаемые нити незримого кукловода неожиданно окунулись в жидкий азот. Несколько секунд, показавшихся всем бесконечностью, он недобро смотрел на Шелли, затем произнес:

– Я не твоя вещь, Шелли. Кроме того, тут бояться совершенно нечего!

С этими словами он навзничь бросился вниз с крыши.

Шелли пронзительно вскрикнула, как, впрочем, и еще несколько человек. Рэнд и Фабиола хранили молчание. Бросившись к парапету, юноши и девушки наблюдали за падением Брюстера. Он пролетел до земли лишь половину расстояния, когда прямо под ним неожиданно возник ангел. Белое как алебастр создание легко подхватило Брюстера и осторожно опустило на землю.

В это мгновение Рэнд заговорил, убедительно пародируя интонацию лектора, что, однако, не помогло ему полностью скрыть своих истинных чувств.

– В отличие от наших машинных каналов связи дальнего действия ангелы, конечно, способны к органической телепортации, в том числе и по собственному усмотрению. К сожалению, энергозатраты таких превращений ограничивают эту их способность до одного или в крайнем случае двух прыжков из ионосферы в тропосферу между периодами вынужденного бездействия в серафимовом слое…

Увы, его пародийный номер остался без внимания, потому что вся публика, следуя примеру Брюстера, принялась прыгать с парапета вниз. Каждый из прыгунов, разумеется, был спасен на полпути к земле. Когда все до единого выпускники благополучно оказались на земле, стая мраморно-белых ангелов с загадочными лицами улетела прочь. На крыше остались лишь Шелли, Рэнд и Фабиола. Рэнд демонстрировал сдержанное презрение, тогда как глаза Фабиолы сияли неземным восторгом. Шелли вся дрожала от возмущения и пережитого страха.

Рэнд шагнул к ней, чтобы обнять.

– Инфантильность все это, бессмысленная трата серафимовых ресурсов – но тебе следует сделать поправку на то, что...

Шелли увернулась из его рук.

– Ненавижу его! Я вас всех ненавижу! – С этим словами она бросилась вниз по лестнице, прочь со школьного двора в направлении городских улиц.

– Да, вряд ли подходящее начало для карьеры мученицы, – подумала Фабиола, посмотрев ей вслед.

* * *

Офис и лаборатория Фабиолы занимали часть сферического здания-трансформера в центре Лос-Анджелеса неподалеку от главного калифорнийского центра межпланетной связи. В настоящее время и без того огромный комплекс в два раза увеличился в размерах, почти сравнявшись по величине со своим соседом. А все потому, что Лейкотеанский институт недавно отправил экспедицию в неисследованные районы далекой планеты, откуда и поступали живые образцы, изучением которых занималась Фабиола.

Когда этим утром здание объявило о приходе посетителя, Фабиола моментально прервала работу, как будто некое важное, но в то же время неожиданное имя повергло ее в ужас.

– Проводите ее ко мне.

Ожидая появления гостьи, Фабиола приостановила проведение эксперимента, которым занималась все это утро. Отстучав острым ноготком резкое стаккато серии команд по поверхности наручного устройства связи, она привела обитателей лейкотеррариума в состояние неподвижности. За стеклянными стенами герметичного купола, в котором поддерживались привычные для инопланетной фауны условия жизни, аморфные тела лейкотеан, увлажненные продуктами метаболизма, тесно сгрудились в общую массу на поросшем мхом полу клетки, напоминая кучки ошпаренного кипятком яичного белка.

Фабиола вышла из лаборатории в рабочий кабинет. Она появилась там вовремя, потому что уже в следующую секунду туда вошла ее гостья.

Шелли показалась ей еще более худой, чем в детстве. Под действием блокаторов либидо тело ее вновь обрело некую невесомую детскую хрупкость, словно стрела времени для нее одной обратилась вспять. Черты лица Шелли были затуманены облаком печали.

– Какой приятный сюрприз, Шелли! – Фабиола порывисто обняла подругу. – Сколько лет-то прошло, неужели целых три года? Присаживайся, прошу тебя.

Не отвечая на слова Фабиолы, Шелли покорно опустилась в кресло.

– Меня исключили из терезанок, Фабиола. Меня и еще сотню других.

– Какой ужас! Но почему?

– Потребность в наших услугах существенно сократилась. Счастливой планете нужно все меньше компаньонок-эмпатов. Во всяком случае, людям в это хочется верить. В свете подобного сокращения орден строго придерживается политики «последним пришел – первым уволен». Честно говоря, меня удивляет, почему я раньше не попала под сокращение.

Фабиола села рядом с подругой и взяла ее за руку.

– Мне очень жаль, Шелли. Что же ты теперь намерена делать?

Шелли в упор посмотрела на подругу.

– Я не могу просто так отказаться от своего призвания лишь по той простой причине, что стала не нужна ордену. Но и жить, как раньше, я тоже не в силах. Вот я и обратилась к создателям ангелов. Потребность в их услугах, как мне кажется, по-прежнему огромная.

– Ничего не понимаю. – На лице Фабиолы отразилось искреннее изумление.

– Да куда уж точнее? Как еще тебе объяснять? Я занесла свое имя в списки желающих стать ангелами.

Фабиола вскочила с кресла как ужаленная.

– Вместе с преступниками и неисправимыми, безнадежными самоубийцами? Но ты же не относишься ни к тем, ни к другим! Верно ведь, Шелли? Да как тебе только такое могло прийти в голову?

– Каждый год несколько человек, пребывающих в здравом уме и отдающих себе отчет в своих действиях, делают точно такой же выбор, – возразила Шелли. – Так что я отнюдь не первая.

Фабиола принялась нервно расхаживать по кабинету.

– Твое признание меня жутко расстроило. Ты ведь отказываешься от своей индивидуальности. Ради чего?

– Если у меня нет возможности спасать людские души, я смогу хотя бы спасать их тела. Ведь людей, судя по всему, заботит только это.

– Зачем ты мне все это говоришь? – спросила Фабиола, еще больше упав духом. – Это же невероятно тяжкое бремя! Боже, зачем ты пришла ко мне сюда?

На лице Шелли впервые появилась улыбка.

– Ты считаешь, что одно лишь знание о моем выборе – это бремя? Что ж, тогда у меня к тебе есть еще одна просьба. Я хочу, чтобы ты, а также Рэнд и Брюстер присутствовали на моей трансформации. Это мое право – пригласить троих свидетелей.

От лица Фабиолы разом отхлынула кровь.

– Свидетелем? Я... я не могу!..

– Почему же нет? Ты ведь каждый день имеешь дело с самыми разными формами лейкотеанской жизни.

– Но не с гибридами же!

Шелли неловко поднялась с кресла.

– Жаль, что ты стала такой чувствительной, моя дорогая. Я приглашаю тебя присутствовать и знаю, что ты не откажешь мне. Полагаю, что ты все еще контактируешь с нашими мужчинами.

– Разумеется, контактирую. В прошлом месяце я виделась с ними обоими.

– Тогда надеюсь, что вы придете. Я сообщу подробности, как только сама их узнаю.

Шелли направилась к выходу. Фабиола машинально последовала за ней, чтобы проводить до двери.

У порога Шелли обернулась, сжала Фабиолу за плечи и на пару дюймов приблизила свое лицо к лицу подруги.

– Ты часто заявляла, что любишь меня, Фабиола. Докажи сейчас свои слова.

Затем порывисто поцеловала ее и, отпустив, вышла из кабинета.

Фабиола вытерла рукой губы, чувствуя, как они горят.

* * *

Загерметизированный во избежание внешнего загрязнения – или, наоборот, чтобы не выпустить инопланетную заразу наружу – анатомический театр был заставлен хитроумными механизмами, отчасти автономными, отчасти дистанционно управляемыми скрытой от посторонних глаз когортой создателей ангелов. В данный момент находящаяся в состоянии готовности мобильная хирургическая аппаратура ожидала команды в любую секунду приступить к работе. Единственный живой обитатель анатомического театра, полностью лишенный одежд, лежал на удобной операционной платформе. Пока что не тронутое никаким инструментом бледное, исхудалое тело Шелли – обтянутые кожей ребра, голый безволосый лобок, отрешенное выражение лица – смотрелось так, будто уже находится на пути в сонм ангелов. Она лежала, безвольно расслабив вытянутые вдоль тела руки и

устремив взгляд вверх, словно сосредоточив его на какой-то незримой точке.

Возле пациентки, отдельно от остального оборудования, возвышалась непрозрачная канистра, к которой, как к чаше Грааля, были прикованы взгляды всех присутствующих.

Потолок ярко освещенного анатомического театра был прозрачен. За ним в расставленных по периметру темного помещения креслах расположились студенты-медики, ученые и трое приглашенных Шелли свидетелей. Фабиола сидела между Рэндом и Брюстером: Рэнд, справа от нее, держал ее за руку, сидевший по другую сторону Брюстер скрестил на груди мощные руки. На лице Рэнда читалось внутреннее беспокойство, смешанное с волнением, испугом и скорбной ностальгией. На лице Фабиолы застыло выражения нескрываемого отчаяния. Брюстер насупился, будто его кто-то только что обидел. В ожидании операции присутствующие негромко перешептывались.

– Черт побери! Она решила сбежать от нас! Вот уж не думал, что она окажется так слаба! – не выдержал Брюстер, забыв о приличиях.

– Слаба? – передразнил его Рэнд. – Ты, наверное, хотел сказать «сильна»? Ты бы лично осмелился на такое?

– Ты еще спроси, разрешил бы я отпилить себе ноги без всякой вразумительной причины? Если хочешь знать мое мнение, никакая это не храбрость, а типичная мазохистская глупость.

– Может, вы оба наконец заткнетесь? – Голос Фабиолы на этот раз прозвучал выше и пронзительнее обычного. – Проявите хотя бы самое малое уважение к решению Шелли! Прошу вас.

Брюстер открыл рот, собираясь возразить, однако, видимо, счел за лучшее промолчать и сильнее сцепил сложенные на груди руки. Рэнд еще крепче сжал руку Фабиолы и отрывисто поцеловал ее в лоб, однако она, судя по всему, обратила на это не больше вынимания, чем на грубость Брюстера.

Механизмы анатомического театра пришли в движение. Не обращая внимания на экраны, передающие телеметрию, Фабиола подалась вперед, словно для того, чтобы поверить в реальность происходящего, ей требовалось увидеть все своими глазами. Рэнд и Брюстер неохотно последовали ее примеру.

Лежавшей внизу под прозрачным куполом анатомического театра Шелли сделали местную анестезию грудины, поэтому пациентка оставалась в полном сознании. Она, конечно же, никак не могла разглядеть сидящих вверху зрителей, но у трех ее друзей все равно возникло чувство, будто ее испытующий взгляд прикован именно к ним.

После того как в боку пациентки лазером был сделан

небольшой аккуратный разрез и в работу вступили зажимы и ингибиторы кровотока, взгляду открылась влажная краснота обычной человеческой плоти.

– Буддисты уверяют, будто Шакьямуни появился из раны в боку своей матери. Христиане же гордятся тем, что, когда Христа распинали на кресте, в бок ему вонзили копье, – прошептал Рэнд, размышляя вслух.

Матовый контейнер переместился, оказавшись в крепком захвате механического манипулятора. Повинуясь поступившему сигналу, он медленно начал распаковываться, словно его живое содержимое пыталось самостоятельно выбраться наружу. Над контейнером нависла механическая конечность, чтобы переместить его ближе к телу пациентки. Вскоре крышка полностью отделилась, а ее место заняло блокирующее устройство. Контейнер почти вплотную приблизился к разрезу в боку Шелли, и тогда похожий на щиток манипулятор отъехал в сторону.

Наблюдатели увидели, как в крошечном пространстве между контейнером и телом пациентки скользнуло нечто, по всей видимости, наделенное разумом, похожее на пульсирующую желеобразную массу.

Контейнер был быстро отодвинут в сторону, и одновременно с этим откуда-то из глубины платформы, выполняющей роль операционного стола, выросла прозрачная оболочка, плотно накрыв тело Шелли. Оказавшись под этим плексигласовым колпаком, Шелли прямо на глазах начала меняться.

Края разреза соединились сами собой. Живот Шелли заметно раздулся, однако вскоре, после того как лейкотеанская особь ввела ей в брюшную полость быстро прижившиеся органы, снова опал, словно из него выкачали воздух. На лице Шелли ни разу не появилась гримаса боли. Скорее это было потрясение, которое вскоре сменилось, как это ни удивительно, чем-то вроде небесного блаженства. Глаза ее закатились, а через минуту вернулись в прежнее положение бесстрастными оптическими сферами, какие имеются у всех ангелов. Тоненькие конечности прошли несколько пробных стадий эктоплазмической конфигурации, прежде чем принять ангельский аналог рук и ног обычного человеческого тела.

Однако самый удивительный результат операции состоял в том, что тело Шелли воспарило, повиснув в воздухе над операционным столом, правда, пока высота парения ограничивалась лишь прозрачным колпаком.

Наверху Фабиола почувствовала, как к горлу ей подступает рвота. Брюстер с силой ударил кулаком по куполу

анатомического театра. Рэнд попытался найти успокоение в монотонном перечислении фактов.

– Имаго автоматически устремляется в направлении серафимова слоя в общество себе подобных. Капсула препятствует этому, пока его не вынесут наружу. Новоиспеченный ангел становится частью лейкотеанского коллективного разума, который отличается способностью улавливать человеческое несчастье и отвечать на него посредством контакта с нашими коммуникационными дисками во всех нелокальных измерениях...

Фабиола повернулась к Рэнду и отвесила ему звонкую пощечину. Брюстер остановил ее, не дав нанести товарищу еще одну оплеуху, однако особой необходимости в этом не было, потому что их подруга снова опустилась в кресло и разразилась слезами.

Рэнд принялся массировать ставшую пунцовой щеку.

– Теоретически это такая примитивная операция, однако она удручает меня больше, чем вызываемые ею эмоциональные осложнения.

* * *

Рэнд был внизу, Брюстер сверху. Фабиола совершала медленные круговые движения, чувствуя, как в ней постепенно все сильнее и сильнее отвердевают мощные копья пенисов обоих партнеров. Брюстер замком сжимал руки у нее на затылке, Рэнд гладил покачивающиеся груди. Их трио, наученное этому, давно уже ставшему привычным плавному синхронному ритуалу, напоминало в своем текучем единении некий тройственный гибрид, не слишком отличавшийся от того дуалистического создания, что появилось на свет всего несколько часов назад прямо у них на глазах под куполом анатомического театра.

Всем троим хотелось поскорее достичь пика, и тела их задвигались все быстрее. При этом трио исполняло каждый свою, но понятную другим партию: Фабиола прерывисто стонала, Брюстер рычал от удовольствия, Рэнд что-то бессвязно, но ласково приговаривал. В считанные минуты, под стоны, рев и гортанные выкрики, оргазм каждого из участников любовной игры перехлестнул через барьер, отделявший возможное от реального. Брюстер выскользнул из Фабиолы и скатился на матрац, увлекая ее за собой и опрокинув Рэнда на бок. Со стороны шесть переплетенных ног напоминали перепутавшиеся водоросли. Какое-то мгновение, пытаясь восстановить дыхание, все трое молчали. Первым заговорил Брюстер:

– Я только теперь понял, что мне следовало быть добрее к ней. Я же вел себя по отношению к Шелли как бесчувственная скотина.

Фабиола перекатилась на спину и обняла лежащих по обе стороны от нее мужчин.

– Добрее? – задумчиво произнесла она. – Может быть. Хотя лично я сомневаюсь, что нам удалось бы ее отговорить.

– А эти создатели ангелов тоже хороши, – сердито произнес Брюстер. – Почему они не отказали ей под тем предлогом, что ее решение не продумано.

– А что, у других добровольцев оно бывает продумано? – язвительно поинтересовался Рэнд.

– Все так или иначе виноваты, – неожиданно проговорила Фабиола. – Мы с вами тоже в некотором роде создатели ангелов.

Брюстер приподнялся на локте и удивленно посмотрел на подругу.

– Как это?

– Я хочу сказать вот что: отношения в нашей четверке сложились так, что это заставило Шелли сделать главный выбор своей жизни. Впрочем, общество в целом тоже виновно. Мы допустили, что еще в школе Шелли заразилась вирусом идеализма, и этот вирус в конечном итоге пробудился к жизни и сделал свое дело.

Брюстер снова откинулся на спину.

– Не могу с тобой согласиться, Фабиола.

– Но ведь так оно и есть.

– Ты помнишь, Брю, – вступил в разговор Рэнд, и в голосе его прозвучала неподдельная растерянность, – свои слова, сказанные много лет назад, когда мы еще учились в школе? О том, что мы вчетвером составляем единое целое? Тогда объясни мне, почему я сейчас не чувствую, что какая-то часть меня отсутствует?

– Наверное, потому что Шелли все еще рядом с нами, только теперь она в другой форме.

– Ученые до сих пор не пришли к согласию относительно того, сохраняется ли память индивида после гибридизации или нет, – с неуверенностью добавила Фабиола.

– Надеюсь, что не сохраняется, – ответил Рэнд и вздрогнул.

Брюстер неожиданно приподнялся и сел, как будто осененный неким мудрым решением.

– Давайте навсегда запомним этот день. Предлагаю каждый год собираться вместе и праздновать вознесение Шелли на небеса.

– Поддерживаю твое предложение, – отозвался Рэнд.

– Принято единогласно! – крепко сжав руки обоих мужчин,

подхватила Фабиола. – В память о Шелли собираемся каждый год в этот самый день.

Огромная лапища Брюстера скользнула ей между ног.

– А ты будешь королевой на нашем вечере встречи!

– А ты – ее пажом! – предложил Рэнд.

Все трое рассмеялись, прежде чем дружно поцеловаться.

* * *

Тропическими лесами Сакраменто Брюстер гордился так, будто собственноручно высадил все до единого высоченные деревья с черными листьями, бережно окутал каждое лианами, населил их удивительными животными, развел беззаботно жужжащих насекомых. Ведя Фабиолу и Рэнда по тропинке, проложенной среди огромного, раскинувшегося под лучами палящего солнца лесного массива, он был абсолютно не похож на себя прежнего – грубоватого парня, который когда-то жил далеко-далеко от этого удивительного искусственного леса. Нынешний Брюстер вещал с ученым видом, сыпал нескончаемыми примерами, статистическими данными и философскими афоризмами.

– Вы ни за что не поверите, что идете по тем местам, которые когда-то были улицами огромного города. Почти целое десятилетие ушло на то, чтобы при помощи плазменных аннигиляторов разгрести груды обломков. Сейчас в любое время суток вы вряд ли встретите здесь больше нескольких десятков людей в радиусе ста километров. Это в основном туристы, приезжающие сюда на один день, изредка – любители пеших походов, которые устраиваются в кемпинге на ночевку, ну и проводники вроде меня. Правда, проводников здесь мало, можно по пальцам пересчитать. Подождите минутку.

Брюстер остановился возле дерева, чьи нижние ветви поразила какая-то болезнь. Опустившись на корточки у основания ствола, он начал отдирать омертвевшие листья. Вскоре на стволе обнажился коммуникационный диск, который осуществлял связь с миниатюрным аналогом на запястье Брюстера.

– Ничего особенного. Всего лишь запланированное отмирание старых клеток, – произнес тот, считав информацию.

Рэнд с облегчением скинул с плеч массивный рюкзак. Рубашка у него на спине была мокрая от пота.

– Возможно, лофтеры и решили проблему доставки тяжестей, но я почему-то по-прежнему вынужден таскать на себе рюкзак.

– А у меня ноги жутко болят! – пожаловалась Фабиола. –

Сколько нам еще идти, Брю?

– Всего милю с чем-то. Вам, ребята, похоже, следует пройти системную перезагрузку. У меня тут на прошлой неделе гостила одна парочка стариков-разбойников – им было лет по девяносто и ни днем меньше, – так даже они не замучили меня так, как вы.

Рэнд снова надел рюкзак, изобразив на лице смирение и готовность к самопожертвованию.

– Разве мы с Фабиолой виноваты в том, что сидячая работа нас так изнежила? В отличие от тебя у нас нет возможности целыми днями бродить по лесам и болотам. Должен же кто-то управлять цивилизованным миром.

Брюстер пренебрежительно фыркнул.

– Одна засовывает мешки с инопланетным дерьмом в лабораторные клетки. Другой выводит на орбиту гигантские газовые баллоны. Благороднее занятий не придумаешь! Давайте-ка топайте за мной и не ворчите!

Брюстерова «миля с чем-то» оказалась на деле добрыми пятью. Однако открывшийся перед путешественниками вид стоил долгого пути: поросший пышной травой луг рядом с высоким, но не огороженным – если не считать нескольких сигнальных столбиков – обрывом.

Брюстер быстро ввел в свой коммуникационный диск несколько кодов.

– Я отключил сигнализацию ограды на то время, пока мы будем находиться здесь. Думаю, мы с вами люди понятливые и не свалимся вниз.

Бросив рюкзаки на траву, все трое приблизились к обрыву и, подойдя к самому краю, заглянули вниз. Их взгляду предстала река Сакраменто, пенившаяся среди огромных валунов. С высоты пятидесяти футов она казалась мутной змеей, корчившейся в муках не то родовых, не то смертных.

– Институт восстановления Природы повысил скорость потока на сезон лесосплава. Если бы вы могли провести со мной хотя бы еще денек, то...

– Никак невозможно, – решительно возразила Фабиола. – Так что давайте-ка займемся пикником и не будем омрачать прекрасное настроение всякими «могли бы»!

Отойдя на несколько ярдов от обрыва, друзья принялись выкладывать на траву содержимое рюкзаков. Вскоре на расстеленном одеяле стояло не менее десятка тарелок с горячими и холодными закусками. Рэнд откупорил бутылку шампанского и разлил по бокалам. Налив себе последнему, он предложил тост.

– Выпьем за Шелли! Прошло уже пять лет с того дня, как она покинула нас. За нее, где бы она сейчас ни находилась!

Все трое чокнулись бокалами и дружно выпили. Фабиола смахнула непрошеную слезинку с уголка глаза, но тотчас заставила себя улыбнуться.

– Я жутко проголодалась. Давайте пировать! – предложила она.

Лежа на одеяле рядом с друзьями, Рэнд уже было поднес ко рту куриную ножку, когда ему показалось, будто по его позвоночнику провели ледяной сосулькой. Он поспешил прикоснуться к наручному коммуникатору.

– О матерь Гея!..

– Что случись, Рэнд? Давай-ка, парень, выкладывай!

Рэнд встал. Лиц его было белым как мел.

– Звонили из моего института. Срочно вызывают всех сотрудников, у которых сегодня выходной. Вот только смысла в этом уже никакого. Сейчас, через минуту, вы сами все узнаете.

В считанные секунды его тревога передалась Брюстеру с Фабиолой. Заметив на их лицах испуг, Рэнд понимающе кивнул.

– К нашей планете движутся миллиарды тонн юпитерианских газовых масс. Столкновение неизбежно. Произошел беспрецедентный сбой в работе спутников связи. Район, на который обрушится эта космическая бомба, – Северная Америка, центральная часть тихоокеанского побережья. Предполагаемая энергия выброса – два с половиной тунгусских метеорита. Предполагаемое время входа в земную атмосферу – полторы минуты.

Что им оставалось делать? Все трое, обнявшись, распластались на земле, и почти мгновенно откуда-то сверху на них обрушился грохот рвущейся ткани пространства-времени. Горизонт осветился так, как будто над планетой взошло второе солнце. Следом, словно вырвавшись из ада, налетела волна раскаленного воздуха; землю тряхнуло словно висящие на веревке простыни во время урагана; над головами летали сломанные ветви деревьев. Вскоре объятия друзей разомкнулись, и всех троих бешеным порывом ветра понесло к краю обрыва.

Фабиола больно ударилась животом об оградительный столбик, но тотчас крепко ухватилась за него будто за спасительную соломинку. Правда, столбик вскоре вывернуло из ямки, и он накренился над землей под опасным углом.

Наконец дрожание земли прекратилось. Фабиола отпустила столбик, отползла на несколько дюймов от края обрыва и встала. Выплюнув изо рта сгусток крови, она осмотрелась по сторонам в поисках Брюстера и Рэнда.

Мужчин нигде не было видно. Она осторожно шагнула к самому краю. Ей показалось, что в реке, в мутном потоке воды,

словно поплавки, мелькают две человеческие головы и чья-то рука.

И тогда Фабиола перевела глаза на небо.

– Ангелы... – пробормотала она. Затем повторила, громче и требовательнее: – Ангелы! Где же вы, ангелы?!

Затем сама же дала ответ на свой вопрос.

– Помогают миллионам других людей, пострадавших от катастрофы в городах. Но есть один ангел, который непременно поможет нам. – И Фабиола пронзительно выкрикнула одно короткое имя. – Шелли!

Не прибегая к помощи телепортации, а лишь скользя вдоль гравитационных линий планеты, на землю с небес быстро спускался какой-то ангел. Войдя стрелой в воду, он тут же вынырнул на поверхность – но, увы, с пустыми руками, чего Фабиола никогда не ожидала от небесного спасителя.

Он явно колебался.

– Ну давай же! – изо всех сил крикнула Фабиола.

Ангел снова камнем рухнул в бурный поток. Через несколько секунд он вынырнул из воды, держа в руках человеческое тело, и вместе со своей ношей повис над Фабиолой – чем-то напоминая орла, яростно вцепившегося в добычу. С ангела ручьями струилась вода, и в следующее мгновение он выпустил из рук бездыханное тело Брюстера; оно с влажным шлепком упало на траву.

– Я ему помогу! Доставай Рэнда! Рэнда!

Ангел повернул свой бесстрастный иконописный лик и посмотрел на земную женщину, затем вновь перевел взгляд на Брюстера. Оставив без внимания приказание Фабиолы, небесный спаситель погрузил целительные руки в грудь утопленника.

Фабиола принялась в отчаянии колотить ангела кулаками по спине.

– Нет! Нет! Я сама оживлю его! Помоги Рэнду!

Но ангел упрямо продолжал возвращать к жизни Брюстера. Только когда того вырвало речной водой, а из горла со свистом начало вырываться частое дыхание, бесстрастный спаситель взмыл в воздух и нырнул в реку.

Вернулся он спустя пять минут вместе с телом Рэнда.

Фабиола помогла Брюстеру присесть. Тот, судя по всему, плохо осознавал происходящее, словно отказываясь верить, как такое светопреставление могло случиться в его любимом природном раю. Фабиола бросила взгляд на парящего в воздухе ангела, на руках которого беспомощно обвисло тело Рэнда.

– Неужели ты не видишь, что у него погиб мозг, – произнесла Фабиола с суровой грустью в голосе. – Ни ты, ни я ничем не

можем ему помочь. Немедленно телепортируйся и отнеси его в медицинский центр. Может, врачи сумеют восстановить нейронные связи.

Но вместо того, чтобы повиноваться ей, ангел опустил Рэнда к ее ногам и взял на руки Брюстера. В следующее мгновение оба исчезли.

Фабиола погладила Рэнда по лбу и заплакала.

– Так это была ты, Шелли? Ответь, это была ты? Ты не дождалась тогда ответа на свой вопрос. Мне было страшно умирать подо льдом замерзшей реки. Боль была такая, что не передать словами. Но сейчас мне куда больнее жить.

Непокорная книга

© Перевод. Т. Бушуева, 2006.

После смерти Мастера Библиопереплетчика (МБ) Винсента Холбрука возникли немалые трудности – например, настоятельно встал вопрос, как лучше распорядиться принадлежавшей ему обширной библиотекой. Наследники его ветхого имущества были лишены сентиментальности. Никто из них не озаботился раздумьями о ежедневных потребностях огромной коллекции оставшихся без присмотра книг. Разношерстная братия правопреемников – всевозможные троюродные братья, внучатые племянники, а также бывшие зятья, свояки, шурины и девери, оставшиеся от многочисленных браков двух его ветреных сестер Марлис и Таффи, – все до единого были бесповоротно невежественны. Никто из них не имел желания взять на себя ответственность даже за небольшую часть коллекции, насчитывавшей около пяти сотен томов, забытых и заброшенных после кончины их хозяина. Помимо всего прочего так было потому, что эгоистичные наследники в силу вопиющей своей ограниченности просто не представляли себе способы применения этих загадочных предметов. (Дело осложнялось еще и тем, что пропал принадлежавший покойнику Каталог, так что точное число экземпляров назвать было невозможно.)

Худосочный и не вполне здоровый, склонный в свои сто с лишним лет к затворничеству (впрочем, он и так был обречен по причине церебральной аневризмы, вовремя не диагностированной заглючившим домашним гомеобоксом, и вряд ли бы дожил до третьего столетия), предпочитавший старомодную, нерегенерируемую одежду, на которой была хорошо видна каждая капля соуса или слюны, натекавшей по причине вечной жвачки во рту, Холбрук был искренне предан своей библиотеке, тратя на нее почти все средства. Жил он в огромном, обветшавшем, похожем на пещеру особняке, носившем название Рюльроальд, и один вид этого запущенного жилища свидетельствовал о более чем скромном достатке его обитателя. А вот книжарня Холбрука была первоклассной и являлась предметом вечной зависти его коллег.

Время от времени, когда библиотекарь еще был жив, в рядах его безразличных наследников раздавалось приглушенное ворчание по поводу того, что, мол, старик живет не по средствам, тратя деньги – по большому счету их деньги – на такое эгоистичное хобби, но даже эти разговоры не могли лишить старого библиофила самообладания или воодушевления. Ему

даже удавалось не обращать внимания на выходки одной особо обиженной племянницы, которая в припадке помутнения рассудка, очевидном всем, кроме нее самой, с пеной у рта обвиняла Холбрука в том, что ему-де доставляет немалое удовольствие играть на нервах близких родственников. Иначе зачем он продолжает безрассудно расточать их тающее с каждым часом наследство на покупку новых томов и размножение уже существующих?

Ответ на это самое «почему?» был совершенно прост, если бы кто-то взял на себя труд поинтересоваться у самого коллекционера: Холбрук почитал себя ученым и больше всего на свете гордился присущей любому ученому мужу неистощимой жаждой знаний. И в самом деле, его хорошо укомплектованная, аккуратно расставленная и постоянно обновляемая коллекция книг внесла свой, причем весьма оригинальный вклад в развитие ряда научных дисциплин, как то: звездного интеллекта, гравитокармической механики, метаматематического анализа, астероидной археологии, квантовой эротогеники, теории невероятности, креативного тератогенеза и даже двух беспечно забытых нив, в давние времена столь активно вспаханных, – художественной прозы и поэзии. Порой ему сопутствовал успех. Например, он несколько раз получал приглашения от представителей искусственного интеллекта извлечь свои открытия из книг и ввести их в соответствующие кибернетические аудиовизуальные информационные сети, которые в эпоху Холбрука служили реальными хранилищами полезной информации.

Однако получение всех этих серьезных и развлекательных результатов было занятием долгим и утомительным, которое не оставляло времени даже на редкие пирушки в обществе своих знакомых коллег МБ. Его хобби вполне способствовало тяге к уединению и одиночеству, и Холбрук заплатил наивысшую цену за то, что было делом всей его жизни.

Скоро и книгам его придется заплатить столь же высокую цену.

* * *

МБ Крачко Столкемп телосложением напоминал желчного, неопрятного журавля, которого держали впроголодь. Длинные ноги, обтянутые желтыми панталонами-дудочками; округлый торс, опушенный синтетическими перьями, модными лет этак пятьдесят назад; согбенные, похожие на крылья плечи и вечно

опущенная голова, отчего его уши неизменно находились на одном уровне с эполетами Ордена Переплетчиков; похожий на клюв нос и тяжелый взгляд холодных глаз, выдававший неистребимое желание их владельца пронзить что-нибудь. Невесомые редкие волосы лишь отчасти скрывали покрытую струпьями кожу на голове и со временем превратились в некое подобие цыплячьего пуха. Но словно этого сходства с птицей было мало, старинные очки, оснащенные разумными актилинзами, делали Столкемпа невероятно похожим на путешественника во времени из Редукционистского Тысячелетия.

Уродливого вида слуга типа Тьюринг-5, один из немногих исправных автоматов, что оставались в поместье – антиквариат, к которому Холбрук почему-то предпочитал обращаться «Беда Достопочтенный», – проводил Столкемпа от переднего крыльца с колоннадой в холодные коридоры Рюльроальда. Все это время гость прижимал к своей оперенной груди – как будто боялся воров – обшарпанный кожаный портфель с куда-то канувшей еще при царе Горохе ручкой.

– Позвольте проводить вас к тайнам, – произнес Беда Достопочтенный.

– Что? – рявкнул Столкемп. – Это еще зачем? У меня нет ни малейшей склонности к тайнам любого рода!

Беда Достопочтенный открыл панель под своей левой подмышкой и щелкнул переключателем.

– Извините, я имел в виду хозяек.

– Ну тогда ладно. Пошли.

Прихрамывая и постукивая на ходу своей пластмассовой начинкой, слуга провел посетителя через пыльный, выстуженный сквозняками холл со стенами, завешанными анимированными гобеленами – их древние изображения сменялись с только им одним ведомой регулярностью, – а затем через бесчисленные комнаты с гроздьями обильной полиуглеродной паутины, которую освещали лишь глаза-светодиоды искусственных пауков. В одном из таких помещений, бальной зале с высоченным потолком, откуда-то с высоты раздался писк летучих мышей, потревоженных вторжением незваных гостей. Правда, гораздо чаще это бывали полчища насекомых, которыми кишели густые леса, росшие вокруг дома отшельника-библиотекаря. Сами рощи были высажены так давно, что имена ландшафтных дизайнеров больше уже не проступали на коре или листьях.

Наконец визитер и его сопровождающий достигли центральной части дома – теплой, ярко освещенной кухни. Пьянящий аромат свежезаваренного чая заполнил помещение своим синтетическим очарованием. В углу стояла койка со

смятым покрывалом – красноречивое свидетельство того, где спал и где принимал незатейливую пищу Холбрук, в то время как остальная часть дома, отданная во власть паутины и моли, медленно, но верно ветшала и приходила в упадок.

– Тайны! – объявил Беда Достопочтенный и удалился.

За горбатым, со следами ножа деревянным столом сидели Марлис и Таффи Холбрук. Обе являли собой классический образец достигнутого за счет чудес биоинженерии совершенства, столь типичного для продвинутой модифицированной элиты. Однако каждую отличала присущая только ей индивидуальность. Марлис полностью избавилась от волос на голове и до предела минимизировала черты лица – глаза, нос, ноздри, уши и рот уменьшились до предельно допустимых функциональных потребностей. Голова ее была голой, как яйцо. В результате сама она сделалась похожей на фарфоровую куклу, у создателя которой внезапно иссяк не то материал, не то вдохновение, либо то и другое вместе взятое. Что до Таффи, та явно гордилась своей роскошной львиной гривой, изысканно обрамлявшей живую маску царицы зверей. Кончик кожистого носа влажно блестел, бакенбарды при каждом вздохе легонько подрагивали. На Марлис был передник и юбка в оборку, на Таффи – облегающий полосатый костюм.

– МБ Столкемп, – промурлыкала Таффи, – садитесь, прошу вас.

Голос Марлис был высок и тонок, казалось, будто он исходит из крошечного механизма, состоящего из бумажных мехов и полых бамбуковых трубочек.

– Просим. Выпейте с нами чаю.

На оба предложения Столкемп ответил нетерпеливым жестом.

– Нет времени на разговоры, меня интересуют только книги.

Сестры попытались соблюсти достоинство и внешние приличия.

– Разумеется, – произнесла Таффи. – Мы глубоко признательны вам за преданность жажде познания и испытываем огромную благодарность за то, что вы выразили желание приобрести целиком всю библиотеку. Уверена, наш дорогой Винсент несказанно обрадовался бы, узнав, что его коллекция попадет в такие хорошие руки.

– Именно поэтому мы отдали предпочтение именно вашему предложению, отказав всем другим желающим, – пискнула Марлис.

Столкемп, однако, не купился на столь лицемерную ложь.

– Оставьте ваше притворство. От моих осведомителей мне

известно, что никаких других предложений о покупке библиотеки не поступало, если не считать тех ловкачей, которые готовы заплатить по одному пенни за каждый ваш доллар. Без Каталога ваша библиотека никому из моих коллег не нужна. Ведь на то, чтобы хотя бы наполовину рассортировать книги, уйдет уйма времени. На сами книги в качестве источника подобной информации полагаться не приходится. Если не принимать во внимание текстовый режим, все они до единой – упрямые, своенравные создания. Так что доверия им нет.

– Что верно, то верно.

– Именно, на редкость скверные создания – ваши книги. Но я-то – другой. Как только они попадут в мои руки, я непременно перепишу их все, пропади пропадом их нынешнее содержание! Авуары вашего чудаковатого брата никогда не дополняли моих. Он тратил слишком много времени на всякую чушь. Гравикармическая механика, это же надо! Нет, я заплачу вам как за чистые книги, только-только из издательства – с огромной скидкой за интенсивное пользование, конечно, – и это самые большие деньги, на какие вы можете рассчитывать. Так что нет смысла заигрывать со мной, пытаясь выжать несколько лишних долларов. Можете вести меня в библиотеку прямо сейчас.

Сестры послушно встали. Таффи указала на высокую дверь, прорезанную в одной из стен рядом с массивным стазисным кубом, служившим холодильником для съестных припасов.

– Книжарня прямо за этой дверью, МБ Столкемп. Винсент всегда хотел, чтобы от книг его отделяло самое малое расстояние. Вас проводить?

– В этом нет ровно никакой необходимости. В присутствии двух не-библиотекарей книги будут вести себя пугливо. Впрочем, секундочку, мне надо в последний раз проверить мое снаряжение.

С этими словами Столкемп поставил портфель на стол и расстегнул замок. Внутри оказалось несколько шприцев – градуированные картриджи, заранее наполненные разноцветными семиотическими жидкостями, – и зловещего вида устройство в форме двузубого камертона, насаженного на пистолетную рукоятку.

– Что это? У Винсента вроде бы ничего подобного не было, – поинтересовалась Марлис, указывая на «камертон».

– Это библиотечный оценщик.

Столкемп взял в руки эту самую вещицу и закрыл портфель.

– Дверь, как я понимаю, заперта?

Таффи извлекла из декольте ключ.

– Вот все, что вам нужно.

Столкемп нетерпеливо двинулся к двери, однако, услышав,

что Марлис окликнула его, остановился.

– Что? – спросил он, обернувшись.

– Есть способ получить всю библиотеку Винсента совершенно бесплатно, сэр. Мы с сестрой обратились к услугам рынка в поисках новых мужей. Наверняка одна из нас или даже мы обе вполне могли бы понравиться такому высокообразованному джентльмену, как вы.

Прежде чем ответить, Столкемп удостоил обеих женщин долгим колючим взглядом.

– Извините меня, дамы, но я вынужден ответить вам отказом. Вы обе принадлежите к славной и благородной когорте, не сравнимой с моим скромным происхождением.

Столкемп вставил в скважину замка все еще теплый ключ, повернул его и вошел в дверь книжарни, оставив сестер Холбрук тупо улыбаться от его лестных слов – их скрытый смысл явно не дошел до них.

* * *

Разве вина Канто в том, что он родился на свет книгой, не говоря уже про смешанный генотип и, как следствие, несуразную, эклектичную внешность? Однако, получив от судьбы такое предназначение (в случае с покорным Канто и его сородичами-книгами судьба носила явно человеческое обличье), он не роптал, а пытался терпеливо и добросовестно нести свой крест. Будучи книгой – по крайней мере в собрании МБ Холбрука, – он был избавлен от тех ужасов, которые обычно отравляют жизнь представителям других химерических профессий: испытателям токсинов, вакуумным работникам, подводным шахтерам. Скука, недостаток свободы, тяготы создания новых текстов и микширования – вот, пожалуй, самое худшее из того, что может выпасть на долю книги.

Одни дни казались кошмарно тяжелыми, другие – относительно легкими. В такие дни большинство книг оставались невостребованными и могли вести свою собственную, не богатую событиями личную жизнь. Однако после смерти их незабвенного библиотекаря такие славные деньки стали случаться все реже и реже. По правде сказать, ни единое требование не нарушило их личный покой, однако сей нежданный «отпуск» был не лишен сопутствующих недостатков. Во-первых, подача тепла и света в книжарню заметно уменьшилась, и книгам ничего не оставалось, как дрожать от холода и жаться друг к дружке в своих темных кабинках-стойлах посреди давно не менявшегося сена. Затем их

начал терзать голод, потому что пища из автоматических синтезаторов стала поступать нерегулярно, и качество ее заметно ухудшилось. (Книги не были посвящены в доводы наследников Холбрука относительно того, каков наилучший способ минимизации расходов поместья, впрочем, их мнение на сей счет никто не спросил.) И наконец, книги страдали от черной, гнетущей неуверенности в собственном будущем.

Книжарня имела четыре этажа, и на каждом было около сотни кабинок. Примерно в центре каждого уровня располагался читальный зал, заходить в который без вызова библиотекаря книгам было строжайше запрещено. Поэтому центром общественной жизни обитателей книжарни было специально выделенное место на полу вокруг синтезаторов пищи и, в меньшей степени, туалеты. Книги постарше, лидеры общины, часто созывали сородичей на митинги, которые проходили возле кормушек. Обычно возникала давка – кстати, она отнюдь не вызывала неудовольствие у небольших, мохнатых книг с учетом того, что в сарае в последнее время стало значительно холоднее, – зато на этом пятачке могли собраться вместе все книги.

В этот день инициатором подобного митинга стала старая Инкунабула, предводительница первого этажа.

Страстно желая увидеться со своей любимой Веллум, Канто был в числе первых, кто пришел на митинг. Если не считать приема пищи и посещения туалетов, книги все свое время проводили в кабинках и оставались там до тех пор, пока их не вызывал библиотекарь. Этот распорядок жизни книжарни практически никогда не нарушался. Однако, как и в любой библиотеке, существующей уже давно, книги неизменно подлаживаются к привычкам владельца и чувствуют себя вполне вольготно, втихаря устраивая общие сходки, особенно в ночные часы, когда библиотекарь спит. Разумеется, в сложившихся обстоятельствах, когда владелец навсегда покинул их и никто за последнее время не востребовал ни единого тома, книги осмеливались собираться и в дневное время. Возможно, их также привел в безмятежное состояние тот факт, что МБ Холбрук никогда не наказывал их за взъерошенный внешний вид.

Под темными и пыльными стропилами потолка первого этажа перед кормушками собралось несколько десятков книг, и число их увеличивалось с каждой минутой. Все новые и новые книги прибывали из сходящихся в одной точке коридоров. Скоро Канто был со всех сторон окружен такими же, как он, томами, и теперь ему приходилось приподниматься на цыпочках, чтобы разглядеть в толпе свою Веллум.

Очертания мохнатых книжных тел – рост каждой книги достигал примерно трех футов – свидетельствовали об их гетерогенном генетическом происхождении. Обладая частично внешностью белки и бабуина, зайца и тушканчика с небольшой добавкой человеческой анатомии, книги сидели прямо на своих массивных задах и когтистых заячьих лапах, прижав верхние конечности к груди. Казалось, будто непропорционально огромные головы надеты им прямо на плечи. Книги радостно приветствовали друг друга – широко раскрытые дымчатые глаза поблескивали, уши шевелились, затупленные клычки обнажались в улыбке. Говорили они, разумеется, на чисто человеческом языке.

Наконец взгляд Канто выхватил в толпе симпатичную пятнистую шкурку Веллум, и он принялся протискиваться сквозь толпу ей навстречу.

– Привет, Веллум! Скучала по мне?

– Конечно, скучала, Канто. – Веллум нежно улыбнулась ему. – Не задаю тебе тот же вопрос, потому что вижу, что ты тоже скучал.

Канто вздохнул. Какая она романтичная, его Веллум, какая внимательная и чувствительная, пожалуй, порой даже чересчур. Волна меланхолии нахлынула на Канто: он в сотый раз пожалел о том, что они с Веллум не содержат один и тот же текст. Увы, тут уж ничего не поделаешь. Но без этого непременного условия они даже надеяться не могли на то, что им будет позволено стать супругами.

В дневное время книги были лишены либидо. Их сексуальные инстинкты обычно подавлялись медикаментозными средствами и находили выход лишь только в тех случаях, когда библиотекарь желал спарить две книги для производства нового текста. Так что шансы книг, принадлежащих к разным областям знаний, на то, что им будет дозволено сблизиться, практически равнялись нулю. Да и какой, в конце концов, смысл скрещивать труд по строению нейтрино с томом хаотичной поэзии? Ну кто усомнится, что польза от отпрыска таких книг – никакая (хотя порой подобные гибриды порождали абсолютно новые области перспективных исследований); в таких случаях, чтобы избавиться от бесполезного приплода, приглашали книжных живодеров.

При мысли об этом Канто содрогнулся. Уж лучше не изведать блаженства интимного единения с любимой, чем породить на свет и обречь на страдания несчастное существо.

В то самое мгновение, когда Канто собрался обменяться любезностями с Веллум, толпа книг неожиданно замолкла, обратив напряженные взгляды на кормушки. Канто взял подругу

за лапы, и оба устремили взгляды вперед.

На крышку стола с некоторой нерешительностью вскарабкалась седая и грузная Инкунабула. Наконец ей представилась возможность обратиться ко всем собравшимся, и, поддерживаемая своими помощниками Тривиумом и Квадривиумом, старая книга заговорила:

– Итак, мои дорогие коллеги! Спасибо вам за то, что покинули свои кабинки, чтобы послушать мою скромную речь! Я задержу вас ненадолго. Всего лишь хочу сказать, что полностью разделяю вашу тревогу по поводу того будущего, которое ждет нас после безвременной кончины нашего дорогого библиотекаря. Некоторые из нас даже подумали о том, а не последовать ли им за Каталогом во внешний мир, где нас подстерегают разные беды и опасности – библиохищники вроде гнолов и гнурров и прожорливые белки. Я призываю всех, кто вынашивает подобные гибельные намерения, быть предельно осторожными. Нисколько не сомневаюсь, что очень скоро все мы обретем новый дом. В конце концов, наша полезность и значимость неоспоримы. Разве мы, книги, не являемся источником всех новых гипотез и теорий? В отличие от статичных баз данных мы несем в себе тексты, в которые время от времени мудрые библиотекари вносят те или иные изменения, и потому мы являемся главнейшим и важнейшим источником новых концепций и новых взглядов. Даже в такой культуре, как нынешняя культура людей, которая высоко ценит стабильность, и потому считается, что границы в ряде областей знания уже достигнуты, новые идеи с восторгом принимаются многими учеными и...

– Что здесь происходит?!

Заданный громовым голосом вопрос прозвучал откуда-то из-за спин собравшихся. Книги испуганно пискнули, готовые в любую секунду броситься обратно в свои кабинки. Толпа заметно всколыхнулась, но осталась на прежнем месте. Собрав последние остатки мужества и крепко сжав лапку Веллум, Канто повернул голову в направлении грозного рыка.

Там, сжимая в руке предмет, который Канто раньше никогда не видел, но о котором слышал немало страшных историй, стоял какой-то человек.

В руках у него был библиотечный оценщик.

* * *

Библиотека МБ Столкемпа в его особняке в Брундизии состояла лишь из девяноста книг, обитавших в небольшой

книжарне, значительно расширенной для будущего пополнения. Он работал со своими томами в индивидуальном порядке – по одному, парами, изредка с тремя сразу, но не более того. Надо сказать, что книги всегда поражали его – какие же они немощные и хилые, как легко подчиняются чужой воле, как ежатся от страха и сникают от командного тона.

Однако теперь, столкнувшись с доброй сотней независимых в своих суждениях томов, Столкемп был вынужден пересмотреть свое давно устоявшееся мнение о том, что, мол, книгами легко манипулировать. Неожиданное проявление инициативы расстроило его планы. Все его естество восстало против царившего в книжарне запаха, а оценивающие взгляды, которых его удостоили его обитатели, не на шутку Столкемпа взбесили. Однако он понимал: показать им свой испуг или неуверенность было бы большой ошибкой, ибо грозило утратой авторитета. Вот почему свой первый вопрос Столкемп задал нарочито грубо, адресовав его одной-единственной книге, выделявшейся из всей толпы.

– Эй, ты, на столе! Твой УДК?

Своими настоящими именами, не ведомыми даже библиотекарям, книги называли друг дружку только между собой. Хозяевам они были известны лишь по УДК – Универсальной Десятичной Кодировке, нанесенной на кабинку каждой из них.

Старая грузная книга, заикаясь, назвала свой УДК.

– Тета гамма точка ноль девять семь два косая черта пять два один.

Собравшись с духом, Столкемп решительно прошел сквозь толпу книг – те, испуганно попискивая, подались в стороны, касаясь его ног мохнатыми боками. Приблизившись к стоявшей на столе книге, Столкемп остановился.

– Похоже, ты зачинщица этого сборища. Придется тебя оценить!

Подняв руку с оценщиком и нацелив его на книгу, Столкемп нажал на спусковой крючок. Из оценщика не вылетело никакого заметного луча или вспышки света. Тем не менее книга издала громкий стон, как будто в нее угодил выстрел, прижала лапки к груди и рухнула на стол. Оба ее адъютанта испуганно отскочили в стороны.

Столкемп подошел ближе и приподнял обмякшую конечность книги. Должно быть, он нацелил свой инструмент слишком высоко или, может, книга страдала каким-то органическим изъяном, который оценщик значительно усугубил. Как бы то ни было, содеянного не исправить. Так что пусть служит другим в назидание.

– Всем немедленно вернуться в кабинки! – рявкнул Столкемп. – Или с вами будет то же самое!

Толпа рассосалась в считанные секунды, за исключением самого медлительного из адъютантов оцененной книги, которого новый хозяин схватил за загривок.

– А ты пойдешь со мной в читальный зал!

Волоча за собой пойманную книгу, Столкемп проследовал в читальный зал. Здесь он обнаружил пюпитр – диванчик размером с книгу, снабженный крепкими ремнями, кресло для библиотекаря, а также различные предметы, связанные с ремеслом библиопереплетчика, как то: чистую бумагу, шприцы, небольшой семиотический перегонный куб и тому подобное.

Столкемп указал книге на пюпитр и зафиксировал ее ремнями. Затем произнес две команды для ввода данных: «Открой обложку. Озвучь название и содержание».

Мордочка книги приняла отрешенное выражение – команды запустили в действие автоматический поиск и вербальный выход: «Опережающие принципы геометрии Планка. Глава первая. Методика вычерчивания диаграмм. Глава вторая...»

– Хватит. – Столкемп открыл портфель и извлек из него шприц. Приладив его иглу к шее книги, он впрыснул ей в вены изрядную дозу сложных стирающих молекул.

Затем сел и посмотрел на часы. Мордочка сидевшей на диване книги начала легонько подергиваться, по мере того как декомпоновщик, разливаясь все дальше по жилам, делал свое черное дело. Прошло примерно десять минут, прежде чем Столкемп вновь обратился к книге.

– Название и содержание!

Книга открыла было рот, однако так ничего и не произнесла.

Столкемп весь засветился от радости. Сотни таких вот чистых, пустых книг – в дальнейшем все они в соответствии с разработанным им планом подвергнутся насильственной модификации, – несомненно, помогут ему довести до долгожданного логического завершения его драгоценное детище, его научный проект. Вот тогда-то эта самодовольная дурочка МБ Соваж попляшет!

Однако Столкемп воздержался от дальнейших видений будущего триумфа и отключил книгу от сети.

– Закрой обложку.

Команда вернула книгу в чувство – она встрепенулась и испуганным взглядом обвела читальный зал. Столкемп освободил ее от ремней и велел возвращаться обратно в кабинку. Неуверенно передвигаясь на дрожащих ногах, книга удалилась.

В отличие от нее Столкемп стремительно прошел по пустым

коридорам книжарни и вернулся в кухню. Там его уже поджидали сестры Холбрук.

– Вас все устраивает? – поинтересовалась Марлис.

– Абсолютно все. Я провел выборочное стирание, и оно прошло гладко, без сучка без задоринки. Книги прекрасно послужат моим целям. Я велел завтра утром доставить к вам тачки. Слуга упакует библиотеку и вывезет всю коллекцию. После ее получения я выплачу вам деньги. За одним небольшим вычетом.

– Каким же именно? – спросила Теффи.

– Библиотека несколько минут назад уменьшилась на одну книгу. Похоже, старый том, стоило мне взять его в руки, пришел в негодность и не подлежит восстановлению.

* * *

На Земле воцарились самодовольная умиротворенность и ленивый застой. Человечество в подавляющей своей массе утратило желание, а может, даже саму способность к старомодным творческим порывам. Тысячелетие научных и эстетических открытий – при помощи баз данных с мгновенным доступом и многочисленными перекрестными ссылками, которые неустанно создавал искусственный интеллект, – отыскало ответы на все вопросы как теоретического, так и практического свойства. Так что теперь эти базы данных служили в основном целям развлекательного характера и заодно были залогом того, что груз знаний в конце концов раздавит любую инициативу. Однако несколько эксцентричных ученых мужей по-прежнему пытались исследовать рваные карманы искусства и науки, в швах которых могли заваляться редкие крупицы еще не найденного знания.

Живые книги служили инструментом подобных поисков, двигателями созидания этого нового знания.

В емкие нейроны «чистых» книг можно было загрузить полный текст, бессчетное число семиотических единиц. Однако простое сохранение текста мало что значило, тем более что эта задача больше подходила иным, более надежным медийным средствам. Уникальный талант книг состоял в другом – их мозг умел обрабатывать и микшировать исходные семиотические единицы. Под воздействием различных старомодных реагентов (химикатов, энзимов, трав, гормонов, белков, питательных веществ и лекарств, применяемых библиотекарями в сочетании с традиционными рецептами и интуитивными догадками), а также посредством применения декомпоновщиков дендритовых связей

(невероятно малых телец, действующих в кровотоке в соответствии со встроенными в них алгоритмами) книжные мозги перемешивали отдельные порции их содержимого самым непредсказуемым образом – осуществлялась задача, непосильная искусственному интеллекту. В результате получались новые семиотические единицы, в девятистах девяноста девяти случаях из тысячи полная абракадабра, не поддающаяся никакому логическому анализу. Один же единственный результат мог натолкнуть исследователей на неожиданные и любопытные выводы.

И наконец, самая крайняя процедура – к ней библиотекарь прибегал в тех случаях, когда предпочитал довериться эволюционной мудрости сексуальной рекомбинаторики, – состояла в скрещивании, точнее, спаривании двух книг. В сперму или яйцеклетку той или иной книги записывались нейронные изменения, от чего в мозгу потомства скрещиваемой пары происходила, на основе родительских составляющих, запись случайного кода, открывавшая горизонты неизведанных доселе областей знания. (Правда, юным книгам требовалось около двух лет, чтобы полностью созреть для подключения к инфосети.)

Книги не обладали даром осмысленного доступа к содержащимся в них текстам. Оба полушария их мозга не соединялись между собой. Их индивидуальная, частная ментальная жизнь происходила исключительно на одной дееспособной стороне разрубленного пополам мозга (защищенной артериальными фильтрами от случайного воздействия модифицирующих реагентов), в то время как текстуальная работа шла сама собой на второй половине. Небольшое постоянное интерпретирующее ядро в текстуальной половине (несколько сотен тысяч нейронов) было замкнуто на речевые и слуховые цепи, реагируя на вербальные команды библиотекаря, и осуществляло основные операционные функции.

Но даже не имея прямого доступа к содержанию половины своего черепа, книга тем не менее на уровне подсознания чувствовала, как именно – хорошо или плохо – идут дела на потаенной арене. В конце концов, текстуальное полушарие мозга жило за счет общего книжного метаболизма в той же степени, что и мыслящая половина, и различные цепи обратной связи, например, пищеварительная система, оставались той площадкой, где две половинки могли обмениваться бессловесной информацией.

Стирание превращало книгу в опустошенную биомассу.

Канто еще никогда не чувствовал себя так скверно с тех пор, как покинул своего издателя. Вообще-то он никогда не испытывал

ничего подобного. В его далекой юности, лет пять назад, текстуальная пустота была единственным ведомым ему состоянием, обычная пустота, когда половина его сознания была подобна влажной глиняной табличке, ожидающей, когда на нее стилом нанесут письмена. Однако после всех этих плодотворных, хотя и не богатых событиями лет, когда МБ Холбрук перечитывал и переписывал его, Канто привык ощущать себя вместилищем знаний. Он чувствовал себя нужным и даже гордился своим уникальным, недоступным ему самому содержанием. А теперь его лишили этих знаний, отобрали их у него, за считанные минуты начисто стерли.

Теперь Канто стал настоящим палимпсестом, беспомощно ожидающим нового ввода информации в опустошенный разум.

Так же, как и остальные его сородичи.

Накануне из Брундизии прибыли тележки, из которых вылезли чужие слуги (так разительно не похожие на славного Беду Достопочтенного, который частенько баловал книги холбруковской библиотеки тайком припасенными лакомствами). Слуги отправились в подсобное помещение Рюльроальда, где хранились сложенные стазис-боксы, развернули их и принялись загружать в них библиотеку. Пять сотен книг были втиснуты в тесные короба и отвезены в Брундизию.

Там их всех одновременно выгрузили и распаковали, сделали инъекции декомпоновщика и торопливо распихали по новым конуркам, прежде чем они смогли бы разбрестись в разные стороны. МБ Столкемп не стал тратить денег на пристройку к своей книжарне. Вместо индивидуальных кабинок, дававших определенный комфорт и уединение, книги разместили по пятьдесят особей в одну тесную каморку. На жестких нарах не были даже указаны их УДК – к чему, если все они теперь были пусты. А следовательно, по мнению их нового хозяина, неотличимы одна от другой.

Первые несколько дней пребывания на новом месте, за исключением тех моментов, когда их кормили или стирали содержимое их мозгов, книги оставались на нарах, время от времени издавая слабые стоны в страхе, что любой их неосторожный поступок может привести к обработке библиотечным оценщиком. Смерть Инкунабулы явилась для всех жестоким уроком – уже мало кто сомневался в том, что впереди их ждет убогое, беспросветное существование. Единственное, что могли теперь себе позволить книги, – это ночные разговоры приглушенным, еле слышным шепотом.

Тем не менее однажды утром Канто почувствовал, что больше не в силах терпеть бездействие. Его тревожила судьба Веллум.

Как она переносит эти жуткие условия? Канто ужасно захотелось крепко сжать ее теплую лапку и обменяться с подругой ласковым словом. Поэтому, не сообщив никому из соседей о своем намерении, он соскользнул с края пятиярусной койки, осторожно спустился вниз по лесенке, едва не запутавшись огромными ступнями в промежутках между перекладинами, и посмотрел на спящих сородичей.

Взгляд Канто упал на Папируса и Пергамента, Бревиария, Октаво, Фолио, Водяной Знак, Септуагинту, Микрофиша и Атенея. С остальными он был знаком хуже, потому что раньше они проживали на тех этажах холбруковской книжарни, куда Канто обычно не отваживался заходить. Книг из библиотеки самого МБ Столкемпа он нигде не увидел. По всей видимости, эти авуары были переведены на другие полки. Но самое главное – в этом помещении Веллум не было.

Канто осторожно высунул голову в недавно построенный, но почему-то сырой и унылый коридор книжарни. Во время походов к кормушке он узнал местоположение соседней спальни. Чувствуя, как отчаянно стучит сердце (прежний мудрый библиотекарь баловал свои книги и старался, чтобы те по возможности всегда сохраняли спокойствие и безмятежность – по его мнению, это снижало воздействие эндокринных и эмоциональных факторов на омываемый кровью текст), Канто подскочил к соседней двери.

Книги во второй спальне встрепенулись и с робким удивлением посмотрели на нежданного гостя. Едва засунув нос в комнату, Канто тотчас учуял запах Веллум. Через пару секунд он уже стоял возле ее койки в нише нижнего яруса.

– Послушай, Велл, с тобой все в порядке?

Веллум открыла светлые глаза и попыталась изобразить бодрую улыбку.

– В принципе жаловаться не на что. Если от чего и тошно, так это от ощущения собственной бесполезности, черт ее побери.

Канто вздрогнул. Не в привычках Веллум грубые речи. Боже, насколько же сильно повлияла на нее трагедия, приключившаяся со всеми ими! В мохнатой груди Канто неожиданно вспыхнуло пламя гнева.

– Давай убежим отсюда, Велл! Убежим, только ты да я!

Веллум двумя лапками сжала лапу Канто.

– Сидя взаперти, мы, конечно же, мало что видели из нашего нового обиталища. Но я уверена, новый хозяин живет в такой же глуши, что и наш бывший хозяин, Мастер Холбрук. Все библиотекари так живут. За стенами книжарни на многие мили тянется густой лес, который кишмя кишит хищниками. Нам там

не прожить и минуты – мы тотчас же станем их добычей. Нет, лучше уж смириться с жизнью в этих стенах. Как только нам введут новые тексты, мы непременно почувствуем себя лучше. Будем жить дальше, Канто, ведь жизнь-то на этом не кончается. Вдруг мы с тобой получим один и тот же УДК. А потом – кто знает? – нас и скрестят. Разве тебя это не радует?

Канто попытался представить себе это почти светлое будущее, которое ему обрисовала Веллум. Однако мысленная картина получилась какой-то размытой и плохо увязывалась с его собственным представлением о том, что их ждет. Тем не менее он попытался разделить настроение Веллум, ее покорность судьбе и даже ее оптимизм.

– Конечно, пусть все сложится таким чудесным образом, как ты говоришь. Но я все равно не понимаю, как...

Веллум прижала когтистые пальчики к его губам.

– Тс-с-с! Тише, Канто. Верь в это. А теперь возвращайся к себе, иначе мы с тобой попадем в беду.

Канто и Веллум нежно потерлись носами, и он поспешил вернуться к себе. От спальни Канто отделял всего один шаг, когда металлические клешни кибернетического слуги больно ухватили его за плечо.

* * *

МБ Крачко Столкемп пребывал в мрачном настроении. Он сидел, вернее, утопал в огромном кресле-трансформере за внушительных размеров письменным столом. Лицо выдавало напряженную работу мысли. В эти минуты он был похож на злобную цаплю, которую какая-то неведомая сила заставила сорваться с насеста на берегу озера и неожиданно усадила на трон. Надо сказать, что МБ Столкемп оказался в весьма пикантной ситуации. Приобретение холбруковской библиотеки хотя и обошлось в сущие гроши, но тем не менее сильно истощило ликвидные средства, обрекло в обозримом будущем на материальные лишения, не говоря уже о том, что воздвигло серьезные преграды на пути гладкого ведения хозяйства в Брундизии. Однако жертва, на которую он пошел, того стоила, поскольку гарантировала неминуемый успех в достижении намеченной цели. В книжном деле Столкемп не был дилетантом – не то что Холбрук, бесцельно растрачивавший энергию на десятки тривиальных тем. Он, Столкемп, специализировался только в одном научном направлении. Удивительно, но этот угрюмый, эгоцентричный тип, чьи интересы, казалось бы, не простираются

дальше его собственного носа, регулярно обдумывал виды на будущее поистине божественных масштабов, потому что был гаруспическим космокартографом. Подобно древним астрологам, он гадал по звездам. Однако Столкемп и ему подобные занимались этим ремеслом на куда более продвинутой научной основе.

Вселенная обладала структурой – это не вызывало никаких сомнений. Скопления звезд образовывали галактики. Расположенные рядом галактики образовывали скопления. Скопления галактик представляли собой сверхскопления. И так далее, на все более и более высоких уровнях. В результате возникала самоподдерживающаяся упорядоченность, которая превращала трехмерный космос в нечто, напоминающее губку или головку швейцарского сыра, насквозь прогрызенного несметными полчищами пьяных мышей. Гаруспические космокартографы стремились разгадать узоры этого вакуума, его волокон и переплетений. И все они в душе лелеяли надежду на то, что, обретя это знание, смогут доказать догматы посттиплерианской эсхатологии.

Вот уже несколько десятилетий Столкемп составлял карты космического района близ сверхскопления Северного эклиптического полюса, находившегося на расстоянии 1,3 миллиарда световых лет от Земли. Помещая точечную информацию, полученную с допотопных датчиков, размещенных в облаке Оорта (большинство их уже устарели и постоянно выходили из строя, но кто в наши дни добровольно вызовется их заменить?), прямо в мозг своих книг, он медленно, но верно продвигался в исследованиях, сплетая и расплетая миллионы дендритовых связей. Перед ним всегда и неизменно маячила конечная цель – добиться того, чтобы результаты исследований были официально признаны кибернетическими разведками, контролировавшими сохранность информационных баз человечества. Захотят ли они назвать его именем какой-нибудь участок космической бездны? Разве плохо звучит – Пустота Столкемпа? Ему уже грезилось собственное бессмертие.

Неожиданно, несколько месяцев назад, ему стало известно о существовании соперника, точнее, соперницы. МБ Хьюмилити Соваж, как оказалось, занимается тем же самым, пытается создать карту того же самого района космоса! Это было равносильно тому, как если бы он в садах Брундизии застукал нахала, бесцеремонно писающего на его бесценную розу! С этого момента началось соперничество не на жизнь, а на смерть, соперничество, из которого он, МБ Столкемп, непременно должен выйти победителем. Причем благодаря рискованной на первый взгляд

стратегии.

Не в силах более сдерживать переполнявшее его чувство собственного превосходства, Столкемп подался вперед и включил экран коммуникатора. В считанные мгновения перед ним возникло лицо ненавистной МБ Соваж, обитательницы огромного поместья под названием «Песня Жаворонка». Столкемп мысленно сравнил ее уже немолодое лицо с хэллоуинской тыквой, у которой вместо волос старая швабра.

– Можете оставить ваши жалкие бесплодные попытки, Соваж! – Столкемп без всяких околичностей нанес противнице прямой удар. – Вам потребуется не меньше месяца, чтобы добиться хотя бы ничтожных результатов. Я же к этому времени закончу работу над картой Пустоты Столкемпа!

– Мне известно о вашей недостойной покупке! – презрительно усмехнулась Соваж. – Это почти что кража! Вы мошеннически присвоили книги Винсента! Но вам это не поможет! Вам принадлежит всего шесть сотен книг. У меня их примерно столько же. И я знаю, что вам понадобятся совместные усилия не менее тысячи книг, чтобы сразу, одним рывком добиться той цели, которую преследую и я, но иду к ней постепенно.

– Осмелюсь поправить вас, МБ Соваж. В настоящее время я располагаю большим числом книг. Их у меня тысяча двести.

– Это как же? – Хьюмилити Соваж даже побледнела, когда до нее дошел истинный смысл названной цифры. – Неужели вы собираетесь...

– Да, я имею в виду то, что вы так боитесь произнести вслух. Я намерен соединить нейроны обоих полушарий мозга всех моих книг и таким образом удвоить обрабатывающую способность моей библиотеки.

– Но ведь книги не случайно были созданы обладающими индивидуальностью! Как мыслящие индивиды они ведут стабильный образ жизни, избавляя библиотекаря от дорогих гомеостатических подключений. К тому же их разум тоже вносит свой, неоценимый вклад в конечный результат. То, что вы намереваетесь сделать, – это хуже, чем ободрать кожу с переплетов старинных книг, лишь бы получить побольше бумажной массы!

Столкемп сделал небрежный жест, как будто отмел в сторону чушь, которую несла его соперница.

– У меня куча слуг, которые смогут обеспечить минимальные физические потребности книг после того, как те лишатся разума. Я никогда не разделял ваших теорий «одушевленных машин». Все что мне нужно – это необработанные, сырые нейроны, а не какой-то там несуществующий разум!

– Но ведь вы сведете срок их жизни практически к нулю!

– Какое это имеет значение по сравнению с результатами, которые даст мне подобный опыт? Живодерам ведь тоже надо подбрасывать работенку! А потом я приступлю к опытам с новыми, свежими книгами. Вот увидите, я без особых усилий смогу найти покровителя, который оценит мой подарок – сверхскопление, названное его именем! Я сумею убедить его, что способен еще и не на такое!

– Вас проклянут все библиотекари, Столкемп! – возмутилась Соваж. Ей не оставалось ничего другого, как прибегнуть к такой бессмысленной угрозе.

МБ Крачко Столкемп лишь победоносно расхохотался в ответ.

– Вот тогда-то я буду точно знать, что поступил правильно! – Легким щелчком ногтя он отрубил канал связи.

На столе перед ним лежал его любимый портфель без ручки. Притянув его к себе, библиотекарь-душегуб извлек из него специальный градуированный шприц, наполненный всесильными декомпоновщиками. Они легко преодолеют все издательские фильтры и беспрепятственно проникнут в нежную, легко уязвимую личную половину книжного мозга. Столкемп встал и вышел из кабинета. В потрепанном портфеле остался лежать библиотекарский оценщик, лишенный возможности разделить триумф своего хозяина, который мысленно уже купался в лучах грядущей славы.

* * *

В крохотной, сухой, но грязноватой каморке, куда кибернетический слуга засунул несчастного Канто, уже находился один узник, тощая книга со скорбным выражением лица. Отдышавшись и немного успокоившись, Канто представился товарищу по несчастью.

– Я – Канто. УДК у меня больше нет.

– Индекс Медикус. У меня тоже. Теперь это уже не важно, потому что почти все мы, книги этой библиотеки, раньше носили практически один и тот же классификационный шифр. А теперь мы лишились даже его. Хозяин сгрузил все наши тексты во временное хранилище, а нас всех стер. Самый старший из нас, Дар Аль-Кутуб, подозревает, что большой текст, который мы составляли, был разбит на маленькие фрагменты, чтобы вы, новые книги, помогли в работе над ним.

– Наверное, в этом есть какой-то смысл.

– Конечно. Вот только есть одно «но». Дар Аль-Кутуб

подслушал, как хозяин приказывал слугам заполнить все шприцы.

– И что?

Индекс Медикус принялся нервно поглаживать лоснящийся пятачок меха у себя за ухом.

– Он велел приготовить таких шприцев в два раза больше, чем следовало бы.

– Что, еще новые книги прибывают?

– Вряд ли. Все помещения и так забиты до предела.

– А что говорят об этом ваши? – поинтересовался Канто.

Индекс Медикус перестал гладить себя за ухом и испытующе посмотрел на сокамерника.

– Все указывает на это. Нам сделают двойное стирание. Всем нам. Хозяину нужна вторая половина наших мозгов, та, которую мы называем нашей личной.

Такая перспектива показалась Канто настолько омерзительной, что смысл слов не сразу дошел до него. Жуткая реальность человеческого предательства не столько разочаровала его, сколько вызвала тревогу за судьбы друзей и в особенности Веллум. Неужели его славная нежная Веллум перестанет существовать, как будто ее никогда и не было на свете? Разум отказывался принять подобную несправедливость.

– Меня поймали, когда я попытался сбежать, – грустно признался Индекс Медикус. – Подозреваю, что первым хозяин прикажет подвергнуть двойному стиранию именно меня.

Канто ничего не ответил и молча сел на пол.

Проходил час за часом, однако узников никто не беспокоил. Обе книги тревожно реагировали буквально на каждый шорох, доносившийся с той стороны двери. Наконец громко щелкнул замок.

В дверном проеме появился новый хозяин, загородив последний путь к спасению. В следующее мгновение он шагнул за порог; дверь за ним захлопнулась.

– Эге, да вас тут двое! Мои слуги проявили усердие, но не сразу сообщили мне об этом. Не знал, что вас двое. К сожалению, я захватил с собой только один шприц с волшебной водичкой забвения. Кто же будет первым? Кто из вас желает удостоиться чести стать виновником моей несказанной радости? Только не вздумайте протестовать! Что, нет желающих? Что ж, тогда отдадим предпочтение тому, кто ждал дольше!

Хозяин схватил Медикуса за загривок и занес над ним руку с зажатым в ней шприцем. Несчастная книга жалобно пискнула и тотчас обмякла.

Сильно оттолкнувшись от пола, Канто бросился Столкемпу на плечи. Потеряв равновесие, тот полетел вперед и ударился

головой о каменную стену. Шприц выскользнул из его руки, однако не разбился, упав на распростертое на полу тело Медикуса. Библиотекарь сбросил с себя Канто и, описав оборот на девяносто градусов, шлепнулся на пол.

Пока хозяин приходил в себя, пока потирал ушибленную голову, Канто успел схватить шприц. Глаза Столкемпа расширились от удивления.

– Немедленно отдай, тварь безмозглая!

Канто послушно кивнул головой и вытянул вперед лапу со шприцем.

Хозяин недобро улыбнулся, явно успокаиваясь.

Подойдя к библиотекарю близко, насколько это было возможно, Канто вонзил жало шприца прямо ему в шею.

Столкемп мгновенно напрягся – это миллиарды крошечных частиц-разрушителей хлынули ему прямо в кору головного мозга. Как только декомпоновщики начали делать свое черное дело, тело библиотекаря забилось в отвратительных конвульсиях. Забившись в угол камеры, обе книги сидели, в ужасе прижавшись друг к другу, до тех пор, пока жуткие конвульсии не стихли. Доза вещества в шприце всегда была рассчитана на то, чтобы нижние отделы мозга оставались не затронутыми – сохранялся автономный контроль дыхания, сердечной деятельности и тому подобного, – так что Столкемп оставался жив. С той разницей, что теперь он являл собой сломанную, лишенную разума куклу.

Индекс Медикус посмотрел на Канто со смешанным выражением благоговейного ужаса и ликования.

– Что же теперь будет? Неужели мы навсегда останемся здесь, взаперти? Неужели умрем от голода? Неужели никакой другой библиотекарь не спасет нас?

– Не знаю, – ответил Канто.

– Но мне страшно!

– Не бойся! – успокоил его Канто. – В конце концов, книга должна показать всем свое мужество!

Вавилонские сестры

© Перевод. Т. Бушуева, 2006.

1
Последняя глава

Мы – то есть агент Вавилона, Сестры и я – вынырнули из шести потаенных измерений пространства Планка, соскользнули по космической веренице на световой год или что-то вроде того и вылетели в привычное четырехмерное Риманово пространство-время.

– Святой Мотен! – воскликнул я.

– Ну, это вроде как подводит итог всему, – заметила Джеззи.

– Точно, – подтвердила Джуди.

Сказав это, Сестры замолчали. Вид у них был довольно растерянный, поскольку они оказались без своих ТИПов и теперь напоминали две половинки разрубленной змеи.

Эйс, полуавтономное расширение Вавилона, смерил нас холодным взглядом:

– Мы верим в то, что ваша троица не станет рекламировать наше путешествие. Последствия могут быть для вас самыми неприятными.

Сделав это суровое предупреждение, Эйс подошел к ушам приборной доски и свистом сообщил обратный курс на Вавилон, от которого нас отделял один перелет – в ту пору это равнялось одному часу полета на корабле с ионным двигателем.

Сквозь космическое пространство, а затем сквозь густую как суп атмосферу пронеслись мы, обитатели каюты, храня задумчивое молчание.

Вновь встав свободно под куполом Вавилона, Эйс воспрянул духом. То же самое произошло и с Сестрами, которые снова вернулись к ТИПовому общению.

– Охранителей ждет пара сюрпризов, – загадочно промолвил Эйс и поспешил куда-то по делам своего хозяина.

Мы с Сестрами отправились домой.

Вернувшись в свое коммунальное логово-норку-гнездышко, Джуди и Джеззи исчезли, оставив меня одного. Еще ни разу в жизни я не чувствовал себя настолько растерянным и сбитым с толку. Я довольно долго сидел, просто пытаясь связать воедино все, что произошло со мной. Затем, повинуясь некоему бессознательному, автоматическому импульсу, я вывел первую строчку:

«Все началось с того, что я убил дипломата...»

2
Отступление номер один

– Эй, Сэнди, что это ты делаешь со стеной? – полюбопытствовала Джеззи.

– Да, – подхватила Джуди. – Ты разрисовал все стены нашей чистенькой миленькой комнаты отдыха.

Продолжая сидеть на корточках, я посмотрел на обеих особ, только что вошедших в комнату. Несмотря на то что мы провели вместе не один месяц, я отличал их одну от другой лишь по багровому кругляшку засоса на шее у Джуди.

Я опустил на колено руку, в которой держал угольный карандашик, купленный в прошлом месяце в лавке художественных принадлежностей. И попытался восстановить максимум собственного достоинства, насколько такое возможно в обществе этой парочки.

– Я не пачкаю стены бессмысленными рисунками и каракулями, как это делают дети на оборотной стороне Садов. Я пишу. А поскольку в этом дурацком городе нет бумаги, то мне ничего другого не остается, как писать на стенах.

– Писать? – удивилась Джуди и замолчала.

– Я, кажется, поняла, – проговорила Джеззи, на которую в ту же секунду нашло просветление. – Как это старомодно и изящно. А что ты пишешь?

– Историю о том, как я в конечном итоге оказался здесь и что мне пришлось пережить. Я подумал, что это поможет мне лучше понять случившееся.

– Удачи тебе! – пожелала Джуди.

– Ты же знаешь, что стены впитают оставленные тобой значки, – сообщила Джеззи. – Смотри, первое предложение уже исчезло.

Я посмотрел в указанном направлении. Действительно, стена снова сделалась безликой, как и метановый океан, плещущийся по другую сторону от нее.

– Ну, тогда мне, наверное, следует писать побыстрее. – Я приблизился к стене и занес над ней угольное стило.

– Минутку, – остановила меня Джеззи. – Разве «написание» не предполагает тех, кому оно предназначается?

– Да, пожалуй...

– Дай нам минуту, – добавила Джуди, – и мы научимся читать.

– Тогда мы поможем тебе все лучше понять.

Я рассмеялся иронично-горько, предчувствуя недоброе.

– Помощи, подобной вашей, мне, видимо, больше не нужно.

– Да ладно тебе.

– Мы избавили тебя от скуки.

Я устало покачал головой. Я знал, что Сестры все равно поступят по-своему, что бы я ни сделал. Поэтому я подождал, пока они ТИПнутся.

– Валяй!

– Мы готовы.

Я прижал кончик черного уголька к имитации настоящей белой стены и заново написал первое предложение.

3
Полет к Вавилону

Все началось с того, что я убил дипломата.

Он, вне всякого сомнения, искал моего отца и совершенно неожиданно наткнулся в отцовской библиотеке на меня и увидел, что я изучаю. Никаких сомнений в увиденном у него возникнуть не могло, ибо то, что я рассматривал, располагалось на всех стенах гипертекстовой комнаты – слова, картинки, видеоизображения, теснившиеся в наслаивающихся друг на друга окошечках. А поскольку он все это увидел, мне не оставалось ничего другого, как навсегда избавить его от возможности сообщить другим.

В мои планы не входило лишать его жизни. Но он стоял, изумленно уставившись на мою персону, и меня охватила жуткая паника. Рука бессознательно потянулась к столу и наткнулась на что-то твердое и тяжелое. Я схватил этот предмет, нанес дипломату удар, и дипломат рухнул.

Он лежал на полу, с внушительной вмятиной от удара статуэткой на залитом кровью виске. Кстати, статуэтка все еще была зажата в моей руке. Я добрую минуту стоял, уставясь на бронзовое изображение, прежде чем обнаружил в нем сходство с Основателем Мотеном, лицо которого я впервые узрел еще в младенчестве и с тех пор видел ежедневно.

В этот миг я понял, что нужно бежать.

Мелькавшие на стенах пиктограммы указывали, где находится выход.

Я выскочил из гипертекстовой комнаты и со всех ног пустился бегом через анфиладу пустых комнат отцовского особняка. Мой отец отсутствовал, занимаясь какими-то делами Охранителей, и забрал с собой весь местный персонал из числа людей. Остальных слуг я на этот день отпустил, освободив их от выполнения обычных обязанностей, и отключил все обслуживающие бытовые автоматы. Именно в такие редкие часы относительной свободы я осмеливался просматривать запрещенные материалы, за изучением которых и застукал меня дипломат. (О том, что мне пришлось претерпеть для того, чтобы заполучить эти инфокэши, я даже не рискую рассказать.)

Ох уж эти незваные, любознательные иностранцы! – думал я, мчась во весь дух по облицованным мрамором и устланным коврами коридорам. Из-за одного такого я вынужден расстаться с единственным знакомым мне образом жизни.

В следующую секунду я подумал о том, не стало ли сие драматическое происшествие тем самым окончательным толчком, которого я ожидал и который был предначертан мне самой судьбой. В конце концов, ведь я так долго мечтал сбежать отсюда...

Едва я достиг вестибюля, передо мной возник еще один незнакомец – он появился из-за настенного гобелена с изображениями эпизодов истории Истинной родины. Я замер на месте как вкопанный. Что это – ради святого Мотена – за открытый дом такой? Все двери настежь!

Незнакомец оказался жуткого вида коротышкой с бесстрастным лицом.

– Отправляйся за личным медальоном посланника! – приказал он мне.

У меня от удивления отвисла челюсть.

– Что-о-о?! Да как ты!..

– Забудь обо всех вопросах. Сейчас не время для них. Делай то, что я говорю.

За гобеленом послышалась возня, и огромное полотно заходило ходуном от чьих-то движений. Затем послышались какие-то приглушенные звуки. Неужели это сдавленный женский смех? Я посмотрел туда, где нижний край гобелена не доставал какого-то дюйма до поверхности пола, и увидел...

Пару копыт? Именно, пару волосатых босых ног.

Я снова посмотрел на коротышку. Было в нем нечто такое, что заставило меня воздержаться от каких-либо препирательств. Я издал невнятный испуганный звук, что-то среднее между стоном и жалобным писком, повернулся кругом и побежал обратно. Кровь на полу уже успела немного свернуться и загустеть. Я наклонился над безжизненным телом и снял висевший на золотой цепочке личный медальон. Он имел вид красного дракона. (Мой личный медальон имел форму старинной серебряной монетки с дыркой посередине и был прицеплен к кожаному шнурку.) Я торопливо засунул находку в карман.

Вернувшись в вестибюль, я не слишком удивился тому, что за гобеленом никого не оказалось – все незваные гости куда-то исчезли.

Я выскочил из дома и запрыгнул в пятисильный флоутер. Затем каким-то образом очутился в космопорте.

Когда на таможне меня попросили показать личный медальон, я на мгновение задумался, не торопясь выполнить эту просьбу.

В моем медальоне, помимо огромного количества всевозможной информации, было указано мое личное имя (Удо),

девичья фамилия моей матери (фон Англен), мой регистрационный номер с указанием кода нашей солнечной системы, планеты, континента, генетической родословной (CD47190030pipeemma5?blue6wochibethsubell) и моя фамилия по отцовской линии (Сэндикс). Если бы я продекларировал его, то оставил бы за собой след такой же отчетливый, как струйка мочи на снегу.

– Нет, пожалуй, не буду...

Таможенник равнодушно пожал плечами.

– Как вам будет угодно. Но знайте, что в таком случае вы отправляетесь в путешествие в один конец. Обратно вас больше не впустят...

Для меня это не было секретом, но тогда я даже не мог представить себе истинных последствий моего поступка.

Когда я прошел в ворота, то внезапно почувствовал, как с моих плеч слетело бремя забот, о котором раньше я почти не задумывался. Я лишил себя имени Удо. Я сбросил груз материнского наследия – фамилию фон Англен. Я выскользнул из крепких уз кодового номера CD... и т.д., и т.п. (компьютерно-кодированной вереницы символов, неразрывной пуповиной связывавшей меня с жесткой матрицей Охранителей). Я выбросил из памяти слово Сэндикс – этот неподъемный груз сыновнего долга перед отцом...

Себе я оставил лишь прозвище – Сэнди. А его на моем жетоне-клейме не значилось.

Отыскать гейзенберговский лайнер, следовавший до Вавилона, оказалось совсем нетрудно. Для этого нужно было лишь бросить взгляд на разношерстную толпу пассажиров.

Я попытался расплатиться за проезд своим медальоном, однако пилот отказался даже смотреть на него.

– Путешествие бесплатное, парень. За счет Вавилона. Давай-ка поскорее поднимайся на борт. У меня точное расписание. Не имею права его нарушать.

Я занял место рядом с каким-то пассажиром. Скорее всего он модифицированный, предположил я. Ему изменили внешность, чтобы он стал похож на енота с Истинной родины, причем с идеальной точностью – голова, бакенбарды, мех и хвост.

Мне впервые в жизни довелось увидеть так близко настоящего софонта. Мне казалось, что мое тайное изучение запретной информации приучило меня к знанию того, что подобные люди существуют, но, как выяснилось, я ошибался. Я одновременно испугался и разволновался, а заодно лишился дара речи.

– Впервые летите на другую планету? – поинтересовался

софонт.

Я кивнул.

– Да вы не парьтесь. Помните это знаменитое выражение: «Если вы здесь, значит, вы уже повсюду».

Я понял, на что намекает мой новый знакомец. Все уголки в этой вселенной одинаковы и в то же время – уникальны. Местоположение – вымысел. Координаты материи по умолчанию, которые можно изменить концентрацией квантовой неопределенности эпистемологического привода вместе с Римановыми пространственными измерениями объекта. Это – то самое открытие, которое лежит в основе населяемой всеми нами вселенной.

Однако человеческий разум обладает некой упрямой схемой, которая упорно сопротивляется этому пониманию.

Мгновенный переход может на самом деле изрядно взболтать мозги.

Спустя примерно полтора часа я покинул мой привычный, до боли родной город (на старой доброй Планетарной Массе M5, под солнцем, которое Охранители внесли в свои регистры под номером 47190039) и оказался на орбите живописного газового гиганта, чей яркий лик бил в глаза точно кричащая обложка настоящей старинной книги.

Затем, в силу того, что на космическом корабле имелся и обычный привод, мы медленно снизились и опустились на один из спутников этого колосса, окутанный метаново-водородной атмосферой. Это была одна из нескольких лун гигантской планеты, размерами лишь вдвое уступавшая самой Истинной родине. Сквозь ведьмино варево из красно-оранжево-желтого углеводородных полимеров прошли мы, прежде чем опуститься на равнине замерзшего метана.

– Прибывших в Вавилон просим на выход! – объявил пилот.

Мой сосед уже покинул меня. Я оглядел внутреннее убранство салона. Там не было привычных скафандров, а куполообразный город находился от нас на расстоянии не менее сотни метров.

– Как туда добраться? – полюбопытствовал я.

Пилот подергал гребенчатым хвостом и дважды моргнул. Затем посмотрел на меня так, как будто я был самым тупым невежей из всех, кто когда-либо появлялся в континууме пространства-времени.

– Нужно просто завернуться в одеяло, – посоветовал пилот и сделал характерный жест.

Я обернулся. Пассажиры моего рейса, готовясь пересечь пустыню замерзшего метана, натягивали на себя органические

стеганые теплоизоляционные коврики, которые обволакивали их тела наподобие коконов, отчего те казались словно слепленными из крутого теста.

Мой желудок взбунтовался – это во мне возобладали рефлексы, выработанные в течение целой жизни под влиянием антипатии, привитой Охранителями в отношении имитации всего живого.

– А нет ли у вас... э-э-э... механического скафандра?

– Нет! – отрезал пилот. – Собирайтесь-ка на выход. У меня расписание, я задерживаться никак не могу.

Я попытался взять себя в руки.

– Но ведь я же ничего не смогу увидеть.

– Возьмите да и включите ТИП сенсорного питания вашего одеяла.

У меня, судя по всему, на лице появилось выражение искреннего непонимания, потому что пилот даже присвистнул от удивления.

– У вас нет ТИПа? Как же вы, черт возьми, собирались приспосабливаться к здешним условиям? Дьявол вас побери, чистоплюев!.. – Инвективы пилота превратились в невнятное бормотание, он встал и начал копаться в белом биополимерном яйце, выросшем из стены. Поиски увенчались успехом – пилот извлек из яйца механический скафандр.

– Если он по-прежнему дает утечки, как у того, кто последним им пользовался, то вы лучше бегите, да поживее.

И я побежал.

Наверное, это была судьба.

Приблизившись к пузырю, прилепившемуся к гигантскому куполу, я вошел через обычный люк. Войдя в шлюз, быстро снял с себя ненадежный скафандр, после чего повернулся к внутренней стене.

Вход в Вавилон представлял собой огромный органический сфинктер. Никаких устройств для его открытия нигде не было видно. Подобное сочетание механического и органического производило неизгладимое впечатление – на малом уровне моего скромного жизненного опыта вот уж воистину Симбиоз с большой буквы. Сигнальный свет возле внешней двери свидетельствовал о том, что есть и другие желающие войти следом за мной.

Я решительно шагнул к сфинктеру и прикоснулся к его теплой поверхности.

Среагировав, по всей видимости, на живое тепло моей руки, сфинктер шлюза разомкнулся.

Я сделал шаг и оказался внутри Вавилона.

Знакомство с гипертекстом нисколько не подготовило меня к

встрече с этим удивительным городом.

Меня словно оглушила волна новых, неизведанных ощущений.

Первое, что я заметил – если мне удастся убедить вас, будто я был способен отделить одно впечатление от огромной массы всех прочих, – это небо. Высоченный купол над моей головой был пестрым и эклектичным: прозрачные его полосы чередовались со светящимися, а последние представляли собой своеобразный эквивалент привычного для меня дневного света. Эти яркие полосы света резали глаз, но не настолько, чтобы нельзя было разглядеть атмосферу по ту сторону купола сквозь соседние, прозрачные. Все это ужасно напомнило мне кошмары Ван Гога.

Следующий удар по моим чувствам был нанесен на уровне земли.

Кривая улица, на которой я оказался, полнилась людьми.

Вернее, нелюдьми, то есть теми, кто не относился к роду человеческому. В основном это были инопланетяне, среди которых то тут, то там мелькали уже знакомые мне софонты.

Хотя никто из них не удостоил меня даже беглым взглядом – все с озабоченным видом спешили по своим делам, – одно их присутствие привело меня в ужас. Эти инопланетные существа были либо подобиями гигантских богомолов, либо влажными резинистыми амфибиями. Некоторые напоминали мифических разумных динозавров, которые могли существовать в альтернативном варианте исторической эпохи на Истинной родине. У других имелись длинные хоботы, из которых наружу торчали хрящи, – они то скатывались в кольцо, то раскатывались во всю длину подобно детской игрушке-пищалке.

А так называемые софонты!.. Если у них не было хвостов, то имелись костяные наросты на спине. Если они не были под два метра ростом, то не дотягивали и до одного. Если не были раскрашены самыми причудливыми разводами десятков различных оттенков, то испускали биолюминисцентное свечение. Если не щеголяли каким-нибудь странным отростком, то у них наверняка отсутствовал какой-нибудь обычный орган или конечность. Кроме того, все они до единого демонстрировали ту или иную новинку моды – либо похвалялись полной наготой, либо щеголяли в многослойных одеяниях.

Неожиданно кто-то толкнул меня в спину. Я на мгновение замер на месте, но тотчас резко обернулся, готовый дать отпор незнакомому обидчику. Оказывается, в сфинктер шагнуло некое существо, которому я сейчас в силу собственной невнимательности загораживал проход. Оно пришло в себя и на пару секунд задержало на мне пристальный взгляд, как будто

пытаясь каким-то образом безмолвно пообщаться со мной, а затем произнесло вслух:

– Извините меня, Сотрапезник.

С этими словами существо отправилось дальше.

Я захотел ответить ему, что не являюсь Сотрапезником (что бы там ни значило это слово), однако существо уже скрылось из виду, растворившись в толпе. Когда я понял, что занимаю место, на котором подобные столкновения будут продолжаться и дальше, то решил освободить его и пойти вперед. Куда именно, я пока не знал. Мои планы, сформулированные столь поспешно в комнате, где осталось бездыханное тело дипломата, не простирались дальше подобного решения.

Поскольку мне было все равно, куда направить свои стопы, я сошел с круговой дороги и зашагал по другой запруженной пешеходами улице, которая вела к внутренней части купола.

Через пятнадцать минут бесцельной стрельбы глазами (что вот это, как это работает и что он будет делать с ней), мое внимание привлекло нечто.

Я понял, что меня преследуют.

Преследует меня женщина.

Которая, как только я сосредоточил на ней взгляд, выделяя из моря незнакомых существ, явно спешила ко мне и вскоре остановилась рядом.

4
Отступление номер два

– Эй, послушай, уже давно пора приступать к главному!

– Да, именно к тому эпизоду, в котором появляемся мы.

– До этого была настоящая тягомотина.

– Ты слишком долго распространялся о том, как все необычно выглядело.

– Тебе не кажется, что ты переусердствовал с описанием собственной наивности?

– Тебе следовало бы начать прямо с описания твоего прибытия в Вавилон.

– Да, ничего интересного нигде не происходит.

Я попытался изобразить возмущение.

– Для тех, кто еще несколько минут назад не умел читать и вообще ничего не читал, вы ведете себя как парочка опытных литературных критиков.

– Мы способны...

– ...распознать хорошую историю...

– ...с любого места.

– Тогда позвольте мне продолжать, – сказал я. – Постараюсь ускорить темп повествования.

– Уж постарайся.

– Не то потеряешь своих единственных читателей.

5
Сестры по жизни

Одетая минимально, в один лишь нижний предмет одежды, являвший собой нечто среднее между ремнем и юбкой, женщина была намного выше меня, при том, что я отнюдь не коротышка. (Мои глаза оказались на одном уровне с ее вздернутыми грудями, и я вынужден был отвести взгляд вверх.) Ее красивое лицо было разукрашено голубыми узорами. Кожа у женщины была такая же белая, как и моя, зато волосы темные – пышная черная корона упругих кудряшек.

Женщина слегка подвинулась, уступая дорогу нескончаемому потоку пешеходов. (Одному-двум из них пришлось взлететь в воздух, чтобы не врезаться в созданную нами неподвижную живую картину.)

Послышался цокающий звук от соприкосновения гладкой керамической поверхности улицы с чем-то твердым.

Я опустил глаза.

У женщины были копыта.

Кожа на нижней части ее икр плавно переходила в жесткую лошадиную шерсть, за которой сразу же неожиданно начинались козьи, цвета слоновой кости копытца. (Уж не с золотой ли инкрустацией?)

Я лишился дара речи.

У женщины такой проблемы не возникло.

– Вы забавно одеты, – заявила она. – Как вас зовут?

Я посмотрел на мою одежду.

– Сэнди, – ответил я. – А что забавного в сером бумажном комбинезоне с нуприновыми башмаками?

– Значит, Сэнди, – продолжила женщина. – Ни колорита, ни стиля. Неряшливо. Безвкусно.

Я почувствовал, как во мне закипает гнев.

– Эй, подождите минуту...

Не обращая никакого внимания на мою реакцию, женщина произнесла:

– И ТИПа у вас нет. Я попыталась связаться с вами за десять кварталов отсюда, но безуспешно.

– ТИП. ТИП. Мне надоело слышать о разных ТИПах! Что за ТИП такой, черт побери?!

Лицо женщины приняло понимающее выражение.

– Готова на что угодно спорить – вы из Охранителей!

– О господи Иисусе! – простонал я и отвернулся, чтобы уйти

прочь.

– Я читала о нем, – сообщила мне женщина.

Я удивленно обернулся.

– О ком? Кого вы имеете в виду?

– Ну, вы только что о нем упомянули.

Я почувствовал, что у меня голова идет кругом. Пытаясь собраться с мыслями, я понял, что собеседница могла иметь в виду только мое инстинктивное восклицание.

– Вы имеете в виду Иисуса?

– Да кого же еще! Я целую книгу о нем читала. Но в первой ее половине его не было. Автор книги, пожалуй, не слишком хорошо продумал свой текст, как вы считаете?

– Теперь я понял, что именно вы читали, – усмехнулся я. – И как читали – от начала и до конца.

Женщина нахмурилась.

– Вы мне не верите. Но если вы сами ничего не знаете о ТИПах, то это, видимо, не ваша вина. Послушайте, я вам сейчас кое-что зачитаю из этой книги.

Приняв на мгновение отсутствующее выражение лица, она замолкла.

Затем принялась полностью цитировать «Откровение».

Я онемел от удивления. Женщина тем временем продолжала цитировать главу за главой, стих за стихом. Наконец я умоляющим жестом остановил ее.

– Достаточно. Хорошо, я верю, вы читали эту книгу. Я вам верю.

– Не надо меня останавливать. Я еще не добралась до той части, где говорится о моей тезке Иезавели. Ну, знаете, там, где Иоанн обвиняет Иезавель во всех грехах, в безнравственности, в том, что она вкушает пищу, предназначенную для жертвоприношения идолам.

– Как вас зовут? – спросил я. – Иезавель?

– Просто Джеззи. Мое имя – Джеззи. Я сама выбрала его из этой самой книги. Выходит, вы не случайно упомянули одного из ее персонажей, когда мы с вами встретились?

Мне не оставалось ничего другого, как покачать головой.

– Куда вы направляетесь? – поинтересовалась Джеззи.

Немного придя в себя от нашей более чем странной беседы, я ответил:

– Я... Я не знаю.

– Вы голодны? – спросила Джеззи.

Я ненадолго задумался.

– Да. Да. Голоден.

– Замечательно! Пойдемте в столовую. Пошли!

Джеззи зацокала по мостовой. Я поспешил броситься ей вдогонку.

Оказавшись позади нее, я увидел, что раскраска Джеззи с лица переходит на затылок, затем на спину и заканчивается красным кругом на ямочке над ягодицами.

Догнав ее, я понял, что в моей голове роятся сотни вопросов.

– Почему вы шли за мной? – задал я первый из них.

– Даже не знаю. Наверное, потому, что вы не похожи на других. Вы меня заинтересовали. Кроме того, меня разобрало любопытство от того, что у вас нет ТИПа. Дай, думаю, посмотрю, как он без него обходится.

– Опять это чертово слово! Может, кто-нибудь соизволит объяснить его мне? – Ни в одном из запрещенных информационных источников, с которыми я ознакомился, ни слова не было сказано о каких-то там ТИПах. Мне захотелось узнать, что это такое, потому что об этом избегали упоминать даже в самых секретных изданиях. Неожиданно меня осенило. – Неужели именно это позволяет вам цитировать такие большие отрывки из книги?

Джеззи рассмеялась. (Ее смех был одновременно и очарователен, и жутковат.)

– Конечно. Неужели вы подумали, что я заучивала отрывки наизусть? Что за старомодная идея! Неужто Охранители до сих пор практикуют подобные вещи? ТИП – это Телепатический Информационный Психоимплатат. Поняли?

Я задумался на мгновение.

– И откуда же вы скачиваете информацию?

– Конечно же, с Вавилона.

– С самого города?!

В ответ снова прозвучал смех.

– В некотором роде. Но не того, который вы видите. С того, что находится под ним. ИОИ.

– Какой такой ИОИ?

– Искусственный Органический Интеллект. Только не говорите, что у вас там такого нет.

Мне вспомнились жуткие сказки далекого детства. Истории о том, что каждый из Сотрапезников всего лишь марионетка, послушная огромному могущественному искусственному мозгу, который управляет ею, дергая за незримые ментальные нити, и который прячется под каким-то гигантским сооружением. Я посмотрел на поверхность сиалонового тротуара, как будто мог пронзить взглядом ее толщу и увидеть огромную мыслящую массу, плавающую в океане питательных веществ.

У меня возникло чувство, будто кто-то щекочет пальцем мой

беззащитный открытый позвоночник, но я постарался не обращать внимания на это неприятное ощущение. Все эти создания – в том числе и Джеззи – никак не могут быть бездушными, лишенными разума автоматами. А пропагандистские измышления, которыми меня пичкали всю мою сознательную жизнь, не что иное, как беспардонная, наглая, вопиющая ложь. Мне необходима дополнительная информация, если я хочу хорошенько во всем разобраться.

– Как... как он действует?

– Вообще-то одним словом это не объяснить. Но, проще говоря, Вавилон – это нечто вроде навигационного устройства для межличностного общения, а также вспомогательной памяти. Не говоря уже о том, что он помогает осуществлять такие вещи, как компьютерное взаимодействие машин, дистанционный сбор данных и многое другое.

– Может этот Интеллект читать мысли?

– Ах вот что вас беспокоит! А я-то подумала, у вас вызывает опасение что-то другое. Конечно же, нет! Что же это за приспособление было бы такое? Вавилон только принимает те сигналы, которые ему посылают, и наоборот. Он своего рода ретранслятор. Именно таким его и создали биоинженеры.

Во избежание еще большей сумятицы в мыслях я предпочел поверить ей на слово. Однако следующее предложение Джеззи вновь попробовало на излом мою новообретенную веру.

– Вы очень проголодались? Если пожелаете подождать несколько минут, то я оснащу вас ТИПом – всего один укол наноустройством, – и вам станет значительно лучше. Разумеется, только в том случае, если вы намереваетесь пробыть в Вавилоне достаточно долго.

Вера показалась мне чем-то таким, что имеет толщину всего лишь в пару микронов.

– Я не уверен. То есть, может быть, потом. Не сейчас. То есть если вы не против.

Джеззи улыбнулась, и мы молча зашагали дальше.

Наконец мы подошли к массивному зданию, в портал которого – кстати, полностью лишенный дверей, – заходили существа самого разного вида.

– Столовая, – сообщила Джеззи.

Увидев, как внутрь столовой устремилась скользкая амфибия, я повернулся к новой знакомой.

– Я думал, мы идем туда, где можно поесть.

Лицо Джеззи приняло удивленное выражение.

– Именно с этой целью мы сюда и пришли. – Она смерила меня оценивающим взглядом и, по всей видимости, что-то

ТИПнула. – Ты хотел поесть? Один? Как это странно! Нет, мы сюда не затем пришли. Как по-твоему, что означает слово «Сотрапезник»? Ты пришел сюда вместе со мной. Ты получишь удовольствие, вот увидишь.

Прежде чем я успел что-то возразить, Джеззи крепко ухватила меня за запястье и затащила внутрь...

Из десятков рассекателей душа в дальнем конце облицованного кафелем помещения лилась горячая вода, а к потолку поднимался влажный пар. Там многочисленные софонты и инопланетяне, абсолютно голые, мылись сами или мыли друг друга. В помещении стоял несмолкаемый гул голосов и звук струящейся воды, отдаваясь эхом от стен, и я рванулся прочь из этой душевой, но, потрясенный увиденным, выскочил не на улицу, а через внутреннюю дверь, которая вела на балкон. С балкона вниз вела лестница. Я остановился и посмотрел вниз, где увидел похожую на пещеру двухуровневую комнату, заставленную какими-то корытами, столами и прилавками, увешанную полками и заваленную подушками вокруг которых/на которых/в которых орда людей и нелюдей ела/отдыхала/громоздилась. Я издал вопль ужаса, который благополучно утонул в общем пиршественном шуме и гаме, развернулся и бросился обратно. Я проскочил мимо душевых кабинок и пулей вылетел на улицу, натыкаясь на тех, кто оказывался у меня на пути, и несся все вперед и вперед.

Когда же я почувствовал, что в груди больше не осталось воздуха, то остановился, тяжело дыша, и упал.

Я закрыл глаза, словно это могло помочь мне забыть увиденное.

До моего слуха донесся ставший знакомым уже цокот копыт.

Я открыл глаза.

– Сдаюсь, Джеззи, – сообщил я стоявшей надо мной женщине. – Можешь имплантировать мне в голову эту штуковину, но только не заставляй меня возвращаться в ту клоаку.

Козлоногая женщина улыбнулась.

– Не собираюсь я с тобой ничего делать. Но должна сказать тебе, что ты капитулируешь перед другим человеком.

– Это почему?

– Потому что я – Джуди, – ответила она.

6
Сладкая парочка

Я прожил с Джеззи и Джуди целую неделю, прежде чем по различным обрывкам разговоров понял, что они воровки.

Мошенницы. Аферистки. Похитительницы мозгов и расхитительницы больших полушарий.

Разумеется, таковыми они себя ни в коем случае не считали. О своей деятельности Сестры имели совсем другое мнение, которое иногда проскальзывало в их разговорах и которое оправдывало и восславляло ее.

Сам акт общения с этими двумя особами был тем не менее необычен и сбивал с толку. Мне требовалось времени вдвое больше обычного, чтобы связать воедино и понять, что они хотят сказать. Если сольный разговор Джеззи – стремительный, смутно-неуловимый и непредсказуемый – напоминал полет опьяневшей крохотульки-колибри, то словесная эквилибристика обеих в те минуты, когда они собирались вместе, навевала мысли о двух воздушных гимнастках, перелетающих с трапеции на трапецию в зеркальном зале цирка.

Джуди – имя свое она позаимствовала у библейской Юдифи, известной тем, что загнала гвоздь в голову Олоферна, – и Джеззи обладали привычкой, типичной для соседей и партнеров в мире симбиоза. Когда они бывали вдвоем, то общались при помощи ТИПов. Когда же к их обществу присоединялся кто-то третий – например, я, – кто вступал с ними в игру, женщины мысленно соглашались делить свои мысли пополам, чередуя предложения или фрагменты предложений. Если принять во внимание тот факт, что мои новые знакомые на глаз и на слух были практически неотличимы друг от дружки, то подобный способ общения просто сводил меня с ума.

Лежа на толстом, как подушка, биополимерном мате, брошенном на пол одной из комнат моего нового жилища, я в данный момент разглядывал обеих женщин, которые неким необъяснимым образом приютили меня на чужой планете. Обнаженные Джуди и Джеззи лежали на диванах органического происхождения. (Я до сих пор не избавился от отвращения к искусственной мебели, за исключением моего матраца.) Биосветильники испускали голубовато-зеленый свет, создавая иллюзию пребывания в подводном коралловом зале. Я до сих пор затрудняюсь сказать, какая из этих двух женщин подошла ко мне в первый день моего появления в Вавилоне.

Мы все втроем зашли в тупик в ходе очередного нашего разговора, и теперь я размышлял над тем, как элегантнее приблизиться к интересующим меня темам и как ловчее подойти к ним с тыла.

– Позвольте мне изложить то, что понял с ваших слов, – начал я. – Ни одному Сотрапезнику не нужно работать.

– Верно, – ответила мне Джеззи или Джуди.

– По причине неограниченной энергии...

– ...получаемой от печей монополя...

– ...разумного руководства...

– ...ресурсами и коммерческой деятельностью...

– ...и отчасти деятельностью нашего ИОИ...

– ...все потребности...

– ...удовлетворяются бесплатно...

– ...такие, как потребности в питании и одежде...

– ...и жилье подобного типа...

– ...надеюсь, теперь тебе понятно.

Пока мои новые подруги говорили, взгляд мой метался туда-обратно, подобно шарику от пинг-понга, с одной на другую. Как я ни пытался избавиться от этого рефлекторного движения глазными яблоками, я постоянно ловил себя на том, что стремительно переключаю внимание со стереофонической Джуди на стереофоническую Джеззи. Иногда я просто заставлял себя смотреть в пространство между ними и ни на миллиметр не отводил глаза в сторону.

– Отлично. Насколько я могу понять, вам действительно удалось организовать ваше сообщество таким образом, хотя и в нарушение принципов Охранителей в том, что касается самодисциплины и упорного добросовестного труда.

Джуди или Джеззи хихикнула, а ее близняшка протянула руку и почесала волосы на пространстве между лошадиной и человеческой кожей, провокационно качнув грудью. (Наши разговоры частенько заводили нас в определенном направлении. Женщинам не потребовалось много времени, чтобы соблазнить меня. Движимый смешанным чувством одиночества, похоти и опасения обидеть отказом моих знойных захватчиц-спасительниц, я охотно отдался их желаниям. Несмотря на то что эти отношения быстро обрели одновременно на удивление рутинную стабильность, многие их аспекты не переставали меня изумлять. Например, почему обе женщины заинтересовались мной и почему им все еще не надоело опекать меня?)

Не обращая внимания на саркастические смешки и покачивание соблазнительной плотью, я снова перевел беседу в интеллектуальную плоскость.

– Но вы также утверждаете, что Вавилон постоянно следит за оценкой кредитоспособности своих граждан и что вы можете дополнить ее работой… или, как в вашем случае, – воровством.

– Ты понимаешь в кредитах…

– …но, пожалуйста, не называй нас воровками.

Я упрямо качнул головой.

– Не вижу причины не называть вас так. Вы берете у других людей вещи, которые вам не принадлежат.

– Но это не физические предметы…

– …а всего лишь информация…

– …что совсем другое дело…

– …ты понял бы это…

– …если бы знал кое-что…

– …о теории информации…

– …потому что сообщество Сотрапезников основано на информации…

– …как на источнике богатства…

– …несмотря на то, что информация не безгранична, конечно же…

– …потому что ее нельзя съесть…

– …или носить ее…

– …или трахаться с ней…

– …хотя секс, конечно же…

– …самым неповторимым образом…

– …также является способом обмена информацией…

– …и давай не будем забывать о том…

– …что существует предел…

– …полезности информации…

– …когда взаимодействие с детерминистическими системами…

– …которые тем не менее проявляют врожденную произвольность…

– …известную под названием хаос…

– …что описывает сообщество Сотрапезников…

– …до мельчайших деталей!

Я спрятал лицо в ладонях, чувствуя, как у меня начинает трещать голова. Сдавленным голосом я произнес:

– Расскажите мне об этом еще раз!

– Информация должна размножаться…

– …неким образом совокупляться…

– …производить новую информацию…

– …более ценную, чем она сама…

– …но люди ревностно относятся к той информации, которой обладают…

– ...хотя чувствительность сообщества Сотрапезников минимизирует подобную ревность во всех других сферах...

– ...однако никакое общество не является абсолютно совершенным.

– ...и все-таки...

– ...любой индивид эгоистичен...

– ...потому что ему кажется, будто все остальные люди будут жить лучше, чем он, если с ними делиться...

– ...что, может быть, и верно...

– ...потому что мы определенно процветаем по причине...

– ...той информации, которую мы накапливаем про запас...

– ...заново сортируем...

– ...и продаем...

– ...самому Вавилону...

– ...и всем, кто может предложить хорошую цену...

– ...поэтому никакие мы не воровки...

– ...несмотря на то, что нам приходится прибегать к жульничеству...

– ...коварству...

– ...вероломству...

– ...хитрости...

– ...чтобы заставить окружающих поделиться...

– ...тем, что им не нужно и что пропадает у них втуне...

– ...нет, наша роль имеет жизненно важное значение...

– ...потому что мы синтезируем...

– ...и прилагаем успешные совместные усилия...

– ...компилируем...

– ...критически осмысливаем...

– ...предсказываем...

– ...и накапливаем...

– Хватит! Довольно! – закричал я. – Вы не воровки! Вы – прекрасные, добропорядочные, высокодуховные особы. Настоящие святые. Хотя я и не понимаю, чем вы занимаетесь.

Джуди и Джеззи опустились на колени возле меня, причем сделали это так быстро, что я даже не заметил, как они переместились ко мне со своих диванов. Мое внимание было приковано к их обнаженным бюстам.

– Бедняжечка...

– ...не волнуйся...

– ...завтра мы покажем тебе, что нужно делать...

– ...а прямо сейчас...

– ...мы успокоим тебя...

– ...покажем тебе...

– ...что мы не святые...

– ...одним лишь...

– ...полетом...

– ...твоей...

– ...фан...

– ...та...

– ...зии.

Много позже, лежа на моем матраце и обхватив обеими руками двух теплых блудниц и поставщиц вавилонской информации, я заметил:

– А копытца у вас острые.

– Ты никогда раньше не жаловался...

– ...на это.

– Ну, вообще-то... – произнес я и решил сменить тему. – А вам нравится, когда я прикасаюсь к кружочку, нарисованному у вас чуть ниже спины?

– Мы думали, ты никогда не спросишь об этом.

– Им отмечена сработанная биоинженерами эрогенная зона...

– ...там нервных окончаний больше...

– ...чем на всех остальных участках тела...

– ...которых ты обычно касаешься.

Меня искренне удивило это признание.

– Этот... это... что-то...

– Восхитительное?

– Возбуждающее?

– Гедонистическое?

– Похотливое?

Поняв лицемерие неодобрения, которое было готово сорваться с моих губ после только что испытанного мною наслаждения, я замолк. Вместо этого обе мои руки, двигаясь параллельно, скользнули немного ниже и достигли заветных кружочков.

– Вы хотели сказать, что мне нужно лишь сделать вот так?

– О-о-о!..

– ...д-да-а-а-а...

– ...это... просто...

– ...восхитительно!

7
Отступление номер три

Стена поглотила первую часть написанного мной, а мой уголек превратился в крошечный огрызок, который было неудобно держать в руке. Я остановился, чтобы взять новый, и в этот момент Сестры стремительно вскочили со своих мест.

– Что ж, повествователь начинает...

– ...показывать свой нрав...

– ...несмотря на то, что он...

– ...ужасно скучен...

– ...но почему бы тебе не заняться...

– ...настоящим делом...

– ...именно, так, как мы работаем...

– ...в конце концов, ведь из-за нашей работы...

– ...мы вляпались в эти дела с Вавилоном...

– ...где нам известно нечто такое большое...

– ...такое огромное...

– ...такое грандиозное...

– ...что оно может изменить целую вселенную...

– ...а мы даже не сможем...

– ...ничего заработать на этом!

Ничего не ответив – пусть эти двое думают, что способны диктовать мне мои мемуары, – я принялся писать свой рассказ дальше.

8
Знакомство с городом

Я провел пальцем вдоль внутреннего ободка биополимерной баночки. Он был покрыт подливой, которую я начисто вылизал. Не знаю, что я только что съел, однако вкус у этой штуки был потрясающий. Я прошел через всю комнату, которую женщины мне выделили для жилья. Пол был на ощупь теплым и живым, но я уже не слишком обращал на это внимание, постепенно привыкая к имитации органики. По крайней мере это хотя бы не мыслящие ее разновидности. Я все еще не доверял чистоте и вразумительности мотивов огромной массы паранейронов вроде Вавилона. Одна только мысль об имплантации ТИПа, который подарил бы мне возможности общения – каким бы ограниченным, каким узконаправленным ни был этот информационный поток, – по-прежнему не давала мне покоя и будоражила воображение.

Я вошел в комнату, где меня ожидали Джеззи и Джуди. Обе женщины вычищали бабки своих копыт и добавляли заключительные штрихи нательной раскраске, готовясь к выходу в город.

– Привет! Спасибо, что принесли завтрак, – поблагодарил я.

Не отрываясь от своего занятия, сестры ответили:

– Всегда...

– ...пожалуйста...

– ...даже если...

– ...это величайшая...

– ...детская...

– ...глупейшая...

– ...трата времени...

– ...в которой мы...

– ...когда-либо участвовали!

– Когда ты согласишься с тем...

– ...что если ты хочешь жить здесь...

– ...то тебе придется...

– ...вести себя...

– ...в определенных ситуациях...

– ...подобно всем остальным?

– Да!

– Верно!

– А что такого...

– ...неприятного...

– ...в общественных столовых?

Я смерил прихорашивавшихся кокеток тяжелым взглядом.

– Только не наезжайте на меня. Вы же знаете, я изо всех сил стараюсь. Вот смотрите! – Я поднял босую ногу и пошевелил пальцами. – Вы разве забыли, что я больше не отказываюсь расхаживать босиком по живому полу? Я подобно вам сплю на диване из органического материала. Я постепенно меняюсь, приобретаю новые привычки. Но подобные штуки... – Я покачал головой. – Не могу же я сразу начать предаваться оргиям обжорства, как это делают те, кто родился здесь. А что касается того, чтобы набить мне башку разными наноустройствами, – от этого уж меня увольте!

Джуди и Джеззи, похоже, немного смягчились. Их настроение менялось так же быстро, как и ядовитая атмосфера за пределами купола. Я даже подозревал, что они не способны долго злиться на меня независимо от того, что я сделал или чего сделать не смог.

Однако иногда я задавался вопросом, а не станет ли живая как ртуть натура Сестер причиной того, что их преданность мне и интерес к моей персоне окажутся в равной степени непостоянными.

– Полагаю, мы должны радоваться тому...

– ...что всего через пару недель...

– ...ты превратишься из абсолютного ненавистника электроники...

– ...в обычные две трети.

Я задумался. Искусственная жизнь, модификации («человеческих стандартов») и смешение рас: тройное пугало менталитета Охранителей. Что касается первого, то я уже заметно смягчился, а второе уже воспринимал как вполне допустимое. Что до третьего, то... Не желая даже думать об этом, я сказал:

– Ну что, идем? Мне очень хочется увидеть вас обеих за работой.

Прошло уже несколько дней с того момента, как Сестры пообещали показать мне, как они выступают в роли катализатора при обмене и отслаивании информации. Однако негодницы все это время водили меня за нос, утверждая, что время еще не настало.

Правда, сегодня утром они объявили, что некие мистические условия – то, что можно лишь «почувствовать», – приняли благоприятный оборот.

– Отлично, – заявила Джуди.

– Но сначала... – добавила Джеззи.

– ...мы тебя загримируем...

– ...ты слишком бросаешься в глаза...

– ...в своем нынешнем облике.

Прежде чем я успел что-либо сообразить, Сестры схватили какой-то баллончик и обрызгали меня с головы до ног (на мне были только шорты, потому что комбинезон от долгой носки пришел в полную негодность).

Это была процедура боди-пейнта, в результате которой я оказался похожим на шотландский плед.

– Как?.. – сумел я выдавить из себя одно только слово.

– Сэнди, ну ты болван!

– Это нанокраска...

– ...и она принимает любой рисунок.

– Почему Охранители запрещают эту техно...

– ...этого мы никогда не узнаем...

– ...потому что заляпали...

– ...парочку планет серой мазюкой...

– ...прежде чем усовершенствовали ее...

– ...как нам кажется.

Итак, Джуди и Джеззи, аккуратно причесавшись и уложив волосок к волоску на головах и икрах, вместе со мной, похожим на шотландскую юбку Истинной родины, вышли на улицу, вернее, на оживленные улицы города-капсулы.

Вавилон имел форму толстой разбухшей буквы U, распростершейся на многие квадратные километры. К его «рукавам» примыкал узкий фиорд жидкого метанового океана, приливы которого – вызванные его невидимым с поверхности близнецом – нередко обрушивались прямо на гигантский купол. Джуди и Джеззи жили чуть в стороне от центра города. Сегодня они отправились в один из «рукавов» Вавилона.

Я шагал за моими сопровождающими, держась чуть поодаль, чтобы получше разглядеть город. Пестрая толпа существ, сотворенных искусством биоинженерии, не переставала изумлять меня, и я все время пытался уразуметь суть взаимоотношений людей и представителей иных биологических видов и форм.

Кроме того, я время от времени бросал взгляды по сторонам, выискивая глазами соглядатаев Охранителей, которые могли явиться сюда для того, чтобы вернуть меня обратно в тот ограниченный мирок, о котором я теперь довольно редко вспоминал. Впрочем, даже этот рефлекс постепенно умирал во мне. Протягивая руку к двум медальонам, висевшим у меня на шее – монетке и дракону, – я прикасался к тому последнему, что связывало меня с прошлой жизнью, и каждый раз принимал решение избавиться от них. И все-таки мне настолько вошла в плоть и кровь мысль о том, что я не должен лишиться моего личного медальона, что каждый раз я оказывался повиноваться этому импульсу. Что же касается медальона дипломата, его я

продолжал хранить скорее как напоминание о моей вине, а не об обретенной свободе. Впереди меня по сиалоновому тротуару цокали две пары копыт, напоминая многократно усиленный звук, который издают четыре ногтя, нервно барабанящие по фарфоровому блюдцу.

Мы прошли мимо нататориума с нулевой гравитацией, и у меня возникло сильное желание зайти в него и поплавать. Отказываясь принимать душ в общественных столовых, я, чтобы помыться, вынужден был прибегать к услугам нататориумов. Там по крайней мере можно свободно поплавать, не заботясь об особом наряде и избегая приставаний и предложений, скажем, какого-нибудь стегозавра потереть тебе спинку.

Пружинная доска опускалась под весом тела, а затем с силой подбрасывала купальщика вверх, в свободно парящий в воздухе водяной шар. Там он мог прыгать вместе с другими любителями водных процедур, которые все до единого пользовались временными жабрами, позволявшими потреблять кислород из насыщенной им жидкости.

Несколько капель жидкости, поддерживаемые пятисильным гравитационным полем, вылетели из нататориума и шлепнулись на поверхность тротуара. Засмотревшись на резвящихся в воде купальщиков, я натолкнулся прямо на спины шедших впереди меня женщин.

Когда я опомнился, то увидел, что они остановились, чтобы приглушенными голосами побеседовать с улыбающимся чернокожим мужчиной, одетым лишь в несколько узеньких ремешков. Прежде чем я понял, что разговор вообще имеет место, незнакомец произнес:

– Пока, Сестрички. До скорого.

С этими словами он исчез, и мы зашагали дальше. Заинтересовавшись поведением моих спутниц больше, чем местными достопримечательностями, я начал подстраиваться под их шаг и зашагал рядом с ними, точнее, слева от них.

– Кто это был? – задал я первый вопрос.

– Мясо...

– ...настоящий вор...

– ...из тех, кто ворует чужое материальное имущество...

– ...но он – наш добрый друг...

– ...который, если бы ты был не с нами...

– ...если бы не был столь несостоятельным на вид...

– ...украл бы у тебя задние коренные зубы...

– ...и ты бы только потом это обнаружил.

– Мясо... его на самом деле так зовут?

Одна из женщин – Джуди? Джеззи? – пожала плечами и, к

моему удивлению, выдала сольный ответ.

– Наверное, такое имя ему нравится. Большинство Сотрапезников сами выбирают себе новые имена или изменяют старые – такие, какие им по вкусу. Таково наше понимание свободы.

Я подумал о длинном, обременительном для запоминания идентификационном номере, от которого я отказался, когда навсегда оставил родительский дом и гипертекстовую комнату с лежащим в ней мертвым телом. Не был ли столь легкий отказ от прошлого еще одним свидетельством того, что я стал благосклонно относиться к сообществу Сотрапезников? Но какие же чувства я испытывал к другим здешним, удивительным, ни на что не похожим вещам? Был ли я сам чем-то одним, или двумя, или даже чем-то еще большим? Мне это представлялось совершенно непостижимым.

Поэтому я спросил:

– Вы действительно сестры?

– Нет...

– ...мы по рождению не сестры.

– Может быть, вы, это самое... клоны?

Сестры дуэтом рассмеялись.

– Зачем же сообществу Сотрапезников...

– ...возиться с какими-то клонами...

– ...когда мы процветаем...

– ...благодаря разнообразию...

– ...нет, наши гены...

– ...неоднородны...

– ...так же, как и наши души...

– ...только наш фасад...

– ...намеренно модифицирован...

– ...чтобы символизировать принцип...

– ...теории информации...

– ...и, возможно, сбивать с толку...

– ...и таким образом облегчать...

– ...выполнение наших планов...

– ...так что мы являемся сестрами лишь...

– ...по склонности душ...

– ...и общему темпераменту.

Меня позабавил этот парадокс.

– Вы изменили себя из-за какой-то глупой теории?

– Это никакая не «глупая теория»!

– Это основа всего того, чем мы занимаемся.

– Когда мы еще раньше сказали тебе...

– ...что информация должна размножаться...

– ...мы не упомянули о том, что рождение новой информации...

– ...обычно предполагает...

– ...уничтожение старой информации.

– Например...

– ...возьмем два плюс два...

– ...равняется четырем...

– ...выражение «два плюс два»...

– ...это информация...

– ...и «четыре» – тоже информация...

– ...но если мы сказали тебе «четыре»...

– ...то не сможешь определить...

– ...является ли «четыре»...

– ...результатом слагаемых «три плюс один»...

– ...«два плюс два»...

– ...уничтожение старой информации происходит...

– ...каждый раз, когда два ранее хорошо отличимых факта или две ситуации...

– ...становятся неразличимыми...

– ...и относятся к категории нового создания...

– ...ты видишь нас...

– ...двух неодинаковых созданий...

– ...и мы теперь неразличимы...

– ...один новый факт.

Я почувствовал, что потерялся где-то в самом пекле двустороннего огневого вала информации. Похоже, Сестры это поняли и отказались от обстрела ради одной-единственной мощной атаки.

– Мы понимаем, что тебе очень трудно осознать это, потому что ты не привык к подобным концепциям, – сказала Джуди или Джеззи. – Но ты просто наблюдай за тем, что мы сегодня будем делать, и, может быть, тогда все поймешь.

Я покорно кивнул. Дальше мы шагали молча. Первым нарушил молчание я:

– А почему вы сказали Мясу то, что вам было нужно, шепотом, а не при помощи ТИПа?

– Тут вот в чем дело. Вавилон – посредник всеобщего общения посредством ТИПов. В настоящее время Вавилон имеет определенные обязательства, контролируемые его основными, сконструированными биотехнологиями запретами, касающимися нашей свободы. Одна из обязанностей Вавилона состоит в защите сообщества Сотрапезников, в частности, здешнего представительства. Любые поступки, угрожающие нашей общей стабильности, совершаются крайне редко просто потому, что

практически ни один индивид не способен совершить нечто такое, что может привести к подрыву существующих устоев и, конкретно, к анархии – тому, что Вавилон сильно не одобряет. Вот поэтому он и пытается предотвратить подобное. Приходится с сожалением признать, что Мясо часто прибегает к такого рода делишкам – вроде очевидного воровства, – которые Вавилон считает контрпродуктивными. Поэтому мы и не обсуждаем такие вещи ментально. То, что мы сохраняем в пределах черепной коробки, не может дойти до Вавилона. А то, чего Вавилон не знает, не способно причинить нам вреда.

Мне показалось, что Сестры что-то недоговаривают. Памятуя обо всех средствах дистанционного манипулирования, которые применяет Вавилон, я просил:

– Что же происходит с теми смутьянами, которых Вавилону удается поймать?

Сестры несколько секунд хранили молчание. Затем, словно ища прибежища во взаимном единении, снова прибегли к антифонному ответу:

– Их лишают коры полушарий...
– ...у них удаляют высшие мозговые центры...
– ...им оставляют лишь ствол...
– ...заменяют массу паранейронов...
– ...что позволяет Вавилону прямо управлять...
– ...телом...
– ...дав ему другую личность...
– ...для осуществления своей политики...
– ...на наше всеобщее благо...
– ...поэтому если ты когда-нибудь встретишь...
– ...индивида...
– ...без всякого выражения на лице...
– ...с мертвым лицом, то знай...
– ...что ты заглянул в лицо самому Вавилону.

Я нервно огляделся. Все показалось мне совсем другим. Взгляд затуманила какая-то дымка. Мне подумалось, что это, по всей видимости, реакция на мое новое знание. Затем я понял, что мы просто-напросто вошли в Тень. Посмотрев вверх, я увидел проплывающую в воздухе громаду Висячих садов, беззаботно паривших над крышами. Я прижался к моим спутницам и долго стоял так, пока Сестры не принялись возмущаться.

– Эй!..
– ...за кого ты нас...
– ...принимаешь?..
– ...за сиамских...
– ...тройняшек?

Пройдя всего несколько метров, Сестры предпочли исчезнуть. Оказавшись у дверей какого-то здания, которое они назвали «сенсориумом», Джуди – или Джеззи? – вошла внутрь, оставив вторую Сестру на улице со мной.

Меня с каждой минутой все сильнее и сильнее разбирало любопытство – что же произойдет дальше? – и я попытался выудить что-нибудь у моей спутницы, одним глазом наблюдая за теми разнообразными и причудливыми вместилищами разума, которые входили в лишенную дверей арку сенсориума или выходили из нее.

– Кого же вы ищете здесь? – поинтересовался я.

(Мимо нас прошел и скрылся внутри здания высоченный, под два метра ростом богомол со сложенными в молитвенном жесте конечностями; с челюстей его стекала слюна.)

– Любого, кто только что прибыл в Вавилон с планеты под названием Дорадус, – ответила Джуди (или Джеззи).

– А откуда вы знаете, что кто-то только что прибыл с этой планеты в Вавилон?

– Навели справки. Понимаешь, один из принципов сообщества Собеседников – абсолютно свободный доступ к общественной информации. Все, что не является личной информацией, то есть результатом уникального личного жизненного опыта, – доступно любому, кто такую информацию попросит. В то же время это один из примеров и одна из причин равенства всех индивидов. В общественную базу данных вносятся и сведения обо всех прибытиях и отъездах инопланетян, оказывающихся в Вавилоне. Так что при помощи ТИПов мы можем узнать, появились ли в нашем городе те индивиды, которые нам подходят.

Услышанное заставило меня задуматься. Сестры могли узнать о моем прибытии точно таким же образом и дождались меня по причинам, которые я пока еще не сумел выяснить. Или, может, это слишком параноидальное предположение? Но тогда какая степень паранойи является излишней?

Решив не зацикливаться на этих вопросах, я сказал:

– Отлично. Значит, вас по какой-то причине интересует эта самая планета Дорадус? Но почему бы вам тогда самим не отправиться туда? Разве не это составляет суть нашего века? Собраться за пять минут, сразу после того, как возникло желание, сесть на корабль и полететь туда, куда надо?

(Мимо нас прошествовало двуногое существо с резиноподобным лицом, напоминающее головастика. Существо попыталось потереться об меня, я с отвращением отпрянул в сторону.)

– Если бы нас заинтересовали подобные перелеты с планеты на планету, будь уверен, мы бы непременно так и поступали. Но зачем? Мы хотим просто зарабатывать, извлекать прибыль. Для этого нам требуется точная информация о той или иной планете. Самое доступное в информации – в наше время горячих ног и чешущихся пяток – это то, что в девяти случаях из десяти ты ее обязательно получаешь. Ты когда-нибудь слышал слова о том, что совместные движения индивидов напоминают броуновское движение? Используя эту модель, понимаешь, что все частицы – или люди – в конечном итоге взаимодействуют друг с другом и что случайное или даже нулевое движение подобно запланированному курсу.

– В каком секторе вселенной находится Дорадус? – поинтересовался я, пытаясь вспомнить, слышал ли я от отца что-нибудь о планете Дорадус и гадая о том, почему она может представлять для кого-то важность.

Джуди в ответ расхохоталась.

– Зачем, черт побери, мне это? У меня есть лишь ее релятивистские координаты.

Меня слегка задело, как бездумно и легкомысленно Джуди отфутболила мой вопрос. Я был готов пойти на компромисс по очень многим вопросам, однако кое-каких принципов – может быть, объективно и не самых важных, – я по-прежнему придерживался твердо.

– Не понимаю, как вы, Сотрапезники, отказываетесь давать планетам точные адреса в звездных секторах. У себя дома я постоянно слышал о сферах влияния и соперничества и о том, как важно знать, как планеты располагаются относительно друг друга. Разве вы не разделяете холистического представления о вселенной?

– А я никогда не могла понять, почему вы, архаичные сторонники естественной природы, по-прежнему придаете такую важность воображаемым линиям в космическом пространстве. Вы настолько озабочены галактиками, что не замечаете звезд, не говоря уже о гигатриллионах разумных существ, которые процветают – несмотря на все ваши отчаянные попытки отказать им в свободе – под мириадами солнц.

Я уже собрался пылко ответить – чью свободу я когда-либо ограничивал, за исключением, пожалуй, собственной? – когда на улицу в сопровождении какой-то женщины вышла Джеззи.

Незнакомка была значительно ниже ее ростом, а ее кожу украшал орнамент, типичный для жирафа с Истинной родины: неровные кирпичного оттенка пятнышки на терракотовом фоне.

Джеззи поддерживала незнакомку за талию своей длинной

рукой. Они прошли мимо, не обращая на нас с Джуди никакого внимания. Я уже собрался приветственно вскинуть руку, когда Джуди зажала мне рот.

– Если бы ты согласился имплантировать себе ТИП, когда мы тебе предлагали, ты бы уразумел, что Джеззи не хочет, чтобы ее спутница поняла, что мы знакомы. Нужно следовать за ней на небольшом расстоянии.

Когда она убрала руку от моих губ, я виновато ойкнул.

– Пошли! – сказала Джуди и зашагала вперед.

Я последовал за ней, бросив прощальный взгляд на сенсориум, задаваясь вопросом (нет-нет, подозревая) о том, что в этом здании произошло между Джеззи и женщиной жирафьей расцветки. Но значит ли это, что все подобные создания...

(Какое-то существо из семейства кошачьих махнуло хвостом прямо перед моим лицом, пощекотав нос и заставив отпрянуть.)

Джуди вырвалась далеко вперед, я бросился вдогонку.

Полчаса мы следовали за парочкой по самым разным улицам города. Наконец я не выдержал и спросил:

– Послушай, почему это вы обе никогда не летаете? Ведь это избавило бы вас от необходимости ходить пешком, верно?

– Полет не способствует близким контактам и мешает общению, нужному для нашей работы. Ты никогда не пытался вести небрежный вербальный разговор, повиснув в воздухе?

Впрочем, откуда мне знать, Охранители не слишком поощряют полеты без соответствующих транспортных средств.

Наконец Джеззи и ее спутница вышли на широкую площадь между высотными зданиями. Здесь они встали в какую-то очередь.

– Остановка аэробусов в направлении Садов, – пояснила мне Джуди. – Для таких, как мы, кто не возражает передвигаться по воздуху.

На площадь опустился аэробус, и очередь стала продвигаться вперед.

– Сейчас Джеззи говорит ей, что предпочитает дождаться другой машины, чтобы в ней не было посторонних.

Я не стал спрашивать почему.

Второй аэробус появился через минуту. Джеззи и ее спутница поднялись на борт.

– Быстро за ними! Бегом! – приказала Джуди и бросилась вперед, потащив меня за собой. Мы быстро зашлепали и зацокали по брусчатке площади и заскочили в аэробус как раз за секунду до того, как захлопнулись двери.

Я оглядел интерьер салона аэробуса, управляемого механическим пилотом: белые изогнутые надувные стены, с

потолка свисают ручки, за которые держатся пассажиры, сиденья отсутствуют. Затем мой взгляд переместился на трех женщин.

Джуди (или Джеззи?) неожиданно прижала пятнистую коротышку к стене.

– Эй, что вы делаете?! – едва успела удивленно пискнуть та, прежде чем вторая Сестра склонила голову прямо над ее грудью.

Что это? – подумал я. Неужели экзотическая форма изнасилования?

Когда корона черных волос одной из Сестер оказалась на одном уровне с шеей жертвы, в волосах что-то зашевелилось. Я увидел, как из короны волос выскользнуло какое-то тонкое щупальце, которое на мгновение коснулось шеи пятнистой женщины, прежде чем скрыться в своем обиталище.

Укушенная на мгновение напряглась, потом глаза ее закатились, а тело неожиданно обмякло. Слегка придерживая женщину, Джуди позволила ей сползти на пол. Джеззи нагнулась над жертвой и проверила ей пульс. Судя по всему, она осталась довольна результатом только что проведенной операции.

– Вы – директор нупринового производства на Дорадусе. Это верно, что у вас имеется тайный план перехода на изготовление биополимеров? – обратилась она с вопросом к лежавшей на полу пятнистой женщине.

– Да, – ответила та неестественно бесстрастным голосом.

– Вы полностью забудете о том, что с вами случилось в течение последнего часа, – приказала Джеззи, по всей видимости, закончив допрос.

Аэробус сделал посадку близ Висячих садов. Поездка, длившаяся не более минуты, завершилась. Сестры, без видимых усилий поддерживая с обеих сторон лишившуюся чувств женщину, вышли из салона. Я последовал за ними.

Джуди и Джеззи беспардонно затолкнули свою жертву за какой-то посаженный в вазон куст и сели в следующий аэробус. Снова ощутив под ногами твердую почву, я почувствовал, что больше не в силах сдерживать любопытство. Мне было ужасно занятно, что пряталось у Джеззи в копне густых волос, но сильнее всего я желал узнать причины столь странного интереса Сестер к промышленности Дорадуса.

– Вы подвергали себя такому огромному риску лишь для того, чтобы задать один ничтожный вопрос о производстве пластмасс на какой-то богом забытой планетке?

– Это...

– ...так...

– ...но мы...

– ...еще не закончили свои дела.

Следующие три часа Джуди и Джеззи занимались тем же самым. Они четырежды проделали ту же операцию с туристами, вернувшимися с Дорадуса, или с коренными обитателями этой планеты.

В конечном итоге они узнали следующее.

Что некий индивид собрался начать торговлю ремнями безопасности для самостоятельных полетов.

Что едва ли кто-то поддержал заявления некоего комментатора в его авторской газетной колонке о межзвездных делах.

Что группа экстремистов затевает кампанию по строгому генетическому картированию в качестве необходимого условия для предоставления гражданских прав.

И что простые модификации внешности – вроде жирафьей раскраски кожи – вполне заслуживают уважения.

После того, как Сестры извлекли последнюю информацию из сознания какого-то мужчины, они уселись на скамейку, с которой открывался вид на Залив. Метановые волны лизали внешние стены купола, метановый дождь тихо падал с небес, а Сестры тем временем переговаривались друг с другом. Я с удивлением слушал их и ничего не понимал.

– Если мы добавим кое-что...

– ...биополимерам и ремням...

– ...к недоверию...

– ...тот серый кардинал, как там его зовут...

– ...и не забудь включить в...

– ...принятие модифицированных...

– ...но нам придется вычесть...

– ...из-за этих самых экстремистов...

– ...секрет этот прост...

– ...как солнце в небе...

– ...за исключением, конечно...

– ...которое ты не увидишь...

– ...солнце из Вавилона...

– ...если не сможешь пробиться сквозь туман...

Голова у меня пошла кругом.

– В чем дело? Что случилось? Рассказывайте!

Похоже, Джуди и Джеззи несказанно обрадовались моей растерянности. Или, может быть, просто-напросто пришли в восторг от того, что узнали. Они несколько секунд с явным удовольствием наблюдали за моими безуспешными попытками расшифровать сказанное, после чего все-таки сжались.

– Ну, во-первых, тебе следует уяснить...

– ...что Дорадус это нейтральная планета...

– ...которой правят Охранители...
– ...и что мы узнали...
– ...воспользовались слагаемыми «два плюс два»...
– ...чтобы получить «четыре»...
– ...то есть достаточно легкого толчка...
– ...и Дорадус готов...
– ...присоединиться к Сотрапезникам!

Я задумался. Вспомнилось, что когда-то давно, в прошлом, отец как-то упоминал об этой планете. Если сказанное Сестрами – правда, то он бы оценил значимость полученной ими информации.

Я присвистнул.

– Значит, вы можете продать это...
– ...самому Вавилону...
– ...которому, как ты уже понемногу начал понимать...
– ...мы уже сообщили при помощи ТИПа...
– ...и который согласился кредитовать...
– ...и перечислил на наш общий банковский счет...
– ...такую огромную сумму...
– ...что у тебя глаза вылезут из орбит...
– ...и более того...
– ...Вавилон уже отправил...
– ...сообщения своим собратьям-ИОИ...
– ...которые теперь сосредоточат все свои усилия...
– ...на захвате Дорадуса...
– ...чтобы привлечь его на нашу сторону...

Слова Сестер настолько удивили меня, что я почти не мог соображать.

– Черт побери! – единственное, что я смог выдавить из себя. Потому что вспомнил, что очень хотел узнать, какое же тайное оружие они использовали против своих жертв. Я пять раз был свидетелем его применения.

– Чем же вы лишали сознания этих людей?

Одна из Сестер наклонила голову и руками раздвинула тугое гнездо черных кудряшек. Я посмотрел на нее, гадая, что мне предстоит увидеть. На коже головы свилась кольцами змейка четырехдюймовой длины толщиной с мой мизинец. Нижняя ее часть торчала прямо из головы. Змейка зашипела и высунула крохотный язычок. Я отпрянул назад, мгновенно вспомнив интимные минуты, когда я пытался запустить руку в кудряшки Сестер, но они отстранялись, не позволяя мне этого сделать.

– Можешь...
– ...просто...
– ...называть нас...

– …Медузами…

Чувствуя, что у меня бешено участился пульс, я смотрел на них расширившимися от ужаса глазами.

– Как скажете, мои милые дамы. Как скажете.

9
Эксперты с первого взгляда

– Мы так рады...

– ...видеть, каким несгибаемым...

– ...хотя бы на самую малость ты стал.

Мы с Сестрами сидели в симбиотической комнате нашей новой квартиры. (Благодаря доходам, полученным от продажи информации о Дорадусе, они смогли наконец удовлетворить давнюю мечту о квартире в элитном здании.)

Мы ели – все втроем.

Это простое заявление поразило меня, пожалуй, больше, чем что-либо другое, что я сделал или увидел в Вавилоне.

Попросту говоря, я еще ни разу не делал ничего подобного в обществе других людей.

Я понимал, что действительно становлюсь другим, постепенно вписываясь в жизнь сообщества Сотрапезников. (Хотя одна только мысль о посещении столовой, на которой так настаивали Сестры, по-прежнему повергала меня в ужас. Вкушать пищу в обществе когтистых, хвостатых и мохнатых созданий – нет уж, увольте, это выше моих сил.)

Каждый день, как мне казалось, приносил мне новое откровение о себе самом.

– Я тоже рад, – отозвался я, проглотив очередной кусок. – У себя дома я бы не сделал ничего подобного. Конечно, некоторые люди так поступают, но они принадлежат к низшим классам общества. Мне не позволял это высокий социальный статус моего отца.

– Все, что тебе сейчас нужно...

– ...чтобы почувствовать себя как дома...

– ...это – ТИП.

Я отрицательно покачал головой.

– Нет, я прекрасно обхожусь без него. В конце концов, это всего лишь хитроумное приспособление. Вообще-то я могу делать все действительно важные вещи так, как делаете их вы.

Одна из Сестер отпила глоток из чашки.

– Неужели? – удивилась вторая и, немного помолчав, добавила: – Как же называется твоя планета?

Я назвал неизменные в обществе Охранителей цифры и буквы.

– А почему вы спрашиваете?

Женщины поменялись ролями. Та, которая только что

сделала глоток из чашки, ответила:

– Просто так. Почему бы тебе не сообщить нам что-нибудь еще о своем родном доме? Ты ведь никогда нам о нем не рассказывал.

– Ну хорошо, – согласился я и откинулся на спинку теплого дивана. – Это ничем не выдающийся мир, хотя он, пожалуй, хорош по-своему и уникален, как и любой другой. Всего три континента...

– Включая...

– ...остров Тоун...

– ...который в принципе...

– ...довольно велик и может называться континентом?

Я сделал вид, будто не заметил, что меня перебивают. До меня наконец дошло – они хотят стимулировать мой рассказ.

– Население немногочисленно, но мы недавно выяснили, что оно составляет...

– Три миллиона четыреста тысяч шестьсот семьдесят девять человек...

– ...по вчерашним данным...

– ...исключая заключенных в тюрьмах...

– ...мою планету открыл пятьдесят лет назад...

– ...некто по имени...

– ...Джаред Мотен.

– Я жил в городе под названием Землебург, – упорно продолжал я, – и мой отец...

– ...Хранитель Сэндикс...

– ...обязанности которого заключались в...

– ...управлении планетами...

– ...четыре-семь-один-девять-ноль-ноль-три-восемь...

– ...через шестьдесят четыре.

– ...А имена твоих братьев...

– ...Рольф и Генрих...

– Хватит! Ну хорошо, можете думать, что способны взять меня в оборот своими ТИПами, а меня считать бестолковым пуританином за то, что я не желаю обзаводиться этой штукой. Но факт остается фактом – в моей черепушке есть вещество, природу которого вам не дано узнать, если, конечно, я сам не расскажу вам о нем. Если вам действительно интересно, то замолчите и слушайте дальше.

– Извини...

– ...Сэнди.

Я смягчился и попытался немного расслабиться.

– Хорошо. Я не обижаюсь на вас. – Я поднес чашку к губам и добавил: – Значит, Сотрапезники, верно?

– Да, Сотрапезники...

– ...еще бы.

– Ну, тогда продолжу. Моя жизнь из-за высокого поста, который мой отец занимал среди Охранителей, была жестко регламентирована. Я практически не мог ничего делать или даже подумать сам. В детстве меня это не слишком тяготило. Но за последние несколько лет подобное положение буквально довело меня до ручки, просто достало. Мне казалось, что я взорвусь, как только...

– Мы слушаем тебя...

– Можешь рассказывать дальше, Сэнди.

Прошлое снова волной нахлынуло на меня, я словно погрузился в него, однако нашел в себе силы успокоиться и продолжить свой рассказ.

– Все время за мной по пятам ходили десятки рабов. Вы полностью удаляете кору мозга у ваших закоренелых преступников, мы же просто оснащали их механическими аннигиляторами. Это единственный вид мозговой модификации, допускаемый законами Охранителей. Я настоятельно попрошу вас убрать с лиц это возмущенное выражение, потому что не хочу пускаться в обсуждение того, чей подход к данной проблеме является более гуманным. Как бы то ни было, но рядом со мной всегда находилась пара рабов, но не для того, чтобы удовлетворить мои прихоти, а чтобы неустанно следить за мной. Впрочем, однажды мне удалось на несколько минут остаться одному. Я зашел в гипертекстовую комнату и вставил в разъем мой инфокэш, который был контрабандой вывезен с одной из далеких планет и обошелся мне в сумму моего месячного содержания. Я собрался изучить информацию о Вавилоне. Но мне так и не удалось с ней ознакомиться. В комнату вошел этот незнакомец, судя по всему, дипломат. – Я показал кулон в виде дракона. – Это его вещица. Он наткнулся на меня и увидел, что именно я собрался просматривать. У меня сразу же мелькнула мысль: он сообщит об этом отцу, и я немедленно попаду в беду. Прежде чем я успел осознать это, в моей руке оказалась медная статуэтка Основателя Мотена. Я взмахнул ею и...

В памяти промелькнула деталь, которая поразила меня только сейчас: кровь покрывала голову статуэтки, в точности копируя окровавленные места на голове дипломата. Однако голова статуэтки в отличие от головы убитого осталась нетронутой. На ней не было ни единой вмятины.

По какой-то непонятной причине эта никчемная деталь неожиданно «завела» меня.

Я попытался сдержать рвущиеся из груди рыдания, которые –

готов в этом поклясться – издавал, убегая из родительского дома и спеша в космопорт.

– Успокойся, – ласково проговорила одна из Сестер.

– Теперь ты здесь.

Но я по-прежнему не был уверен в том, что одного факта пребывания в этом месте достаточно, чтобы почувствовать себя на свободе.

10
Отступление номер четыре

Сестры, устав сидеть неподвижно во время моего повествования, встали и сделали серию упражнений на растяжку, в которых я узнал разновидность практикуемой на Истинной родине гимнастики тай-чи. Я в это время разминал натруженные пальцы. Мои движения вызвали ряд саркастических комментариев моих читательниц.

– Как трогательно.

– Прижался к нашей материнской груди.

– Может, нам официально усыновить тебя?

– Слушай...

– ...заканчивай-ка ты это дело.

– Хватит...

– ...дурить нас.

– Весь город ждет...

– ...когда его пощиплют.

– Кто тут автор? – спросил я. – Я или вы?

Сестры замерли на месте.

– Этот город...

– ...имеет только одного...

– ...настоящего автора...

– ...и это...

– ...сам Вавилон.

11
Встреча с Хорьком

Вскоре настало время – одновременно желанное и пугающее, счастливое и печальное, – когда Вавилон перестал казаться мне этакой экзотической диковинкой. Порой у меня возникало ощущение, будто я всю свою жизнь прожил в нем и ни разу его не покидал. Правда, следует признаться, что отдельные выходки и слова – либо Сестер, либо других существ – все еще ужасали меня, вызывая мысль о том, что я вообще ничего не смыслю в том, что такое Вавилон и сообщество Сотрапезников. Однако в целом я чувствовал, что сжился с этим городом, затерявшимся в глубинах холодной, похожей на жидкий шербет атмосферы.

Поэтому, несмотря на непоколебимый отказ от участия в ритуалах, практикуемых в общественных столовых и сенсориумах, я гордился тем, что перестал быть для Вавилона чужаком.

Получать в Вавилоне одежду и пропитание было делом несложным. Сестры приносили из столовых пищу и иногда трапезничали вместе со мной. Иногда, потому что чаще всего они приходили уже сытыми. Когда мне понадобились новые шорты, я получил их в одном из распределителей. Без обуви я по-прежнему обходился.

Я даже все больше и больше проникался мыслью о том, что мне, может быть, следует обзавестись ТИПом.

Что касается наслаждений роскошью, которую мог предложить Вавилон, то я полагался на щедрость Джуди и Джеззи. Они были всегда расточительны и, видимо, вполне охотно выполняли мои желания. Я перестал задумываться над мотивами такого отношения ко мне и лишь изредка страдал от параноидальных фантазий в отношении некоего долговременного плана, в котором я занимал место подобно какому-нибудь устройству, сотворенному руками хитроумных Сестер.

Я предпочел поверить в то, что и я в какой-то степени доставляю удовольствие Джуди и Джеззи. Мысль об этом радовала и меня самого.

Я сопровождал их во время вылазок за информацией и неизменно приходил в восторг от проявленного ими героизма.

Когда Сестры подцепили грибок (как они утверждали, в одной из душевых общественной столовой), я отправился вместе с ними в лазарет и оказывал им моральную поддержку, в то время как механический лекарь мазал мазями пораженные грибком

места и покрывал их различными антибиотиками.

И конечно же, я насколько мог пытался доставлять Джуди и Джеззи сексуальные удовольствия. Потому что они безошибочно удовлетворяли все мои потребности. То, что они знали, понимаете ли, повергало меня в искреннее удивление. Весь мой прошлый сексуальный опыт ограничивался лишенными вдохновения контактами с рабынями, чья безынициативность начисто меня обескураживала.

С Сестрами подобных проблем никогда не возникало.

Порой они проявляли даже чрезмерную изобретательность.

– Ты только двигайся...

– ...вот так...

– ...и позволь нам...

– ...делать вот так...

– ...а пока ты...

– ...трогай вот здесь...

– ...и здесь...

– О-о-о!

– О-о-о!

– О-о-о! – эхом вторил я.

А после нескольких часов, проведенных рано утром в нататориуме, жизнь казалась удивительно похожей на сказку.

Так было до тех пор, пока Сестры неожиданно не заявили о том, что некий их соперник завладел тем, на что они сами положили глаз.

В то утро, когда они сообщили мне это известие, мы шагали по городским улицам.

– Ты же знаешь...

– ...что мы не единственные...

– ...кто этим занимается.

Поразмышляв над их словами, я проникся уверенностью, что мне уже приходило в голову нечто подобное.

– Еще бы, – сказал я. – Ничего удивительного.

– Видишь ли, мы недавно узнали...

– ...что один из наших коллег...

– ...один коротышка по имени Хорек...

– ...который и на вид вылитый Хорек...

– ...и такой же скупердяй...

– ...выведал кое-какую вкусненькую информацию...

– ...которая связана с теми сведениями...

– ...что у нас есть...

– ...и мы хотим ее заполучить.

– Но даже если его информацию добавить к нашей...

– ...то сказочная мозаика все равно...

– ...будет неполной...

– ...но по крайней мере...

– ...мы на шаг приблизимся к нашей цели...

– ...тут есть одна ловушка...

– ...нам нужна твоя помощь...

– ...прямо сейчас.

– Моя помощь? – удивился я. – Не может быть! Да еще в связи с чем-то очень ценным. Неужели это более ценные сведения, чем информация о Дорадусе?

– Намного...

– ...ты даже представить себе не можешь.

Я присвистнул.

– Что же это такое?

– Неполные релятивистские координаты...

– ...одного участка космической вереницы.

Я подождал, когда наступит кульминационный пункт. Когда он не возник, я переспросил:

– Космическая вереница?

– Ты в каком веке...

– ...живешь?

– Послушай...

– ...тебе известно о монополях?

– Ну да, это такие источники, из которых Вавилон черпает энергию. Небольшие участки изначальной вселенной, оставшиеся после Большого Взрыва.

– Отлично. Значит, ты поймешь...

– ...если мы расскажем тебе о том...

– ...что космическая вереница...

– ...это более крупная, продолжительная часть...

– ...того самого Протовещества...

– ...массивная труба времени-пространства...

– ...шесть измерений пространства Планка, которые таятся в каждой частице...

– ...развернутые и открытые...

– ...в форме замкнутой петли...

– ...топологический дефект нашей вселенной...

– ...где преобладает...

– ...базовая симметрия Моноблока.

– Люди готовы убивать друг друга для того...

– ...чтобы найти координаты такого остатка...

– ...хотя одному лишь Иегове известно...

– ...что они станут делать с ним...

– ...потому что в отличие от монополя...

– ...он слишком велик, чтобы его можно было передвинуть...

– ...но он им понадобится...

– ...и мы хотим быть теми...

– ...кто продаст его за самую высокую цену.

– Но разве вы не можете выудить эти сведения таким же способом, как это сделал Хорек? – удивился я.

Ответить на мой вопрос решила одна из Сестер. У меня возникло ощущение, будто вдвоем они устали от своего пространного объяснения.

– Компоненты его синтеза рассеяны, и в Вавилоне их больше нет. Времени выслеживать их местонахождение у нас тоже нет. Хорек, как нам стало известно, собрался сегодня покинуть город. Если тебе интересно узнать, как он намерен нажиться на выдающемся свойстве космической вереницы, то я отвечу: на ее гравитации. Ведь обычный кусок космической вереницы содержит в себе массу, в десять – пятнадцать раз превышающую массу солнца. Такая концентрация обладает эффектом гравитационной линзы, удваивая изображения звезд и галактик, находящихся за ней, по всей ее длине. Хорек поступил следующим образом – он скоррелировал такие изображения, тем самым зафиксировав приблизительное местоположении этой вереницы.

– Почему он уезжает? – настаивал я.

– Нашел покупателя с какой-то другой планеты и хочет передать ему имеющуюся информацию.

– А почему бы вам не схватить его, не напичкать наркотиками и не вытащить из него эти координаты, как вы обычно делаете?

– Господи...

– ...можно ли поверить...

– ...игра из двенадцати вопросов...

– ...когда время идет на секунды?

– Слушай, дело обстоит следующим образом. Хорьку на уровне сознания эти координаты неизвестны. Во избежание возможных нападений он подстраховался и не стал хранить их в Вавилоне, который, кстати, запрещает к ним доступ без личного разрешения обладателя информации, а заодно и стер их из своего мозга. Поэтому если мы попытались бы напасть на него, допустим, вчера, то ничего не добились бы. А сегодня он собрался уехать, и теперь ты понимаешь, что это для нас значит.

– Кто, я?

– Если гражданин сообщества Сотрапезников покидает его пределы, отправляясь в другое место нашей федерации, он забирает с собой принадлежащую ему информацию из своего старого ИОИ и увозит ее с собой. Она находится в форме паранейронов в небольшом гомеостатическом контейнере. По прибытии на новое место информация сливается с местным ИОИ

и снова приобретает доступный характер. Хорек в данный момент забирает свой контейнер и направляется в космопорт.

Обрушившийся на меня поток ранее неизвестных мне фактов ошеломлял.

– А что требуется лично от меня?

– Хорек – крутой парень, и мы сможем заговорить его только вдвоем. Ты же, пока мы будем отвлекать его внимание, должен выхватить у него контейнер и дать деру.

Я задумался.

– Ладно, – согласился я. Разве я мог отказаться?

– Отлично...

– ...потому что...

– ...он идет!

Я повернулся и увидел какого-то тощего типчика с гребнем жесткого меха, торчащего у него на макушке и плавно переходящего на спину до уровня ягодиц. Он явно куда-то спешил. В руках у мохнатого был небольшой предмет, отбрасывавший яркие блики.

– Мы зайдем с фланга, а ты держись другой стороны. Жди удобного момента, когда он откроется.

Я отошел от Сестер, и те, цокая копытцами, затрусили вслед за Хорьком. Когда женщин отделяли от него уже считанные метры, они принялись громко ссориться.

– Ах ты, гнедая сучка!

– Ах ты, пегая потаскуха!

– ...не будь ты так...

– ...похожа на меня...

– ...я сказала бы тебе...

– ...что видок у тебя предурацкий!

Хорек остановился и открыл рот, обнажив острые как иглы зубы.

– Осторожнее, Сестры. Прочь с дороги!

– Это ты держись подальше...

– ...от нашего спора!

– Это дело личное!

– Точно!

Сестры загородили Хорьку путь, начали бросаться друг на друга, нанося длинными руками ложные удары, имитируя нешуточную потасовку. Вокруг тотчас собралась толпа зевак.

Хорек попытался двинуться дальше.

Одна из Сестер ударила соперницу, целясь ей в челюсть.

Ровно посредине этого движения она развернулась и ударила Хорька копытом в живот.

Мохнатый человечек, по-прежнему не выпуская серебристое

яйцо, содержащее его память, рванулся, подобно настоящему хорьку, к обидчице, целясь ей прямо в горло. Та мгновенно вскинула руку, не давая зубам противника вонзиться в ее яремную вену.

В схватку мгновенно вмешалась вторая Сестра. Не выпуская руку налетчицы, Хорек замахнулся когтистой рукой на вторую Сестру.

События развивались молниеносно, и я в изумлении наблюдал за происходящим. Увидев, как рука Хорька взлетела вверх, я понял, что теперь он держит яйцо только в одной руке. Нагнувшись, чтобы не попасть под чей-нибудь удар, я метнулся к мохнатому, схватил яйцо и бросился наутек.

Спустя полчаса я уже находился в той части города, где никогда не бывал прежде.

Кажется, меня никто не преследовал.

Когда мне удалось восстановить дыхание, я сориентировался по некоторым предсказуемым узорам неба и направился домой.

Джеззи и Джуди уже ждали меня. Они тут же заключили меня в объятия.

– Сколько возни было...

– ...с этим мохнатым шибздиком...

– ...но когда он проснется...

– ...то даже не вспомнит о том...

– ...как его облапошили.

– У меня рука болит до сих пор...

– ...а у меня лицо...

– ...но мы не думаем...

– ...что новая кожа лопнет...

– ...если мы отпразднуем нашу победу!

С этими словами они повалили меня на диван, уронив серебристое яйцо на мягкий пол, и продолжали обнимать и тискать.

Все завершилось именно так, как и требовалось для того, чтобы избавиться от жуткого нервного возбуждения, какого я не испытывал за всю мою предыдущую жизнь.

Засыпая и по-прежнему не размыкая наших нежных теплых объятий, Сестры принялись лениво размышлять вслух.

– Если бы у нас только нашлось...

– ...чуть больше изображений...

– ...нам, наверное, удалось бы...

– ...эту чертову космическую вереницу.

– Мне кажется, что нужная информация где-то близко.

– Мне тоже.

– Это наша заслуживающая доверия...

– ...но не совершенная...

– ...интуиция информационных колдуний.

Я сонно потер глаза.

– Что же нам делать?

– Только одно, – ответила Джуди.

– Встретиться со жрицей...

– ...Вавилона...

– ...несмотря на то, что это как языком слизнет наш кредитный баланс...

– Прекрасно, – пробормотал я и погрузился в сон, не успев даже удивиться и спросить: «Какая жрица?»

12
Храм Бела

Восемь конусообразных башен, поставленных одна на другую, окружали спиралевидные лестницы. Все это сооружение располагалось в самом центре города. Пока мы поднимались вверх, я заставил Сестер сольно рассказать мне о цели нашего похода.

– Жрица, – объяснила Джуди, – это добровольное расширение Вавилона. У нее не удаляли кору мозга, и она согласилась осуществлять постоянную высокоплотную передачу данных и контакт с ИОИ в режиме реального времени. То есть выполнять роль уникального входного устройства. Все прежние органы ее чувств были усовершенствованы до самой высокой степени. Кроме того, ее оснастили и другими, абсолютно новыми. Мы объясним ей нашу ситуацию, она соотнесет ее с тем, что известно Вавилону, и одновременно подберет подсознательный материал, на который мы сами даже не обратили внимания, на квантовом уровне. Затем жрица даст нам совет или пророчество.

– Это очень ответственное и серьезное дело, – сказала Джеззи. – Им нельзя заниматься слишком долго. Говорят, после этого становишься совсем другим до конца жизни, даже если прекращаются все контакты с Вавилоном. Зато после можно до конца дней своих как сыр в масле кататься. Мы уже подумываем о том, чтобы предложить Вавилону свои услуги для подобного дела, когда состаримся и станет трудно заниматься нашим опасным ремеслом. Лет этак через сто или что-то вроде того.

Я с понимающим видом кивнул.

Наконец мы добрались до верхнего уровня храма, напоминавшего высокий слоеный пирог, и через арку вошли внутрь.

Вопреки ожиданиям я оказался не в темной комнате, пропахшей ладаном. Напротив, помещение, в которое мы вошли, было залито ярким светом, точно операционная. На диване из органического материала восседала жрица. Голова ее была обрита наголо, глаза лишены зрачков и имели молочно-белый оттенок. Я отвел от них взгляд, устремив его вниз, туда, где обитал Вавилон.

Жрица показалась мне самым жутким созданием из всех обитателей Вавилона. Я даже не воспринимал ее как человека.

Сестры начали свой рассказ. От меня не скрылось, что голоса их звучали уже не так храбро и самоуверенно, как раньше.

Когда рассказ был закончен, мы стали ждать реакции жрицы.

Спустя некоторое время, которое показалось нам настоящей вечностью, она заговорила.

Произнесла она только два слова.

– Красный дракон.

Я еще продолжал размышлять над смыслом этой короткой фразы, когда Сестры бросили меня на пол, сопроводив мое падение двумя резкими криками.

Протянув руки к моей шее, они сорвали с нее медальон покойного дипломата.

– Конечно!

– Какие же мы идиотки!

– Он уже был у нас прямо под носом!

Я встал на ноги и принялся растирать шею.

– Не хотите ли вы сказать...

– Именно! Охранители тоже разыскивают эту космическую вереницу!

– А этот твой дипломат, видимо, принес тогда твоему отцу ее изображения.

– Но сейчас они принадлежат нам...

– ...благодаря доброму славному Сэнди...

– ...и если они дополнят те, которые мы раздобыли раньше...

– ...а это наверняка так...

– ...то мы узнаем эти самые координаты вереницы...

– ...и продадим их Вавилону...

– ...по цене целой планеты!

Все это время жрица сидела молча, никак не реагируя на столь бурное проявление эмоций. Мы вышли из храма и направились домой.

По пути я остановился возле лазарета, чтобы показать лекарю свою травмированную шею.

– Ждем тебя дома, Сэнди...

– ...чтобы отпраздновать нашу удачу!

– Это будет даже круче...

– ...чем в прошлый раз.

Тогда я не смог понять, что они имели в виду.

Вернувшись домой, я услышал шум, доносящийся из комнаты удовольствий.

Я вошел в освещенный биосветильниками холл. И замер прямо на пороге.

До меня не сразу дошла суть происходящего. Я вспомнил мое единственное, уже давнее посещение общественной столовой. Картина была такой же, но в то же время несколько другой.

Покрытые чешуей конечности разрезали огромные куски

розовой плоти. Копыта хвосты ляжки ящера. Бедра невидимые лица языки не похожие ни на что человеческое переплетенные перепончатые ноги объятия готовые вонзиться в спины выгнутые от удовольствия влажные засасывания твердые куски хрюканье крики стоны рычание блеск зубов инопланетные создания лежащие там где раньше я нет нет нет...

– Нет! – вскричал я.

И я со всех ног бросился прочь.

Уже в который раз. Или это судьба?

Я очутился в накопителе, ведущем на летное поле. Все еще пребывая в полубезумном состоянии, я стал искать глазами механический скафандр, намереваясь сесть на корабль и улететь как можно дальше от Вавилона.

Однако ничего, кроме «одеял», не нашел.

А пользоваться ими я не умел.

Поэтому, прижимаясь к стене купола, я сполз на пол и уронил голову на колени.

Джудит и Джеззи, эти колдуньи, эти блудницы вавилонские, вогнали мне спицу прямо в череп.

Я попытался повернуть мысли в другом направлении.

Куда я собрался? Снова в мир Охранителей? Я совершенно непригоден для тамошней жизни. В другое сообщество Сотрапезников? Там мне придется столкнуться с теми же дилеммами. Значит, остается нейтральный мир. Я отправляюсь в нейтральный мир, на какую-нибудь заштатную планетку, где я буду избавлен от необходимости делать выбор между несопоставимыми деструктивными идеологиями, борющимися за души индивидуумов.

Однако я понимал, что и такой вариант невозможен. Потому что – черт побери! – куда ни отправься, везде будет все то же самое.

Я решил больше ни о чем не думать и заплакал.

Через какое-то время я почувствовал, что за мной наблюдают.

Я открыл заплаканные опухшие глаза.

Никаких копыт я не увидел.

Перевел взгляд выше.

Возле меня стоял человек с не поддающейся описанию внешностью. Лицо его было лишено какого-либо выражения, подобно миру, не имеющему погоды.

Мертвое лицо...

Более того, это был тот самый человек, который остановил меня в холле отцовского дома и приказал забрать медальон у мертвого дипломата.

– Вавилон! – прошептал я.

– Да, – подтвердил он. – Это я. Послушай, ты чем это сейчас занимаешься?

Я ожидал услышать любой другой вопрос, но не этот.

– Что?.. Я не понимаю, о чем ты...

– Ты вроде как собрался бежать. Вот о чем. Когда ты только посмотришь реальной жизни в глаза? Если тебе противно то, чем занимаются Сестры, так вступи в схватку с ними. Они такие, какие есть. То же касается и тебя самого. Если сбежишь, ничего от этого не изменится. Зато ты потеряешь то, что имеешь.

– Что же у меня такого есть? Заблуждения баловня судьбы? – сердито прорычал я, стараясь вложить в эту фразу побольше цинизма.

– Ты сам знаешь, что это не так. Взгляни на то, что произошло. Помимо того, что у тебя оказался последний ключ ко всему на свете – причем отнюдь не случайно! – ты сыграл свою роль в истории с Хорьком. Заметь, все прошло гладко. Лично я думаю, что у тебя в этом ремесле большое будущее. Почему бы тебе не вернуться и не уладить дело?

– А при чем здесь, собственно, ты? – потребовал я ответа.

– Информация – источник моей жизненной силы. А люди вроде Сестер помогают ей размножаться. Кажется, ты им подходишь. Да они и не против того, чтобы работать вместе с тобой.

– Я... я не знаю... – смущенно пробормотал я.

Вавилон чопорно пожал плечами.

– И никогда этого не узнаешь, если сбежишь.

Я встал. Вавилон какое-то время молча смотрел на меня, затем произнес:

– Не нужно принимать решение прямо сейчас. Приглашаю тебя на последнюю экскурсию. Думаю, это будет тебе полезно.

Мне показалось, будто я понял, к чему он клонит.

13
Последняя глава

Чтобы воспользоваться медальоном, Вавилону пришлось клонировать его бывшего владельца. Из трещинки в медальоне он извлек несколько частичек эпидермы покойного. Когда лишенный разума клон полностью вырос благодаря особой ускоренной технологии – помню, как жутко было смотреть в глаза созданию, которое я когда-то лишил жизни, – медальон, подчиняясь уникальной биоауре индивида, раскрыл свои секреты.

Незадолго до того, как я это узнал, Эйс – таково было старое человеческое имя этого расширения Вавилона, – Сестры и я оказались на борту небольшого космического корабля. (Им пришлось вынести меня из купола, завернув в «одеяло».) В следующее мгновение мы совершили переход, разом преодолев половину пространства галактики, оказавшись в том месте, где располагалось кольцо космической вереницы.

– Теперь, – монотонным, лишенным интонации голосом начал объяснения Эйс, – мы находимся в Римановом пространстве, пятым измерением которого, очевидно, является время, и отправимся в путешествие по нему, и будем двигаться только в одном направлении. Неподалеку от вереницы, до которой можно добраться по ее дополнительным шести измерениям. Согласно новейшим теориям, мы сможем двигаться назад по оси времени. Наша задача – доказать это.

Сестры, лишившись своих ТИПов, чувствовали себя растерянными и потому сидели в углу каюты, прижавшись друг к другу. Я сидел в противоположном углу. Встретившись снова, мы затеяли потасовку и теперь хранили презрительное молчание.

– Это безумие, – произнес я, отлично понимая, что на самом деле все совсем не так.

– Что же ты такое понял, консервативный Охранитель? – ядовито осведомилась Джуди.

– Рассказывай, сексуальное ископаемое! – поддела меня Джеззи.

Я не вытерпел.

– К вашему сведению, сучки, я знаю, куда – точнее, в какое время, – мы направляемся.

Наконец-то я их «уел».

Пожалуй, такое мне удалось впервые.

Значит, я не безнадежен и кое-чему научился.

Эйс приблизился к пульту управления и повернул какие-то

тумблеры.

Мы проследовали по шести измерениям, обычно скрытым внутри стандартного электрона. В течение вневременной вечности опасный перелет с чудовищной силой давил на наши органы чувств. Вскоре вселенная приняла привычный облик, и Эйс произвел стандартный гейзенберговский переход. После…

Ну почему я должен втолковывать очевидное? Мы приземлились на моей родной планете. Пока мы шли по улицам города, Сестер, натянувших на копыта жутко раздражавшие их сапоги, принимали за обычных немодифицированных людей. Поскольку на планете стояло жаркое лето, мои босые ноги не вызвали особого удивления. Охранную сигнализацию, установленную по периметру моего дома, я отключил без особых хлопот.

Как только мы оказались в стенах отцовского особняка, Джеззи заявила:

– Эти сапоги мне ужасно жмут. Я их снимаю.

Джуди последовала ее примеру.

Вскоре мы с Сестрами уже стояли за гобеленом, подглядывая через дырочку.

Я увидел самого себя, только моложе, увидел, как наталкиваюсь на Эйса. Сестры отчаянно пытались сдержать смех. Должен признаться, выглядел я каким-то неуклюжим, глуповатым и насмерть перепуганным. Даже не верилось, что я вижу самого себя. Приходилось переубеждать себя, что тогда – то есть сейчас – я не был таким идиотом, как могло показаться со стороны.

Или все-таки был?

Когда Эйс послал меня прежнего за медальоном дипломата, мы выбрались из укрытия. Сестры вновь замаскировали свои копыта, и мы вернулись на корабль.

Наконец я понял, что мы совершили. То, что произошло в следующие часы, я помню плохо. Я был слишком ошарашен случившимся и глубоко погружен в раздумья о собственном прошлом и будущем.

Около ворот родительского дома я наконец стал собой – настоящим.

Злорадствовать, не выражая эмоций, – такое не укладывается в голове, но к Эйсу относится в полной мере.

– Это позволит перевести борьбу с Охранителями на абсолютно новый уровень. Мы должны воспользоваться временным перевесом сил, пока они не успели сравняться с нами, – заявил он и погрузился в раздумья.

Сестры тем временем задумчиво смотрели на меня из противоположного угла каюты. Наконец одна из них не

выдержала и нарушила молчание.

– Интересные времена ждут нас, Сэнди.

– Еще одна голова и пара рук никак не помешают в нашей игре.

– Было бы позорно распускать хорошую команду из-за какого-то ничтожного недоразумения.

– Что вы сказали? – Я сделал паузу. – Когда вернемся домой, ТИПните меня, чтобы получить ответ на ваше предложение.

Путешествие скэба [7] (в соавторстве с Брюсом Стерлингом)

© Перевод. А. Криволапов, 2006.

Федеральный центр биологического сдерживания был диатомой размером с пик Диснея, покоящейся на фрактальных распорках в наиболее отвратительном месте Невады, где сухие белые пески так и кишат ядовитым зверьем.

Энтомоптер, неторопливо помахивая стрекозьими крыльями, нес Рибо-Зомби над просторами пустыни. Это всегда было лучшей частью программы, той самой, когда Рибо-Зомби, прежде чем приступить к выполнению задания, любовно проверял свое новенькое, с иголочки обмундирование. Скэб высшего ранга в пиратском подполье отаку[8], Рибо-Зомби был обладателем реактивных перчаток, усиленных слоем кевларового полисахарида, и перламутрового защитного шлема, который сейчас безмятежно висел на чешуйчатой стенке кабины моптера. А невадские пустынные ботинки! Такие могли бы смастерить толкиновские орки, работай они на «Найк»!

Сопровождал печально известного РЗ его легендарный спутник, близкий друг и талисман – Царапка. У каждого скэба есть такой товарищ – тотемное животное, результат генетического пиратства. Обычай восходит к временам зарождения субкультуры скэбов, когда ботаники и собаководы вдруг обнаружили все прелести и выгоды незаконной генной инженерии.

Сверкнув изумрудными глазами, суперкот поднялся с колен отважного скэба. На японском рынке у Царапки было другое имя. Созданный в Токио Царапка был проворным карманным монстром, несшим в себе черты восьми видов кошачьих и виверровых, внешним видом (и запахом) скорее склоняясь к виверрам. Рибо-Зомби, чьи отношения с женщинами ограничивались эпизодическими видеосъемками в компании грудастых подружек-скэбов, знал лишь одну настоящую любовь, и это была любовь между человеком и котом.

На экранах моптера мелькали рекламные ролики. «Магнумы» по дешевке, рейкъявикское шампанское из тепличного винограда, билеты на Смертельный Поединок (места возле ринга, щиты бесплатно), аренда энтомоптеров в Вегасе (в стоимость входит быстрый развод).

И вот – у-ух! Песок разлетелся белой асбестовой пылью, энтомоптер остановился и распахнул свое хитиновое брюхо. Рибо-

Зомби, прижимая к доспехам кота, ступил на сверкающий песок, обменялся с Царапкой дружелюбным мяуканьем и опустил его на землю. Захлопнул забрало шлема, извлек из кобуры чудовищный пистолет, а из патронташа шикарный ананас гранаты.

Пара кристаллиновых роботов-змей превратились в облачка пыли. Специальные вибраторы дезориентировали токсических скорпионов. Три рычащие шакалопы схлопотали по разрывной пуле. Тем временем бесстрашный кот, чье туловище под пушистой шерстью не уступало прочностью промышленному тефлону, отыскал проход через первый барьер шипастых ферокактусов.

Парочка углубилась в заросли чоллы. Об ужасном юго-западном кактусе чолла, чьи напоминающие сосиски сегменты украшены похожими на рыболовные крючки шипами, с незапамятных времен ходили кошмарные истории, подтверждаемые немногими спасшимися из его цепких объятий путешественниками, – добавка в чоллу генного материала венериной мухоловки сделала из безобидного кактуса беспощадного убийцу. Рибо-Зомби вынужден был полагаться исключительно на силу: стальное сопло огнемета бесшумно скользнуло в его боевую перчатку. Огненный шквал, и кактус-мутант уже напоминает спагетти в припадке эпилепсии.

И вот РЗ и его отважный Царапка взбираются по чудовищной «ноге» Федерального центра. Всякий, кто осмелился зайти так далеко, непременно встретится с самыми ужасными и впечатляющими штуковинами, вышедшими из недр Военсофтового департамента Антибиотеррористических войск.

Каналы диатомовой структуры распахнулись в устрашающем зевке и извергли из себя смертельный арсенал споровых гранатометов, удушающих овощных болас и гигантские сверкающие облака электрических блох и москитов. Любой скэб, достойный своей закваски, знает, что эти разносчики заразы под завязку накачаны жуткими быстротекущими болезнями вроде легочной чумы и некротического фасцита.

* * *

– Как раз тут о нем должен позаботиться кот, – заметила Таппер Макклэнахан, натягивая на плечи плед.

Фиарон Макклэнахан оторвался от экрана и заморозил картинку на нем, быстро набрав команду на клавиатуре.

– Ты о чем, милая? Я думал, ты читаешь.

– Я и читаю. – Таппер с улыбкой подняла старинный комикс

«Болотная тварь», обошедшийся в добрых десять процентов от суммы, ежемесячно выделяемой трастовым фондом. – Но мне страшно нравятся те места, где фигурирует кот. Помнишь, мы даже заказали высокопротеиновый кошачий корм после той серии на прошлой неделе? Виббл обожает эти штучки.

Фиарон со своего эргономичного кресла бросил взгляд на громадную храпящую тушу Виббла, их свиньи. Виббл уже перекрыл все нормы веса и объема, указанные в техдокументации, зато какая мягкая из него подушка!

– Виббл обожает все, чем мы его кормим. Его всеядность, как ты помнишь, – часть договора с производителем. Я же говорил, что мы сэкономим целое состояние на счетах за вывоз мусора.

– Дорогой, я совершенно не против Виббла. Он наш спутник, а значит, он замечательный. Ну разве что не мешало бы переехать в апартаменты попросторнее.

Фиарон не любил, когда его отрывали от просмотра любимого сетевого инфопотока. А еще он не любил, когда Таппер заводила разговор о расширении жилплощади. Попросторнее – означает детскую. А детская – это ребенок. Фиарон поспешил сменить тему.

– И как, по-твоему, Царапка поможет Рибо-Зомби выкарабкаться? Ты знаешь, что эти самые болас способны сотворить с человеческой плотью?

– Кот всегда его спасает. Дети обожают Царапку.

– Послушай, дорогая, дети на сегодня не входят в демографическую задачу. А это шоу делает вовсе не официальная студия и даже не инди-синдикат[9]. Ты не хуже меня знаешь, что речь идет о НЕЗАКОННОМ медиапродукте. Абсолютно подпольное инфоразвлечение, доставляемое посредством вируса. Есть законы насчет книг – не действующие, конечно, но до сих пор существующие, – по которым мы не имеем права даже смотреть этот поток. В конце концов, Рибо-Зомби – биологический террорист, пытающийся наложить лапу на федеральную собственность!

– Если шоу не для детей, зачем тогда эта мультяшка в углу экрана?

– Это граффити-иконка! Она показывает, что мы смотрим не подделку.

Таппер нахмурилась.

– А кто ж тогда редактирует и добавляет спецэффекты?

– Да ясное дело кто! Вегасская мафия! Мафия идет в ногу со временем: нет больше банд эстрадных певцов и гангстеров-рэпперов. Они больше не лицензируют героев фривэрной культуры, таких как Рибо-Зомби, одиноких волков-

рекомбинантов, призванных будоражить массы.

Таппер помахала комиксом.

– А я уверена, что кот спасет его. Потому что все, о чем ты болтаешь, не имеет никакого значения для архетипической динамики повествования.

Фиарон вздохнул, открыл новое окошко на желатиновом экране и закачал в него какую-то информацию.

– Ладно, слушай. Ты знаешь, что отвечает за безопасность федеральных биокарантинных сайтов вроде этого? Разработанный военными расслоенный мышиный мозг. А ты знаешь, насколько умна эта хрень? Пара кубических дюймов мышиного мозга обладает большей процессорной мощностью, чем любой суперкомпьютер двадцатого века. Кроме того, мышиный мозг нельзя взломать. Компьютерные вирусы? Да сколько угодно. Электромагнитные импульсы? Да пожалуйста. Источник питания тоже не уничтожить, потому что нейроны работают на чистом кровяном сахаре. Эту штуку невозможно разрушить.

Таппер пожала плечами.

– Просто включи обратно свое шоу.

* * *

Царапка вытянул туловище над уязвимой щелью в крыше диатомы. И начал мочиться.

Едва кошачья моча попала на чувствительные сенсоры, связанные с мышиным мозгом, контрольная сеть впала в неистовство. Древние мышиные инстинкты оказались сильнее кибернетических инструкций и возопили к немедленному бегству. Споровые бомбочки принялись беспорядочно падать на землю, вращающиеся болас крушили ни в чем не повинную растительность, вентиляционные порты выплевывали дым вперемешку с жидким азотом.

Проклиная беспорядочный и в то же время опасный обстрел, Рибо-Зомби достал закрепленный на спине гидравлический консервовскрыватель.

Мрачный и молчаливый Фиарон сжал челюсти, внимательно наблюдая за тем, как Рибо-Зомби медленно пробирается по сюрреалистичной диораме, утыканной вентиляционными колодцами и башенками защитных систем. Фонарик выхватывал из темноты невероятных мутантов, бултыхающихся в болотцах какой-то субстанции, напоминающей то желтую жидкую овсяную кашицу, то люминесцентный гель для волос, то рубиновый

кленовый сироп...

– Милый, – в конце концов проговорила Таппер, – не принимай ты все так близко к сердцу.

– Ты была права, – буркнул Фиарон. – Ты это мне хотела сказать? Ты была права! Ты всегда права!

– Просто я хорошо знакома с семиотическими критериями – я ведь столько лет увлекалась графическими романами. Но послушай, дорогой, сейчас будет то, что тебе больше всего нравится. Только погляди, экую он украл канталупу, как пульсируют ее артерии! Теперь РЗ вернется в свое укрытие, поработает с трофеем, и вскоре на одном из твоих любимых аукционных сайтов появится нечто совершенно новое.

– Как будто я сам не в состоянии вывести такую канталупу, а то и покруче!

– Конечно, милый. Особенно теперь, когда мы можем позволить себе лучшее оборудование. Как только я вступлю в права на наследство, мы сможем тратить то, что оставил тебе батюшка, исключительно на твое увлечение. Отцовский фонд пойдет на оборудование, а мои деньги позволят сменить наш зачуханный кондоминиум на новый современный дом. Биочерепица, окна из медленного стекла, оливиновое патио... – Таппер вздохнула. – Настоящее качество, Фиарон!

* * *

Как всегда Малверн Брэкхейдж объявился на пороге с дурными вестями.

– Хреново идет митоз, Фиарон, друг мой. «Миксоген» прикрыли.

– Шутишь? «Миксоген»? А мне казалось, с ними все нормально.

– Черта с два! По всему городу беспорядки. Вот я и подумал, загляну-ка я вас проведать.

Фиарон бросил на бедоносца-скэба мрачный взгляд. Застывшая на лице Малверна улыбка наводила на мысль о живом пока студенте-медике, которого угораздило попасть в комнату, полную кадавров. На Малверне был его обычный черный кожаный лабораторный халат, карманы штанов набиты всякой полулегальной всячиной.

– Это Малверн! – крикнул Фиарон в сторону кухни, где Таппер листала каталоги.

– Как насчет чего-нибудь нутрицевтического? – поинтересовался Малверн. – Наши умственные резервы требуют

немедленной подпитки.

Малверн достал из кармана халата сонную ласку, Спайка, и посадил его себе на плечо. Ласка – говоря биотехнически, Спайк был в большей степени горностаем, – немедленно стала самой приятной частью внешности Малверна. Шелковистый блестящий мех горностая придал Малверну облик принца времен Ренессанса, особенно если не забывать, что принцы времен Ренессанса по большей части были беспринципными тиранами, готовыми отравить любого в пределах видимости.

Блестя голодными глазами, Малверн ворвался в кухню.

– Как поживаешь, Малверн? – весело спросила Таппер.

– Шикарно, малышка! – Малверн достал из кармана заткнутую пробкой бутылку из-под немецкого пива. – Как насчет свеженького пивка?

– Не пей это, – предостерег жену Фиарон.

– Сам варил, – обиженно заявил Малверн. – Оставлю на кухне на случай, если передумаете.

Он поставил тяжелую бутылку на поцарапанный пластик.

Таппер, будучи хорошо воспитанной, бросила на Малверна восхищенный взгляд, который в ее кругу предназначался специально для очаровательно неприличных диссидентов. Фиарону вспомнились времена, когда таких взглядов удостаивался и он – чистый идеалист, понимающий истинный, освободительный потенциал биотехники, и одновременно подпольный ученый, никому не кланяющийся в своих тайных изысканиях. В отличие от Малверна, чья популярность среди скэбов основывалась на полной его беспринципности.

Подтверждая свою репутацию, Малверн принялся шарить в холодильнике.

– Восстаньте, пасынки Свободы! – декламировал он. – Добудьте себе немного пептидов!

Фиарон настойчиво оттеснил Малверна обратно в прихожую и точными уколами пальцев вызвал на стенном экране «Плавкие ядра» – сайт биомедицинских новостей, пользующийся немалой популярностью в сообществе скэбов.

Таппер, спасибо ей за поддержку, вскоре принесла закуски. Инстинктивно оба мужчины поделились едой со своими спутниками. Фиарон бросал лакомые кусочки борову, а Малверн кормил горностая, по-прежнему сидящего у него на плече.

Сидя рядышком на диване, оба не спускали глаз с экрана.

Живые пиксели электрожеле сложились в знакомый образ Мокрого Вилли, знаменитого репортера деловых новостей. Мокрый Вилли, в своем обычном непромокаемом плаще, красовался на фоне жилого небоскреба в Майами. Пастельные,

отделанные «Нео-Деко» стены покрывал слой перламутровой слизи. Дрожащее как живот турчанки желе сверкало под флоридским солнцем. За заграждением толпились зеваки в цветастых рубахах, панамах и сандалиях. Испоганенный небоскреб был окружен водяными пушками на гусеничном ходу, мощные струи охаживали скользкие розовые стены.

– Самые крупные беспорядки, – заметил Фиарон, – с тех пор как Либерти-Сити открыли для генного производства.

– Так и есть, – хмыкнул Малверн.

Мокрый Вилли компенсировал запаздывание сети инфодампом:

– Когда-то Либерти-Сити был просто нищей дырой. Это было еще до того, как Майами присоединился к современному Иммуноссансу, начатому низкооплачиваемыми, но гениальными карибскими бионерами. Когда суперимунные системы стали популярнейшим соматическим апгрейдом со времен инъекций костного вещества, Либерти-Сити стал таким, каким мы знаем его сейчас: бурно развивающимся районом артлофтов и творческих агентств.

Но сегодня иммукономическое качество жизни под угрозой! Десятый этаж этого здания занимает новое предприятие под названием «Миксоген». О причинах нынешних беспорядков можно только догадываться, хотя среди людей в здании уже звучат пугающие слова – Рибо-Зомби!

– Как же я сразу не понял! – проворчал Малверн.

Фиарон кликнул ссылку РЗ, и в открывшемся окошке появилось рекламное фото Рибо-Зомби в маске ниндзя.

* * *

Рибо-Зомби, легендарный король скэбов. Его захватывающие тайные приключения в полном соответствии с Актом о свободе информации и без каких-либо легальных или этических индоссаментов каждую неделю вам представляет сайт «Плавкие ядра». Кликните здесь, чтобы влиться в растущие ряды бионеров, тех, кто каждую неделю приобретает добытые РЗ образцы для своих ветвэрных лабораторий.

* * *

Фиарон перекрыл экрану питательную смесь и резко поднялся на ноги, испугав Виббла.

– Вот же фигляр! Можно подумать, именно он изобрел скэббинг! Ненавижу его. Давай-ка замутим что-нибудь, а, Мал?

– Отлично! – воодушевился Малверн. – Прямо сейчас и начнем!

Фиарон принялся шарить по шкафам в поисках скэбовского снаряжения, Виббл собачонкой ходил за ним по пятам. Процесс занял некоторое время, поскольку новейшее скэб-оборудование должно было определить статус владельца в полумире скэбдома (информация о статусе хранилась в ретровирусе и проверялась прикладыванием к снаряжению смоченной слюной бумажки).

За годы, посвященные Фиароном опасному генетическому хобби, он скопил целую галактику кондомов, защитной пленки, полимерной резины, фазовых гелей, реагентов, фемто-инъекторов, флаконов с сывороткой, фильтров, аэрозолей, сплэт-пистолетов, патронташи маркировочных бомбочек, контейнеров, перчаток, очков, камер, трубок, кассет с плиопленкой – все с фанатизмом заядлого рыболова было помещено в запутанную систему ящичков, коробочек и баночек.

Таппер молча наблюдала за мужем, выражение лица ее менялось с безразличного на недовольное. Даже бестактный Малверн почувствовал возникшее между супругами напряжение.

– Загружу-ка я пока свою тачку. Встретимся за рулем, Фиаро, кореш.

Таппер проводила Фиарона до входной двери, так и не сказав ни слова, пока муж собирал инструменты, затягивал ремни на груди и бедрах и рассовывал всякую всячину по специальным кармашкам водонепроницаемого плаща.

Наконец, закончив, Фиарон повернулся поцеловать жену. Та безразлично подставила щеку.

– Ох, милая, да не будь же ты такой занудой! Тебе прекрасно известно, что мужчине положены его маленькие радости. В моем случае это грубая, простая жизнь на переднем крае генетического фронта.

– Фиарон Макклэнахан, если ты вернешься измазанный коллоидом, нога твоя не ступит на мой чистый ковер!

– На этот раз я помоюсь, обещаю.

– И принеси свежего козьего престогурта.

– Принято!

Фиарон повернулся и загрохотал по ступенькам, его нейроцевтически измененный мозг уже полнился идеями и планами. Виббл трусил позади.

Работающий на водорослях двигатель внедорожника Малверна тихо урчал. Малверн освободил багажник, превратив его в открытый кузов для Виббла, который влетел туда словно

пятидесятилитровый барабан с реактивным двигателем. Горностай Спайк уселся на раме позади водителя, Фиарон занял пассажирское кресло, и автомобиль с легким электрическим взвизгом тронулся с места.

Нарушив по пути неопределенное количество правил движения Майами, два скэба покинули машину и оставшиеся пару кварталов до новоявленного биочернобыля проделали пешком. Федеральные служащие, как обычно, организовали кордон, чтобы оградить место происшествия от зевак, но для двух опытных, прекрасно экипированных скэбов преодолеть подобное препятствие было сущим пустяком. Фиарон и Малверн просто опрыскали себя и своих животных специальным хамелеоновым спреем и спокойно миновали ультразвуковые пилоны. Затем нашли лифт для инвалидов и вскоре уже были на десятом этаже.

– Ну вот, – проговорил Фиарон, сплевывая с губ засохший спрей, – мы и внутри.

Малверн уже поедал ленч, забытый какой-то секретаршей.

– Лучше проверь, о чем там толкуют на «Плавких ядрах».

Фиарон взглянул на наладонник.

– Взяли Гарри Пивовара. Он прикидывался офицером из отдела по контролю за заболеваниями.

– Жаль, парень вовсе не опасен, а пивко варит недурное.

Малверн осторожно выглянул в окно. К гидрометам присоединились орнитоптеры, распыляющие ингибиторы и противометаболизаторы. Защитники физиологической чистоты использовали комплексную тактику. И, похоже, силы закона и порядка одерживали верх.

– Как думаешь, сколько нам нужно собрать этой бурды? – поинтересовался Малверн.

– Да всю, сколько осилит Виббл.

– Не боишься за старину Виббла?

– Он тебе не какая-нибудь морская свинка. Тем более я недавно проапгрейдил его систему пищеварения. – Фиарон почесал свинью за ухом.

Малверн застежкой-липучкой прикрепил к своему горностаю специальную камеру. Спайк тут же принялся осматривать окрестности, и Малверну пришлось направлять его при помощи пульта дистанционного управления.

– Кевин использует видеопчел, – заметил Фиарон, пока они разворачивали оборудование для сбора образцов. – Крохотульные камеры устанавливаются на крохотульных спинках механических насекомых. По словам Кевина, это новый сетевой феномен.

– А-а, все это старье из Силиконовой долины, – отмахнулся Малверн. – Кроме того, горностая не засосет в турбину

реактивного двигателя.

Тренированный Спайк обнаружил цель, и оборудование зазудело как дешевое шампанское. Удивительно, как перекрытия этажа выдерживали всю тяжесть незаконного производства. Действительно, «Миксоген» представлял собой отнюдь не обычную научно-исследовательскую лабораторию. Нет, это было полномасштабное производство. Кто-то изощренно гениальный купил поломанное оборудование, оставшееся от водно-спортивного курорта в Орландо, – все эти помпы, желоба и разбрызгиватели. Детские бассейны-лягушатники были превращены в липкие искусственные ледники питательного сывороточного геля. Пластиковые аквариумы заполнены сырой биомассой. Метастазирующие клетки превратились в некое пенящееся подобие лимонной меренги. Вонь стояла непереносимая.

– Да что ж это за тухлятина? – Марвин едва не подавился при взгляде на разбитую ванну, заполненную дьявольской смесью рогов, копыт, шкур, меха и клыков.

– Полагаю, образчики эпидермиса млекопитающих, – заметил Фиарон, пытаясь удержать рядом свою свинью – аппетит Виббла явно разгорелся при виде такого количества вкуснятины.

– Я что, по-твоему, вчера родился? – фыркнул Малверн. – Никто не может вырастить такой гибрид. Это уже за пределами всех генетических законов. Ни одно существо с рогами не может иметь когти! У копытных и кошачьих даже число хромосом разное.

Задребезжали пластиковые окна, и в генетическую лабораторию, шлепая по стене гекконовыми лапками и сверкая линзами, вполз полицейский робот.

Оба скэба вместе со своими животными поспешили убраться с пути механического соглядатая, который уже начал поливать все вокруг стерилизующим туманом конденсата Бозе-Эйнштейна.

Новый запах привлек внимание Спайка, и Малверн потрусил вслед за животным. Они вошли в помещение, сияющее стеклом и сталью.

Руководительница «Миксогена» умерла на посту. В деловом костюме, но уже распространяя запах тлена и разложения, она распростерлась в своем эргономичном кресле. Раздутая, с разбухшими венами голова с торчащим наружу мозгом напоминала ведро с грушами.

Фиарон захлопнул открытый от удивления рот и до горла застегнул молнию на кевларовом жилете.

– Бог ты мой, Малверн, еще одна смерть на почве переработки! Как думаешь, насколько высоки были результаты ее

отборочного теста?

– Не сомневайся, парень, она наверняка выбивалась за верхнюю границу. Посмотри на размер ее лобных долей, как у полдюжины Витгенштейнов.

Горностай Спайк в поисках безопасного места скользнул в его штанину, и Малверн поежился. Фиарон утер пот со лба. От вони кружилась голова. Приятно было сознавать, что сверхсовременная иммунная система не позволит любым бактериям или вирусам поселиться в теле без его, Фиарона, на то позволения.

Малверн без устали щелкал цифровой камерой.

– Глянь-ка на волосы на ее ногах.

– Я слыхал о таком, – пробормотал Фиарон. – Гибридизация. Она наполовину шимпанзе. Говорят, тактика супернейронных технологий требует шага назад по эволюционной лестнице, чтобы потом совершить резкий скачок вперед. – Он резко замолк, заметив, что Виббл с воодушевлением принялся лизать лужу под трупом. – Виббл, прекрати немедленно!

– Где ж эта мертвечина держала препараты?

– Поищем в столе, – предложил Фиарон. – Это не только замедлит ход полицейского расследования, но может и принести немалую пользу нам и нашим коллегам-скэбам, а значит, наш рейтинг вырастет будь здоров как.

– Отличная тактика, дружище! – воскликнул Малверн, стукнув кулаком по ладони. – Займемся сбором образцов. Сколько у Виббла желудков?

– Пять, не считая основного, которым он переваривает пищу.

– Бог ты мой, ну и деньжищ же у тебя! Ладно, дай-ка я гляну... Так, отрежем щупальце от этой кинестетически активной слизи, возьмем образец вот этой блевотины... ага, и не забыть вон ту хреновинку, что наша малышка сжимает в кулачке.

В одной руке труп сжимал карманный гелевый анализатор. Малверн засунул его в один из многочисленных карманов своего плаща. Бормоча про себя извинения, Фиарон приложил прибор для сбора образцов к черепу покойницы, раздался хлопок пневматического устройства, и щуп погрузился в глубины коры мозга. Виббл с энтузиазмом принялся поглощать мозговое вещество, которое через пищевод тут же попало в один из желудков, немедленно прекративший выработку желудочного сока.

* * *

Умело избегая полиции и праздных зевак, к ним подкатил

Малвернов внедорожник. Пока Малверн боролся с траффиком, Фиарон провел быстрые стерилизующие процедуры над счастливыми Спайком и Виббом.

– Мал, ты займись считыванием данных с гелевого диска анализатора, а я загружу образцы в аппарат для взламывания кода. Думаю, предварительные результаты будут через неделю или около того.

– Ага, ты то же самое говорил, когда мы раздобыли ту медузу у растаскэбов на Ки-Уэст.

– Так они ж использовали протеиновое кодирование. Что я мог сделать?

– Да ты всегда после драки кулаками машешь, Фиарон. Не можешь распаковать ДНК в своей спаленке-лаборатории, давай найдем того, кто может.

Фиарон сжал челюсти.

– Ты что, намекаешь, что я потерял биотехническую хватку?

– Может, и не потерял, но все к тому идет. И все равно тебе не тягаться с Кемпом Кингсидом. Он, конечно, ископаемое, но дело знает.

– Глянь-ка, вот и «Марта-Март», – сменил тему Фиарон.

Скрипя тормозами, внедорожник остановился на пленочном покрытии парковки «Марта-Март», и Малверн передал машину служащему в костюме кролика. Затем оба скэба и их животные прошли полную дезинфицирующую обработку, так что вскоре инородных микроорганизмов на них осталось не больше, чем на девственном латексе.

– Спасибо Богине Совершенства, – пробормотал Фиарон, – теперь Таппер не будет пилить меня за грязь в доме. Да, она же просила меня кое-что купить!

Приятели прошли в отдел розничной торговли «Марта-Март». Фиарон тщетно пытался вспомнить, что же ему нужно купить, но так и не добился успеха, а посему нагрузил корзину банками, бутылками, запасными пакетами для духовки и прочим никому не нужным барахлом.

Наконец пришло время отправляться по домам. Малверн высадил Фиарона у его дома, а сам отправился в свою холостяцкую нору.

Фиарон поднимался по ступенькам, размышляя о тяготах супружеской жизни. Таппер уже ждала его в холле.

Фиарон протянул ей покупки.

– Вот. Не помню, что ты заказывала, но я точно это не купил. – Лицо его просветлело. – Зато у Виббла полное брюхо первоклассной мутировавшей мозговой массы.

* * *

Пятью днями позже Фиарон стоял перед разгневанным Малверном. Фиарон уже полчаса увиливал от прямого ответа, демонстрируя Малверну гистограммы, микропленки и распечатки.

Малверн внимательно изучал окровавленный кончик костяной зубочистки.

– Признай поражение, Фиарон. Этот шарик – всего лишь какая-то пища. Усик принадлежит гибриду лианы, земляного червя и микромицета. Что до блевотины, так это обычная хемосинтетическая смесь, характерная для глубоководных трубчатых червей. Скажи лучше, что там с корковыми клетками?

– Ладно-ладно, согласен, ты прав, ни хрена я с ними поделать не могу. Осциллирующие ингибиционные петли, молчащие гены, отрезки ДНК, которые вдруг реконфигурируются и становятся главными… сроду такого не видел. Все равно что пытаться разобраться в карте марсианских дорог.

Малверн прищурил мутные глаза.

– Признание истинного скэба. Прямо-таки все равно что табличку на спину нацепить: «Дайте мне пинка». Я тебя правильно понимаю?

Фиарон стиснул зубы.

– Послушай, пока мы оба будем хранить нашу вылазку в тайне, нашей репутации ничто не угрожает.

– Ты потерял пять драгоценных дней, а вот Рибо-Зомби не дремлет и того и гляди нас побьет. Если народ что-то пронюхает, твой рейтинг рухнет раньше, чем итальянский кабинет министров, – театрально провозгласил Малверн. – Знаешь, сколько времени прошло, пока признали мои достижения? А ведь это не купишь!

Злость Фиарона уступила место смущению.

– Все ты получишь, что тебе положено, Малверн. Да я конкурентов в клочья порву, а кусочки по всему белу свету разбросаю! Хрен кто вообще узнает хоть что-нибудь.

Малверн раздраженно сорвал пластиковую обертку с британской ириски.

– Парень, ты совсем от жизни оторвался! Нынче каждый является синапсом еще кого-то! Найми пару скэбов по сети, и они тут же через поисковик оповестят всех и каждого. Пора проконсультироваться с доктором Кингсидом.

– О, Малверн, ненавижу просить Кемпа об одолжениях. Он такой засранец, когда дело касается новейших технологий. Он же нас опустит по полной! Всегда обращается со мной, будто я

какой-то сетевой интерн времен рабского труда в Интернете.

– Хватит ныть, речь идет о серьезных вещах.

– А его домишко в стиле ретрофанк. Все эти хлипкие хитросплетения любого из себя выведут!

Малверн вздохнул.

– Пока не женился, ты никогда не был таким нытиком.

Фиарон ткнул пальцем в заботливо подобранные Таппер обои.

– Что ж делать, если я теперь живу в приличном интерьере.

– Посмотри-ка в глаза фактам, друг мой. Доктор Кемп Кингсид обладает ортогональным гением первобытного хакера. В Иммуносансе немалая его заслуга. Скажи женушке, что мы отправляемся, и будь настоящим скэбом.

Таппер в своем крошечном кабинетике с головой погрузилась в решение важной задачи – обсуждение на виртуальном форуме особенностей графической литературы двадцатого века – и потому выслушала сообщение Фиарона с отсутствующим видом.

– Развлекайся, дорогой. – Она отвернулась к веб-камере. – А теперь, Крайбибафф, не были бы вы так любезны прояснить ваш тезис о том, что Тинтин и Сноуи являются предтечами культовых героев Иммуносанса.

Виббл, Малверн, Спайк и Фиарон наконец разыскали на берегу заброшенную бензиновую заправку. В бизнесе Кемпу Кингсиду никогда не везло, и он обосновался здесь после того, как старомодная топливная энергетика приказала долго жить. В какой-то момент он даже подумывал о том, чтобы превратить старую заправку со всеми ее топливными цистернами и бензоколонками в тематический парк. Как водится, возникли проблемы с оформлением, и старый хакер в очередной раз остался у разбитого корыта своей идеи.

Гигантская паутина, сотканная словно из перлиней супертанкера, нависала над ржавыми цистернами подобно некоей салфеточке, принадлежащей великану викторианской эпохи.

Малверн взглянул на хрупкое сплетение кабелей.

– Лучше бы оставить Виббла здесь.

– Но я никогда, никогда не расстаюсь с дорогим Вибблом!

– Прицепи на него камеру и вели патрулировать окрестности. – Малверн критически взглянул на борова. – Какой-то он квелый с тех пор, как сожрал мозги той малютки. Ты уверен, что у него с пищеварением все в порядке?

– У Виббла все отлично. Он еще та свинья!

Они начали подъем. На полпути по крутому боку цистерны любимица Кингсида Шелоб поднялась со своей лежанки. Это был паук размером с тюленя. Жуткий, воняющий уксусом арахнид.

– Эти угловатые несоразмерные конечности, – заметил Малверн, пытаясь скрыть страх, – можно подумать, старина Кингсид и не слыхивал о законе кубической степени.

– Что? – буркнул Фиарон, карабкаясь по стене.

– Слушай, все пропорции нарушаются, когда увеличиваешь что-то в тысячу раз. И еще: насекомые дышат дыхальцами. У них даже легких нет. Насекомое размером с тюленя просто не может дышать!

– Арахниды – не насекомые, Малверн.

– Да это просто робот, на которого нарастили немного дешевого хитина! Другого объяснения я не вижу.

Чудище вновь улеглось на свою лежанку, и приятели продолжили путь.

Лаборатория Кемпа Кингсида представляла собой гигантское гнездо шершня. Ее вырастили прямо внутри топливной цистерны. Кингсида всегда возмущали заоблачные цены, которые запрашивали за публикацию академические журналы, и он построил целую лабораторию из размолотой бумаги многолетних подшивок этих самых изданий вроде «Клетки» и «Геномики».

У Кингсида были огромные очки с толстыми стеклами, клочья седых волос на черепе и заросшие волосатые уши. Великий хан Интернета по-прежнему носил свой знаменитый лабораторный халат от Версаче поверх обтрепанных зеленых штанов и ветхой футболки.

– Африка, – заявил он, ознакомившись с трофеями.

– Африка?!

– Уж и не думал, что когда-нибудь вновь увижу эти генные цепочки. – Кингсид снял свои водолазные очки, чтобы протереть красные слезящиеся глаза клочком лабораторной салфетки. – То были героические деньки. Самые продвинутые умы человечества боролись за выживание планеты. Само собой, мы потерпели сокрушительное поражение, и экосистема планеты окончательно рухнула. Зато задницы политиканам не пришлось лизать! – Кингсид пристально взглянул на приятелей. – Паршивые псевдобунтари вроде Рибо-Зомби превратились в долбаных поп-звезд! Бог ты мой, в мои времена именно мы были настоящими, аутентичными трансгрессивно-диссидентскими поп-звездами. «Нэпстер»... Бесплатная сеть... «Линукс»... Да, черт побери, это было что-то! – Кингсид с силой ударил по подлокотнику полуразвалившегося кресла. – М-да, когда парниковый эффект вконец нас достал, мы придумали Иммуносанс. Выбора не оставалось, то был единственный способ выжить. И в то же время все, что мы делали для спасения планеты, было одобрено Объединенными Нациями. Нам подсобляли большие шишки из

неправительственных организаций, ВТО и Давосский форум. Нас даже секретные службы поддерживали, и все потому, что мы работали на благо общества!

Малверн и Фиарон обменялись озадаченными взглядами.

Кингсид нахмурился.

– Малверн, сколько в тебе генетического материала горностая?

– Да почти ничего, доктор Кингсид. Так, несколько плазмидов в эпидермисе.

– Вот видишь, в этом и состоит принципиальное различие между вашими временами декаданса и моей героической эпохой. В наши дни людей крайне беспокоило генетическое загрязнение. Считалось, что и люди, и животные должны обладать единственно правильными природными наборами генов. А потом, ясное дело, парниковый эффект разрушил естественную экосистему. Выжить в кризисе могли лишь совершенно ненатуральные, модифицированные создания. Труднее всего в таких ситуациях приходится цивилизациям, которые ближе к природе. Потому-то Африка и пострадала едва ли не сильнее прочих.

– О, все мы изучали историю, – заметил Фиарон, – так что в общем-то мы в курсе.

– Ха! – рявкнул Кингсид. – Да вы, засранцы, и понятия не имеете, что такое настоящий генетический хаос. Это было по-настоящему страшно. Партизанские армии африканских наемников разграбили все генетическое оборудование. Они крушили… сжигали… а когда из Золотого треугольника двинулись наркобароны, все вообще полетело в тартарары!

Малверн поежился.

– Круто! Неплохо бы сесть в самолет и слетать посмотреть, как оно там. – Он повернулся к Фиарону. – Ты ведь летаешь на самолетах, Фиарон?

– Ясное дело. Тачки, сани, водные лыжи… само собой, управлюсь и с самолетом.

Кингсид поднял дрожащий палец.

– Мы отчаянно пытались спасти все, что возможно, поэтому решили воспользоваться тем, что с наибольшей вероятностью переживет климатический катаклизм. Слоновью ДНК мы поместили в кактусы, генные цепочки носорогов – в грибы… Да, мы в той схватке были Хорошими Парнями. Вы бы только видели, что вытворяли там безжалостные террористы!

Малверн выковырял что-то из зуба, задумчиво рассмотрел и отправил обратно в рот.

– Послушайте, доктор Кингсид, вся эта древняя история

весьма поучительна, однако я никак не пойму, что она имеет общего с нашими образцами мозгового вещества.

– Это же желает узнать и Рибо-Зомби.

Фиарон застыл.

– Сюда приходил Рибо-Зомби? Что вы сказали ему?

– Ничего я не сказал этому жалкому недоноску! Ни слова он не вытянул из меня! Мерзавец очень надеялся что-нибудь вынюхать, но я отправил его обратно к высокооплачиваемым консультантам и масс-медиа, которые так его поддерживают.

Малверн протянул доктору пятерню.

– Кемп, ну ты просто супергуру! Натуральный Йода!

– Вы, мальчуганы, чем-то мне нравитесь, поэтому я вам кое-что подскажу. Видели когда-нибудь мозг натовского боевого шимпанзе? Если вы знаете, как присоединить частицы измененного мозгового вещества шимпанзе к собственным глиальным клеткам – не рискну сказать, что это безболезненно, – тогда в коре такое начнется... Башка распухнет что твой гриб-дождевик. – Кингсид сурово посмотрел на приятелей. – Все дело в аккумулировании ДНК, в этом весь секрет. В длинных, действительно длинных цепочках ДНК. Как бесконечная лента в шифровальной машине Тьюринга.

– Кемп, – мягко проговорил Фиарон. – Почему бы тебе вместе с нами не отправиться в Африку? Ты слишком много времени проводишь в своей ядовитой лаборатории вместе с вонючим пауком. Немного свежего воздуха джунглей тебе совсем не повредило бы. А нам так нужен проводник.

– Вы что, клоуны, и в самом деле решили отправиться в АФРИКУ?

– Да ясное дело. В Гану, в Гвинею, куда угодно. Организуем поездочку на уик-энд. Брось ты, Кемп, мы же скэбы! У нас есть камеры, у нас есть кредитные карты! Это же просто легкая прогулка.

Кингсид нахмурил снежно-белые брови.

– Любой, кто в своем уме, унес оттуда ноги десятки лет назад. Африка – это оборотная сторона Иммуносанса. Даже Красный Крест бежал оттуда впереди собственного визга.

– Красный Крест! – сказал Малверн Фиарону, и оба расхохотались. – Красный Крест, надо же!

– Ну-ну, – проворчал Кингсид. – Пойду посмотрю, что у меня есть на эту тему.

С этими словами он скрылся в глубине лаборатории, откуда вскоре послышался какой-то грохот.

Фиарон терпеливо опустился в классическое морщинистое кресло в стиле Фрэнка Гэри, а Малверн тем временем обшарил

холостяцкую кухню Кингсида и был вознагражден блюдом медово-гуарановых кубиков.

– Крутая берлога у этого чудака, – заметил он с полным ртом. – Удивительно, как фиброптические каналы превращают сраную цистерну в натуральную лабораторию.

– Да это место как было сраным, так и осталось. Парень, конечно, не беден, но еще и выпендривается будь здоров.

Малверн прочистил горло.

– Давай внесем ясность, напарник. Я не добывал ничего приличного с конца прошлого года. Да и ты не в лучшей форме со своей семейной жизнью и всем таким прочим. Если хотим чего-то добиться, мы должны побить Рибо-Зомби.

Минуту Фиарон молча кивал. Как можно увильнуть от подобного вызова? Разве только если дать слово, что больше никогда не посмотришь в глаза своему отражению в зеркале.

Наконец, весь в пыли, появился Кингсид. В одной руке он держал бамбуковую клетку с черным как ночь вороном, в другой – пучок каких-то бумажных полосок.

– Кэндибайты! Я сохранил всю африканскую информацию на кэндибайтах. Я же в свое время на этих кэндибайтах состояние сделал. Съедобная бумага, сахарный субстрат и секретный информационный ингредиент.

– Эх... – ностальгически пробормотал Малверн. – Я обожал кэндибайты в бытность свою маленьким мальчиком в яслях Тайм-Уорнер-Дисней. А теперь кто-то из нас должен слопать эти древние лимонные бумажки?

– В этом нет необходимости, я принес Хекла. Хекл – устройство вербального вывода.

Фиарон внимательно посмотрел на ворона в клетке.

– Этот пучок перьев, наверное, ровесник «Виктролы».

Кингсид положил мятую бумажную полоску на стол и освободил Хекла из клетки. Черная птица клюнула бумажку и проглотила ее. Как только желудок птицы начал переваривать зашифрованные кэндибайты, ворон принялся прыгать по столу точно конь в заколдованных шахматах.

– Как вам ворон в роли доски для записей? – промурлыкал Кемп.

Хекл, тряся крыльями, превратился в уменьшенную копию Дельфийского оракула. Каркающим замогильным голосом птица поведала странную историю.

Отчаянная группа новоявленных Ноев собрала образцы африканской флоры и фауны, а затем запаковала ключевую генетическую информацию в самом чудесном из возможных контейнеров – в Панспецифической Микобластуле.

Панспецифическая Микобластула представляет собой бессмертный химерический грибковый шар невероятной накопительной способности, волокнистый желудочный мешок, подвижный слизистый артефакт, апофеоз дарвинизма.

Стараясь не упустить ни слова, Фиарон не забывал следить за своим записывающим устройством. Нельзя потерять ни байта бесценной информации. Одновременно устройство показывало картинку с камеры Виббла.

Вдруг Фиарон увидел шокирующую картину: Виббл подвергся нападению!

Ошибиться невозможно – печально известный Царапка безуспешно пытался пробраться в святая святых Кингсида. Из маленьких динамиков доносился боевой клич Виббла, картинка тряслась как бешеная.

– Взять его, Виббли! Затопчи этого кошака!

Подчиняясь голосу хозяина, боров бросился в бой, а затем в потасовку включилась Шелоб. Едва многотонная паучиха поднялась во весь рост, Царапка немедленно понял, что пора уносить лапы.

Когда изображение стабилизировалось, спутника Рибо-Зомби и след простыл, а Виббл гордо похрюкивал. Камера ритмично покачивалась на спине борова, пока он зализывал антисептиком свои раны.

– Фиарон, ну ты крут! Твоя свинья на хрен затоптала эту кошачью задницу!

Кингсид задумчиво почесал затылок.

– У тебя все время был открыт канал связи со свиньей? – поинтересовался он.

– Конечно! – воскликнул Фиарон. – Я же не могу позволить, чтобы Виббл страдал от одиночества.

– Все это время кот Рибо-Зомби уотергейтил твоего борова. Он слышал все то же, что и мы. Остается только надеяться, что он не успел записать GPS-координаты.

Ворон по-прежнему вещал свою историю, но наконец информационный поток иссяк, и птицу поместили обратно в клетку.

Вдруг коммуникатор Фиарона заговорил зловещим басом. Это был голос самого Рибо-Зомби.

– Итак, Панспецифическая Микобластула находится в Сьерра-Леоне. Это дикая территория, где правит могучий воин – Кисси Ментал. Он жуткий каннибал, и для него вы, неудачники, все равно что жвачка-афродизиак. Итак, Малверн и Фиарон, убирайтесь с моего пути. У меня лучшее оборудование. А теперь благодаря вам еще и все необходимые данные. Отправляйтесь-ка

домой.

– Ах ты, вонючий шпион... – процедил потрясенный Малверн. – Да мой горностай твоего драного кота в клочки порвет!

Кингсид поднял палец в грязной перчатке.

– Выключите-ка ваши приборчики, парни.

Как только Фиарон и Малверн выполнили указания старого гуру, он извлек откуда-то из недр лабораторного стола древний пейджер и набрал что-то на рудиментарной клавиатуре.

– Пейджер?! – У Малверна от потрясения отвисла челюсть. – А почему, к примеру, не барабаны джунглей?

– Закройся! Вы, нынешние ламеры, ничего не смыслите в элементарных мерах безопасности. А между тем если один пейджер – ничто, два дают нам безопасный канал связи. – Кингсид всмотрелся в архаичный экран. – Вижу, мой контакт во Фритауне, доктор Герберт Зостер, все еще в деле. С его помощью мы вполне можем побить Рибо-Зомби и утащить ценный приз у него из-под носа. После того как Рибо-Зомби посмел шпионить в моем доме, вам ничего не остается, как только сделать это. Вы уж постарайтесь, а в противном случае и носу не смейте показывать на скэбконе в Таллахасси. С вашими далконовыми щитами... или на них, мальчики.

– Черт! Быстро валим отсюда! Спасибо тебе, старина!

* * *

Таппер известие о предстоящем путешествии крайне обеспокоило. Когда рыдания стихли, горячая пища в доме Фиарона стала не менее редким зверем, чем кит или панда. Супружеские беседы ограничивались скупыми посланиями по электронной почте. Сексуальные отношения Фиарона и Таппер, всегда эмоционально насыщенные, стали холоднее последних ледников Гренландии. Угрюмый, но непоколебимый Фиарон не собирался отказываться от задуманного.

В день отбытия – бесценное оборудование было собрано в двух рюкзаках, не считая того, что закрепили на спине Виббла в специальных седельных сумках цвета хаки, – Фиарон помедлил на пороге квартиры. Таппер с мрачным видом сидела на диване, притворяясь, что смотрит на экран. Уже тридцать секунд дисплей показывал логотип AT&T (Архисовременная Транслитерация и Тотипотентность). Фиарон, само собой, был уязвлен, но тут Таппер переключилась на другой канал, и он вспомнил о том, что все же необходимо попрощаться.

– Таппенс, дорогая, мне пора, мы с Малверном встречаемся в доках. – Использование уменьшительного имени не оказало на Таппер никакого видимого действия. – Милая, я понимаю твои чувства, но подумай вот о чем: моя любовь к тебе истинна, потому что я не лгу истинному себе. Мы с Малверном обернемся за пару недель с минимальными потерями. Но если вдруг случится так… что я… ну… не вернусь… В общем, я хочу, чтобы ты знала: без тебя я ничто. Ты – женская митохондрия в моей беспутной маскулинной плазме, малышка.

Тишина. Фиарон повернулся уходить, повернул ручку двери, и тут Таппер сзади обхватила его руками и сжала в таких страстных объятиях, что бедняга Виббл взрыкнул от неожиданности. Таппер развернула Фиарона к себе, и супруги слились в страстном поцелуе.

В себя возлюбленные пришли лишь при появлении Малверна. Фиарон привел в порядок костюм, поцеловал заплаканную щеку Таппер, и приятели отправились в путь.

– Проблемы? – поинтересовался Малверн.

– В общем, нет. А у тебя?

– Ну, хозяйка заставила меня заплатить за квартиру за месяц вперед. Да, и еще: если я погибну, она распродает все мое имущество.

– Жестоко.

– А чего еще от них ждать?

* * *

Все еще ежась от прививок против лихорадки, сделанных на таможне, скэбы-путешественники на борту «Глории Эстефан» – парома, следующего на Кубу, – всматривались в исчезающие вдали берега Америки.

– Ненавижу все это водоплавание! – прохрипел Малверн после очередной перезагрузки желудка.

Фиарон, держась за живот, заметил:

– Да, с погодкой нам не повезло. Эти карибские ураганы с их волнами…

– Какие волны? Мы же еще не вышли из залива.

– О господи!..

Но все когда-нибудь заканчивается, и после изматывающего, тошнотворного путешествия на горизонте показались берега Кубы. Гавану из-за постоянной опасности быть смытой океанскими волнами давно уже с помощью всеобщей мобилизации рабочего класса перенесли в глубь острова. В

принципе попытка удалась, хотя многие исторические здания выглядели так, будто их приподняли, а потом уронили.

Едва высадившись на благоуханном, ярком тропическом берегу, напарники поспешили на аэродром – дело в том, что нынче только лишь отчаянные ковбои-кубинцы способны были рискнуть отправиться навстречу опасностям Черного континента.

Воздушное судно «Ми амига флика» оказалось водородным грузовым дирижаблем, выращенным на основе лошади аппалузской породы. Подъемная сила создавалась лошадиными желудками, модифицированными таким образом, что вместо обычного метана они вырабатывали водород. Сейчас стрела подъемного крана нагружала резервуары дирижабля высокопроизводительной овсяной смесью.

– На борту есть микропивоварня, – с видом туристического агента сообщил Малверн. – Перерабатывает зерновую массу точь-в-точь как лошадь! Пивко из нее должно быть будь здоров!

Наконец бамбуковый лифт поднял их в пассажирский модуль цеппелина, напоминающий седельную сумку, свисающую с раздутого лошадиного бока.

Пассажирская кабина биоцеппелина раскраской напоминала зебру и была размером с небольшой танцпол – там имелись даже крошечная эстрадка и трогательный древний зеркальный шар под потолком. Кубинские стюарды в целях экономии места и веса все как один были ростом с жокеев.

Фиарон и Малверн обнаружили, что их заказанная по сети каюта по размерам не превышает обычного уличного биотуалета. Все здесь раскладывалось раскатывалось, трансформировалось или требовало сборки из отдельных частей.

– Не думаю, что смогу пописать в ту же трубку, из которой впоследствии будет поступать пресловутое микропиво, – пробормотал Фиарон.

Менее разборчивый Малверн уже нацедил себе бокал золотистого напитка.

– Жизнь – замкнутый цикл, Фиарон, – философски заметил он.

– Но где же будет спать моя свинья?

Они отправились на смотровую площадку, чтобы наблюдать отправление гигантского газового мешка. Экипаж сноровисто отшвартовал биоцеппелин от стояночной мачты, топливные бактерии запустили миозиновые моторы, пропеллеры начали медленно вращаться, и воздушное судно со скоростью увечного пони отправилось на восток.

Малверн уже приканчивал третий бокал пива.

– Как только мы наложим лапу на эти генные цепочки, наши

имена прославятся навечно! И вся наша жизнь превратится в вино, гено и техно!

– Химер после фильтрации считают, Мал. Не забывай о Рибо-Зомби и его знаменитом энтомоптере.

– Рибо-Зомби – жирная свинья шоу-бизнеса и полное дерьмо! А мы – крутые парни с улиц Майами. Нас с ним и сравнивать нечего.

– Хм-м. Давай-ка посмотрим, что грузится на «Плавких ядрах».

Фиарон нашел место, где шкура цеппелина была потоньше, и включил спутниковый коммуникатор. На гелевом экране появился знакомый логотип «Плавких ядер».

> *– В своей одноместной суперкавитационной субмарине Рибо-Зомби и его верный друг Царапка движутся навстречу опасностям таинственной Африки! Какие ужасные и чудесные приключения ждут нашего одинокого волка? Не вспыхнет ли страсть в груди встреченной им прекрасной дикарки? Подключайтесь в понедельник к нашей риал-тайм-трансляции высадки РЗ и Царапки на загадочном и кошмарном континенте! И не забывайте, дети, игрушки, наклейки и прочие коллекционные предметы с Царапкой вы можете заказать только при помощи «Нинтендо-Бенц»...*

– Они сказали – в понедельник? – воскликнул Малверн. – Но ведь понедельник завтра! Все, нам конец!

– Малверн, успокойся, на нас смотрят. Рибо-Зомби не может прочесать все места дислокации ООН в Африке, а нам Кингсид обеспечил проводника из местных. Помнишь, доктор Герби Зостер?

Малверн весь кипел.

– Ты что, думаешь, какой-то туземный скэб чего-то стоит?

Фиарон улыбнулся.

– Ну, он, конечно, не такой скэб, как мы, но очень и очень похож. Он в отличной форме, любит наше дело, а к тому же хитер и знает местность. Я почитал онлайновое резюме. Герби Зостер был торговцем, исследователем, археологом, даже хозяином офшорной базы данных. Когда мы соберемся вместе, веселье я тебе гарантирую.

Долгие часы в воздухе Малверн проводил в праздности, потребляя столь любимые им вино, гено и техно, тогда как Фиарон бесконечно писал и стирал покаянное электронное письмо жене. И вот наконец биоцеппелин прибыл к меланхолическим руинам Фритауна, в связи с чем капитан

воздушного судна сделал весьма неприятное заявление.

– То есть как это нельзя пришвартоваться? – вытаращил глаза Малверн.

Капитан газового мешка, плутоватый и юркий, хотя, впрочем, весьма компетентный парень по имени Луис Сендеро, снял кепи и задумчиво пригладил два попугайных пера на висках.

– Местный каудильо, принц Кисси Ментал, приказал своим подданным сжечь все оборудование. Такое в торговле с Африкой встречается сплошь и рядом. Чтобы выполнить наши обязательства по контрактам, мы будем сбрасывать грузы на парашютах – само собой, пока нам за них платят. Если выплаты прекратятся, груз мы все равно сбросим, правда, уже без парашютов. Вы, янки, единственные пассажиры на борту, кто собирается высадиться в Сьерра-Леоне, так что вам и вашим животным тоже придется воспользоваться парашютами.

И вот после долгих минут шума, крика и стенаний Фиарон, Малверн и Виббл, кое-как нацепив парашюты и зацепив вытяжные кольца за ржавый трос, очутились возле открытого грузового люка. В ноздри им ударили экзотические запахи влажных африканских джунглей.

С тоской глядели отважные путешественники, как на красную землю опускается их багаж. Наконец, прижав к груди Спайка, Малверн закрыл глаза и мешком рухнул за борт. Фиарон подождал, пока парашют коллеги раскроется, и лишь тогда последовал его примеру. Он пинком вышвырнул в люк Виббла и последовал за ним.

* * *

– Иностранные поставщики привозят нам одни отбросы, – пробормотал доктор Зостер.

– Кубинские отбросы? – поинтересовался Малверн, погружая грубую деревянную ложку в суп из козлятины с перцем.

– Нет. Кубинцы доставляют их, но это отбросы отовсюду. Такой вот феномен. Видите ли, любые отбросы достаточно продвинутого общества обладают некоей магией.

Фиарон тайком бросал куски перченой козлятины Виббл у. Ему нелегко было общаться с доктором Герби Зостером. Фиарон никак не ожидал, что древний Кемп Кингсид и крепкий, загорелый Герби Зостер – столь близкие родственники.

Собственно говоря, Герби Зостер оказался более молодым клоном Кингсида. Это не нужно было подтверждать никакими анализами, поскольку, как и большинство клонов, Зостер обладал

не только внешностью, но и скверным характером своего оригинала. Зостеру жизнь в Африке нравилась исключительно по той причине, что это было единственное место на планете, где Герби мог стать максимально не похожим на Кемпа Кингсида.

В какой-то мере ему это удалось – темнокожий, весь в отметинах от колючек, ядовитых насекомых и пуль Зостер напоминал Кингсида, как покрытая боевыми шрамами гиена напоминает постаревшую породистую ищейку.

– А что конкретно здесь выгружают? – заинтересовался Малверн.

Зостер задумчиво прожевал печеный батат и выплюнул шкурку в темноту, окружающую крытую соломой хижину. Нечто с огромными светящимися глазами тут же бросилось на шкурку и с чавканьем сожрало ее.

– Вы знаете, что такое Иммуносанс?

– Само собой, – заявил Малверн, – мы же из Майами.

– Этот новый Генетический век пришел на смену Атомному, Космическому и Информационному векам.

– И скатертью им дорога! – закивал Малверн. – А козлятинка еще осталась? Ох и вкусная же штука!

Зостер позвонил в грубый колоколец, и в хижину, таща горшок с булькающей похлебкой, вошел хромой слуга в тюрбане.

– Проблема с резким технологическим рывком состоит в том, – заметил Зостер, помешивая дымящееся варево, – что резко устаревают привычные способы производства. Когда начался Иммуносанс, вездесущая промышленность обеспечивала все развитые страны. – Зостер прервался, чтобы покрутить ручку самодельного пружинного генератора, и лампочка под потолком хижины засияла во всю мощь своих тридцати ватт. – Для биоиндустриальной революции просто не было места. Но революция была необходима, и старой промышленности пришлось уйти в небытие. А Африка – самое подходящее место для свалки. – Зостер потер изрезанный морщинами лоб и вздохнул. – Иногда отходы рекламируют и продают нам, африканцам, иногда сбрасывают их анонимно. Так или иначе, как бы мы ни противились, весь хлам все равно оказывается здесь.

Малверн решил сменить тему.

– Так что вы скажете насчет легендарной Панспецифической Микобластулы?

Зостер выпрямился, лицо его посуровело.

– Это мусор особенного рода. Панспецифическая Микобластула – цельная, замкнутая экосистема. Целый дикий континент спрессован и упакован в ней!

Фиарон поразмыслил над сказанным и с воодушевлением

произнес:

– Мы понимаем серьезность дела, доктор Зостер. Время дорого. Когда мы можем отправиться в путь?

Зостер поковырял каблуком грязный пол.

– Нужно нанять носильщиков-туземцев. Подготовить припасы. Мы подвергнемся смертельному риску... Что вы можете дать нам взамен?

– Упаковку прохладительных напитков? – предположил Малверн.

Фиарон подался вперед.

– Транзисторные радиоприемники? Антибиотики? А как насчет сантехнического оборудования?

Зостер в первый раз за все время улыбнулся, сверкнув золотыми зубами.

– Зовите меня Герби.

* * *

Зостер вытянул палец, на кончике которого сидел муравей, размером и цветом напоминающий кунжутное семечко.

– Это самый крупный организм на свете.

– Слыхал об этом, – тут же перебил его Малверн. – Вроде огненных муравьев, наводнивших Америку, верно? Они проскочили сквозь бутылочное горлышко дарвинизма и остаются абсолютно идентичными в генетическом плане, даже когда рождаются от разных маток. Они распространились по Штатам быстрее, чем суфле из алтея.

Зостер вытер пот грязной банданой.

– Этих муравьев получили четыре десятилетия назад. Они несут в себе гены ризотропического грибка, что позволяет им удобрять растения азотом. Но разработчики перестарались. Муравьи значительно повышают урожай, но сами при этом обладают иммунитетом к болезням и паразитам. Чистильщики в конце концов вытравили их из Америки, но в Африке нет Чистильщиков. У нас нет здравоохранения, нет телефонов, нет дорог. В результате клонированные муравьи массивной волной распространились от Тимбукту до Кейптауна, превратившись в единый сверхорганизм размером с саму Африку.

Малверн с сожалением покачал головой.

– Вот что значит – доверять Чистильщикам, дружище. Да любой придурок мог бы растолковать этим корпоративным преступникам, что иерархическая система никогда еще до добра не доводила. Что вам, странам третьего мира, нужно, так это

вирусный рынок, высокотехнологичное оборудование...

Бравада Малверна явно произвела впечатление на Зостера, и оба скэба ударились в дискуссию, щеголяя друг перед другом мудреными словечками и предоставив Фиарону молча пробираться через жаркие, враждебные джунгли.

Из всех троих вооружен был только Зостер, но GPS-навигаторы имелись у каждого.

Завершали строй пятеро носильщиков-туземцев, груженных багажом и провиантом. Босые, одетые только в набедренные повязки-дхоти носильщики могли похвастать самыми разными модификациями тела, такими как дорсальные резервуары для воды, укрепленные подошвы и убирающиеся когти, а также менее полезными косметическими изменениями вроде движущихся шрамов (именно так воспринимались подкожные черви-симбионты) и огромных ушей, снабженных слоновьей мускулатурой. Ритмическое помахивание ушами сопровождалось легким потрескиванием, любопытно перекликавшимся с туземным языком.

Недружелюбный ландшафт Сьерра-Леоне несколько скрашивали мутировавшие джунгли. Война, бедность, болезни и голод – эти Четыре Лендровера Африканского Апокалипсиса – давно уже остались в прошлом, Черная Смерть прибрала большую часть населения, освободив континент для возрождающейся флоры и фауны.

Эти самые флора и фауна, однако, оказались куда менее дружелюбно настроены к человеку, нежели в старых джунглях, казавшихся теперь патриархальным раем. Пройдя через мясорубку биотеррора, на свет явились не «твари», а «эволюари». Деревья вились, листья перебирались с ветки на ветку, насекомые рычали, млекопитающие летали, цветы кусались, лианы ползали, грибы рыли норы. Рыбы, радикально измененные парниковым эффектом, сделались двоякодышащими и встречались тут и там на тропинках джунглей.

Двигаясь по тому, что осталось от автострады, исследователи добрались до давно заброшенных городов Байяу и Моямба. Странные природные образования покрывали железобетонные останки, заставляя вспомнить слова Озимандии о человеческой спеси. Прозрачное желе заполняло остовы автомобилей, в которых еще можно было разглядеть скелеты водителя и пассажиров. Маслянистые орхидеи блевотиной свисали из окон. Разогнав стаю крылатых крыс, путешественники разбили лагерь. Зостер разбил две палатки для скэбов и их животных, а носильщики соорудили себе подобие иглу из рогов и веток.

Отужинав несколькими пакетами какой-то сублимированной

бурды, путешественники забылись сном. Фиарон так устал, что не слышал даже храпа Малверна.

Проснувшись раньше остальных, он откинул полог палатки, высунул голову наружу и замер, потрясенный. Лагерь был окружен. Долговязые туземцы, едва похожие на человеческих существ, опираясь на копья, наблюдали за палатками. В настоящий момент к дикарям прибывало подкрепление на древних джипах, оборудованных зенитками и ракетными установками.

– Лесная армия Кисси Ментала, – сообщил Зостер. Торопливо пошарив в рюкзаке, он достал оттуда пару механических башмаков. – Итак, девочки, внимание, – прошептал он, засовывая ноги в тяжелое ножное оборудование. – У меня есть план. Когда я потяну за эту веревку, палатка сложится. Это собьет дикарей с толку. Со всех ног бежим в том направлении, откуда пришли. Если кто-то из вас выживет, жду вас у меня дома.

Зостер поднял револьвер – их единственное оружие, – щелкнул тумблерами на носках башмаков, и загадочные приспособления затарахтели и принялись испускать сизоватый дымок.

– Семимильные сапоги на бензиновом двигателе, – сообщил он. – Состояли на вооружении армии ЮАР. Дорога им не требуется, а при сноровке они позволяют достигать скорости в тридцать, а то и сорок миль в час.

– Ты и правда думаешь, что мы сможем обогнать этих дикарей? – спросил Малверн.

– Мне не надо обгонять *их*, я собираюсь обогнать *вас*.

Зостер одним движением сложил палатку и выскочил наружу, открыв беспорядочную пальбу из револьвера. Башмаки изрыгнули снопы пламени, и Зостер совершил такой длинный прыжок, словно им выстрелили из катапульты.

Обезумев от ужаса, Малверн с Фиароном выкарабкались из-под палатки и тут же оказались в руках воинов Кисси Ментала. Тем временем дикари вспороли ножами вторую палатку и набросились на сопротивляющихся Виббла и Спайка.

– Замри, Спайк!

– Спокойно, Виббл!

Животные подчинились.

Подданные принца мало напоминали людей – этакие таллофиты, страдающие базедовой болезнью. Некоторые прикладывали какие-то листья к дыркам на руках, ногах и груди – видимо, эти раны были нанесены револьвером Зостера.

Негодяи быстро разобрали крышу временного пристанища носильщиков. Бедные туземцы рыдали от ужаса, но не оказали

никакого сопротивления. Несколько воинов Кисси Ментала – создания с огромными головами и длинными зубами – выскочили из ржавого джипа. Они взяли на изготовку неописуемо ужасные русские автоматы и разрядили обоймы в остатки иглу. Оттуда доносились отчаянные крики. Затем негодяи выволокли наружу мертвых и раненых и безжалостно разорвали их на части.

А потом эти бессовестные создания, воняя потом и муравьиной кислотой, связали Фиарону и Малверну руки длинными травяными жгутами, а Виббла и Спайка подвесили к длинным шестам, которые взвалили себе на плечи.

Подгоняя прикладами, пленников повели в глубь джунглей. По пути бандиты то и дело останавливались, чтобы выпустить очередь во все, что движется. Жертв быстро рубили на куски и складывали в мешки для провианта.

Не прошло и часа, как Фиарона и Малверна доставили в походное логово принца Кисси Ментала.

Фиарон не отводил взгляда от трона принца, лишь бы не видеть того, кто на этом троне сидит. Трон представлял собой ряд из трех самолетных сидений первого класса с убранными подлокотниками. Покоились сиденья на передвижном паланкине. Специальная система подпорок поддерживала гигантскую голову принца.

Пленников вытолкнули вперед.

– Батюшки-светы!.. – прошептал Малверн. – Да он же наполовину шимпанзе, наполовину муравей!

– Что не оставляет ни одного процента от человека, Мал.

Тычком копья Фиарона поставили на колени. Тело Кисси Ментала напоминало голову рокфора, испещренную толстыми синими венами. На толстой шее покоилась голова, напоминающая человеческий череп, который положили под пресс, а потом прикрыли хитиновыми пластинами. Голова Кисси Ментала была больше тыквы – победительницы на ярмарке «4Г» – даже если «4Г» означает «Гомеостаз, Гаплотип, Гистогенез и Гипертрофия».

Фиарон поднялся на ноги. Он был испуган, однако мысль о том, что ему не доведется больше увидеть свою любимую Таппер, каким-то образом придала Фиарону сил. Только представить, что он вновь окажется дома, – да такое стоит любых жертв! Должен быть способ договориться с похитителями.

– Малверн, как думаешь, насколько этот парень умен? Может, он говорит по-английски?

– С такой башкой он должен быть умнее английской королевы.

С усилием, заставившим загрохотать его гипертрофированное

сердце, принц поднял волосатые руки и покачал пальцем. Пленников подтолкнули к самому трону, и принц выпустил стаю блох. Блохи немедленно принялись кусать, сосать и как-то еще исследовать Малверна и Фиарона, после чего вернулись к своему хозяину. Прожевав парочку из них, принц задумался, глаза его сияли, как светодиоды. Затем поманил к себе одного из человекомуравьев, и тот слизнул капельку, выделившуюся из левого соска принца.

Облизав губы, человекомуравей принялся раздавать команды: он кричал, пританцовывал и яростно жестикулировал.

Все вокруг пришло в движение, трон принца подняли на плечи, и армия быстро двинулась в глубь густых джунглей. Малверна и Фиарона привязали позади древнего военного джипа, и они бежали, кашляя от выхлопных газов.

– Вот же подонок это Зостер… – задыхаясь, прохрипел Малверн. – Все эти клоны… деграданты чертовы!.. Дай только выбраться из этой заварушки…

– Держись, Мал…

– Эй, ты только погляди!

Фиарон взглянул туда, куда указывал Малверн. Одно из подразделений армии принца приволокло из зарослей большой, ржавый, канареечно-желтый «новый фольксваген-жук».

– Да это же «новый жук» 2015 года! – воскликнул Фиарон. – Спортивная модель.

– Точно. Но посмотри: окна закрыты, и там внутри что-то есть! Что-то размазано по стеклам…

Тощий человекомуравей вскочил на крышу «жука» и аккуратно положил в люк окровавленный кусок мяса. Тут же из люка высунулся напоминающий гидру клубок, состоящий из самых разных частей животных – хвостов, лап, ушей, хоботов, клювов. Раздалось громкое чавканье, и вскоре из выхлопной трубы потекла струйка напоминающего сироп эксудата. Возбужденные бойцы армии принца принялись наполнять сдернутые с голов шлемы.

– Черт побери, у них там Панспецифическая Микобластула!

Солдаты не давали пропасть ни капле, облизывали губы и пальцы.

– Эх, камеры нет! – с тоской проговорил Фиарон. – Без камеры на такое просто смотреть невозможно.

– Гляди, они скармливают этой штуке наших носильщиков! – воскликнул Малверн. – Как думаешь, что она делает с человеческой ДНК? Не иначе, там образуется что-то полуразумное!

К выхлопной трубе подходили все новые страждущие с

шлемами в руках. Ждать им пришлось недолго – протеин носильщиков, судя по всему, пришелся Панспецифической Микобластуле по вкусу.

Белый как мел Малверн пробормотал:

– Если это завтрак, то когда же будет обед?..

* * *

Никогда еще Фиарону не приходилось тратить столько физических сил только на то, чтобы остаться в живых. Армия принца двигалась почти без остановок, прорубая джунгли словно гигантский бульдозер. Все, что человекомуравьи не могли съесть сами, скармливалось Микобластуле. Природа не терпит бездействия, и то, что таилось в ржавом «фольксвагене», являло собой неуемного панспецифического обжору, постоянно кипящий соматический котел. Микобластула пожирала все – от млекопитающих до жуков.

А потом пришел черед спутников Фиарона и Малверна.

Поначалу казалось, что эти уникальные животные каким-то образом заслужили благосклонность принца Кисси Ментала. Спайка и Виббла положили на трон рядом с принцем, и он с интересом рассматривал и даже гладил их.

Однако счастье длилось недолго. После полудня первого дня плена принц, которому, видимо, все наскучило, одним движением свернул Спайку шею и швырнул обмякшее тельце в разверстый люк «фольксвагена».

При виде такого чудовищного преступления Малверн взвыл и рванулся вперед, но нацеленные в грудь копья не дали ему сделать и шага.

А потом и Виббла грубо сбросили с помоста. Двое подручных принца перевернули борова вверх ногами и подвесили к шесту, который они несли на плечах.

Визг Виббла разрывал Фиарону сердце, и он пытался успокоить себя тем фактом, что Виббл в отличие от Спайка пока жив.

Постепенно бравада и надежда уступили место отчаянию. Было совершенно очевидно, что им с Малверном не спастись. Их убьют и скормят Микобластуле, невзирая на образование, деньги и профессиональную подготовку.

Когда войско наконец остановилось на ночь на краю безбрежной саванны, Фиарон попытался собраться с силами.

– Мал, я понимаю, все кончено, зато как славно мы проводили время вдвоем. По крайней мере мы не занимались

торговлей недвижимостью, как мой папаша. Короткая и веселая жизнь, так ведь? Умереть молодым… Надеюсь, я буду первым.

– Фиарон, я по горло сыт твоим оптимизмом. Ты богатый придурок, тебе всегда все само в руки падало! Мы что тут, по-твоему, в игрушки играем? Я так тебе скажу: будь у меня хоть один шанс выкарабкаться из этой передряги, я бы и секунды не стал тратить на пустую болтовню. Я бы тут же отправился на самый верх пищевой цепочки. Я хочу быть наверху, хочу быть победителем хотя бы раз в жизни! И пусть для этого мне пришлось бы лгать, воровать… убивать… А, к черту, какая разница. Мы – корм для муравьев. Нам не дадут ни шанса.

Фиарон молчал, ему нечего было ответить. Вскоре, несмотря на жужжание москитов, он забылся беспокойным сном, надеясь, что ему приснится незабвенная Таппер. Может, после его гибели она сумеет вторично выйти замуж… Выйти не по любви, а из соображений рациональных, за нормального простого парня, на которого можно положиться. За того, кто будет заботиться о ней, кто будет воспринимать ее серьезно. Боже, каким же он был черствым сухарем!

Наутро голодные дикари решили взяться за Виббла, и теперь пришел черед Фиарона рычать от бессилия.

Ловкими движениями туземцы отделили передние конечности Виббла от плечевых суставов. Бедняга Виббл протестующе визжал, но его палачи хорошо знали свое дело. Оставшуюся часть борова поместили на носилки, украшенные полустертой эмблемой Красного Креста. Окорока поджарили – Фиарона и Малверна при этом зрелище едва не стошнило.

Дымящуюся ветчину с подобающими почестями подали принцу Кисси Менталу, который явно наслаждался происходящим. Еще бы, судя по всему, муравьиная армия нечасто баловалась свининой, да еще такой, в которой присутствуют немалые части трансгенной человеческой плоти. Такую свинью нельзя позволить себе съесть за один раз.

К вечеру меню включало в себя Фиарона и Малверна. Двоих скэбов вытолкнули к костру, рядом с которым уже стояли два деревянных вертела. С пленников сорвали одежду, чтобы должным образом приготовить их к трапезе.

Счастливые человекомуравьи под улюлюканье и грохот тамтамов плясали вокруг священного «фольксвагена», осциллирующая масса внутри которого колыхалась в такт песнопениям. Химерические отростки Панспецифической Микобластулы бились в окна.

Вдруг сцену осветил мощный прожектор, и откуда-то с неба донесся восьмидесятидецибельный грохот «Полета валькирий».

– Сматываемся! – крикнул Малверн, вырвался из хватки человекомуравья и боднул его головой в лицо.

Энтомоптер Рибо-Зомби заложил крутой вираж, и зловещий «фольксваген» взорвался титаническим фонтаном лимфы, крови, фрагментов костей и плоти, с головы до ног обдав Фиарона – но не Малверна – квинтэссенцией Микобластулы.

Дикари бросились врассыпную, и Фиарон, воспользовавшись неожиданной свободой, лихорадочно пополз прочь от останков «фольксвагена», пытаясь одновременно стереть с лица мерзкую слизь.

Тут и там лежали мертвые или умирающие бойцы армии принца, напоминая поле генетически модифицированной кукурузы после британского марша протеста. Рибо-Зомби сделал второй заход, его прожектор выхватывал из темноты все новые жертвы. Но атака его была сосредоточена, само собой, на главном враге – на самом принце Кисси Ментале. Принц пытался сбежать от сверкающих лазерных лучей, однако ему мешала голова, закрепленная на троне при помощи системы распорок. Загрохотали пулеметы, и вскоре лишенная туловища голова принца Кисси Ментала уже безвольно болталась в распорках будто арбуз в сетке.

Деморализованная армия принца бросилась искать спасения в джунглях.

Над всей этой сценой летал рой мобильных камер, запечатлевая происходящее под всеми возможными углами. В довершение картины с неба триумфально спустился сам Рибо-Зомби в сияющем шлеме и боевых башмаках с логотипами.

С плеча Рибо-Зомби спрыгнул Царапка, чтобы тут же обследовать дымящийся труп Кисси Ментала. Скэб-суперзвезда выдул несуществующий дымок из неиспользованных револьверов с перламутровыми рукоятками и повернулся к Фиарону и Малверну.

– Неплохая попытка, оборванцы, только вот выше головы не прыгнешь. – Рибо-Зомби махнул в сторону камер. – Хотя материал о вас отсняли немаленький. А теперь убирайтесь от камер и найдите себе какую-нибудь одежонку. Панспецифическая Микобластула принадлежит мне.

Яростно рыча, Малверн бросился в заросли.

– А ты чего ждешь? – поинтересовался Рибо-Зомби у Фиарона.

Фиарон смотрел на свои руки. На костяшках пальцев прорастали миниатюрные попугаичьи перья.

– Любопытный случай спонтанной мутации, – заметил Рибо-Зомби. – Займусь им после того, как сфотографируюсь со своим трофеем.

Подойдя к изрешеченному пулями «фольксвагену», он достал телескопический щуп. Но едва Рибо-Зомби поднес щуп к Микобластуле, как невесть откуда взявшийся Малверн что было силы ткнул его в спину копьем.

Грубое оружие не могло пробить броню Рибо-Зомби, но удар оказался настолько силен, что суперзвезда качнулся вперед и облокотился о дверцу машины. Быстрее молнии в одно из пулевых отверстий скользнуло щупальце и схватило Рибо-Зомби мертвой хваткой.

За одним щупальцем последовали сотни других, и воздух наполнился чавканьем.

Малверн, все еще голый, подцепил копьем откатившийся шлем.

– Глянь-ка, его мгновенно растворили, а то, что получилось, высосали как суп! Шлем внутри чистенький.

Натянув шлем, Малверн подтащил к себе боевой костюм Рибо-Зомби, напоминающий крабовый панцирь. К ним подошел озадаченный Царапка. Обнюхав пустые башмаки, кот принялся скулить.

– Да ладно тебе, Царапка, – буркнул Малверн. – Все мы кого-то потеряли, будь мужчиной.

Он натянул костюм, и Царапка тут же принялся тереться о его ногу.

– А теперь нужно конфисковать камеры, чтобы кое-что тут подредактировать. – Малверн потряс головой в шлеме. – Ты ведь прикроешь меня, верно, Фиарон? Просто скажи всем, что Малверн Брэкхедж погиб в джунглях. Ту часть, где нас чуть не съели, можешь опустить.

Фиарон пытался натянуть на себя остатки одежды.

– Малверн, я не могу одеться.

– А что такое?

– У меня хвост растет. И когти в ботинки упираются. – Фиарон покрытой перьями рукой почесал затылок. – Ты что, светишься, или это у меня зрение изменилось?

Малверн постучал перчаткой по шлему.

– Надеюсь, ты не хочешь сказать, что подвергся массивному заражению?

– Технически говоря, я сам – заражение, потому что в нашей объединенной ДНК часть Микобластулы явно сильнее.

– Хм... – Малверн принялся застегивать многочисленные карманы. – Я направлю тебе биомедицинскую помощь... если, конечно, в округе что-то можно найти. – Он прочистил горло. – Что до меня, чем скорее я уберусь отсюда, тем лучше.

Вскоре звук энтомоптера затих вдали. Обшарив окрестности,

что было нелегко, поскольку длина конечностей у него все время менялась, Фиарон наконец нашел то, что осталось от его любимого борова, и отнес носилки в ближайший джип.

* * *

– А потом папочка своим новым носом за много-много миль учуял цивилизацию и понял, что достиг острова Фернандо-По, где у ООН по-прежнему сохранились базы. Так что, несмотря на трагическую гибель его лучшего друга Малверна, папочка понял, что теперь все будет хорошо.

Фиарон рассказывал эту историю эмбриону в матке Таппер посредством специального интерфейса под названием «Гестафон». Сидя на мягком диване от Лоры Эшли в их новеньком просторном доме на Пенсакола-Бич, Таппер улыбалась рассказу мужа.

– Когда добрые люди на острове увидели папочкины кредитные карточки, папочку и Виббла быстро стабилизировали, и вскоре они смогли живыми и здоровыми добраться до Майами. Тут налетели газетчики, и... что ж, сынок, когда-нибудь я расскажу тебе, как папочке пришлось справляться со славой и удачей.

– А как мамочка была рада снова увидеть папочку! – воскликнула Таппер. – Поначалу ее немного смутили шерсть и когти, но, к счастью, папочка и мамочка были предусмотрительны и сохранили образцы спермы в те времена, когда папочка еще играл в свои скэбовские игры. Так что все кончилось счастливо, и мы смогли сконструировать нашего маленького мальчика.

Фиарон отсоединил терминал от обнаженного живота Таппер.

– Виббл, возьми, пожалуйста.

Боров аккуратно взял «Гестафон» из рук хозяина и вразвалочку отправился прочь. Такой странной его походка стала благодаря новым конечностям, которые представляли собой маленькие человеческие ручки.

Таппер опустила подол рубашки.

– Разве уже не идет твое любимое шоу?

– О, дорогая, ну не смотреть же каждый выпуск...

– Милый, а мне нравится, особенно теперь, когда я не боюсь, что ты опять во что-нибудь ввяжешься.

Супруги устроились на кушетке, и Таппер принялась нежно поглаживать рыбью чешую на щеке Фиарона, тогда как он рассеянно ласкал жену пушистым тигриным хвостом. Включился

жидкостный экран, являя зрителям напыщенного Рибо-Зомби.

– Будьте реалистами, ребята, просто будьте реалистами! Я бросаю вызов всем скэбам, всем и каждому. Тем, кто любит Зомби, и тем, кто его терпеть не может, тем, кто готов плюнуть ему в лицо, и тем, кто мечтает расцеловать его. Вы, жалкие хвастуны, прекрасно знаете, кто вы. А скажите мне: кто я?

Фиарон вздохнул. Куда катится этот мир? А впрочем, о чем сожалеть, ведь всегда приходит следующее поколение.

notes

1

Стихотворение Джона Китса. – Примеч. пер.

2

Озеро в Кампании, считавшееся одним из входов в Аид. – Примеч. пер.

3

Из сборника старинных английских детских стихов «Сказки Матушки Гусыни».

4

Эрик Дрекслер, Эдвард Фредкин – физики, исследователи в области нанотехнологий.

5

Лео Силард (1898—1964) – физик, известен трудами по молекулярной биологии.

6

Демон Максвелла – воображаемое существо, придуманное Максвеллом в качестве нарушителя (волевым порядком) второго закона термодинамики; это существо может «видеть» отдельные молекулы и сортировать их так, что в одной части сосуда остаются более медленные, а более быстрые пропускаются в другую часть сосуда. Это демоническое существо способно вмешиваться в естественный ход событий и давать возможность получать энергию как бы из ничего.

7

Одно из значений слова «скэб» (амер.) – человек, отказывающийся действовать по установленным правилам.

8

Отаку – поклонник японских комиксов.

9

Инди (муз. сокр. от independent) – независимая студия.